

УНГЕРН фон ШТЕРНБЕРГ
Роман Федорович
1886–1921

УНГЕРН

Алексей Шишов

ДЕМОН МОНГОЛЬСКИХ СТЕПЕЙ

РОМАН

Москва
Астрель
Транзиткнига
2005

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш 65

Оформление
В. И. Харламова

Шишов, А. В.
Ш 65 Унгерн: Демон монгольских степей: роман / Алексей Шишов. — М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. — 524, [4] с.: ил. — (Белое движение).

ISBN 5-17-026711-8 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-10177-0 (ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 5-9578-1311-7 (ООО «Транзиткнига»)

Новый роман писателя-историка Алексея Шишова посвящен одному из виднейших деятелей Белого движения, легендарному «бешеному барону» Р. Ф. Унгерну фон Штернбергу (1885—1921).

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Подписано в печать 01 02 2005. Формат 84×108$^{1}/_{32}$
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,28
Тираж 5 000 экз Заказ № 76.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ISBN 5-17-026711-8
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-10177-0
(ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 5-9578-1311-7
(ООО «Транзиткнига»)

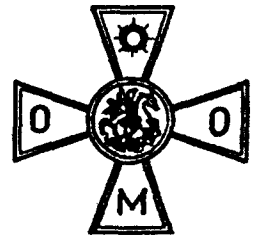
© Шишов А. В., 2005
© ООО «Издательство Астрель», 2005

Алексей Шишов

ДЕМОН МОНГОЛЬСКИХ СТЕПЕЙ

РОМАН

Глава первая

ЭПИЛОГ ВМЕСТО ПРОЛОГА

Был день 22 августа 1921 года...

Внезапно всех охватил страх. Шум борьбы разом прекратился, и стало до боли в ушах тихо. Сквозь распахнутые решетчатые двери юрты было слышно, как над холмом где-то в безоблачной синеве знойного неба заливается степная пичуга. Вдруг за войлочной стенкой юрты заржал конь, отчего вооруженные люди, все, как один, одетые в цветастые шелковые халаты, встрепенулись.

Как по мановению чьей-то руки монголы изогнулись в земном поклоне и, не глядя на лежащего перед ними связанного волосяными веревками человека, осторожно пятясь, выползли из юрты. За ее стенами они словно опомнились и бросились, скользя и падая на мокрой от утренней росы траве, вниз по склону холма. Там стояли их оседланные, ни кем не охраняемые кони.

Вскакивая на степных иноходцев, монголы в трепете оглядывались на вершину холма, где стояла одинокая белая юрта с одиноким конем. Оказавшись в седле, всадники, пригнувшись, погнали коней на восток, стремясь уйти поскорее и подальше от этого страшного для них места. И от этого ужасного для них человека,

на которого они только что подняли руку, набросившись на спящего всем скопом и связав его в считанные секунды.

Этим человеком, одним своим видом нагонявшим необъяснимый страх на обитателей монгольских степей, был не кто иной, как сам барон Унгерн. Вошедший в историю как демон монгольских степей. Прозванный соратниками по Белому Делу еще при жизни императором азиатской пустыни.

Роман Федорович Унгерн-Штернберг был еще и родовитым немецким бароном, монгольским князем («цин-ваном» – правителем), генералом белой колчаковской, вернее – семеновской армии, мужем китайской – маньчжурской принцессы, дочери «сановника династической крови», восходящей к императорской династии Цинь.

Монголы по всей степи почитали одержимого «белого» князя. Они называли его не иначе как Богом Войны, то есть Цаган-Бурханом. Величайшим грехом для них являлось пролитие крови этого человека.

Страх владел людьми, только что сотворившими злое предательство по отношению к обожествленному ими человеку, их военачальнику. Барон был сражен тем, что изменили не кто иной из его разноплеменного и разношерстного войска, как монголы из лично преданного конного дивизиона цэриков-телохранителей под командой князя Сундуй-гуна. Степные воины «без страха и упрека», которые еще вчера безропотно повиновались только одному движению его указательного пальца.

Монголы изо всех сил нахлестывали своих коней, которые в беге словно стлались по земле. Паническая спешка всадников была понятна только им одним: они боялись, что дух Бога Войны, их Цаган-Бурхана вот-вот понесется за беглецами в погоню, оглашая воинственными воплями степь и небо.

Унгерну вдруг захотелось привычным для окружающих громовым голосом матерно выругаться, чтобы «облегчить» душу. Но из его запекшихся губ шепотом вырвалось одно-единственное презрительное слово:

– Азиаты.

После перенесенного потрясения от измены телохранителей барон пришел в себя не сразу. За белоснежной стенкой юрты вновь заржал верный конь, так любимый бароном. Унгерн встрепенулся и вновь попытался освободиться от волосяных веревок, которыми монголы связали его руки и ноги. Подумал вслух:

— Постарались на совесть, мои азиаты. Связали как жертвенного барана.

Поняв всю бесплодность попыток разорвать веревки, барон повел глазами по юрте. Но почерневший от копоти казан стоял над давно погасшими угольками. Сабля с георгиевским темляком висела на одном из столбов. Она была в ножнах. И до нее лежащему на земле связанному человеку было не дотянуться:

— Не скинуть ее с гвоздя. Напрасно все это. Если скинешь, то не вынешь.

Унгерн все же, изворачиваясь ужом по ковру, подполз, вернее — подкатился к столбу. Поднимая раз за разом вверх ноги, он пытался сбросить саблю вниз. Но все было тщетно.

— Азиаты. Из-за них придется покориться судьбе. Но если вырвусь из пут, этих негодяев будут разыскивать по всей степи. Карать пойманных стану только лично. Никаких палачей!..

Барон затих, собираясь с силами и мыслями. Но слова гнева рвались наружу. Еще долго из юрты доносились яростные хриплые выкрики:

— Как посмели предать своего военного вождя!

— Страх передо мной забыли, степняки!

— Вы еще попомните барона Унгерна фон Штернберга!

— Я вам всем, изменники, покажу, каким может быть эстляндский рыцарь!

— Азиаты!

— Злодеи!..

Однако этих слов демона монгольских степей никто не слышал. Да и не мог услышать. Только белой масти конь вострил уши на каждый выкрик, доносившийся

из юрты. Прошло какое-то время, и хриплые крики стали все тише и реже. А потом совсем прекратились.

Окажись здесь человек, посвященный в случившееся, он мог бы без особых трудов понять: Унгерн «отдавал» себя на волю «его величества случая». Он верил в него, имея в жизни немало счастливых случаев, о которых всегда вспоминал. Только для себя, но не для окружавших его людей. Для них он любил оставаться человеком-легендой...

Судьба действительно не обделила «злодейски» преданного телохранителями-монголами самозваного степного правителя. Она послала к нему десяток всадников, зорко и настороженно оглядывавших по пути с высоток незнакомую, поросшую пожелтевшей травой степь. Но не соратников, белых. И даже не случайных монгольских пастухов. А врагов, красных.

Врагов непримиримых к личности барона Унгерна, известного по всему опустошенному Гражданской войной Забайкалью «белого гада». Кровавого барона из стана самого атамана Семенова, укрывшегося сейчас в Маньчжурии.

Одинокую белую юрту на вершине пологого холма конный разъезд из партизанского отряда бывшего штабс-капитана старой армии и полного кавалера четырех Георгиевских крестов за мировую войну Петра Щетинкина заметил издали, продвигаясь вперед по широкой долине. Это были кавалеристы из 35-го полка, человек двадцать. Всадники, придерживая уставших от долгого пробега коней, пристально рассматривали увиденное издали:

— Не пастушья юрта-то. Белым войлоком крыта.

— И конь не монгольский. Наш конек, российский. По виду явно казачий.

— Странно, однако. Людей не видно.

— И дымка не видно.

— Может, заприметили нас да и ушли подальше.

— Как ушли? Бросив такого коня?

— Действительно, такого не кинешь в степи на съедение волкам...

Старший партизанского разъезда без долгих раздумий приказал своим товарищам:

— Берем в кольцо юрту. Пятеро заходят слева, пятеро — справа. Остальные — за мной наметом. Смотри у меня, не зевай, если пальба начнется.

Нахлестывая коней, настороженно держа в руках скинутые с плеч короткие кавалерийские карабины с загнанными в патронники патронами, всадники в считанные минуты подлетели к подножию холма. Из юрты на топот копыт никто не показался. Только одинокий, истомившийся на привязи застоявшийся конь радостно заржал, увидев людей. Старший разъезда бросил вполголоса ближайшему партизану:

— Точно было сказано. Конь казачий, не монгольский. Смотри, как голову держит, зараза. Красавец, слов нет.

Несколько партизан, соскочив с коней и бросив на всякий случай поводья товарищам, рассыпавшись в цепь, поспешили на вершину холма. Они шли тихо, чтобы не встревожить тех, кто, возможно, сейчас сидел в юрте. Однако шуршание высохшей на горке травы барон Унгерн, привыкший за день к звукам степи по ту сторону войлочной стенки, все же услышал:

— Кто? Свои или чужие? Быть свободным или растерзанным здесь же?

Ворвавшимся с оружием в руках в юрту партизанам открылась следующая картина. На истоптанном ковре лежал высокорослый человек со связанными за спиной руками и ногами. Он был одет в видавший виды желтый монгольский халат с потемневшими от времени генеральскими погонами. На груди блестел белоэмалевый Георгиевский крест. Глаза смотрели прямо, с откровенной ненавистью.

— Кто вы? — спросил старший разъезда.

— Разве вам не известно мое лицо?

— Нет, такого беляка я еще не встречал. Так кто вы?

— Я — начальник Азиатской конной дивизии генерал-лейтенант барон Унгерн-Штернберг.

— Сам Унгерн?! Врешь, гад!

— Лично сам. Имею честь представиться...

Красным конникам в такое «чудо» сразу поверилось трудно. Поймать барона, чье бело-азиатское войско рассеялось, за которым уже много дней охотились в степях Внутренней Монголии, казалось уже невыполнимой задачей. А тут на тебе — Унгерн, безоружный и крепко связанный. О таком бесценном трофее, «тянущем» на орден Красного Знамени, можно было лишь мечтать.

Пленнику развязали только ноги. Посадив белого генерала на его же коня, кавалеристы поспешили на север, стараясь как можно скорее доставить новоявленный «трофей» по назначению. Старший разъезда больше всего опасался наткнуться в степи на какой-нибудь отряд белых или княжеских монголов. Потому и приказал, погромче выговаривая слова, чтобы было слышно и барону:

— Если встретим не наших и будет бой, генерала живым белым не отдавать. Шлепнуть на месте! И все дела.

Однако обошлось. Степь по пути к советской границе была безлюдна. Даже пастушьих стад и табунов не встречалось. Не виделось и приметных юрт. Словно всех степных монголов распугала пришедшая в их земли из России война.

Унгерна доставили в штаб Щетинкина «честь по чести». Геройский партизанский командир, командовавший в тылах Верховного правителя России адмирала Колчака тысячными отрядами сибирских мужиков, допрашивать пленного не стал. Он был нужен не в его штабе, а там, на советской территории. Щетинкин приказал сразу:

— Смените коней. Гоните сейчас же в Троицкосавск. В наш корпусной штаб пятой армии, к товарищу Нейману. Конвой удвоить, смотреть в оба, чтоб барон не утек по дороге...

— Есть сменить коней и удвоить конвой.

— За сохранность пленного отвечаете головой. Случись что — вместе со мной пойдете под ревтрибунал...

Один из батальонных командиров — Пе́рцев, кому поручался пленный, спросил тогда Щетинкина прямо и резко, без всякого чинопочитания:

— Зачем его тащить в Россию. Шлепнуть здесь, как контру. И все тут.

— Я тебе шлепну, Перцев. Ты читал приказ штаба армии по нашему барону? Или тебе его напомнить?

— Ну, напомни.

— В случае поимки генерала Унгерна беречь его для суда как самую драгоценную вещь...

Бывший штабс-капитан Петр Ефимович Щетинкин орден Красного Знамени за Монгольскую операцию (или за пленение самого Унгерна?) 21-го года получил. Наградой ему от правительства Монгольской Народной Республики стало почетнейшее звание «железного батыра».

Судьба сложилась так, что Щетинкин свою жизнь кончил именно в Монголии. Обстоятельства его гибели запутаны и по сей день. Достоверно известно одно: в 1927 году инструктор Государственной военной охраны МНР был «расстрелян» в пьяной драке в Улан-Баторе. По другой версии знаменитый сибирский красный партизан был убит по тайному приказанию начальника монгольского ОГПУ, небезызвестного в советской истории Блюмкина, одного из убийц в Москве германского посла Мирбаха...

Пленного торопились вывезти в Россию. Теперь по степи на север мчались несколько десятков всадников. Бок о бок с Унгерном скакали двое неразговорчивых, хмурых красных партизан. Один из них держал поводья коня барона, другой не выпускал из рук трехлинейки, нацеленной на «белого гада». Конвойные по пути почему-то больше всего опасались того, что при переправе через степную речушку связанный генерал бросится с коня в воду и постарается утонуть. И что они не смогут помешать ему уйти из жизни и от приговора ревтрибунала.

До границы доскакали без бед и приключений. Оставалось только переправиться через Орхон возле Усть-

Кяхты. Барка, на которой добирались к противоположному, советскому берегу, из-за мелководья не смогла причалить. Пленного развязывать не стали. Старший в конвое батальонный командир Перцев, человек крепкого сложения, решение принял сразу. Он приказал красноармейцам посадить ему на «горбушку» белого барона, которого бережно перенес с барки на берег.

При этом комбат Перцев сказал слова, которые стали достоянием истории Гражданской войны в России:

— Последний раз, барон, сидишь ты на рабочей шее!..

Ответом на сказанное стал дружный хохот щетинкинцев и угрюмое молчание Унгерна. Он уже понял, что его степная звезда закатилась на красную плаху.

Барон Роман Федорович Унгерн фон Штернберг, или просто Унгерн-Штернберг, оказавшись в красном плену, иллюзий не строил. Закрывая глаза, он вспоминал свой родовой баронский герб: лилии и звезды венчались девизом «Звезда их не знает заката».

История потом докажет, что слова девиза, вычерченные несколько веков тому назад, относились именно к нему, правителю ламаистской Монголии в погонах семеновского генерал-лейтенанта. И ни к кому другому из нескольких ветвей баронского рода Унгернов-Штернбергов.

С берегов Орхона связанного по рукам и ногам барона на крестьянской телеге привезли в близкий от Кяхты городок Троицкосавск. Конвой не убавляли, опасаясь бегства пленного или нападения в местных лесах его сподвижников. Белых в то время много укрывалось в сибирской тайге. И одиночки, и целые отряды не складывали оружия перед Советской властью. Их вылавливали еще не один год.

В Троицкосавске белого генерала сразу же доставили в штаб экспедиционного корпуса 5-й армии. Там уже знали от посланного вперед конного вестника о пленении семеновского генерала барона Унгерна. Самого ценного трофея, каким только могла овладеть Монгольская экспедиция Красной Армии в 1921 году.

Впервые его официально допросили, с ведением протокола, в Троицкосавске. Пленный держался самоуверенно и наотрез отказался отвечать на вопросы:

— Вы меня знаете и как личность, и по делам. О большем рассказывать я вам не намерен.

Барона увели в одиночную камеру местной тюрьмы. При нем конвоиры попробовали крепость решетки на окне, для чего-то простукали стены и пол. Не удовлетворившись этим, поставили часовых за железной дверью и за окном. С пленным, начиная с Троицкосавска и до последних дней его жизни, все — от следователей до конвоиров — обращались подчеркнуто вежливо. Но за этой вежливостью крылась слепая ненависть к «кровавому» барону. Он это осознавал без лишних «напоминаний».

На втором допросе в Троицкосавске Унгерн удивил следователя и присутствовавшего здесь командира экспедиционного корпуса, руководившего Монгольской операцией (вскоре снятого за неудачи) бывшего прапорщика Константина Павловича Неймана:

— Я готов теперь отвечать вам на все вопросы предельно откровенно.

Нейман спросил:

— Почему вы решили изменить свое поведение?

— Потому что мне изменило мое войско. Раз так, теперь я могу говорить откровенно.

«Дело барона Унгерна» стало действительно громким делом для Страны Советов, когда всполохи Гражданской войны вспыхивали то на забайкальских границах, то в тамбовских лесах, то в бастионах Кронштадтской крепости. А за границей, в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, в Болгарии и Маньчжурии, еще сохраняли свою военную организацию многие десятки тысяч эмигрантов-белогвардейцев, имевших с властью большевиков свои личные счеты и обиды за поруганное Отечество. В силе оставался атаман Семенов. Еще не были освобождены от остатков колчаковских войск — каппелевцев и японцев — Приморье и главный его город Владивосток.

Барона несколько раз, без присутствия следователя, лично допрашивал Нейман, будущий сталинский комкор, репрессированный в 1937 году. Его, естественно, интересовали и личность Унгерна, и его планы, вернее — планы белых в Забайкалье и Монголии, на ближайшее время:

— Скажите, барон, почему вы не покончили с собой, когда вам изменила ваша Азиатская дивизия? Пытались?

— Почему же нет? Пытался, и даже дважды.

— Что вас подвело? Рука дрогнула?

— Я не стрелялся. В момент пленения моими монголами я успел сунуть руку в карман халата, там у меня на крайний случай лежала ампула с ядом.

— И что же?

— Ее в кармане не оказалось. Очевидно, яд вытряхнул мой денщик, пришивавший к халату пуговицы.

— А второй случай?

— Когда меня бросили в юрте связанным, хотел удавиться конским поводом, но неудачно.

— Почему?

— Повод оказался слишком широк для такого дела.

Нейман, не сдержав улыбки после последней фразы, сказал:

— Сибирскому ревтрибуналу повезло. Иначе и судить было бы некого.

— Мое дело рассмотрит история, только это будет уже после моей смерти. Думается, что через долгое время. Вы до него, господин бывший прапорщик, уверяю вас, не доживете.

— Барон. Вы обещали говорить с нами откровенно?

— Да, обещал. И назвал законную причину для такого поведения человека в генеральских погонах и с титулом монгольского вана. Я вижу, что вас интересует большее, чем то, о чем только что спрашивали.

— Что вы планировали, сидя в Урге и правя там монгольскими князьями?

— Я хотел очистить от большевиков Забайкалье и вырвать его из лап Москвы.

— А что было бы дальше, если бы ваш прямо наполеоновский план удался. Пошли бы дальше военным походом по Сибири, на Москву?

— Нет, таких замыслов я не имел. И скажу более — сибирский поход для меня виделся не желательным.

— Тогда что же вы хотели сделать, барон, из захваченного вами Забайкалья? Случись такое дело?

— Новую азиатскую империю.

— Что?!

— Вы не ослышались, господин бывший прапорщик.

— Новую империю? Где? Из чего?

— В степях и пустынях Монголии и ее азиатских окрестностей. С Забайкальем и пастбищами бурятского народа.

— И кем бы вы хотели стать в новой азиатской империи, если это не секрет?

— Только ее самодержцем. И больше никем. В этом был смысл моей жизненной борьбы до последних дней...

Пленного семеновского генерала увозили все дальше от Забайкалья — в Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ), затем на ту сторону Байкальского моря в Иркутск и, наконец, в Новониколаевск (ныне Новосибирск). При каждой перевозке Унгерна в отдельном пульмановском вагоне охранял надежный конвой. Его лишали на забайкальской земле любого общения с лицами, кроме тюремного охранения. Каждый раз вперед, на запад, заблаговременно летели шифрованные телеграммы:

«Завтра будет отправлен пленный Унгерн. Обеспечьте невозможность побега и нападения на конвой. Соблюдать любые меры революционной строгости».

Барона допрашивали по много раз во всех местах, где только ему приходилось останавливаться в ранге военнопленного: в Троицкосавске и Верхнеудинске, Иркутске и Новониколаевске. Даже в вагоне поезда. Сперва его раздражало то, что новые следователи задавали ему те вопросы, на которые он уже отвечал ранее. Но вскоре Унгерн привык к этому и отвечать стал с из-

вестной терпеливостью и, как отмечали допрашивающие в составляемых протоколах, «спокойно».

Следователи довольно быстро очертили круг вопросов, на которые белый генерал отвечал с видимым удовольствием и более чем достаточно для составления протокола. О том, как создавалась Азиатская конная дивизия, как к нему в степях переходили «красномонгольские» отряды, как храбро сражались среди его азиатов зачисленные в дивизию пленные красноармейцы, выбравшие служение Белому Делу.

Но был «вычленен» и другой круг вопросов, на который сподвижник атамана Семенова отвечал неохотно или совсем старался не отвечать:

— Расскажите, Роман Федорович, о проводимых вами репрессиях? Где? Когда? Сколько репрессировано. Ваше личное участие в них?

— Да, были жестокости. Но деталей не помню.

— Вы лично отдавали приказы по Азиатской конной дивизии о пролитии крови мирных граждан и пленных красноармейцев?

— Для того чтобы мне ответить, надо видеть приказы на сей счет. Есть ли на этих приказах моя подпись? Не помню.

— Чем вы объясняете ургинский террор?

— Только одним. Мне надо было избавиться от вредных элементов в тылу Азиатской дивизии.

Всякий раз следователям приходилось терпеливо напоминать белому барону о кровавом пути его «азиатского воинства» по монгольской земле, и особенно в южном Забайкалье, на станции Даурия, в других памятных местах. Тогда Унгерн угрюмо отмалчивался. Лишь однажды, устав выслушивать вопросы о поголовном уничтожении семей членов ВКП(б), резко ответил:

— Уничтожали семьи врагов России.

— Вы лично отдавали такие приказы? Или не вы?

— Отдавал начальник дивизии. То есть лично я. Или по моему распоряжению кто-то другой...

Командование 5-й армии больше всего интересовало действительное состояние дел у противника в лице

Азиатской конной дивизии белых. Такие вопросы задавались генералу Унгерну и Нейманом, и сменившим его на посту командира экспедиционного корпуса Гайлитом, и начальником политотдела армии Берманом, и начальником армейского штаба Черемисиновым, и представителем Коминтерна «при Монголправительстве» Борисовым:

— Численность вашей дивизии?

— Не могу сказать. Свои войска знал только по числу сотен. Азиатская конная дивизия состояла из четырех полков и монгольского дивизиона.

— Каково вооружение дивизии?

— Исправных пулеметов больше двадцати. Орудий горных восемь.

— Откуда у вас столько пушек? По нашим разведданным их меньше.

— Вы забыли, что несколько орудий я захватил у вас в бою у дацана Гусиноозерского.

— Почему вы разделили Азиатскую дивизию на две бригады у озера Эгин-Гол?

— Разделение произошло само собой. Для удобства управления в походе.

— Действовали вы в Монголии самостоятельно? Или в контакте с кем-нибудь? С кем именно?

— Я действовал всегда вполне самостоятельно. Связи с атаманом Семеновым и его японцами не имел.

— Почему вы не хотели установить связь с Семеновым, вашим бывшим начальником?

— Семенов сам этого не хотел. Да и какой помощи можно было от него ожидать. Присылал только одни советы, где и как воевать. А на мои письма из Урги Семенов вообще не отвечал. Обиделся на мои победы, что ли.

— Но вы же в приказе номер пятнадцать признали его своим начальником? Не так ли?

— Признал. Но только для того, чтобы поднять боевой дух бойцов моей дивизии.

— Как вы узнавали о планах нашей пятой армии?

— Очень просто. Имел в Урге радиостанцию. Искровую. Она перехватывала информацию — телеграммы и сообщения из Читы и Харбина.

— Что побуждало вас вести борьбу с Советской Россией? И какие цели вы преследовали в этой войне?

— Я боролся за восстановление российской монархии. Именно это заставило меня продолжать борьбу даже после расстрела адмирала Колчака. Мне думается, что именно сейчас пришло время для восстановления монархии.

— В чем же кроется источник такой веры в царство Романовых?

— Источник моей веры — Священное Писание.

— С какой целью вы предприняли поход на Ургу?

— Чтобы восстановить в Монголии власть маньчжурского хана.

— Вы хотели достичь политического влияния в Монголии?

— Нет, титул вана монгольские князья мне преподнесли по своей воле. Я этого у них не добивался.

— Как к вам лично относился монгольский правитель хутухта, Богдо-гэген?

— Уважаемый мною Богдо-гэген Джебцзун-Дамба-хутухта был очень благодарен за изгнание китайцев с монгольских земель. Я был у него три раза. Могу заметить, что хутухта любит выпить. У него еще есть запасы старого шампанского.

— Вы знали, что полковник Сипайло зверствовал в Урге?

— Да, мне было известно и о расстрелах, и о конфискациях, и о пьянстве.

— А о насилиях Сипайло над женщинами знали?

— Это просто вздорные слухи. И не больше.

— Ваша одежда, как нам видится, должна была привлекать монголов?

— Пустое. В желтом халате я виден был своим бойцам издалека. И днем, и ночью.

— Что вас побуждало на столь жестокое обращение с подчиненными?

— Я бывал жесток только с плохими офицерами и солдатами. Такое обращение вызывалось требованиями воинской дисциплины, принятой во всех армиях. Даже в азиатских.

— А как вы понимаете армейскую дисциплину?

— Я — сторонник палочной дисциплины, как прусский король Фридрих Великий, как всероссийский государь-император Николай Первый.

— Что толкнуло вас на поход в ДВР, в Советскую Россию?

— Я пошел в поход по той причине, что стал замечать: местное население стало тяготиться моим войском, которое надо было кормить.

— Почему тогда дивизионное интендантство с возимым запасом провианта было отправлено, скажем, не к Троицкосавску, а в Ван-Хурэ?

— В случае неудачи в Забайкалье я собирался совершить поход на запад монгольских степей.

— У вас была агентура на советской территории?

— Нет, таковой не было. Хотя добровольных помощников мой штаб имел немало.

— Почему вы приказали в Гусиноозерском дацане выпороть всех местных лам?

— Потому что они начали грабить дивизионный обоз.

— Если бы вам удалось удержаться против нас в Забайкалье, то каковы были бы ваши дальнейшие действия?

— Они выражались бы в активности на русской территории...

Будучи человеком достаточно проницательным, Унгерн довольно быстро понял истину того, почему с ним в красном плену «носятся как с писаной торбой». А дело обстояло просто. За годы Гражданской войны все наиболее известные военные вожди Белого движения или погибли, или оказались в эмиграции. Адмирал Александр Колчак, пусть даже и Верховный правитель России, в счет не шел. Его выдали чехи, командование армии, которая являлась частью сухопутных сил одной

из держав Антанты — Франции. Это был общеизвестный факт, и Красная Армия в деле пленения Колчака была ни при чем. Да и выдали его белочехи не большевикам, а иркутским эсерам.

В зачет не шел и несостоявшийся диктатор России, бывший Верховный главнокомандующий в 1917 году, ставший затем первым командующим белой Добровольческой армией генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов. Он погиб в бою под Екатеринодаром. То, что волочили по улицам этого города и подвергали всяческим надругательствам, было его трупом, вырытым из свежей могилы.

А вот барон Унгерн фон Штернберг был живым вождем белых и в Забайкалье, и в соседней Монголии. Поэтому, как решили в Москве, суд над ним должен был быть образцово-показательным, с соблюдением всех признаков законности. Значимым являлось и то, как тогда говорилось и писалось в газетах, что белый барон Унгерн был захвачен в бою, а черному барону Врангелю удалось-таки удрать за границу.

Поэтому Унгерна не пристрелили партизаны Щетинкина и не зарубили шашками в чрезвычайке. Его не прятали с утра до вечера за решеткой, а всюду выставляли напоказ. Новая власть после красного террора (который все не кончался) хотела показать свою гуманность. Унгерна хорошо кормили, ему давали читать газеты. Самое главное — демонстрация моральной силы над побежденным врагом из числа самых отъявленных, кровавых и непримиримых.

Из приносимых газет пленный вычитывал достаточно много о себе. Так, писали: *«...железная метла пролетарской революции поймала в свои твердые зубья одного из злейших классовых врагов...»*

Унгерн не раз пытался узнать от следователей о судьбе своей Азиатской конной дивизии. Но было приказано не говорить, что белое войско барона, пусть и с большими потерями, все же прорвалось через заслоны красных в монгольских степях и ушло в Маньчжурию. И сейчас унгерновские «азиаты» сражались в Приморье в рядах каппелевцев.

Литератор Владимир Заварзин, написавший впоследствии роман «Два мира», в то время редактор многотиражной газеты «Красный стрелок» 5-й армии, был свидетелем пребывания пленного генерала Унгерна в Иркутске и даже присутствовал на одном из его допросов. Заварзин писал:

«Он сидит в низком мягком кресле, закинув ногу на ногу. Курит папиросы, любезно предоставленные ему врагами. Отхлебывает чай из стакана в массивном подстаканнике...

Ведь это совсем обиженный Богом и людьми человек! Забитый, улыбающийся кроткой виноватой улыбкой. Какой он жалкий! Но это только кажется. Это смерть, держащая его уже за отвороты княжеского халата. Это она своей близостью обратила волка в ягненка...»

Вряд ли барон строил иллюзии насчет своего конца. Поэтому, когда на последнем допросе в Иркутске ему сказали, что его сегодня отправляют в Новониколаевск, он спросил следователя, вызывая на откровенный ответ:

— Там будет мой конец?

— Там будет суд над вами. С соблюдением всей законности.

— Почему именно в Новониколаевске, а не здесь, в Иркутске?

— Новониколаевск — столица советской Сибири. Там уже все готово к вашей встрече...

С судом над бароном Унгерном торопились не в Сибири, а прежде всего в Москве. 26 августа председатель Совета Народных Комиссаров В.И. Ульянов-Ленин посылает телефонограмму в Политбюро ЦК РКП (большевиков) следующего содержания:

«Предложение в Политбюро ЦК РКПБ(б) о предании суду Унгерна. Следует обратить на это дело побольше внимания, добиться проверки солидности обвинения и в случае, если доказанность полнейшая, в чем, по-видимому, нельзя сомневаться, то устроить публичный суд, провести его с максимальной скоростью и расстрелять».

Почему же Ленин «срочно» вмешался в судьбу плененного белого генерала? А ларчик открывался просто: 17 января 1920 года ВЦИК и Совнарком приняли широко опубликованное постановление об отмене смертной казни в отношении врагов советской власти. Но это был пропагандистский шаг: «красный террор» в отношении «классовых врагов» продолжался, и Ленин с высоты своего положения уже выносил белому генералу смертный приговор еще до законного суда над ним.

К суду над «кровавым» бароном готовились самым серьезным образом. Обвинительного материала о преступлениях унгерновцев и их вождя в ходе Гражданской войны в Забайкалье было «хоть пруд пруди». В Николаевске по делу генерала был специально создан Чрезвычайный трибунал. Во главе его стал Опарин, большевик с большим стажем, начальник Сибирского отдела Верховного трибунала при ВЦИКе. Он был известен как «борец» за самые суровые наказания врагам Советской власти, будь то скрывавшийся в подполье колчаковский офицер или повстанец-крестьянин, доведенный с семьей продразверсткой до голодной крайности. Членами трибунала являлись: знаменитый командир сибирских партизан Кравченко, Габишев, Кудрявцев и Гуляев.

Законность действительно соблюдалась. Унгерну дали защитника в лице бывшего присяжного поверенного Боголюбова. Этому юристу, под тяжестью улик в отношении подзащитного, порой и сказать нечего было. Да и к тому же тот не скрывал своих преступлений на войне против красных, не юлил, не лгал в оправдание.

Общественным обвинителем стал не кто иной, как сам Емельян Ярославский (Миней Губельман), главный сталинский атеист и борец с любым религиозным «мракобесием». Он стал в истории России сокрушителем сотен и сотен древних храмов и монастырей, уничтожения или осквернения бесчисленного множества памятников духовной культуры не только русского на-

рода. Фигура Емельяна Ярославского в советской истории действительно была одиозной.

В новониколаевской тюрьме тщательно охраняемый Унгерн просидел не больше недели. Его уже не допрашивали, поскольку он признался во всем. Судебное заседание (оно было открытым) началось ровно в полдень 15 сентября 1921 года в здании театра в загородном саду «Сосновка». Зрителей пускали по входным билетам, которые в руки случайных людей не попадали.

Стенограмма судебного процесса была почти полностью опубликована в новониколаевской газете «Советская Сибирь». Для того времени это был случай почти что уникальный. Обычно ограничивались только краткой информацией о приговоре.

Обвинение, которое зачитал председатель Чрезвычайного трибунала, состояло всего из трех пунктов. Но каких! Генерала семеновской армии барона Унгерна обвиняли:

1. В преступных военных действиях под покровительством Японии при создании «центральноазиатского государства»;

2. В вооруженной борьбе против Советской власти с целью реставрации династии Романовых;

3. И, наконец, в осуществлении террора и массовых зверств.

Унгерн молча выслушал предъявленное ему обвинение, держась спокойно. Только «руки все время засовывал в длинные рукава халата, точно ему было холодно и неуютно». Время от времени «подсудимый переступал ногами, обутыми в перевязанные ремнями монгольские ичиги».

После этого Унгерн садится на скамью, стоявшую на театральной сцене, и отвечает на вопросы «достаточно искренне», «тихо и кратко». При этом он «смотрит больше вниз, глаз не поднимает даже в разговоре с обвинителем»:

Опарин: Признаете себя виновным по данному обвинению?

Унгерн: Да, за исключением одного — в связи моей с Японией.

После этого председателем слово предоставляется общественному обвинителю Емельяну Ярославскому. Он начал задавать вопросы, которые, как казалось, были далеки от событий Гражданской войны и тех обвинений, которые были только что предъявлены подсудимому:

Ярославский: Прошу вас более подробно рассказать о своем происхождении и связи между баронами Унгернами-Штернбергами германскими и прибалтийскими.

Унгерн: Не знаю.

Ярославский: У вас были большие имения в Прибалтийском крае и Эстляндии?

Унгерн: Да, в Эстляндии были, но сейчас, верно, нет.

Ярославский: Сколько лет вы насчитываете своему роду?

Унгерн: Тысячу лет.

Ярославский: Чем отличился ваш род на русской службе?

Унгерн: Семьдесят два убитых на войне.

Ярославский: Судились ли вы за пьянство?

Унгерн: Нет.

Ярославский: А за что судились?

Унгерн: Избил комендантского адъютанта.

Ярославский: За что?

Унгерн: Не предоставил квартиры.

Ярославский: Вы часто избивали людей?

Унгерн: Мало, но бывало.

Ярославский: Почему же вы избили адъютанта? Неужели только за квартиру?

Унгерн: Не знаю. Дело было ночью...

После вопросов, которые сыпались как град, Емельяну Ярославскому предоставили слово для обвинительной речи. Он вновь отличился красноречием, закончив речь следующим:

— Приговор должен быть приговором над всеми дворянами, которые пытаются поднять свою руку против власти рабочих и крестьян!

Затем дали слово защитнику Боголюбову, который своим поведением на суде рисковал многим. Но у него хватило «тихой смелости» поставить под сомнение обвинение барона в том, что «он являлся проводником захватнических планов Японии». Боголюбов предложил два своих варианта приговора подсудимому:

— Было бы правильнее не лишать барона Унгерна жизни, заставить его в изолированном каземате вспоминать об ужасах, которые он творил.

— Для такого человека, как Унгерн, расстрел, мгновенная смерть, будет самым легким концом. Это будет похоже на то сострадание, какое мы оказываем больному животному, добивая его. В этом отношении барон Унгерн с радостью примет наше милосердие.

Председательствующий на судебном заседании оглядел молчаливый зал. Повернувшись к барону, Опарин привычно, уверенным голосом сказал:

— Гражданин Унгерн, вам предоставляется последнее слово.

Человек в «желтом, сильно потертом и истрепанном халате с генеральскими погонами», с Георгиевским крестом на груди, встал со скамьи, выпрямился и, обращаясь к суду, ответил кратко:

— Мне нечего сказать.

После этого Опарин объявил перерыв: Чрезвычайный трибунал удалялся на свое последнее совещание.

Как писалось в газетах, судебный процесс шел пять часов. В 17.15 подсудимому был объявлен приговор: он признавался виновным по всем пунктам. В том числе и в «преступном» сотрудничестве с Токио. Приговор, как заявил председатель Чрезвычсиб-трибунала, окончательный, обсуждению и обжалованию не подлежащий: смертная казнь через расстрел.

16 сентября новониколаевская газета «Советская Сибирь» поместила на своих страницах *«Заключение по делу бывшего начальника Азиатской конной дивизии генерал-лейтенанта Р.Ф. Унгерна фон Штернберга»*. Оно было подписано представителем Всероссий-

ской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК) по Сибири Павлунским. В *«Заключении»* говорилось:

«Следствием установлено, что Унгерн являлся проводником части панмонгольского плана, выдвигаемого Японией, как одного из средств борьбы с Советской Россией. С этой целью Унгерн вступал в сношения со всеми выдающимися монархическими кругами и правительствами Китая, Монголии, Кир. края (Киргизского или Казахского края. — А.Ш.), составлял и рассылал письма и воззвания главарям белогвардейских отрядов: Кайгородову, Анненкову, Бакичу, хунхузским шайкам, состоявшим на службе Японии, а также видному деятелю Киргизского (Казахского. — А.Ш.) национального движения — бывшему члену Государственной Думы Букейханову, эсеру Анучину...

Унгерн при содействии Семенова, китайских и монгольских монархистов организовал армию и овладел Монголией, опираясь на которую он мог бы развернуть в широком масштабе борьбу с Советской властью и революционным Южным Китаем.

При наступлении на Советскую Россию и ДВР Унгерном применялись методы поголовного вырезания населения Советской России, вплоть до детей. Применялись пытки: размалывание в мельницах, битье палками по монгольскому способу (бить до тех пор, пока мясо не отстанет от костей), сажание на лед, на раскаленную крышу, на деревья.

Постановлением Сибирского ревкома от 12 сентября с. г. Унгерн предается суду революционного трибунала Сибири по обвинению:

1. В проведении захватнических планов Японии, выразившихся (в) создании Срединного азиатского государства, свержения власти Дальне-Восточного Правительства в Забайкалье.

2. В организации свержения Советской власти в России, в частности в Сибири, с восстановлением в ней монархии, причем на престол предназначалось посадить Михаила Романова.

3. В зверских массовых убийствах и пытках: а) крестьян и рабочих, б) коммунистов и советских работников, в) евреев, которые вырезались поголовно, г) вырезании детей, д) революционных китайцев и т. д.».

Унгерн выслушал приговор внешне совершенно спокойно. Другого он не ожидал и не мог ожидать. И потому, вероятно еще в Троицкосавске, свыкся с мыслью о неотвратимом, «смертном» возмездии.

Возврата к жизни для него не было.

В сопровождении конвоя смертника отвезли из «Сосновки» обратно в городскую тюрьму. Там он провел последние часы своей жизни. Его оставили в одиночестве на самое короткое время, чтобы приготовить для приведения приговора все, вплоть до мелочей.

Тогда и дал Унгерн фон Штернберг волю обуревавшим его чувствам. Он бережно снял с груди свою фамильную гордость — белоэмалевый крест Святого великомученика и победоносца Георгия 4-й степени и поцеловал его. Плакал ли он при этом — неизвестно. Но с остервенением, ломая зубы, грыз эмаль и серебро Георгиевского креста, который никогда не снимал, чтобы крест никому после него не достался.

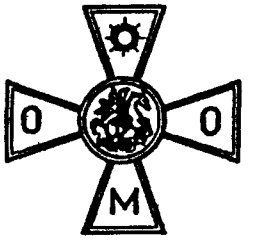
Генерал-лейтенант барон Роман Федорович Унгерн фон Штернберг был расстрелян в день суда. Его поставили к глухой тюремной стене, сложенной из красного кирпича. Взвод стрелков-красноармейцев привычно вскинул винтовки-трехлинейки, прицелился и замер в ожидании приказа:

— Пли!..

Можно утверждать, что смерть «кровавым» белым бароном была принята с достоинством. Для представителя древнего рода немецких рыцарей-крестоносцев это было фамильной честью. Кавалер офицерского Святого Георгия не мог поступить иначе. Уж что-что, а трусом на войне он никогда не был.

Слухов о смерти барона Унгерна ходило много. Когда весть пришла в Ургу, Богдо-гэген повелел служить посмертные молебны во всех монастырях и хра-

мах Монголии. Местные ламы еще долго поминали «родственника Белого царя», избавившего их страну от власти китайцев и получившего в награду от степных князей сперва титул вана — равного им монгольского правителя. А от воцарившегося с «легкой» унгерновской руки Богдо-гэгена — Джембцуна-Дамбы-хутухты — ханский титул чингисидов и еще другой, цин-вана, то есть монгольского князя высшей степени.

Глава вторая

НАСЛЕДНИК СЛАВЫ БАРОНОВ УНГЕРНОВ ФОН ШТЕРНБЕРГОВ

Роман Федорович фон Унгерн мог гордиться своей родословной в любом аристократическом салоне. Он мог документально доказать древность баронского рода. И после этого вполне уверенно дополнить собственными фамильными изысканиями.

Род баронов Унгернов-Штернбергов был внесен в дворянские матрикулы всех трех прибалтийских губерний Российской империи — Эстляндии, Лифляндии и Курляндии. Однако к началу XX века баронское семейство «ужалось» в одной эстляндской территории, растеряв почти все свои родовые земли и доходы с них.

Был со всей документальной достоверностью известен родоначальник многочисленного баронского семейства — Ганс фон Унгерн. Он жил в XIII столетии, был вассалом рижского архиепископа и слыл храбрым рыцарем. Его потомки много воевали на стороне шведской короны, стремясь выбиться в аристократию и не быть обделенными землей с крестьянами.

В 1653 году королева Швеции Христина — Кристина Августа (дочь короля Густава II Адольфа), за год до своего отречения от престола, одарила род Унгернов-

Штернбергов в лице рыцаря Ганса Унгерна фон Штернберга баронским титулом. К тому времени прибалтийскими поместьями на землях эстов, ливов и куров они уже владели, но к числу богатых землевладельцев не относились.

«Свейской» (в те времена в Московском царстве шведов называли свеями) королевской властью новому баронскому роду Унгернов-Штернбергов был дан навечно родовой герб:

«Щит четверочастный с малым серебряным щитком в середине, в коем золотая шестиконечная звезда над зеленым трехглавым холмом. В первой и четвертой частях в голубом поле три золотые лилии (2+1). Во второй и третьей частях в золотом поле серебряная роза с золотым внутри венчиком и тремя из нее зелеными листьями в опрокинутый вилообразный крест. На щите шведская баронская корона и над ней два коронованных дворянских шлема. На шлемник: правый — столб из сплетенных в косицу серебряных и золотых прутьев, между золотым и голубым орлиными крыльями; левый — шестиконечная золотая звезда между двумя павлиньими хвостами по шесть перьев каждый (2+2+2). Намет пересеченный голубым с золотом по зеленому с серебром в шахматы».

Именно таким изображен родовой баронский герб Унгернов-Штернбергов в «Собрании гербов Рыцарства Лифляндии, Эстляндии, Курляндии и Эзеля». Вне всякого сомнения, своей красотой этот герб превосходил многие подобные гербы немецкого прибалтийского баронства.

Знатность своей родословной и ее «удивительную» древность фон Унгерны-Штернберги дописали сами. Да еще как! Лучше всего на сей счет сослаться на самого белого генерала Романа Федоровича. Весной 1921 года он в беседе со своим штабным офицером Ф. Оссендовским так изложил (записанную несколько позднее его собеседником в книге «И звери, и люди, и боги») родословную:

«Семья баронов Унгернов-Штернбергов принадлежит роду, ведущему происхождение со времен Атиллы. В жилах моих предков течет кровь гуннов, германцев и венгров. Один из Унгернов сражался с Ричардом Львиное Сердце и был убит под стенами Иерусалима. Даже трагический крестовый поход детей не обошелся без нашего участия: в нем погиб Ральф Унгерн, мальчик одиннадцати лет. В XII веке, когда Орден Меченосцев появился на восточном рубеже Германии, чтобы вести борьбу против язычников — славян, эстов, латышей и литовцев, — там находился и мой прямой предок, барон Хальза Унгерн-Штернберг. Когда основали Тевтонский орден, среди его членов всегда присутствовали представители моего рода...»

Здесь Роман Федорович, вопреки исторической, документально подтвержденной правде, немного согрешил. А может быть, его подчиненный Оссендовский записал что-то неправильно. Но в данном случае генерал Унгерн приписал своему роду обладание баронским титулом на целое столетие раньше.

«...В битве при Грюнвальде пали двое из нашей семьи. Это был очень воинственный род рыцарей, склонных к мистике и аскетизму, с их жизнью связано немало легенд. Генрих Унгерн-Штернберг по прозвищу «Топор» был странствующим рыцарем, победителем турниров во Франции, Англии, Германии и Италии. Он погиб в Кадиксе, где нашел достойного противника-испанца, разрубившего ему шлем вместе с головой.

Барон Ральф Унгерн был пиратом, грозой кораблей в Балтийском море. Барон Петр Унгерн, тоже рыцарь-пират, владелец замка на острове Даго, из своего разбойничьего гнезда господствовал над всей морской торговлей в Прибалтике. В начале XVIII века среди прибалтийского дворянства был известен некий Вильгельм Унгерн, занимавшийся алхимией и прозванный за это «Братом Сатаны». Морским разбойником был и мой дед: он собирал дань с английских купцов в Индийском океане. Английские власти долго не могли его схватить, а когда наконец поймали, то выдали

Русскому правительству, которое сослало его в Забайкалье...»

Со слов генерала Унгерна баронское родовое древо казаалось весьма романтическое: тут тебе и странствующие по христианской Европе рыцари, и безгрешные крестоносцы, и морские пираты Индийского океана, которых российские государи по просьбе английской короны ссылали в забайкальские степи?!

Самым удивительным было то, что Роман Федорович убежденно верил в такие родовые, ничем не подтвержденные предания. И даже в то, что самым далеким предком Унгернов был «Бич Божий» — предводитель союза племен народа гуннов Аттила, который одним своим именем устрашал две Римские империи той эпохи — Восточную и Западную.

Когда барона спрашивали порой сослуживцы, чем он может подтвердить наиболее удивительное из сказанного, он отвечал резко и твердо:

— Во время штурма моего родового замка войсками графа Шереметова, ближнего боярина царя Петра Великого, сгорели все фамильные бумаги за несколько столетий. Сохранились лишь обгорелые обрывки.

— Значит, родовых документов у вас нет?

— Только малая их часть, хранимая в семье. Но и эти обгорелые манускрипты подтверждают все то, что вы от меня сегодня услышали, господа. Слово баронской чести.

— Но все же, барон, ваше древо роднится с фантастикой истории?

— Вполне возможно. Но в моей Эстляндии таких оскорбительных сомнений никто из соседей не высказывал...

Гордился Роман Федорович и родовым гербом. При его составлении геральдисты шведского королевства, можно сказать, постарались. Особенно удачен оказался девиз, начертанный над лилиями и шестиконечными звездами: «Звезда их не знает заката».

Насчет пиратства Унгернов сомнений можно было не высказывать, если знать то время. Фамильных поместий было больше всего в Эстляндии, в Ревельском и Гапсальском уездах. В последний входил остров Даго (ныне Хийумаа), с большим числом маленьких, удобных бухт для стоянок парусников балтийских корсаров. Во время Ганзейского торгового союза и Ливонского ордена пиратство на Балтике процветало. И владельцу крепкого замка, сложенного из дикого камня, стоящего прямо на берегу моря, было грешно не иметь корабль с командой, готовый взять на абордаж одинокое купеческое судно.

Свое генеалогическое древо генерал Унгерн мог сосчитать на пальцах. Он был семнадцатым родовым коленом от рыцаря рижского архиепископа Ганса фон Унгерна. Мог назвать немало поместий в Прибалтике, которые были получены Унгернами от шведских королей и российских императоров. Однако большими личными богатствами и высокими должностями при монарших дворах Унгерны похвастаться не могли.

А вот воевали прибалтийские бароны действительно много и доблестно. В войнах Ливонского ордена, русско-шведских и русско-турецких, антинаполеоновских и прочих европейских, с Японией в Маньчжурии и в Первой мировой. И, естественно, в Гражданской войне в России. Офицеры-добровольцы фон Унгерны были известны по белой Северо-Западной армии генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича.

Генерал Унгерн не раз говорил о последних, что дважды ходили неудачно брать красный Петроград:

— Там два моих родственника, два барона воюют. Оба штабс-капитана в мировой войне. Оба Унгерны фон Штернберги. Мне известно, что Юденич их хвалил в боях. И на белом Черноморском флоте служит один, тоже родственник.

— Знают ли, ваше превосходительство, родичи о вас, воюющем здесь?

— Трудно сказать. Уж больно далеко я забрался в азиатские степи. Но большевики о нас, должно быть, пишут много...

По всей видимости, генерал Унгерн осознавал свое сходство с прадедом, пиратствовавшим в Индийском океане. И не только внешнее, но и духовное. Тот стал в Индии буддистом, отказавшись от креста на шее. Барон больше всего любил рассказывать именно о своем прадеде. Такие «душевные откровения» он обычно заканчивал фразой:

— Я тоже морской офицер, но русско-японская война заставила меня бросить мою профессию и поступить в Забайкальское казачье войско.

Вне всякого сомнения, праправнук знал подлинную, так нашумевшую в Северной Европе уголовную историю, связанную с именем барона Отто Рейнгольда Людвига Унгерна фон Штернберга. Он учился в Лейпцигском университете и служил при дворе польского короля Станислава Понятовского. В чине камергера переехал в Петербург и занимал придворные должности у императрицы Екатерины Великой, правда, не большие, но дававшие семейный достаток.

Пиратом индийских морей он не был, но много путешествовал и однажды посетил портовый город Бомбей. Англичане недоверчиво относились к любым иностранцам, особенно «белым», которые без разрешения на то оказывались в колониальной Индии. Прибалтийский барон показался бомбейским властям подозрительным, и его арестовала местная полиция. Но уже вскоре незадачливый путешественник был освобожден на условии побыстрее покинуть Индию.

В 1781 году им было куплено у университетского товарища, графа Карла Магнуса Штенбока, имение Гегенхельм на острове Даго, особых доходов не дававшее. Однако новый обладатель Гегенхельма нашел способ заметно увеличить свое состояние, при этом не платя никаких налогов. На берегу моря близ поместья была выстроена башня, на вершине которой в штормовые ночи зажигали маячный свет и звонили в колокол.

Торговые суда, ища спасения от бури в ближайшей бухте, шли на сигналы и в штормовой темени попадали на прибрежные скалы, терпя кораблекрушения. Стихия, однако, не сразу разбивала деревянные судовые корпуса о камень. Утром груз несчастных купцов становился добычей барона Унгерна-Штернберга, а оставшихся в живых моряков по его приказу безжалостно убивали.

Владелец Гегенхельма много лет пополнял таким образом свой сундук, пока его не разоблачил гувернер сына — деда генерала Унгерна. Он случайно оказался свидетелем кораблекрушения голландского торгового судна и убийства его капитана. Случилось это в 1802 году. Уголовное дело оказалось из разряда нашумевших не только в Ревеле и российской столице, но и в странах, чьи торговые суда бороздили восточную часть Балтики.

С эстляндским бароном российская Фемида поступила весьма сурово. Он был судим, но отделался за все свои кровавые преступления ссылкой в один из крупнейших тогда в Сибири городов — Тобольск. В Забайкалье «хозяин Даго» не попал.

Вероятнее всего, эту криминально-легендарную историю маленький Роман Унгерн впервые услышал от своего отца или деда. Однако в действительности ничего романтического в судьбе эстляндского барона Отто-Рейнгольда Людвига Унгерна фон Штернберга не было. Всю «романтику» судьбы владельца имения Гегенхельм его родственники черпали из судебных репортажей вездесущих газетчиков, которым надо было и написать «что-то потрясающее» воображение читателей-обывателей, и не обидеть баронский род.

В действительности «содержание» уголовного дела «хозяина Даго» выглядело намного проще и уж совсем не романтично. Ложного маяка на берегу у Гегенхельма никогда не было. Корабли не грабили и никого не убивали, просто люди барона вылавливали грузы с потерпевших крушение торговых судов и присваивали их себе. Такой «морской промысел» давал известный доход, порой немалый.

А ссылка в Сибирь случилась по причине серьезной ссоры Унгерна с бывшим владельцем имения, ставшим

эстляндским генерал-губернатором. Барон публично оскорбил своего бывшего университетского товарища. За что камергер двух дворов — польского и российского — и поплатился. Защитить его в столичном городе на берегах Невы никому из знакомых и родичей так и не удалось. При дворе таким ходатаям было заявлено достаточно строго:

— Генерал-губернатор есть лицо государственное. Публичное оскорбление его, да еще к тому же и дворянином, есть преступление уголовное. Безусловно наказуемое, господа...

Знал или не знал истинную правду о судьбе прапрадеда его праправнук, о том история умалчивает. Можно только предполагать, что должен был знать. Ведь Романом Унгерном-Штернбергом семейные архивы в юности читались с несомненным интересом. Ведь известный довоенный писатель Мора Йокаи написал о его прапрадеде целый роман под интригующим названием «Башня на Даго». Да и отец постоянно наставлял сына:

— Роман, ты должен гордиться древностью нашего баронского рода. Всегда помни в жизни девиз, начертанный на родовом гербе Унгернов-Штернбергов...

Не оставалась в стороне от «исторического» воспитания сына и мать — Софи Шарлотта, урожденная фон Вимпфен, доставившая мужу — бедному прибалтийскому барону (он имел четырех старших братьев и на сколь-нибудь солидное наследство рассчитывать не мог) — богатое приданое:

— Сынок, не забывай и о рыцарском роде Вимпфенов из города Штутгарта. Твои корни в Германии, где быть военным на службе у монарха — дело дворянской чести. Но не бери в жизни пример с твоего отца и моего мужа.

При этом мать обязательно добавляла:

— Унгерны и Вимпфены всегда были добропорядочными лютеранами. Будь и ты примерным христианином...

Отец Романа не был ни моряком, ни офицером какой-нибудь императорской армии. Он являлся просто

профессором Лейпцигского университета, занимался еще почвоведением и немножко химией. На пирата балтийских вод он походил мало. И это, по всей вероятности, сильно уязвляло его единственного сына, начитавшегося семейных хроник.

К личности нашумевшего уголовным процессом в городе Ревеле владельца Гегенхельма историки и исследователи обращались не раз. После Первой мировой войны венгерский писатель Чекеи самым детальным образом изучил материалы судебного процесса и составил литературный портрет потомка эстляндских рыцарей:

«Барон был человеком прекрасного воспитания, необыкновенно начитанным и образованным и вращался в высших сферах. Он был бесстрашным моряком, знающим и трудолюбивым землевладельцем, хорошим отцом. Он был строг как к себе, так и к окружающим, однако справедлив, славился щедростью и проявлял заботу о своих людях. Кроме того, он построил церковь. При всем том он страдал ностальгией по прежней жизни и отличался нелюдимостью. Местная знать не могла по достоинству оценить незаурядную личность барона».

Если верить Чекеи, хозяин имения Гегенхельм никак не мог походить на образ того государственного преступника, который рисовался в газетных репортажах в начале правления императора Александра I. По крайней мере, в суде было доказано, что «обманного» маяка в природе не существовало, а «его строитель» никого не убивал.

Самым последним из династии эстляндских баронов Унгернов-Штернбергов, вне всякого сомнения, являлся тот, который, как владелец частной компании, строил в конце 60-х годов XIX века железные дороги в Новороссии. Это были пути от Одессы до Кишинева через Раздельную, Раздельная — Балта — Елисаветград и дальше на Кременчуг. Граф С. Ю. Витте, министр финансов и председатель кабинета министров России, писал в своих «Воспоминаниях»:

«Строителем дороги был Унгерн-Штернберг, который был в очень близких отношениях с императором Александром II. Дорога строилась на концессионных основаниях частным концессионером. Постройка была дана барону Унгерну-Штернбергу на определенных условиях. Те участки, которые были построены... были переданы в казну.

Барон Унгерн-Штернберг только строил дорогу, то есть, иначе говоря, казна сдала ему как частной компании постройку железной дороги, но когда известный участок железной дороги отстраивался, он передавался в казну».

Строитель новороссийских дорог на юге современной Украины свое имя в хозяйственную летопись Российской империи вписал «несколькими железнодорожными ветками». Но поскольку этот представитель прибалтийской немецкой аристократии не имел никакого отношения к военной профессии, то будущий белый генерал и монгольский цин-ван о нем рассказывал крайне редко, считая, что тот род свой ничем особо не прославил.

...Роман Федорович Унгерн фон Штернберг родился 29 декабря 1885 года в австрийском городе Граце, стоящем на берегах Дуная. Другой датой его рождения считается 22 января 1886 года, другим местом рождения — город Ревель (ныне Таллинн). Путаницу, как ни странно, внес сам продолжатель баронского рода.

Первоначально имя новорожденному дали такое — Роберт Николай Максимилиан. Давать тройное имя сыну-наследнику было традицией в немецких дворянских семьях. Отец (умерший в Петрограде в 1918 году) тоже имел тройное имя — Теодор Леонард Рудольф. В России тройные имена приняты не были, и потому маленький барон по приезде в город Ревель (ныне эстонская столица Таллинн) стал именоваться Романом Федоровичем. Романом — от Романовых, Федоровичем — от святого Федора, покровителя царствующей династии. Это было давней традицией, например, для выходцев из германских земель, приходивших на русскую службу.

Когда Унгерну-младшему было пять лет, его родители развелись. Через два года, в 1893-м, мать снова вышла замуж за другого барона — Оскара Хойнинген-Хьюн Йерваканта, вскоре родив ему сына и дочь. Барон Унгерн считал ревельский дом отчима родным и не раз останавливался в нем даже после смерти матери в 1907 году. Отношения между сводными братьями и сестрой оставались всегда самыми теплыми.

Трудно судить о талантах будущего монгольского вана и семеновского генерал-лейтенанта на поприще образовательном. Достоверно известно одно: всегда и везде он учился из рук вон плохо. Он начал заниматься в Ревельской Николаевской гимназии, самом престижном среднем учебном заведении города. Но вскоре его исключили оттуда за хроническую неуспеваемость и личную недисциплинированность. Что повлияло на исключение — сегодня сказать трудно.

Шума по поводу отчисления из гимназии Романа Унгерна было много. Один из его родственников — кузен барон Арвид Унгерн-Штернберг объяснил случившееся так:

— Роберт — одаренный мальчик. Но ему пришлось оставить гимназию из-за плохого прилежания и многочисленных школьных проступков...

В доме отчима стали решать, куда пристроить изгнанного из престижной гимназии 11-летнего барона. Выход виделся только в получении военного образования и офицерской карьере. За нерадивого сына и мужа-отчима все решила властная мать. Она напомнила Роману о родовом древе баронов Унгернов-Штернбергов:

— Роберт Николай Максимилиан. Ты помнишь, на каком поприще больше всего добыли славы твои предки по отцовской линии?

— Конечно, помню. Они были прославленными морскими пиратами и путешественниками.

— Молодец, сынок. Теперь ты готовься приумножить родовую славу и фамильную гордость.

— Бароны Унгерны и за российскую императорскую корону сражались и отличались не раз. Наше имя

блистало даже в войне с императором французов Наполеоном Бонапартом. Это действительно так, мама?

— Да, сынок. Один из Унгернов был артиллеристом-офицером и воевал под знаменами полководца Голенищева-Кутузова, князя Смоленского, при Бородино. Против императора французов Наполеона Бонапарта.

— Кем он был, этот барон? Наверное, полковником или, может быть, артиллерийским генералом, как граф Кутайсов?

— Нет, генералом он не успел стать. Слишком часто он получал ранения в сражениях...

Это было действительно так. Прапорщик барон Унгерн-Штернберг, служивший в 11-й Артиллерийской бригаде, участвовал в славном Бородинском сражении и в других славных делах Отечественной войны 1812 года. В списке офицеров бригады он значился как Унгерн-Штернберг дворянского звания. Больших высот в армейской службе не достиг, но его личным участием в Бородинской баталии род эстляндских баронов мог гордиться с полным на то правом.

У матери и отчима в столичном Санкт-Петербурге проживало немало влиятельных родственников из числа немецкого прибалтийского дворянства. Поэтому устроить юного барона в престижный Морской корпус большого труда им не составило. В то время в аристократическое учебное заведение (именно таким оно было с начала своего учреждения царем Петром Великим в 1701 году московской Школы математических и навигационных наук) юношей «со стороны» не принимали. Брали только детей морских офицеров, материальное благополучие которых в России всегда стояло под большим вопросом, и юных потомственных дворян.

По последнему положению и поступил в Морской корпус барон Роман Унгерн фон Штернберг. Он происходил из «дворян Великого княжества Финляндского и трех прибалтийских республик, могущих доказать не менее чем 100-летнее свое дворянство». При поступлении в кадетские корпуса это было «что-то».

Роман пошел учиться на мичмана — офицера Российского Императорского флота с откровенным желанием. Правда, по выпуску давалось звание только гардемарина, а первый офицерский чин присваивался только после практического плавания. Унгерн ретиво взялся было за учебу, но уже довольно скоро «гранит морских наук» пыл ему заметно поубавил.

Еще бы, в учебный план корпуса входили такие предметы, как навигация, электротехника, кораблестроение, морская съемка, физическая география, пароходная механика, минное дело, девиация компасов, морская артиллерия, теория корабля, фортификация, астрономия, морская тактика, морская администрация, история военно-морского искусства, законоведение, гигиена, русский, английский и французский языки, аналитическая геометрия, теоретическая механика, дифференциальное и интегральное исчисление и Закон Божий.

В Морском корпусе кадет Роман Унгерн фон Штернберг учился, мягко говоря, слабовато и с училищной дисциплиной часто бывал не в ладах. Матери-баронессе пришлось частенько наезжать в столицу из Ревеля, чтобы улаживать прегрешения любимого сына. Такое ей вполне удавалось опять-таки благодаря родственным связям. При этом она каждый раз напоминала сыну:

— Учись старательно. Учителя должны тебя отличать. Ты должен получить эполеты морского офицера. Ты же мой сын...

— Ты барон, но не помещик. И помни, что в наследство имения я тебе оставить не могу...

— В будущей жизни надейся прежде всего на себя...

Последним чистосердечным материнским напутствием зачисленного в Морской корпус недоучившегося ревельского гимназиста было такое:

— Я верю в то, что твоя фамилия когда-нибудь украсит Георгиевскую доску училища.

Речь шла о следующем. В каждом военном училище и кадетском корпусе имелась доска почета — Георгиевская доска. На ее мраморе золотыми буквами выбива-

лись имена тех выпускников, которые в войнах становились кавалерами императорского Военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия. Это была заслуженная гордость любого военно-учебного заведения Российской империи.

Можно только гадать: закончил бы или не закончил Морской корпус Унгерн. Скорее всего — нет. Учебное заведение, имевшее давние традиции, отличалось высоким уровнем преподавания самых различных наук. Поблажек в корпусе не давали даже маленьким великим князьям из императорского семейства Романовых. Отчисления за неуспеваемость большой редкостью никогда не были.

В екатерининские времена таким неучам открывался, как известно, один путь — в нижние чины армии. Но через сколько-то лет они, выучившись между караулами, разводами и экзерциями грамоте, получали право сдачи экзамена на первый офицерский чин. Показателен такой исторический факт: в Суздальском пехотном полку у полковника Александра Суворова числилась целая рота дворянских безграмотных недорослей. Для них он построил в Старой Ладоге школу, в которой сам и преподавал. Благодаря этому многие суздальские пехотинцы-дворяне проложили себе путь в офицерский корпус Российской Императорской армии.

Только можно удивляться, как недисциплинированный школяр фон Унгерн смог продержаться в стенах корпуса аж до 1904 года. Но он продержался, переходя из класса в класс с весьма посредственными оценками почти по всем предметам. Некоторые преподаватели, как говорится, давно махнули рукой на такого ученика.

Корпусное начальство оказалось крайне озабоченным «хроническим» неисполнением кадетом Унгерном правил внутреннего распорядка Морского корпуса. В отзыве на учащегося среди прочего говорилось:

«Поведение (его)... достигло предельного балла и продолжает ухудшаться...»

Объявление войны Стране восходящего солнца изменило жизнь всего военного сословия Российской империи. Да не только жизнь, но и саму судьбу. 27 января 1904 года был обнародован высочайший манифест всероссийского императора Николая II Александровича Романова.

Императорский манифест читался во всех полках и артиллерийских бригадах, на кораблях и в крепостных гарнизонах, военных училищах и кадетских корпусах, в отдельных казачьих сотнях и полусотнях, в сотнях конной и пешей пограничной стражи. Манифест гласил следующее:

«...В заботах о сохранении дорогого сердцу нашему мира нами были приложены все усилия для упрочения спокойствия на Дальнем Востоке. В сих миролюбивых целях Мы изъявляли согласие на предложенный японским правительством пересмотр существовавших между обеими империями соглашений по корейским делам. Возбужденные по сему предмету переговоры не были, однако, приведены к окончанию, и Япония, не выждав даже получения последних ответных предложений правительства Нашего, известила о прекращении переговоров и разрыве дипломатических отношений с Россией.

Не предуведомив об этом, что перерыв таковых сношений знаменует собой открытие военных действий, японское правительство отдало приказ своим миноносцам внезапно атаковать Нашу эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура.

По получении о сем донесения Наместника Нашего на Дальнем Востоке, Мы тотчас же повелели вооруженной силой ответить на вызов Японии.

Объявляя о таковом решении Нашем, Мы, с непоколебимой верой в помощь Всевышнего и в твердом уповании на единодушную готовность всех верных Наших подданных встать вместе с нами на защиту Отечества, призываем благословение Божие на доблестные наши войска армии и флота...»

Барон Роман Унгерн-Штернберг стоял в застывшем строю учащихся Морского корпуса. Наверное, в душе

каждого кадета трепетали в те минуты только такие слова:

— Война!.. Настоящая война... Война с Японией... А как же я...

После прочтения высочайшего манифеста Российская Императорская армия и Российский Императорский флот, в том числе и кадеты Морского корпуса, в сотни тысяч голосов одобряюще трижды громогласно:

— Ура! Ура! Ура-а-а!..

Роман Унгерн и его товарищи-кадеты могли только догадываться, что такой же высочайший манифест императора Страны восходящего солнца — божественного микадо будут приветствовать в сотни тысяч голосов военнослужащие японской армии и флота: «Банзай! Банзай! Банзай-ай-ай!» Правда, манифест микадо был обнародован только на следующий день после николаевского, то есть 28 января.

Японский император, как и всероссийский, тоже взывал к верности и патриотизму своих верноподданных. Только высказывался он в духе народов Востока, более пространно и изящно. Но суть манифеста была одна: война на Дальнем Востоке началась и мы в ней правы. В манифесте микадо говорилось следующее:

«Мы объявляем войну России и приказываем нашим армии и флоту всеми вооруженными силами начать враждебные действия против этого государства, а также Мы приказываем всем поставленным от нас властям употребить все силы при исполнении своих обязанностей во всем, согласно с полномочиями, для достижения народных стремлений при помощи всех средств, дозволенных международным правом.

В международных стремлениях мы всегда стремились поощрять мирное преуспевание нашей Империи в цивилизации, укреплять дружественную связь с другими державами и поддерживать такой порядок вещей, который обеспечивал бы на Дальнем Востоке прочный мир и нашим владениям безопасность, не нарушая при этом права и интересы других государств.

Поставленные от нас власти исполняли до сих пор свои обязанности, сообразуясь с нашим желанием, так что наши отношения с державами становились все более сердечными.

Таким образом, вопреки нашим желаниям, нам, к несчастью, приходится начать враждебные действия против России.

Неприкосновенность Кореи служила всегда для нас предметом особой заботы, не только благодаря традиционным сношениям нашим с этой страной, но и потому, что самостоятельное существование Кореи служит для безопасности нашего государства. Тем не менее Россия, невзирая на торжественное обещание в договорах с Китаем и на неоднократные уверения, данные другим державам, продолжает занимать Маньчжурию, утвердилась и укрепилась в этих провинциях, стремясь к их окончательному присоединению. Ввиду того, что присоединение к России Маньчжурии сделало бы для нас невозможным поддерживать неприкосновенность Кореи и отняло бы всякую надежду на поддержание в будущем мира на Дальнем Востоке, мы решили ввиду этих обстоятельств начать переговоры по этим вопросам, чтобы таким путем обеспечить прочный мир. Имея в виду такую цель, поставленные от нас власти вошли по нашему приказанию в переговоры с Россией, и в течение шести месяцев происходили частые совещания по затронутым вопросам.

Россия, однако, ни разу не пошла навстречу нашим предложениям в духе примирения и умышленными проволочками старалась затянуть улаживание этого вопроса. Заявляя о своем желании поддерживать мир, она, с другой стороны, усердно готовилась к войне на море и суше, стараясь таким образом выполнить свои эгоистические планы.

Мы никоим образом не можем поверить тому, что Россия с самого начала переговоров была воодушевлена серьезным и искренним желанием мира. Она отклонила предложения нашего правительства. Независи-

...ность Кореи в опасности. Это угрожает жизненным интересам нашей Империи.

Нам не удалось обеспечить мир путем переговоров. Теперь нам остается обратиться к оружию.

Наше искреннее желание, чтобы преданностью и храбростью наших верных подданных был бы скоро восстановлен вечный мир и сохранена слава нашей Империи...»

Кадету Унгерну и его однокашникам тогда не было еще известно, как на Японских островах отреагировали на манифест микадо. Но из первополосных репортажей столичных газет, которые в те дни с жадностью читались по всему Санкт-Петербургу, им было известно о торжественных официальных церемониях при дворе Романовых.

27 января, в 4 часа дня, в Зимнем дворце состоялся «Высочайший выход к молебствию» по случаю объявления войны с Японией. Государь-император Николай II был встречен собравшимися, среди которых было много военных людей, с «неописуемым восторгом». В стенах исторического дворца Российской империи гремело действительно единодушное «ура!».

Не знали морские кадеты, и как отреагировал министр иностранных дел России граф Ламздорф, разбуженный ночью с 26 на 27 января. Стоя в халате, глава российского внешнеполитического ведомства, прочитав телеграмму царского наместника на Дальнем Востоке адмирала Алексеева о нападении японских миноносцев на русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура, в сердцах бросил одну-единственную фразу, ставшую для истории крылатой:

— Доигрались-таки!..

Начало войны с Японией 17-летний кадет Роман Унгерн-Штернберг, почти выпускник, встретил как великое избавление от постылой учебы. Война под Порт-Артурской крепостью и на полях Маньчжурии — это тебе не война буров с англичанами в африканском Трансваале. Но и туда добирались русские добровольцы, чтобы сражаться на стороне независимых буров.

Русско-японская война 1904–1905 годов, бездарно проигранная царскими военачальниками и адмиралами, дала для истории пример массового добровольчества. Когда был обнародован высочайший манифест императора Николая I, в училищах и кадетских корпусах началось «брожение умов». Многие сотни, если не тысячи, будущих офицеров стали рваться на войну, которая звала с Дальнего Востока фронтовыми репортажами на газетных страницах и официальными сводками.

Первый месяц войны бурлил и Морской корпус в столице. Кадетов-первогодков и тех, кто готовился уже выпускаться, больше всего возмущала порт-артурская броненосная эскадра, которая до приезда ее нового командира начальника Кронштадской крепости вице-адмирала Степана Осиповича Макарова бездействовала:

— Адмирала Ушакова надо дать порт-артурцам. Он их отправит в море для встречи японских броненосцев...

— А где его сейчас найти? Стоящих адмиралов, окромя кронштадтского Макарова, и не видно...

— Его уже послали в Порт-Артур. Он там на эскадре дело сразу выправит...

— А что толку, если дела пойдут на море. А на суше что творится. Наши ушли с реки Ялу. Почему в Корее с японцами драться не стали?..

— Где это видано, чтобы русская пехота в поле пасовала перед японской? Это же не наполеоновцы!..

— Пасует осторожный Куропаткин, а не сибирские стрелки...

— Но кому-то же надо поднимать этих стрелков в штыковые атаки? Только добровольцам. Они матушку-Россию во всех войнах прославляли...

Спустя некоторое время «неформальные» мини-митинги кадет Морского корпуса стали носить уже совсем иной характер. Возмущения плачевным началом войны с Японией росли. Говорили кадеты теперь о совсем ином, сокровенном:

— Братцы! А вы слышали, что в Павловском и Владимирском училищах юнкеров выпускных курсов стали отпускать на войну? И в Михайловском и Константиновском артиллерийских.

— Отпускать?! Кем? Досрочно в подпоручики?

— Да нет же. Они уходят добровольцами в сибирскую пехоту. Вольноопределяющимися. Почти рядовыми чинами.

— А нас возьмут в вольноопределяющиеся? Ведь в Маньчжурской армии морских солдат пока нет.

— Возьмут. Если сильно попросим. Понастойчивее только быть надо...

Среди тех, кто подал рапорта по команде с просьбой разрешить отправиться на Русско-японскую войну в качестве вольноопределяющихся, был и кадет Роман Унгерн-Штернберг. Он так и написал в своем рапорте на имя начальника Морского корпуса:

«Господин начальник!

Считаю для себя за фамильную честь отправиться добровольцем в Маньчжурию на войну с Японией. Готов сражаться в рядах Императорской Армии на правах вольноопределяющегося. Вам не будет стыдно за меня.

Кадет барон Унгерн фон Штернберг».

В кабинете начальника Морского корпуса этот рапорт кадета выпускных курсов долго не обсуждался. Курсовой начальник так охарактеризовал Унгерна перед корпусным начальством:

— Успеваемость ниже среднего. Морскими науками тяготится. Штурманское дело едва тянет. С товарищами по курсу сходится трудно. И к тому один из самых недисциплинированных. Распускает руки. Просто беда с ним воспитателям.

— Каким он может стать корабельным офицером, на ваш взгляд?

— Только плохим по получаемым знаниям. Вот только строевым офицером он может стать примерным. Например, в дисциплинарной роте Николаева или Кронштадта.

— Значит, Унгерн, если получит мичманское звание, экипаж крейсера или миноносца не украсит?

— Точно так, ваше превосходительство.

— Тогда давайте на подпись его рапорт. Пусть послужит Отечеству в пехоте. А там, дай Бог, образумится и найдет свою стезю на государственной службе.

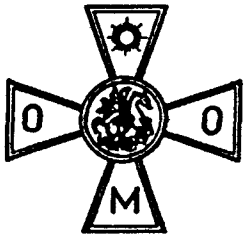
— Дай Бог. Может быть, в пехотных науках он и покажет себя, когда отличится в Маньчжурии.

Так барон Роман Унгерн фон Штернберг, теперь уже бывший кадет Морского корпуса, попал на Маньчжурскую войну. Он стал пехотным нижним чином и теперь отличался от солдат, сибирских стрелков, только погонами. Да еще правом представляться любому начальству только так:

— Вольноопределяющийся барон Унгерн. Имею честь представиться, господин (такой-то)...

Роман Унгерн отправился на свою первую войну за год до выпуска из Морского корпуса. Слез матери, узнавшей о таком решении старшего сына, было пролито много. Ей сочувствовали: ведь Роману оставалось, как говорится, сделать последний шаг для того, чтобы получить первое флотское офицерское звание — мичмана. А потом начать службу на флоте Балтийского или Черного морей, на кораблях Каспийской, Северной или Сибирской флотилий.

Однако вопреки материнской воле ее «трудный» сын теперь свою судьбу на военном поприще выбирал только самолично. Не советуясь ни с кем, даже с матерью-наставницей, в фамильных делах.

Глава третья

«ПАВЛОН» С ГЕОРГИЕМ ЗА ЯПОНСКУЮ ВОЙНУ

В том, что многие тысячи и тысячи людей военных — офицеров и солдат, казаков Донского, Кубанского, Терского, Уральского и других казачьих войск, юнкеров и кадетов, студентов и гимназистов, врачей и медицинских сестер ехали в 1904 году на Японскую войну волонтерами, ничего удивительного не было. Чтобы так утверждать, надо просто знать российскую историю. Добровольчество в войнах, в самом лучшем понимании этого слова, смотрело со всех ее страниц.

Унгерн получил назначение вольноопределяющимся в 91-й пехотный Двинский полк, который готовили «причислить» к Маньчжурской армии бывшего военного министра России генерала от инфантерии Куропаткина. Почему он попал именно в этот полк? Дело в том, что в Ревеле стоял штаб 23-й пехотной дивизии и в городе было три полка: 89-й Беломорский Его Императорского Высочества наследника Цесаревича, 90-й Онежский и 91-й Двинский. Четвертый полк дивизии — 92-й пехотный Печорский — квартировал в недалекой Нарве.

Роман Унгерн перед отъездом на войну пришел проститься с однокурсниками в Морской корпус. Расставание с кадетами-«мореманами» трогательным могло и не быть из-за «дурного» характера юного барона. Но он ехал добровольцем на войну, и это заставило забыть все плохое:

— Представляюсь. Вольноопределяющийся Маньчжурской армии барон Унгерн. Имею честь представиться.

— Поздравляем, барон. Дерись с япошками, как надо. Не дрейфь там. Стань, Роман, героем...

— Будешь в Порт-Артуре — напиши нам обязательно. Твоя война — не газетная...

— Получишь солдатского Георгия, Роман, не загордись перед нами, твоими товарищами...

— Не волнуйтесь, друзья. Чести Морского корпуса не уроню. Как и своей фамильной...

Повоевать на Востоке в рядах 91-го пехотного Двинского полка Роману Унгерну не пришлось. В Маньчжурии штабные начальники, озабоченные потерями в людях, «влили» вольноопределяющегося в один из сибирских стрелковых полков, бывший на японской войне с самого ее начала.

До театра военных действий Унгерн добирался очень долго. Вся Транссибирская железнодорожная магистраль была забита воинскими эшелонами. На восток катили пехотные батальоны и целые дивизии, казачьи полки, артиллерийские батареи, пулеметные команды. Продвигались составы с боеприпасами и провиантом, обмундированием, валенками и сапогами. Везли даже миноносцы малого тоннажа с Балтики.

На запад же шли из Маньчжурии санитарные поезда, расписанные огромными красными крестами, развозившие по сибирским городам и далее «в Россею-матушку» тысячи раненых бойцов. Те на людях держались бодро и чувствовали себя героями. После выздоровления их так и называли — увечные воины русской армии.

Унгерн ехал в Маньчжурию в компании таких же, как и он, добровольцев-вольноопределяющихся. Почти все они имели предписания в пехоту и только несколь-

ко человек — в дивизионные артиллерийские бригады. Служить в пушечные и мортирные батареи попадали те, кто изучал инженерное, техническое дело в университетах и гражданских училищах, вплоть до железнодорожных. В набитом купе пульмановского вагона (такая роскошь была Унгерну по карману) разговоры про войну шли все долгие дни следования поезда от Санкт-Петербурга до Иркутска:

— Читали в «Сибирских ведомостях», что наши от реки Шахэ отступили. Опять Куропаткин воли не проявил.

— Зато армия проявила. А рейд генерала Мищенко с казачьей конницей на Сандепу. Как прошлись казачки забайкальские и уральские по японским тылам! Что вы на это скажете, барон?

— С казаками я не знаком. У меня предки военными моряками были. Но уверен, что будь Мищенко порасторопнее, то он мог бы набег на Инкоу продолжить до Ляодуна.

— Ух ты, ничего себе сказал. Под самый Порт-Артур!

— А почему бы и нет. Казаки военными интеллигентами никогда не были. Они и пропитание себе на вражеской территории добудут, и фураж для коней. Только дай им волю.

— Каким же способом они себя обеспечат? Грабежом китайцев и маньчжур?

— Это грабежом не называется. А экспроприацией в ходе военных действий.

— Но так можно и с военно-полевым судом познакомиться. Не правда ли, господа?

— Не познакомятся. Война кормится войной, а не в китайском трактире за серебро из полковой казны. Казаки всегда воевали на подножном корму.

— Уж не мечтает ли барон Унгерн обратиться в казачье сословие?

— А почему бы и нет? У меня прапрадед был сослан в Забайкалье. И жизнь закончил среди местного казачества. Он, как и байкальские буряты, буддистом был.

— Эстляндский барон, морской офицер — и буддист?

— Точно так. Христианство он оставил в Индии. Там и буддистом стал. За что его англичане арестовали и под конвоем этапировали в Санкт-Петербург.

— Давно это было?

— Еще до Екатерины Великой...

Когда состав прибыл в Иркутск, пришлось выгружаться. Окружного железнодорожного пути вокруг южной оконечности Байкальского моря тогда еще не было. В зимнюю стужу наращивали лед на озере и прокладывали рельсы на шпалах. Когда вода была чистой, вагоны перебрасывали через Байкал от берега до берега на паромных пароходах. В войну они курсировали круглосуточно. Даже в штормовую погоду, которая особенно часто случалась у гористых западных байкальских берегов, принося немало бед судоводителям. Они только пошучивали между собой:

— Суровое море, суровый Байкал...

Вольноопределяющиеся оказались на другом байкальском берегу без штормовых приключений. В Верхнеудинске, ставшем в советское время Улан-Удэ, Унгерн впервые увидел забайкальских казаков. Если не считать, разумеется, виденную им на парадах забайкальскую полусотню четвертой сотни лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка, квартировавшего не в столице, а в близком Павловске вместе с лейб-гвардии Мортирным артиллерийским дивизионом.

Порядок на верхнеудинском железнодорожном вокзале поддерживала казачья конвойная команда местного градоначальника. Унгерна и его спутников поразил сам вид казаков, которые с их восточными чертами лица совсем не походили на донцов или, скажем, кубанцев. Сидели они на низкорослых, с виду неказистых степных лошадках, явно проигрывавших в сравнении с донскими конями, длинноногими, с крепкой шеей. Да и посадка верхнеудинских казаков была какая-то необычная, чуть ли не бочком. Но непринужденная и для них привычная. Казалось, что и пикой сбить такого всадника почти невозможно.

Казаки с прищуром глаз поглядывали на все, что творилось на площади. Унгерн сделал умозаключение: в их форме есть что-то, чем всадники особенно гордились перед толпой. Этим что-то оказалось то, что отличало их от рядовых сибирских стрелков, артиллеристов и тыловых нестроевых чинов — лампасы. Широкие, желтого цвета. Скорее даже оранжевого, выгоревшего за лето.

Унгерн залюбовался всадниками, редкой цепью охватившими привокзальную площадь. Казаки наблюдали за порядком, порой гуляя плетками по спинам расходившихся пассажиров. Разумеется, если те были нижними чинами или людьми гражданскими.

При наведении порядка в людской толпе, где преобладали серые шинели, забайкальские казаки, особенно урядники, покрикивали грозно и немногословно:

— Порядок! Должен быть порядок!..

Порой они, одаривая плеткой какого-нибудь подвыпившего солдата, ругали его на своем языке, произнося матерные слова по-русски. При этом монгольского типа лица почти ничего не выражали, кроме служебного рвения.

Протолкавшись поближе к оцеплению, Унгерн спросил оказавшегося рядом артиллерийского фельдфебеля в черной мохнатой маньчжурской папахе и с нашивками сверхсрочнослужащего на рукаве выгоревшей от солнца гимнастерки:

— Чьи казаки?

— Местные. Конвойная команда городского головы. Верхнеудинские буряты.

— Красиво смотрятся даже в городе. Уже не говоря о степи.

— Еще бы. Прирожденные пастухи. Здесь в Забайкалье стад не счесть. Тысячные табуны коней ходят.

— А как они показали себя на войне? Ведь вы, фельдфебель, прибыли в Верхнеудинск из Маньчжурии?

— Из нее треклятой. За пополнением прибыл для дивизиона мортир. А воюют забайкальцы-казаки на

славу. Лучшая кавалерия у командующего нашего, генерала Куропаткина.

— Любопытно.

— Что любопытно? Вот будете по гаоляну маршировать или ползать на флангах, на казачков и насмотритесь. Только не все бывает ладно там у верхнеудинских бурятских казаков.

— Почему?

— Видишь забайкальские лампасы? Желтые. А лица? Людей здешней Азии.

— Ну и что из этого?

— А вот что. Японские кавалеристы тоже желтые лампасы на штанах носят. И лица схожи. Были случаи, когда казаков-бурят наши вновь прибывшие пехотинцы за японцев принимали. Стрелять по ним начинали, а те, само собой, в ответ. Люди гибли и ранения получали, пока не разбирались, что свои.

— А вам самим приходилось бывать в таких переделках?

— Мне нет. Но вот свидетелем такого боя раз бывал. У железнодорожной станции это было, где мой дивизион с мортирами сгружался. Вместе с нами выгружался батальон стрелков из полка, прибывшего аж из-под Москвы. Тот взвод, что за станцию вышел, видит в лощине спешенных конников. Сидят, как в засаде.

— Ну и что? Ведь дело в армейском тылу было.

— Московские стрелки испугались: лица азиатов, лампасы, видно хорошо, желтые. Как у японской кавалерии. Стрелки на землю бросились, винтовки с плеч поснимали и давай по казакам стрелять. Такой стрекот стоял, слов нет.

— Чем дело-то закончилось?

— Буряты отвечать стали. Пока разобрались — раненых десяток с двух сторон. А двух пехотинцев, еще пороху не нюхавших на войне, отнели и зарыли тут, у станции.

— Грустная история. Ничего не скажешь. Но поучительная.

— Грустная не грустная, а просто фронтовая. Сами-то откуда будете в погонах вольноопределяющегося?

— Из столицы. Заканчивал Морской корпус, да не успел до этой войны выпуститься.

— Значит, решил повоевать за Отечество с японцами?

— Значит, так. Где-то должен военный человек сражаться за Россию хоть раз в жизни.

— Жизнь у тебя, если судить по годам, еще долгая. Навоюешься до моих лет еще досыта. Успеешь всего навидаться, не только этой Маньчжурии...

Повоевать на маньчжурских полях войны вольноопределяющемуся барону Роману Унгерну-Штернбергу почти не пришлось. Долго ехал в Китай по Транссибу, долго ходили документы по окружному штабу и Морскому военному ведомству, не сразу его полк сибирских стрелков послали в бой на передовую.

Однако доброволец-кадет отличиться все-таки на большой войне успел. В самый ее последний момент, когда русские армии встали на Сыпингайской позиции. Японцы тогда атаковать так и не решились.

Дело было под Ю-хуан-тунем, в ходе проигранного Куропаткиным Мукденского сражения. Тогда пехотинцы полка, в котором вольноопределяющийся барон Унгерн временно выполнял должность взводного командира (старшего унтер-офицера ранило, и его отослали в тыловой лазарет), поддержали атакой соседей, поистративших силы в схватке за китайское селение, название которого выговаривалось с большим трудом и плохо запоминалось.

Сохранилось описание того боя за Ю-хуан-тунь очевидца событий. Правда, он смог охватить в своих воспоминаниях только часть, описать только то, чему был лично свидетель:

«...От целого Юрьевского полка осталось в строю уже несколько сот нижних чинов при 2 офицерах, но эти жалкие остатки все еще дрались и удерживали теперь за собой только самую восточную окраину Ю-хуан-туня.

...В деревне шла усиленная ружейная перестрелка.

...Высоко в воздухе, перелетая через наши головы, зашипели шимозы и шрапнели, лопаясь где-то далеко сзади нас...

Поглядев в сторону Мукдена, я увидел, что на горизонте, растянувшись версты на две, редкой цепью наступает наш полк, держась своим центром направления на Ю-хуан-тунь...

По мере приближения первой цепи за ней обозначились еще две таких же.

Оказалось, что главнокомандующий, узнав о поражении юрьевцев, приказал взять Ю-хуан-тунь обратно. Это шли на него в атаку Лифляндский, Козловский и Севский полки.

Чем ближе подходил... шедший впереди полк, тем сильнее становился огонь японцев.

Вдруг передняя шеренга наша, разомкнутая шагов на 10 дистанции, залегла в шагах 200... и дала залп по фанзам.

...После первого же залпа наша цепь встала и побежала...

Первая шеренга... залегла. За нею подвигались новые. Шрапнели и шимозы лопались кругом, вырывая то тут, то там отдельных людей.

Там, где образовывались широкие промежутки в шеренгах, слышались крики: «Подравнивайся, держи дистанцию!», и все неслось вперед.

Вот за одной из шеренг идет патронная двуколка...

Треск взрыва, клуб дыма... Лошадь и ездовой падают, двуколка, накренившись набок, с перебитым колесом, остается на месте.

В это же время со мной равняется скачущий верхом санитар. Но вдруг как-то дико взмахивает руками и валится с лошади.

Последняя, почувствовав себя без седока, круто поворачивает назад и мчится карьером.

Я думал, что санитар убит на месте. Он лежал от меня всего в шагах пяти. Я подполз к нему и заглянул в глаза. Голова повернулась ко мне, уставившись на меня удивленными глазами.

— Ты что, ранен? — спрашиваю его.

— Так точно, ваше благородие, по левому боку ударило, а куда — разобрать не могу, кажись в плечо.

Он немножко приподнялся; из плеча действительно текла кровь.

Мы поползли назад за холмик.

В это время к нам подходил другой санитар, таща на себе мешок с перевязочными средствами...

Между тем цепи наши... быстро стали стягиваться из развернутого в сомкнутый строй и ринулись к трем фанзам.

Ружейные пачки (залпы. — А.Ш.) достигли наибольшей силы, посекундно вырывая у нас десятки людей.

Но было уже поздно. Японский окоп, наскоро вырытый ими перед фанзами, был уже в нескольких шагах.

...Тут я увидел, что некоторые из наших нижних чинов отмыкают и бросают прочь штыки. В первые минуты я не смог себе объяснить этого явления, но, заметив густо сидящие друг около друга японские головы за окопом, я понял и сразу объяснил себе этот прием, вызванный, очевидно, инстинктом самосохранения. Против каждого из наших солдат, подбегавших теперь к окопу противника, было три-четыре японских головы, а следовательно, на каждого из них приходилось по столько же штыков. Единственный способ бороться со столь многочисленным противником был размах прикладом. При работе этого рода штык является лишь помехой.

Стихийно накинулись наши цепи и ворвались в японские окопы.

Все это делалось молча. Ни одного крика «ура», ни «банзай».

Глухо трещат ломающиеся кости, стучат приклады по человеческим черепам, снося с одного размаху по несколько, да шлепают падающие тела убитых. На несколько секунд все перемешалось.

Окоп и поле подле него сплошь покрыты трупами, кровью, оружием и переворачивающимися ранеными.

Японцы легли все до одного, а остатки наших бросаются в фанзы и за них.

В фанзах послышались выстрелы и та же глухая работа, а затем все затихло.

В тот момент, когда цепь наша подбежала к окопу, один японец привстал и замахнулся, чтобы бросить в нас ручную гранату, но задел ею за собственное ружье, и она, разорвавшись у него в руках, снесла ему голову, оторвала обе руки, приподняла кверху одежду и клочья ее перемешала с кровью. Теперь он лежал на левом фланге окопа.

Только что миновала наша цепь окоп... как некоторые из раненых стали приподниматься.

Вдруг выстрел из ружья, и только что бежавший впереди солдатик схватился за икру левой ноги, а затем, вернувшись несколько назад, стал ковырять кого-то штыком.

— Что ты делаешь? — кричу я ему.

— Да как же, ваше благородие, нешто это порядок — лег раненый, так и лежи, а ен, анафема, лежит, а мне в ногу стрелил — икру пробил, ну вот и получай свое!

Вдруг совершенно неожиданно откуда-то с тылу послышалась орудийная пальба и шрапнели стали бить по нашим, завладевшим уже фанзами. Это стреляла наша батарея, неосведомленная еще о положении дела.

Измученные остатки геройского полка нашего, подвергаясь теперь одновременно орудийному огню от японцев и своих, не знали что делать.

К счастью, ошибка нашей артиллерией была вскоре замечена, и огонь прекратился...»

В боях и походной жизни вольноопределяющийся Унгерн-Штернберг вел себя так, как другие добровольцы Русско-японской войны. Старался первым подняться в атаку, чтоб за тобой пошли другие. Не «кланялся» вражеским пулям и не выказывал опасений за свою жизнь, когда рядом «лопался» неприятельский снаряд, начиненный «шимозой». Барон получал ранения,

но ни одно из них не уложило его на носилки медбратов-санитаров. То есть оставался в солдатском строю. И гордился такими поступками.

Состоя в полку сибирских стрелков и числясь за полковым штатом, Роман Унгерн все чаще стал занимать, правда временно, должность то отделенного командира, то взводного. Правда, Сибирские стрелковые полки русской Маньчжурской армии только назывались сибирскими. В них служили призывники из самых разных губерний европейской части России, хотя большая часть бойцов состояла из коренных сибиряков. Отдельные полки, например двинцы, и вовсе формировались вне Сибири.

За дело у Юхуантуня вольноопределяющегося Романа Унгерна-Штернберга представили к первой боевой награде, к которой он так стремился. Полковой командир, бывший уже не раз свидетелем «отличной храбрости» добровольца из выпускников Морского корпуса, приказал занести его в список на представление к Георгиевскому кресту.

Так тогда назывался Знак отличия императорского Военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия. Собственно Георгиевским крестом — единственной орденской наградой нижних чинов в старой России — Знак отличия будет называться только с 1913 года. А в солдатской семье он назывался уважительно «Егорием». Имел крест четыре степени. Первых два креста нижних степеней изготавливались из серебра, кресты II и I степеней — из золота. I и III степени носились с бантами из ленты георгиевских цветов на колодке. Про награжденного всеми четырьмя степенями говорили, что он имеет «полный бант».

В роте, к которой был приписан вольноопределяющийся, о бароне говорили много. Фигурой он смотрелся неординарной, как в бою, так и в обстановке обыденной жизни на войне:

— Слышь, братцы. А полковое начальство нашего Унгерна, и не выговоришь такое слово, представило к Егорию.

— Есть за что. У той китайской деревни, когда нас ополовинило, ни одной пуле не поклонился. Бежал на японца и только материл его по-нашему.

— Верно. И в окоп спрыгнул в числе первых. Японцев бил прикладом так, что они перед ним разбегались.

— Еще бы не разбегаться. Он и в роте, если за начальство остается, как зверь становится. Чуть только где непорядок — сразу в морду. И глаза становятся такие холоднючие.

— Упаси Бог, чтобы его на взвод по-штатному поставили. Прибьет всех за прореху в шинелке и развалившиеся сапоги.

— А ты штопай прорехи-то. Иголка есть, нитки дам — на солдата-молодца будешь похож.

— Все равно он непорядок где-то усмотрит. И твердит при этом так: я вам не барин — я барон.

— Попался бы нам этот барон в кирсановских лесах. Посмотрели бы, у кого кулак покрепче.

— Потише ты. Тоже мне нашелся, тамбовский волк. За бунтарские слова на войне тебя могут отделать как вчерашнего кроснобородого хунхуза.

— Это какого такого хунхуза?

— А того, что вчерась поймали и по суду вздернули на яблоне. Мула хотел украсть из полкового обоза по дороге. Да еще китайской саблей размахивал на обозных.

— Так ему и надо, хунхузу этому. Не разбойничай на войне...

Так говорили о вольноопределяющемся его сослуживцы из ротных нижних чинов. Полковое же начальство, ротный и батальонный командиры хвалили Унгерна:

— Как назначишь нашего барона старшим дозора на сутки, то будет служба идти по уставу, по караульной статье.

— Вы правы, там, где начальствует Унгерн, службу можно не проверять. Все будет исправно. В дозоре не спят, глядят в оба. Примерный будет пехотный офицер, если не убежит из Морского корпуса в кавалерию.

— Почему именно в кавалерию?

— Да он, когда боя нет, все норовит с казаками пообщаться. Чем приглянулись ему забайкальские буряты, сказать трудно. Даже ездить верхом по-бурятски учится.

— Пускай учится. Пригодится в жизни, если армию не оставит. А как с солдатскими Георгиями?

— Из штаба дивизии отписали: через день-два доставят Георгиевские кресты для наших сибирских солдатушек. Полковой оркестр, батюшка должны быть готовы к торжественному вручению наград.

— Значит, вольноопределяющийся Унгерн по наградному списку в дивизии прошел?

— Прошел. Заслужил стать героем полкового праздника.

— Только бы японцы нам этот праздник не испортили. А то пойдут в атаки, шимозой прикрываясь.

— Не говори. Опять похоронки писать придется...

Вольноопределяющийся барон Унгерн, теперь Георгиевский кавалер, был свидетелем поражения куропаткинской армии под Мукденом. Ему вместе со всеми пришлось познать горечь проигранного сражения и отступления на север. Мукденская баталия запомнится всем ее участникам надолго.

24 февраля около 12 часов беспрестанно атакующим большими силами японцам, не считаясь с людскими потерями, удалось пробить брешь в русской позиции. Случилось это там, где оборонялись полки одной из трех Маньчжурских армий — 1-й. У деревни Киузань массированной атакой была прорвана оборона 4-го Сибирского корпуса. Куропаткин, имевший резервы, не поспешил «залатать дыру», а когда спохватился — было уже поздно.

Над русским войсками нависла угроза «маньчжурского Седана». И в ночь на 25 февраля они начали отход к Телину. Показательно то, что в Мукденском сражении русские солдаты никогда не отступали перед японцами без приказа своих военачальников. Японцам все же удалось отрезать от своих часть обозов и арьергардных отрядов противника.

В победных реляциях о военной добыче под Мукденом в Токио из штаба маршала Ивао Ояма среди прочих телеграфировались и такие:

«...Нами захвачены неисчислимое количество шанцевого инструмента, скота, телеграфных столбов, бревен, железных кроватей, печей и так далее».

Многим русским пехотным полкам пришлось с боем вырываться из вражеского окружения. Одним из них оказался 214-й пехотный Моршанский полк, который прорывался десять дней и ночей к городу Мукдену, отбив немало неприятельских атак.

Под стенами Мукдена капельмейстер (начальник полкового духового оркестра) пехотинцев-мокшанцев Илья Алексеевич Шатров написал слова и музыку знаменитого вальса «На сопках Маньчжурии». Слова той популярнейшей в России песни были такие:

Тихо вокруг,
Лишь ветер на сопках рыдает,
Порой из-за туч выплывает луна,
Могилы солдат озаряя.

Белеют кресты
Далеких героев прекрасных,
Прошедшего тени кружатся вокруг,
Твердят нам о жертвах напрасных.

Плачет отец,
И плачет жена молодая,
Плачет вся Русь, как один человек,
Злой рок судьбы проклиная.

Героев тела
Давно уж в могилах истлели,
А мы им последний не отдали долг
И Вечную Память не спели.

Мир вашим душам!
Вы пали за Русь, за Отчизну.
Но верьте — еще мы за вас отомстим
И справим кровавую тризну.

Шатровский вальс «На сопках Маньчжурии» стал любимой мелодией для участников Русско-японской войны. Особенно для романтиков-добровольцев, они с гордостью называли себя «маньчжурцами» и долгое время после войны не расставались со своими лохматыми папахами-маньчжурками из шкуры целого барана. Не был исключением среди них и барон Унгерн фон Штернберг, который гордился своим участием в первой в его жизни войне...

Когда отступающая по размытым дождями полям и дорогам Маньчжурии русская армия дошла до Сыпингайских позиций, было приказано занять их и укрепиться. Настроение у всех, кроме разве что смещенного главнокомандующего генерала от инфантерии Куропаткина (его должность занял недавний приамурский губернатор Линевич), было подавленным. Еще бы! С японцами дрались на равных, но отступили. И еще Порт-Артур сдался, такая крепость!

Преследователи-японцы тоже месили дорожную грязь и заметно подотстали. Их главнокомандующий маршал Ивао Ояма на этот раз не спешил посылать в атаки своих генералов. Даже дивизию императорской гвардии поставил во второй эшелон. И линию фронта с окопами и проволочными заграждениями не стал выстраивать прямо перед русскими.

В сыпингайский период войны в Маньчжурии судьба вольноопределяющегося барона Унгерна могла круто измениться: он, так и не закончив какого-либо военного училища, того же Морского корпуса, мог стать младшим офицером.

Дело обстояло следующим образом. Боевые потери, дополненные санитарными, привели к тому, что в русской действующей армии недокомплект офицеров составил более трети штатного состава! Даже в военном министерстве, в далеком Санкт-Петербурге, забили по такому поводу тревогу. Чтобы заполнить младшие офицерские должности, началось массовое производство отличившихся на войне унтер-офицеров и даже рядовых солдат (Георгиевских кавалеров и имевших гимна-

ческое и иное образование) в прапорщики запаса и зауряд-прапорщики.

Приказание подобрать кандидатуры на младших пехотных офицеров запаса и представить их к должностям в полку по штатам военного времени поступило и к сибирским стрелкам. Полковой командир вызвал начальник штаба, уже ознакомившегося с полученным директивным указанием. Тот сразу сказал:

— Давно бы так. Запасников-поручиков не дождешься, а у нас на трех ротах офицеров нет.

— Кого будем предлагать штабным дивизии от полка?

— Ротных фельдфебелей и вольноопределяющегося барона. Все они у нас с Георгиевскими крестами. Лучших кандидатур на первый раз нет.

— С фельдфебелями все ясно. По возрасту рассчитывать на офицерскую карьеру они не могут. А вот офицерское будущее Унгерна пресекается сразу.

— Почему так думаете?

— Барон — недоучка. Прапорщиком запаса или зауряд-прапорщиком он в Морском корпусе не восстановится после войны. Положения такого нет.

— Но в таком случае и путь в юнкерские училища для него будет закрыт. А тянуть армейскую лямку до пенсии ротного для Георгиевского кавалера обидно и несправедливо.

— То-то и оно. Значит, так и решим. Представлять Унгерна не будем. Но вызвать его в штаб на беседу обязательно. Объяснить, все как есть. Чтоб не было обид, он же дворянской крови.

— Слушаюсь. Будет исполнено...

Вольноопределяющийся, после вызова в полковой штаб, с виду не расстроился. Как человек реально мыслящий, Унгерн-Штернберг видел разницу в своем послевоенном положении. Или вернуться с войны с крестом Георгия на гимнастерке, или иметь еще и удостоверение пехотного прапорщика запаса. В первом случае перед ним открывались двери самых элитных военных училищ. В другом эти же двери закрывались на основа-

нии такого-то и такого-то императорских указов. Поскольку на богатое наследство надежд не было, оставалось записаться в какой-нибудь провинциальный пехотный полк и служить в нем на младших должностях до ухода на пенсию. И при этом наверняка расстаться с мечтами о взлетах в военной карьере.

Как было тут не вспомнить потомку эстляндских рыцарей о родовом девизе на фамильном гербе баронов Унгерн-Штернбергов. И о напутственных словах матери, которая предрекала ему блестящее будущее на военном поприще. Точнее, на морском, под Андреевским флагом, и с кортиком на боку.

Начальник полкового штаба прямодушно сказал вытянувшемуся перед ним по стойке смирно вольноопределяющемуся:

— Барон. Получить первую звездочку на погон в идущей войне заманчиво. Но это для вас не жизненная перспектива.

— Почему, осмелюсь спросить?

— Потому что в вас есть строевой дар. Вы можете командовать людьми в бою. Я это видел. Поэтому вы не ротный фельдфебель-молодчага и должны поступить по-другому.

— Как же, на ваш взгляд?

— Не определяйтесь сейчас в прапорщики запаса. А как только война закончится, а дело явно идет к концу, определяйтесь в какое-нибудь военное училище.

— А Морской корпус?

— Думается, что вам следует забыть о нем. Не знаю, каким вы будете вахтенным офицером на ржавом миноносце, а вот в полку столичного гарнизона смотреться будете.

— Пожалуй, я так и поступлю. Премного благодарен за отеческий совет.

— Пустяки. Помните, барон, в армии у вас будет перспектива продвинуться выше ротного...

Война еще шла, хотя серьезные боевые столкновения сторон уже ушли в историю. Вольноопределяющийся барон Унгерн фон Штернберг искал повод, что-

бы отличиться еще раз и получить нового солдатского «Георгия», но теперь уже степени повыше, 3-й. Он напрашивался то сходить старшим передового дозора, то разведать окопы японцев, невидимые с нашей стороны, то доставить донесение в соседний полк. Солдаты, посматривая на его старание отличиться, поговаривали:

— Ну и норовистый у нас барон? Все готов к японцам наведаться. Только людей своих не жалеет.

— А что ему солдатиков-то жалеть. Ведь он сам говорит: я вам не барин — я барон.

— Ничего. Если на этой войне не навоюется, так навоюется на другой.

— Еще как навоюется. Не накладно будет ему, барону нашему, навоеваться от души.

— Дикий он. Только волю ему дай...

Унгерну на той войне действительно раз пришлось показать свою «дикость». Дело было связано с командой подполковника Шершова из Отдельного корпуса жандармов, которая занималась при Маньчжурской армии полицейским надзором. То есть вопросами контрразведки в армейских тылах: пресекали деятельность японских шпионов и появление в расположениях армейских частей всевозможных «нежелательных» гражданских «лиц, ищущих приключений в ожидании легкой наживы».

В августе, когда фронт «встал» у Сыпингая, подполковник Шершов попросился на прием к главнокомандующему тремя Маньчжурскими армиями генералу от инфантерии Линевичу. Тот принял сразу, поскольку дела жандармские, армейской контрразведки надлежало решать безотлагательно:

— Ваше превосходительство, разрешите доложить о делах неотложных для армии.

— Докладывайте.

— Николай Петрович. Надзорную службу все больше и больше беспокоит подрядчик Громов и его люди.

— Это тот купец Громов, что должен закупать у местных китайцев скот на мясные порции полкам?

— Именно он.

— В чем же состоит ваша обеспокоенность, господин подполковник?

— Дело вот в чем, Николай Петрович. Этот купец привез с собой в качестве приказчиков около 150 кавказцев, которые должны были закупать скот в местных селениях. Но они почти все, как только прибыли в Маньчжурию, разбежались.

— Чем же они занимаются, если ушли от хозяина-подрядчика?

— Грабежом. Чисто по-кавказски. Разъезжают при оружии по китайским деревням и поселкам. Отбирают где силой, где обманом все наиболее ценное — скот, арбы, лошадей, мулов, провиант.

— А чем тогда занимается провинциальная китайская полиция?

— Да она со своими разбойниками-хунхузами едва справляется на дорогах, а тут еще и наши конные кавказцы. Одни жалобы от китайских чиновников-мандаринов к нам идут. А помощи толковой — никакой.

— Но у вас же, господин подполковник, целая команда надежных людей?

— Люди у меня в военной жандармерии действительно надежные. Но с двадцатью пятью унтер-офицерами без вашей помощи я порядок в армейских тылах не наведу. И всех грабителей-кавказцев к порядку не призову.

— Какую помощь может оказать вашей команде главнокомандующий?

— Нужно, ваше превосходительство, дать директиву по армии, чтобы из полков выделялись дополнительные патрули для охраны тыловых коммуникаций и поддержания порядка на них.

— Хорошо. Такая телеграмма в армейские штабы будет отдана сегодня же.

Так вольноопределяющийся Роман Унгерн-Штернберг стал «нештатным» сотрудником военной жандармерии в ранге старшего патруля на дороге, ведущей в Сыпингай из китайского поселка на берегах Сунгари.

Дали ему в команду четырех солдат. Сила тылового дозора состояла из пяти винтовок да еще немецкого браунинга, купленного бароном за свои деньги как «нештатное» боевое оружие. На Русско-японской войне такое довооружение разрешалось офицерам и добровольцам официально.

Старший патруля скоро стал на этой прифронтовой дороге приметной личностью. Нижние чины подвергались самой строгой проверке документов. Не одного из них Унгерн отправил в сопровождении стрелка-сибиряка под арест в ближайшую военную комендатуру за отсутствие предписаний, дающих право на пребывание вне своего полка или артиллерийской части. «Шатающиеся» китайцы стали обходить пост на дороге стороной.

Случались дела и посерьезнее. Однажды стрелки остановили для проверки бравого конного кавказца, обвешанного оружием, но без погон, гнавшего перед собой с десяток мулов. Видно было, что всадник торопится к Сыпингаю, чтобы доставить туда «пополнение» в армейский транспорт.

Унгерну вид кавказца не понравился. С указаниями жандармского подполковника Шершова на сей счет ознакомили его и других старших патрулей еще в полковом штабе. Первым высказался обладатель мулов:

— Мое почтение вам, уважаемые. Я приказчик армейского подрядчика Громова. Слыхали о таком?

— Как не слыхать. Он всю армию мясными порциями кормит начиная от Мукдена и дальше.

— Вот то-то. Подрядчик Громов мой хозяин.

— Понятно. А мулы чьи?

— Мулы тоже его. Купил у местных китайцев на Сунгари для транспортных обозов. Хорошо заплатил, потому и выбрал лучшую скотину.

— Нужное дело. Покажите купчие на мулов.

— Какие купчие? Ударили по рукам, и все тут. Я им хозяйское серебро, а они мне — мулов. Тороплюсь в армию, Громов меня, наверное, уже заждался.

— Все закупки для армии в Маньчжурии совершаются по купчим на русском языке. Китайцы подписы-

вают их безо всякого. Так есть у вас купчая на этот скот или нет?

— Нет. Мне подрядчик сказал: купчая не обязательна. Лишь бы дело было сделано быстро.

— В комендатуре разберутся. С коня слезть и оружие сдать. Вы арестованы вместе с вашими мулами...

Арестованного кавказца, всем своим видом показывавшего возмущение случившимся, отправили в Сыпингай под охраной двух самых надежных стрелков. Унгерн приказал гнать туда и половину мулов «неизвестного происхождения». Вторую половину доставили в полк, чтобы пополнить его обозный транспорт. Начальник штаба тогда спросил вольноопределяющегося:

— А не правильнее ли было, барон, отконвоировать весь этот скот в Сыпингай?

— Считаю, что неправильно. Мулов надо оставить в полку.

— Почему?

— Война кормится войною. Так было и будет всегда. А у нас в полку тыловые повозки бросают, когда лошади дохнут.

— Что ж, тогда надо брать скотину в полк, лишь бы хозяева-китайцы ее не узнали по пути.

— Не посмеют. Если бы хотели, то давно бы догнали этого конокрада. Китаец — не пастух бурят или монгол...

На сыпингайской дороге бывали и другие встречи. Деревушки стояли здесь густо: то три фанзы, то десяток. Но все они, большие и малые, были обнесены глинобитными стенками, главной защитой беззащитных маньчжурских крестьян от разбойников-хунхузов. В хунхузы шли все, кто не в ладах был с провинциальной властью: беглые солдаты армий местных дзянцзюней — губернаторов, солдаты, безработные, бежавшие из тюрем и от жестокого наказания, просто люди, как говорится, с темным прошлом и скрывавшиеся от наказания правосудия.

В одной из таких придорожных деревушек сибирские стрелки схватили разбойника, прибежав на крики

китайцев. Он попался потому, что, встав на одно колено, выстрелил по набегавшим из фитильного ружья и пытался его зарядить снова. Остальные грабители успели скрыться в густых зарослях китайского проса — гаоляна, в которых мог спрятаться и всадник, будучи на коне.

Хунхуза обезоружили и связали. Когда он пришел в себя от неожиданности (крестьяне почти никогда не оказывали сопротивления отрядам грабителей), на его лицо легла печать безучастности и полного презрения к смерти. Русские военные в таких случаях передавали схваченных разбойников китайским чиновникам, а местная полиция своими руками творила по законам империи Цинь правосудие. В тюрьмы хунхузов сажали редко: обычно им при стечении местных жителей публично отрубали головы.

Пойманного сибирскими стрелками разбойника ждала, безо всякого сомнения, такая же участь, поэтому он гордо держал голову с традиционной для китайцев косичкой. В деревне нашелся переводчик, местный житель, который ходил на заработки в российское Приморье, был там землекопом при возведении причалов во Владивостоке. Поработал землекопом и при строительстве Порт-Артурской крепости среди нескольких десятков подобных себе китайских крестьян. В итоге выучился довольно сносно говорить и понимать по-русски.

Связанного хунхуза Унгерн допрашивал в присутствии молчаливо столпившихся крестьян, одетых так же, как и разбойник, с такими же длинными косичками. Спрашивал через добровольного переводчика:

— Разбойник? Грабитель?

— Нет, я хунхуз, господин.

— Кто у тебя командир? Из какой ты шайки?

— Из отряда ихэтуаня Хан-дэн-гю.

— Но он же в японской зоне. Как ваша шайка здесь оказалась?

— Голодно было. Решили перебраться в Цицикарскую провинцию. Здесь мало вокруг русской армии хунхузов.

— Хан-дэн-гю вам платил жалованье?

— Платил, но мало. Наоборот, требовал, чтобы мы с крестьян, как мандарины, налог собирали серебряной монетой.

— Если бы я тебе платил, пошел бы ты ко мне служить?

— Пошел бы. Кто платит деньги хунхузу, тот его хозяин.

— И тебе все равно, кто платит деньги за службу, на которой можно быть убитым. Даже если он не китаец?

— Все равно, господин.

— Ты знаешь, что тебя ждет в полицейском участке Сыпингая, куда тебя сейчас поведут?

— Знаю, господин. Мне отрубят там голову и выставят ее напоказ всем. Может быть, даже в железной клетке. Если так прикажет сыпингайский мандарин.

— Зачем в железной клетке?

— Чтоб мою голову не украли, господин.

— А кто ее может украсть?

— Духи, господин. У нас в Маньчжурии очень много духов, которые благоволят к хунхузам.

— И ты веришь в духов? Боишься их?

— Верю, господин. И боюсь, как все мы, китайцы. И ты бойся. Или подружись с ними, господин...

Боевых столкновений на сыпингайских позициях все не было и не было. А из России по Транссибу прибывали новые подкрепления. Теперь почти весь личный состав состоял не из давно забывших военное дело запасников, в основном старших возрастов, а из обученных кадровых нижних чинов. По этому поводу «старые маньчжурцы» поговаривали:

— Кажись, спохватились там, в Питере. Перестали слать тех, кто винтовку не помнит...

Известие о разгроме в Цусимском морском сражении 2-й Тихоокеанской эскадры адмирала Рожественского поразило всех. Такого поражения на морских водах в истории государства Российского еще не бывало. Генерал Унгерн впоследствии как-то сказал:

— Поражение русской армии в Маньчжурии, а флота при Цусиме радовало только социалистов, врагов династии...

Здесь он говорил правду. Противники монархии всех мастей и оттенков воспринимали военные поражения России на Дальнем Востоке с плохо скрытым торжеством. Царизм обвинялся ими во всем, что «попирало» народную душу. Назревала в стране первая революция 1904 — 1905 годов с баррикадами на московской Пресне, погромами помещичьих усадеб, анархией почти по всей линии Транссибирской железнодорожной магистрали.

Однако Цусимским поражением Роман фон Унгерн мог даже гордиться, поскольку его родовая честь в той битве не проиграла, а, наоборот, выиграла. При Цусиме отличился старший лейтенант барон Павел Леонардович фон Унгерн-Штернберг. Он был одним из многих отпрысков эстляндского рыцарского рода, служивших в Российском Императорском флоте. Хотя до адмиральских эполетов они по служебной лестнице не поднимались, но нареканий по службе не имели. Равно как и проступков, порочащих фамильную честь и честь мундира...

Для русских войск в Маньчжурии окончание войны прозвучало как-то неожиданно, вопреки естественному ходу. До этого многие ожидали, что главнокомандующий, генерал от инфантерии Линевич вот-вот отдаст приказ о переходе маньчжурских армий в контрнаступление, благо сил и средств накопилось уже достаточно. Вместо боевого приказа в батальонах и батареях зачитали императорский манифест о заключении Портсмутского мирного договора. Манифест гласил:

«В неисповедимых путях Господних Отечеству Нашему ниспосланы были тяжкие испытания и бедствия кровопролитной войны, обильной многими подвигами самоотверженной храбрости и беззаветной преданности Наших славных войск в их упорной борьбе с отважным и сильным противником. Ныне эта

столь тяжкая для всех борьба прекращена, и Восток Державы Нашей снова обращается к мирному преуспеянию в добром соседстве с отныне вновь дружественной Нам Империею Японскою.

Возвещая любезным подданным Нашим о восстановлении мира, Мы уверены, что они соединят молитвы свои с Нашими и с непоколебимою верою в помощь Всевышнего призовут благословение Божие на предстоящие Нам, совместно с избранными от населения людьми, обширные труды, направленные к утверждению и совершенствованию внутреннего благоустройства России...»

Все честолюбивые планы вольноопределяющегося Унгерна на войну в Маньчжурии рухнули. Он надеялся на новые боевые награды, которые могли бы украсить его послужной список. Хотя сослуживцы и говорили, что солдатский Георгий даст ему путевку в любое столичное военное училище. Выбирай любое.

Барона поразило не само окончание войны, а то, как известие о ее завершении дипломатами в американском городе Портсмуте восприняли войска. Лучше всего об этом говорили сами участники войны, офицеры сибирского стрелкового полка, которые приняли кадета-добровольца из Морского корпуса с баронским титулом в свою дружную семью:

— Мой отец рассказывал, какой восторг стоял в Дунайской армии, когда освобождение Болгарии от османов стало фактом. Все ликовали как один.

— А сейчас такое впечатление, что наши сибиряки таким концом войны не слишком-то обрадованы.

— Что правда, то правда. Не слышно ни «ура», ни полковой музыки.

— Еще бы. Меня угнетает какое-то чувство неудовлетворенности. А я ведь писал начальству несколько рапортов отправить меня сюда, в Маньчжурию.

— Вы не один. Мы все ехали на эту войну, как на правое дело. Даже наши солдаты, отцы больших семейств.

— А меня после манифеста государя не покидает

мысль о бесплодности наших трудов, принесенных жертв.

— Действительно, бойцам-маньчжурцам вместо славы достался едва ли не позор проигранной нами войны.

— Почему проигранной нами? Ее проиграли Куропаткин с Алексеевым, а не мы. И дипломаты в Портсмуте.

— Мы же имели право рассчитывать на успех. И под Порт-Артуром, и здесь, в Маньчжурии. Даже под Мукденом.

— А Цусима? Ведь она позорна.

— Будь вместо Рожественского Степан Осипович Макаров, то война на море пошла бы совсем иначе.

— Нашего Макарова адмирал Хейхатиро Того убрал одним минным «букетом». А больше флотоводцев на российском флоте не оказалось. Адмирал — это призвание, а не звание.

— И все же японцы нас забоялись основательно к концу войны. Это факт.

— Почему вы так считаете?

— Разве это победа в войне? Ни тебе контрибуции, ни уступки на переговорах условиям противной стороны.

— Как бы закончилась война, если бы не было заключено Портсмутского договора?

— Да и кончилась ли она? Япония теперь такой дракон, что от российских границ на Дальнем Востоке не отступится в обозримом будущем. Как вы думаете?

— Согласны. С Японией мы еще повоюем.

— Что-то наш барон помалкивает. Слушает, а сам как будто думает о чем-то своем. Какие ваши планы на завтра, Роман Федорович? Если это не секрет.

— Не секрет. Решил оставить Морской корпус раз и навсегда.

— Но вам же учиться осталось всего год.

— Ну и что? Я стану армейским офицером.

— Тогда какое училище в столице выбираете? Николаевское кавалерийское?

— Нет, не угадали. Павловское пехотное.

— А как с привязанностью к казакам-забайкальцам?

— Время покажет, где мне служить Отечеству...

Унгерн фон Штернберг вернулся с Русско-японской войны, которую он «захватил» только в самом ее окончании, с двумя боевыми наградами на солдатской шинели. Первой был солдатский «Егорий» на приметной георгиевской ленте. Второй стала медаль «В память Русско-японской войны». Правда, ее получил уже в Санкт-Петербурге, поскольку она была учреждена императорским указом только в январе 1906 года. С большим опозданием для тех, кто воевал в Маньчжурии.

Наградная памятная медаль изготавливалась из трех видов металла. На лицевой стороне ее помещалась дата «1904–1905» и традиционное для российских медалей изображение всевидящего ока Божиего. На обороте шла надпись: «Да вознесет нас Господь в свое время».

Серебряной медалью награждались героические защитники Порт-Артурской крепости. Светло-бронзовой — участники военных действий в Маньчжурии. Темно-бронзовой — лица, в боях непосредственного участия не принимавшие, но состоявшие на службе в районах боевых действий, а также на Дальнем Востоке и на железных дорогах, по которым шли военные перевозки. Раненым и контуженным памятная медаль выдавалась на ленте с бантом.

Медаль с бантом, чеканенную из светлой бронзы, барон Роман Унгерн-Штернберг получил перед строем юнкеров Павловского военного училища. Таких, как он, было несколько человек. Играл училищный оркестр, было много зрителей из гражданской публики, которая рукоплескала каждому награжденному юнкеру. Подтянутый юный барон, с боевыми наградами за Японскую войну, смотрелся привлекательно.

Вскоре высочайшим указом была учреждена еще одна памятная награда для участников войны — «Медаль красного креста в память Русско-японской войны

1904–1905 гг.». Ею награждались члены управления служащие Российского общества Красного Креста, также врачи, медицинский персонал и сотрудники питательных и ночлежных пунктов, ставшие гражданскими участниками войны на Дальнем Востоке.

Еще позже, в 1914 году, императором Николаем II был учрежден почетный нагрудный знак «За защиту Порт-Артура» — серебряный крест с изображением броненосца в центре. Он выдавался ветеранам обороны русской морской крепости на Квантуне в память дня начала порт-артурской эпопеи...

Возвращаясь из Маньчжурии, вольноопределяющийся Унгерн стал свидетелем революционной стихии, гулявшей по Транссибу почти что до самого Уральского хребта. Солдаты-фронтовики с воинских эшелонов буйствовали на митингах, которые, как казалось со стороны, не утихали с утра до вечера на станционных площадях. Верховодили на этих митингах социалисты из разных партий, чаще всего студенты в своих форменных тужурках и какие-то интеллигенты в драповых пальто с каракулевыми воротниками.

Унгерна тогда поразил не столько разгул анархии, сколько безвластие местных градоначальников, генерал-губернаторов, командующего Сибирским военным округом. Поразили в сравнении с тем, что он видел на первой российской пограничной станции Даурия и в немного знакомом ему городе Верхнеудинске. Там власть держали забайкальские казаки. Патрули на вокзалах, молчаливо взирающие на солдатскую толпу конные казачьи сотни как-то сразу «усмиряли» даже самых крикливых агитаторов, явно на войне не бывавших, но провозглашавших от себя и своих социалистических партий:

— Братцы-солдаты! Долой самодержавие!

— Мы, солдаты из окопов Маньчжурии, против царя!

— Долой Николашку!

— Власть народу!

— Социализм, а не царизм!..

С тех солдатских митингов на пристанционных площадях эстляндский барон и вынес свою открытую ненависть к социализму, без всякой скидки к партиям, которые его проповедовали. Эту ненависть Унгерн испытывал до последних дней своей бурной жизни.

Пока поезд с демобилизованными «маньчжурцами» тащился до Екатеринбурга, у барона Унгерна укрепилось в сознании, что социалисты враги не только самодержавия Российской империи, но и его рода. Ведь они грозили отобрать у класса имущих не только их имения, но и фамильные титулы, даже саму дворянскую честь. Поэтому он уже тогда был готов взяться за оружие в борьбе с «социалистической опасностью». Она виделась из окон вагона красными флагами, на которых были броско начертаны белой и черной краской призывы к антигосударственному бунту. Прибалтийский барон тогда уже с известной долей тревоги говорил себе:

— Почему доморощенные революционеры не караются властью?..

— Какое безволие! Даже за открытые призывы к антиправительственному мятежу полиция никого не арестовывает...

— Так же можно в Зимнем дворце власть потерять, а государство отдать в руки революционной анархии...

Прежде чем начать устраивать свою судьбу в столичном военном училище, Роман Унгерн прибыл в Ревель. В доме отчима он провел положенный ему отпуск, благо до начала занятий было почти полгода. Науками во время отпуска себя не утруждал.

В Павловское военное училище Унгерн прибыл во всей красе повоевавшего в Маньчжурии добровольца: изрядно потертая солдатская шинель грубого серого сукна, серебряный Георгиевский крест на груди и черная папаха уссурийского казака, выменянная им на серебряный портсигар. Таким он и предстал не только перед юнкерами-«павлонами», но и перед начальником училища в генеральских погонах:

— Имею честь представиться. Вольноопределяющийся барон Унгерн фон Штернберг...

Бывший кадет-дворянин Морского корпуса был зачислен в Павловское военное училище, из пехотных едва ли не самое привилегированное. Если, разумеется, не считать столичное Владимирское военное училище. Юнкера-«павлоны» гордились своей военной школой, которая стала училищем с 1863 года. Срок обучения в нем был двухгодичный, поскольку туда поступали в своем большинстве выпускники кадетских корпусов. Наук в пехотном училище изучалось намного меньше, чем в Морском корпусе, готовившем корабельных офицеров. Ротному подпоручику пехоты требовались иные умения, чем, скажем, вахтенному мичману на любом военном корабле.

В Павловское училище Унгерн попал опять-таки не без участия родственников, к которым обратилась мать-баронесса. Препятствием едва ли не стало то, что ее сын не смог осилить полный курс ревельской гимназии, плохая успеваемость в Морском корпусе и свидетельство его «дурного» поведения там. Однако материнские связи и серебряный блеск креста на Георгиевской ленте пересилили все «но» и «против».

Павловское военное училище барон Унгерн-Штернберг закончил с превеликим трудом. Как тогда говорили, по последнему разряду. Требовательные преподаватели ставили проходные баллы чаще всего из уважения к его маньчжурским заслугам и баронскому титулу.

Поэтому такому выпускнику не приходилось и думать о назначении в столичный гарнизон, скажем, в лейб-гвардии Преображенский или в лейб-гвардии Финляндский полки. Как сейчас говорят, «круглых троечников» туда не брали даже с аристократической родословной. Тут и высокая протекция почти никогда не помогала, настолько дружной была офицерская корпорация полков столичной гвардии.

Роман Унгерн-Штернберг закончил Павловское военное училище в 1908 году. За год до этого ушла из

жизни его мать, которая не раз «влияла» на начало военной карьеры сына. Теперь же он мог выбирать путь офицера, уже ни с кем не советуясь, по собственному хотению, разумению и призванию.

Будущий военный вождь Белого движения на юге Сибири «по окончании полного курса наук» свой выбор сделал без колебаний. В истории Павловского военного училища это был редкий случай, когда выпускник покидал его стены не в звании подпоручика гвардии или армейской пехоты, реже артиллериста, а в звании казачьего хорунжего. И даже не Донского или Кубанского казачьих войск.

Унгерн явно избегал мирной жизни строевого офицера и стремился к романтике казачьей жизни. Такую романтику он мог найти, вне всякого сомнения, только на Востоке Российской империи, на окраинах, где цивилизация только давала о себе знать.

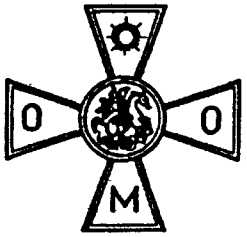
«Павлон» барон Унгерн по собственному желанию выпустился хорунжим в 1-й Аргунский полк Забайкальского казачьего войска. Полк стоял на пограничной станции Даурия, которая станет в годы Гражданской войны «знаковой» в биографии потомка эстляндских рыцарей-крестоносцев.

Романтика романтикой, а барон решил строить свою карьеру с первых шагов самым серьезным образом. Выбор местом службы Забайкальского казачьего войска случайным назвать было никак нельзя. Этим войском командовал тогда в ранге атамана генерал Ренненкампф фон Эллер. С ним Унгерн состоял в прямом родстве: бабушка со стороны отца, Наталья Вильгельмина, была урожденная баронесса Ренненкампф. Можно было рассчитывать на протекцию по службе. Но, зная характер Романа Унгерна-Штернберга, считать такое немаловажное обстоятельство главным побудительным мотивом выбора места службы нельзя.

Несомненно, на выбор повлияли ходившие тогда устойчивые слухи о том, что война на Дальнем Востоке с Японией, и опять в Маньчжурии, должна вновь на-

чаться. А это уже было поле действия для человека, который мечтал служить не просто в кавалерии, а именно «в казаках». Новая война ожидалась если не завтра, то обязательно послезавтра.

Было и другое. Барона Унгерна фон Штернберга откровенно манил Восток. Он этого ни от кого не скрывал, как и того, что его романтизм постепенно сменялся мистикой. Духи Востока уже витали в душе потомка немецких рыцарей-крестоносцев.

Глава четвертая

ЗАБАЙКАЛЬЕ. ДУХИ ВОСТОКА

В 1908 году хорунжий фон Унгерн прибыл на место службы в «желтое», как его тогда называли за цвет казачьих погон и лампас, Забайкальское казачье войско. По численности среди других оно было пятым: после Донского, Кубанского, Оренбургского и Терского.

Войско административно было разбито на четыре отдела: Читинский, Акшинский, Нерчинский и Нерчинско-Заводской. Выставляло в мирное время четыре конных полка: Читинский, Верхнеудинский (бурятский), Аргунский и Нерчинский, две конно-артиллерийские батареи. И гвардейскую полусотню в лейб-гвардии Сводно-Казачий полк. 1-я Забайкальская казачья батарея шефом имела «Его императорское высочество наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича».

В военное время забайкальцы выставляли в поход уже девять полков, не считая гвардейской полусотни: 1-й и 2-й Читинские, 1-й, 2-й и 3-й Верхнеудинские, 1-й и 2-й Аргунские и 1-й и 2-й Нерчинские, пять конных батарей. Одновременно формировались запасные части: конный дивизион, три пеших сотни и конно-ар-

тиллерийский взвод. При этом прежняя задача охраны государственной границы с Китаем и Монголией в Забайкалье с войска не снималась. Охрана российских пределов по рекам, степям и тайге велась оставшимися в войске силами, прежде всего казаками не призывного возраста, молодыми и стариками.

Унгерн знал о забайкальском казачестве и его истории, начитавшись в училищной библиотеке литературы о казачьих войсках России. Забайкальское войско свою родословную — старшинство — вело с 1851 года. 17 марта того года оно было сформировано в составе 1-го, 2-го, 3-го и 4-го русских полков и 5-го и 6-го бурятских полков. Полки существовали до того года как отдельные воинские части на юге Сибири и постоянного штата не имели, выполняя роль пограничной и местной внутренней стражи.

Для создания четырех русских полков поступили расформированные по такому случаю Забайкальский городовой казачий полк и Верхнеудинские станичные казаки, пограничные русские казаки, тунгусский (эвенкийский) полк и бурятские полки: 1-й, 2-й, 3-й и 4-й.

Впервые русские казаки-землепроходцы появились в Забайкалье в 1644 году. Охочие люди царской служилой рати и стрельцов, под начальством «казенного» атамана Василия Колесникова, проникли в забайкальские земли, построили там несколько укрепленных острогов и подчинили своей власти местных тунгусов-эвенков и бурят.

Российское правительство сразу же столкнулось с проблемой охраны государственной границы на сотни и сотни верст по степи, горным лесам и рекам. Русских казаков, которых якутский воевода посылал разведывать пушные земли все дальше на восход солнца, для задач пограничной стражи численно не хватало. Тогда правительство пошло по другому, вполне оправдавшему себя пути. Оно стало обращать в служилое казачество местных «инородцев», то есть бурят и тунгусов.

В 1722 году по распоряжению иркутского губернатора составляется восемь пограничных русских казачьих команд: Цурухайтуевская, Чиндантская, Акшинская, Троицкосавская, Кударинская, Харацанская и Тунканская. Последняя в 1851 года вошла в состав Иркутского казачьего полка и службу пограничной стражи в Забайкалье больше не несла.

В 1760 году из «тунгусских ясачных иноверческих родов» был сформирован Тунгусский казачий полк. Он по тогдашней узаконенной традиции носил имя эвенкийского князя Гантимура.

Через четыре года, в 1764-м, из ясачных бурят было сформировано четыре бурятских казачьих полка. Они, как и Тунгусский полк, назывались первое время по именам степных владетельных князей: Ашебагатов, Цонголов, Атаганов и Сарталов.

В 1822 году после утверждения Устава о сибирских городовых казаках был создан Забайкальский городовой казачий полк. На его формирование были употреблены Нерченская и Верхнеудинская казачьи городовые команды, различные «пришлые люди».

Все эти формирования — полки и стали основой для создания Забайкальского казачьего войска. В том же 1851 году было утверждено Положение о пеших батальонах забайкальских казаков, которых было создано двенадцать. Все они, как и полки, имели свои знамена. Войсковой праздник казаки-забайкальцы получили только в 1890 году — день 17 марта.

Для того чтобы численно увеличить новое войско, правительством не раз принимались соответствующие указы. В 1855 году в войско зачислили бессрочноотпускных нижних чинов русской армии, находившихся на то время на юге Сибири, и солдатских вдов с семействами. В 1858 году в казаков «обратили» порочных нижних чинов, то есть штрафников, еще не отбывших сроки наложенных на них наказаний.

Забайкальское казачье войско не только росло численно, вбирая в себя новые, самые различные по характеру людские пополнения. Оно и отдавало часть своих

казаков-пограничников. Именно забайкальцы стали основой двух новых казачьих войск на Дальнем Востоке — Амурского и Уссурийского, которые тоже имели желтые погоны и лампасы. Показательно, что в лейб-гвардии Сводно-Казачьем полку забайкальцы, амурцы и уссурийцы составляли одну сотню, последнюю по счету — четвертую.

До 1851 года городовые и пограничные казаки забайкальских земель, служилые тунгусы и буряты несли охрану границы от набегов кочевых племен, проживавших в южных степях. А также сопровождали купеческие караваны (прежде всего с китайским чаем в Якутку через Монголию) и почту. Служили они и конвоем при отправленных из Санкт-Петербурга русских посольствах в Пекин.

С образованием Забайкальского казачьего войска пограничная служба стала для него основной государственной задачей. Одна сотня забайкальцев теперь несла постоянную службу как конвой русского посланника в Пекине и русского консула в монгольской столице Урге.

В 1900–1901 годах войско было мобилизовано высочайшим указом и в полном составе участвовало в Китайском походе. Забайкальцы отличились в боях с ихэтуанями («боксерами»), поднявшими восстание против европейцев в своем отечестве. «Боксерами» их прозвали за то, что на знаменах ихэтуаней красовался сжатый кулак.

В Русско-японской войне забайкальские казаки участвовали в полном составе. 1-й Верхнеудинский и 1-й Читинский полки вернулись домой с наградными Георгиевскими знаменами. Надпись на них гласила: «За отличие в войну с Японией в 1904 и 1905 годах». Они стали главными войсковыми регалиями.

После войны, опять же в полном составе, войско было направлено «на подавление беспорядков на Дальнем Востоке». Забайкальских казаков революционные вихри 1905 года не затронули, они сохранили верность государю-императору и единожды данной воинской присяге.

1-й Аргунский полк, в который попал служить хорунжий барон Роман Унгерн, свою родословную вел с 1 января 1900 года. Он «отпочковался» от 1-го Нерчинского полка, который передал на формирование новой казачьей части несколько своих сотен. Аргунцы могли гордиться своим участием в Китайском походе. Наградой им за доблесть при разгоне отрядов ихэтуаней, громивших Китайскую Восточную железную дорогу (КВЖД), стали шесть Георгиевских серебряных труб с гравированной надписью «За отличие в Северной Маньчжурии в 1900 году». Их вручили по две 1-й, 2-й и 4-й сотням полка.

Гордились казаки-аргунцы и знаками отличия на головных уборах с надписью «За отличие в войну с Японией в 1904 и 1905 годах». Другой наградой за ту войну стали «одиночные белые петлицы на воротниках и обшлагах мундиров нижних чинов». В старой России существовала и такая коллективная награда казачьим полкам за проявленную воинскую доблесть.

Постоянной задачей 1-го Аргунского полка в мирное время было несение охраны границы. Поэтому он был расквартирован на железнодорожной станции Даурия у самого китайского рубежа, всего в шестидесяти верстах от границы. Кругом были забайкальские степи, а кое-где — и пески с барханами. Из лесов преобладали березовые небольшие рощицы.

Государственная граница в Забайкалье постоянно нарушалась. Ее по ночам переходили хунхузы, чтобы грабить золотые прииски и одиноких старателей. Шли спиртоносы, которые обменивали в тайге свой ходовой товар на золотой песок и самородки-«хрусталики». Прокрадывались торговцы с кипами шелковой материи, которая продавалась золотоискателям на вес «презренного» металла. Объяснялось такое весьма прозаично: старатели шили себе из китайского натурального шелка нижнее белье, к которому не «приставали» никакие паразиты. Безобидными все эти ходоки через границу не были, пуская в любом удобном случае в дело оружие: ружье или кинжал. Поэтому пограничные стражники говаривали:

— Охрана границы — та же война. Чуть зазевался — и пропала твоя душа у границы. Отлетела в небеса...

Еще на войне в Маньчжурии барон Унгерн, заинтересованно наблюдавший забайкальских казаков, уяснил их «профессиональную» гордость — умение ездить на неказистом степном коне. То есть умение сидеть в седле уверенно и непринужденно. Хорунжий в самом скором времени стал отличным наездником, не жалея на обучение ни времени, ни сил.

Когда пришло время аттестации полковых офицеров, то командир сотни в отношении хорунжего барона Унгерна записал: «Ездит хорошо и лихо, в седле очень вынослив». Для казачьего и кавалерийского офицера такая оценка была высокой похвалой начальства. Сам Унгерн по такому поводу в разное время говорил:

— Служить в забайкальских степях и не научиться ездить по-монгольски? Такого быть просто не должно...

— Казак-забайкалец, русский или бурят — тот же монгол. Он не может не породниться со степным конем.

Служба в Даурии была памятна барону еще и тем, что здесь он впервые дрался на дуэли. Унгерн имел заносчивый характер благодаря своей родословной. «Выпячивание» собственной персоны нравилось далеко не всем полковым офицерам, большинство которых оказались коренными забайкальцами, родом из войсковых станиц, «столиц не знавших». На этой почве и произошла ссора. Перчатку первым «бросил» хорунжий фон Унгерн, ее противник принял сразу.

Дрались на офицерских шашках. Бывший «павлон» едва ли не единственную высшую оценку в училищном аттестате имел за фехтование. Его сослуживец в таком же офицерском звании ничего не заканчивал, владеть клинком научил его отец-казак. Удар шашкой по баронскому лбу прекратил дуэль, хотя раненый настаивал на ее продолжении. Но его недруг, явно не стремившийся убить противника, проявил завидную рыцарственность, постаравшись со своей стороны загладить ссору. После чего противники помирились, ус-

троив для товарищей по офицерской полковой семье в складчину дружеское застолье на песчаном берегу реки Аргунь.

Полковое и войсковое начальство хода делу о дуэли благоразумно не дало. В противном случае дуэлянты могли понести достаточно суровое дисциплинарное взыскание. Вообще в старой русской армии отношение к дуэлям гласно и негласно было самое пристрастное. Отказ расценивался как личная трусость, ложась пятном на репутацию офицера на долгие годы. Хотя в послужном списке записи такой не делалось, но о поступке помнилось и он подлежал осуждению.

К слову сказать, кровопролитием дуэли заканчивались редко, хотя дуэлянты почти всегда выходили к барьеру. Как бы много ни писалось о таких поединках чести на пистолетах или клинках, убитых считали единицами. Гибель поэтов Александра Пушкина и Михаила Лермонтова была, скорее, не правилом, а исключением. Почти всегда друзья или секунданты мирили противников. Но при этом было исключительно важно, чтобы дворянская или офицерская честь не пострадала.

Во время одного из первых допросов пленного белогвардейского генерала Унгерна-Штернберга следователь описал его «монгольскую», если судить по одеянию, внешность. Среди прочего там было сказано и такое: «На лбу рубец, полученный на Востоке, на дуэли».

Нервные припадки, которые были присущи Унгерну в последние годы жизни, знающие его люди приписывали именно этому, сабельному удару по голове. Шрам дуэлянт носил всю оставшуюся жизнь и, вероятно, им гордился.

Вообще, во время пребывания в 1-м Аргунском полку хорунжий проявил свой буйный нрав во всей красе. Бывало, что он напивался до «белой горячки», показываясь в таком «непотребном» виде среди подчиненных ему по службе казаков.

Есть свидетельства, что именно в начале своей офицерской службы барон Унгерн пристрастился и к наркотикам. Это были гашиш и особенно опиум, которые

доставлялись в Забайкалье многочисленными китайскими торговцами. Тогда «наркобизнес» государством еще не преследовался. Российский Дальний Восток в то время, наряду с Туркестаном, был тем местом, где местное население спокойно «покуривало» опиум.

Начало военной карьеры для от природы необузданного, вспыльчивого и неуравновешенного, во хмелю буйного Унгерна многообещающим быть не могло. Сюда следовало добавить еще и строевую жестокость его над людьми. При определении наказания в чем-то провинившимся казакам он всегда останавливался на самых крайних мерах. Такое в казачьей среде, прямо скажем, исстари не приветствовалось.

Рано или поздно «дикие» выходки Унгерна поставили его вне офицерского коллектива казачьего полка. Однажды, напившись китайской рисовой водки, он ввалился в полковую канцелярию и затеял с дежурным офицером, таким же хорунжим, как и он, пьяную ссору. Вытащив шашку из ножен, барон кричал:

— Мне, барону, перечить! Зарублю, мать твою...

Дежурному по полку ничего не оставалось делать, как вытащить свою шашку и начать защищаться от наскакивающего на него пьяного Унгерна. Вбежавшие казаки обезоружили буяна. Но на этом скандальное дело не закончилось, поскольку оно стало последней каплей, переполнившей чашу терпения полковой офицерской семьи, не любившей случайных людей. Поднять казаку руку на такого же казака виделось чертой порочащей, недопустимой в воинском сословии государства Российского.

Суд офицерской чести 1-го Аргунского казачьего полка предложил хорунжему Унгерну-Штернбергу покинуть полк. Его изгоняли из воинского коллектива, в котором он прослужил всего полгода. Приговор, к слову сказать — редкий, был суров:

— Господин хорунжий барон Унгерн фон Штернберг. Своим поведением вы опорочили честь казачьего офицера. Просим вас написать рапорт по команде об отчислении из рядов Аргунского полка.

— Я понял. Решению полкового офицерского собрания подчиняюсь. Рапорт мною будет написан сегодня же...

Такое в старой русской армии было событием чрезвычайным и позорным. Нарушитель, вне всякого сомнения, «забил во все колокола». Еще бы, только начинавшаяся карьера рушилась самым позорным образом, по приговору суда офицерской чести. Во внимание не принималось даже то, что виновник носил Георгиевский крест за Маньчжурию, за личную доблесть на войне.

Дело хорунжего Унгерна тянулось в Забайкалье долго. За него заступился войсковой атаман фон Ренненкампф, но офицерский коллектив казачьего полка стоял на своем. Затем на защиту встал один из отцовских родственников, служивший в столице, в Генеральном штабе. И дружными усилиями эстляндского барона отстояли: ему не пришлось писать рапорт с просьбой об отставке.

С Востока хорунжий фон Унгерн-Штернберг не уезжал. В 1910 году его перевели в Амурский казачий полк, который в мирное время являлся в составе Амурского войска единственным, безномерным. Кадровый полк был расквартирован в казармах города Благовещенска.

Прощального застолья отчисленный из Забайкальского казачьего войска офицер для сослуживцев не устраивал. Однако проводили его из полка, стараясь не ущемлять самолюбие. Полковой командир, вызвав его в канцелярию, где находились по делам службы несколько казачьих офицеров, сказал:

— Господин хорунжий. Вот ваши документы о переводе в Амурское казачье войско. Подписи, печати — все на месте.

— Благодарю вас, господин полковник.

— Через неделю из Читы будет отправлена оказия в Благовещенск. От слияния Шилки с Аргунью пойдет пароход. Он вас и доставит к месту нового назначения. Вот подорожное предписание за подписью войскового атамана.

— Мне не нужен пароход, чтобы добраться до Благовещенска.

— А как же вы отправитесь к новому месту службы, как не по Амуру?

— Верхом, на лошади.

— Это не серьезно, хорунжий. По реке в верховьях казачьи поселки стоят на десятки верст друг от друга. Тайга от речного берега не отступила. Дорог нет. Шайки хунхузов бродят то там, то здесь. Такое решение — шаг неразумный.

— А я, господин полковник, опасностей не боюсь.

— О том, чтобы их бояться казачьему офицеру, не может быть и речи. Но пройти сотни верст по нехоженой тайге, по бездорожью, повторяю вам, есть шаг неразумный.

— В таком случае я, барон фон Унгерн-Штернберг, готов заключить с любым из присутствующих здесь господ офицеров или со всеми вместе пари.

— Каковы его условия?

— Я один, на одной лошади, имея при себе только шашку и винтовку с патронами, без дорог и проводников, проеду по тайге от Даурии до Благовещенска. Пользоваться амурскими судами не буду.

— Чем же вы будите кормиться в дороге?

— Исключительно плодами охоты. Вы знаете, что стреляю я довольно прилично.

— В вашей меткости в стрельбе мы уже не раз убеждались, барон. Здесь вопросов нет.

— Но это еще не все. Во время одиночного конного перехода я обязуюсь сам, без чьей-то помощи, переправиться в Амурской области через реку Зею.

— Хочу вас предупредить сразу. Зею я видел однажды, и она мало напоминает нашу тиховодную Аргунь. Особенно после дождей.

— Ничего, меня это не пугает. Я переправлюсь через Зею при любой ее воде вплавь на коне. В Благовещенск прибуду к такому-то дню. Пари принимается?

— Принимается, барон. Желаем от всех здесь присутствующих удачи.

— Благодарю...

Унгерн, конечно, не мог себе представить всех трудностей одиночного конного пробега через амурские леса. Более того, сибирской тайги он просто не знал. И все же казачий хорунжий, счастливо избежав встреч с беглыми каторжниками и хунхузами, бродячими медведями и дальневосточными тиграми, не утонув при переправе через своенравную и полноводную Зею, прибыл в Благовещенск. По пути его конь не пал, а охота действительно прокормила одинокого путника. С собой в дорогу из провианта он почти ничего не взял, если не считать мешочка соли, привозимой в эти места аж из-за Байкальского моря.

Очевидцы потом описывали и такую выразительную деталь. Якобы барон выехал из Даурии с восседавшим у него на плече любимым охотничьим соколом. Но, думается, такая птица летописной «царской охоты» была ему вряд ли по карману.

Пари со своими теперь уже бывшими сослуживцами по 1-му Аргунскому полку изгнанный хорунжий выиграл. Маршрут конного пробега был выдержан им с похвальной точностью, на место прибыл в назначенный срок.

В Амурском казачьем полку поступку офицера, всего два года знакомого с Дальним Востоком, поражались. Поступок был свидетельством несомненного мужества и отваги, поскольку тайга слабым не потворствовала. И за слабость, ошибки наказывала строго. Унгерна расспрашивали:

— Барон. У вас был прямо маршрут первопроходца. Как вы на такое решились?

— Затея моя была проста по той причине, что я не люблю мирной жизни. В моих жилах течет кровь прибалтийских рыцарей. А рыцарство людей слабой воли никогда не терпело. Они быстро гибли.

— Зачем же вам был нужен такой опасный во всех отношениях пробег по тайге? Да еще с форсированием Зеи.

— Мне нужен был, господа офицеры, свой жизненный подвиг.

— Для чего, извольте спросить?

— Для самоутверждения...

В Амурском казачьем полку хорунжий фон Унгерн-Штернберг был сперва «вне штата» приставлен к пулеметной команде. Барон был «лично» знаком с этим чудом военной техники по Маньчжурии, которая только-только поступала на вооружение казачьих войск. Знание пулеметного дела, умение устранять неисправности (первые «максимы» часто «задавало») произвели на новых сослуживцев самое благоприятное впечатление:

— В Павловском училище по-пустому не учат. Без пулеметной науки сейчас уже нельзя...

— Наш барон, как рассказывал, япошек под Мукденом из «максима» выкосил немало...

— Есть теперь и у нас свой полковой технарь. Пулеметный...

После пулеметной команды хорунжего фон Унгерна перевели в 1-ю, правофланговую сотню полка. Он стал возглавлять в ней разведывательную команду, составленную из наиболее «ушлых» казаков. Сотня была примечательна тем, что имела отличительные знаки на головные уборы с надписью «За отличие против китайцев в 1900 году».

4-я и 5-я сотни полка имели наградные Георгиевские серебряные трубы «За Эюр, Хинган и Цицикар в 1900 году». 6-я сотня — такие же трубы, но с надписью «За Хинган и Цицикар в 1900 году». Сам полк с декабря 1909 года именовался так: Амурский казачий генерал-адъютанта графа Муравьева-Амурского полк.

Офицерская казачья жизнь предусматривала размеренный распорядок мирной службы. Хождение в наряды дежурным по полку, в караулы, руководство стрельбами подчиненных и выездкой коней, подготовка к смотрам и парадам в большие праздники, наблюдение за перековкой и чисткой лошадей, за хранением штатного оружия и чистотой казарменных помещений, конюшен и коновязей. Полковых дел был не перечет,

и исполнялись они с утра до вечера. Строевая служба расслабляться позволяла редко.

По заведенному порядку с рядовыми до обеда занимались младшие командиры — урядники. Офицеры вели послеобеденные занятия в конном строю или «пешие по-конному». Казаки занимались гимнастикой, рубкой в конном строю фашин и фехтованием, укладкой походных вьюков, изучением воинских уставов, прежде всего кавалерийского и дисциплинарного.

Пополнивший полковые ряды казаков-амурцев бывший «павлон» оказался хорошим строевиком: подтянутым и требовательным. Неряшливым в жизни и службе он станет позднее. Во многом благодаря ему сотня, в которой он состоял, всегда отличалась среди других на строевых смотрах. В таких случаях она проходила в конном строю мимо начальства с неизменной любимой казачьей песней «Под ракитою зеленой»:

Под ракитою зеленой
Казак раненый лежал,
Кинжалом в груди пронзенный,
Крест свой медный целовал.

Кровь лилась из свежей раны
На истоптанный песок,
А над ним кружились враны,
Чуя лакомый кусок.

Черный ворон, что ты вьешься
Над моею головой?
Так добычи не дождешься:
Я, казак, еще живой...

Хорунжему Унгерну-Штернбергу полковое начальство часто поручало ведение еженедельных «бесед о войне». Обладатель солдатского «Егория» мог эмоционально, красочно рассказать не только о прошедшей Русско-японской войне, но и о других событиях в ратной летописи Отечества. Военная история была одним

из любимых предметов барона во время его учебы и в Морском корпусе, и в Павловском военном училище. Рассказчиком он слыл отменным, хотя многословием в жизни не отличался:

— Много говорить можно только о прошлом. О настоящем лучше всего сказать делами...

Между тем мечты о быстрой офицерской карьере на Востоке улетучивались. И не только потому, что родственник генерал фон Ренненкампф оставил Забайкалье и перебрался на новое место службы. Новой войны с Японией не случилось, теперь она даже не ожидалась в обозримом будущем. Так что о воинских подвигах, наградах за них и новых, досрочных звездах на погонах не приходилось мечтать. А полковая, будничная жизнь теперь виделась очень прозаичной. На берегах Амура она мало чем отличалась от той, что была в Даурии.

Следующее офицерское звание — сотника Унгерн получил только на четвертом году службы, 7 июля 1908 года. Звание давалось за выслугу лет. Производство следовало в установленные сроки, но с некоторым замедлением. Сказывалась отдаленность Благовещенска от столичных инстанций.

Государственная граница по Амуру «оживала для хунхузов» зимой, когда река вставала и по льду можно было свободно ночью перейти на противоположную сторону. В Забайкалье, на берегах Аргуни, жизнь у казаков — пограничных стражников шла с большими тревогами. Но тревожные дни были и на новом месте службы. Правда, пойманные хунхузы в наградной список не вписывались. Такие дела считались привычными:

— Ну, поймали хунхузов... Ну, постреляли с ними... Ну, выследили их в тайге... Это же обыкновенная казачья служба на Амуре. Что в ней такого особенного, героического. Служба как служба...

В Амурском казачьем полку барон Унгерн впервые поучаствовал в подавлении революционных волнений. С казачьими командами он трижды побывал в карательных экспедициях, в Якутии. Там правительствен-

ные губернаторы использовали казаков для подавления «возмущений» рабочих на золотых приисках по притокам реки Лены. Такие экономические забастовки порой подавлялись угрозой применения нагаек. До знаменитого «Ленского расстрела» дело дошло только раз, но в нем казаки не участвовали, стреляла пехотная рота.

Подавленный бесперспективностью своей службы и гонимый гарнизонной скукой, Унгерн в 1911 году отпросился у войскового начальства в полугодовой отпуск. Он отправился на все это время на берега Невы и в Ревель. Там барона, сторонившегося светской жизни, охватила откровенная хандра, поражавшая знавших его людей. Вряд ли он думал, что Восток так овладеет его честолюбивыми планами, что он даже в мыслях не будет с ним расставаться.

Известно, что во время отпуска, проведенного большей частью в родном для него городе, сотник фон Унгерн-Штернберг свел знакомства со многими известными здесь людьми, носившими военные мундиры. Так, родственники и друзья удивлялись его сближению с адмиралом Зальцем, тоже из прибалтийских баронов, но человеком диаметрально противоположных взглядов на жизнь. Зальц едва ли не из первых как-то сказал «за глаза» о казачьем офицере:

— В нем есть что-то такое, как мне кажется, демоническое. Наш барон «весь в Востоке»...

Во время ревельского отдыха многочисленные родственники пытались не раз прознать причины грусти барона, появлявшегося на приемах в неизменном казачьем мундире амурцев. Появление в столице Эстляндии такого человека незамеченным не могло быть. Да еще помышлявшего поскорее возвратиться в сибирские дали.

— Вы все вычитываете, барон, в газетах сообщения о жизни восточной части империи?

— Не совсем. Меня больше всего интересуют сообщения из Халхи.

— Халха? А что это такое?

— Это часть Монголии. Она еще называется Внутренней Монголией.

— Значит, есть еще и Внешняя Монголия?

— Есть. Это та часть, которая лежит за Великой Китайской стеной. И входит в провинцию Хейлуцзян нынешней Срединной империи.

— И что же происходит сейчас в этой Халхе?

— Там сейчас монголы поднимаются против власти китайцев. И можно сказать, что мы становимся современниками рождения новой империи в центральной части Азии, по ту сторону нашей забайкальской границы.

— Значит, Халха уже провозгласила свою независимость, как новое государство в Азии?

— Да. Это случилось в самом конце прошлого, 1911 года.

— Если есть новая азиатская империя, значит, есть и новый правитель?

— Разумеется, есть. Это самый известный среди монголов буддистский лама. По-нашему, первосвященник. Зовут его для нас необычайно длинно — Богдо-гэген Джебзуун-Дамба-хутухта. В газетах он называется именем покороче: или Богдо-гэген, или просто хутухта.

— Как пишут в газетах, он многое изменил в жизни почитающих его монголов?

— Сомневаюсь в этом. Провозглашение независимости вряд ли может изменить смысл жизни азиатских пастухов. Ведь вся их жизнь и смерть в стадах и табунах. Но все же Богдо-гэген дал им любопытное нововведение.

— В чем же его суть?

— Со дня коронации Богдо-гэгена Халха официально вступила в эру всенародно избранного всемонгольского монарха. Со дня его коронации в стране ведется теперь новое летоисчисление.

— И как сами монголы почитают этого хутухту?

— Они считают его живым Буддой.

— Любопытное почитание. А что великий Китай? Ведь он потерял в таком случае внутреннюю Халху.

— Китай сейчас республика. Со смертью последней императрицы маньчжурская династия Цинь ушла в историю. Но войне в Монголии, на мой взгляд, скоро быть.

— Вы думаете, барон, что китайское правительство попытается силой оружия вернуть себе Халху?

— Несомненно. Ведь это северная провинция Китая. И на ее западе уже идут бои, пусть и не самые значительные. Об этом и пишут сейчас в газетах. Но...

— Что?

— В Пекине забывают, что монголы — потомки великого завоевателя Чингисхана. И не менее великого китайского императора хана Хубилая...

Назревавшая китайско-монгольская война вернула сотника фон Унгерна на Восток. Он досрочно заканчивает отпуск и прибывает в Благовещенск, в свой полк. Но его душевное состояние уже получило «новое качество». Из газет он узнал с радостью о том, что российское правительство в Урге учреждает военную школу с русскими инструкторами. Она была создана на основе официального соглашения сторон: официальный Санкт-Петербург в назревающем военном конфликте становился на сторону Урги. В ином случае он не стал бы помогать монгольскому правителю-хутухте готовить кадры профессиональных военных.

События в степях Халхи развивались следующим образом. В августе 1912 года монголы с оружием в руках поднялись против китайцев в западной части страны, в Кобдском округе, известном своей удаленностью и автономностью от центральной, ургинской власти. Китайский гарнизон был изгнан из городка Кобдо, и округ присоединился к Халхе. Читателей газет поражал тот факт, что монголы стремятся любым способом избежать кровопролития, словно фигура потрясателя Вселенной великого Чингисхана напрочь забыта ими.

В степях и пустынях Центральной Азии «запахло» войной, грозившей затянуться. Войной чисто восточной по характеру и действующим лицам, вне всякого сомнения, неинтересной для европейцев. Это тебе не бе-

га Дуная или Рейна, не поля Моравии и Восточной Пруссии. Это Азия, плохо предсказуемая и потому мало понятная.

Россия, имевшая несколько тысяч верст совместной границы с Монголией и Китаем, естественно не могла остаться в стороне от вызревших за много лет событий. Причем еще до событий 1912 года. Россия не могла оставаться равнодушной и к тому, что на ее монгольских границах все чаще и чаще стали появляться «заинтересованные» японцы. Вскоре Санкт-Петербургу представился случай вмешаться в закипающую жизнь Халхи.

Все началось с того, что российские официальные лица поддержали восстание Тогтохо, которому было суждено стать национальным героем Монголии. В сентябре 1907 года этот степной князь убил на территории своего хошуна Южный Горлос Чжеримского сейма пятерых японцев-топографов, приняв их за вражеских разведчиков. По всей вероятности, у Тогтохо для такого поступка были веские основания. Впоследствии он скажет:

— Странные это были японцы. Интересовались дорогами в хошуне, все время ездили к русской границе. И все выспрашивали у меня про то, сколько у меня цэриков...

Китайские власти Халхи по требованию японцев начали расследование «убийственного дела». Тогтохо пришлось бежать из становища. Вскоре он создал партизанский отряд, занявшись мщением китайцам. Грабя и убивая колонистов-ханьцев, беглый князь получил репутацию «непобедимого и храброго предводителя» монгольских конников.

Вскоре на него обратили внимание власти сопредельной, то есть российской, стороны. Отслеживание событий в соседней Халхе было для дальневосточного начальства делом служебным. Командир корпуса, охранявшего Восточную Китайскую железную дорогу (КВЖД) генерал-лейтенант Н.М. Чичагов доносил по команде следующее:

«...У воинственного князя Тогтохо создалась репутация борца за попранные права монгол и истребителя китайцев, отнимающих у кочевников лучшие земли».

В городе на Неве, прежде всего в Министерстве иностранных дел, решили поддержать антикитайское восстание Тогтохо. Штаб Иркутского военного округа выделил для него 500 берданок и необходимый запас патронов. Генерал-лейтенант Чичагов направил в повстанческий отряд своего связного — русского офицера Тубанова. Все это делалось, по понятным мотивам, в глубокой тайне от китайских властей.

Были ли оправданы реалиями такие действия российской стороны? Достаточно ясный и полный ответ на этот вопрос дает секретное письмо начальника российского Генерального штаба генерала А. З. Мышлаевского Управляющему Министерством иностранных дел С. Д. Сазонову, датированное 10 августа 1909 года:

«Колонизаторская политика Китая в Монголии несомненно уже теперь наносит крупный ущерб нашим экономическим интересам, а в случае вооруженного столкновения с Китаем изменит в весьма невыгодную для нас сторону и стратегическую обстановку на вероятном театре войны. Поэтому все препятствия, встречаемые Пекинским Правительством на пути насаждения вышеуказанной политики, казалось бы, должны быть нами приветствуемы».

Секретное письмо генерала Мышлаевского и твердая позиция Сазонова возымели свое действие. Начальник Генштаба имел в «монгольском вопросе» твердую позицию: все, что ослабляет позицию Китая во Внешней Монголии, в том числе и восстания местных жителей, должно поддерживаться Российской империей. Царское правительство после проигранной русско-японской войны и утратой многих позиций в Маньчжурии взяло твердый курс на превращение Халхи в сферу своего влияния. В столичном городе на берегах Невы бытовало мнение:

— Государственная граница в Сибири должна прикрываться и с внешней стороны. В самой Халхе...

...49-летнего мятежного князя Тогтохо (преклонный возраст для жителей Халхи в то время) нашелся способный помощник в лице 19-летнего Баяр-гуна. Именно на него были возложены обязанности налаживания контактов с русскими военными. Он ездил на переговоры с ними в Читу и Харбин, перевозил оружие и патроны.

Китайские войска приложили немало усилий, чтобы стеснить действия отряда Тогтохо. Тот под постоянным давлением врага был вынужден весной 1910 года уйти из родных степей в Россию, отдавшись под покровительство русского царя. Разрешение на то он получил официальное. Партизанский отряд в числе 48 человек, не считая членов княжеской семьи, перешел русскую границу у казачьего поселка Ново-Дурулгуевский. С собой тогтоховцы привели 200 запасных лошадей и несколько повозок награбленного у китайских колонистов добра.

На новом месте Тогтохо и Баяр-гун рассорились из-за военной добычи, и особенно из-за лошадей. Забайкальскому военному губернатору пришлось поселить их в разных местах: князю отвели 300 десятин земли в Верхнеудинском уезде, его заместителю — 50 десятин под Читой. Однако проживать в российских пределах им пришлось недолго.

В первый день декабря 1911 года князья-ваны и ламы Халхи провозгласили независимость Внешней Монголии от Китая. Тогтохо и Баир-гун незамедлительно вернулись на родину. Первый из них получил назначение начальником гарнизона Урги. Тогтоховские цэрики несли охрану личности Богдо-хана и его дворцов. Баяр-гун, создав собственный отряд, сражался с китайскими войсками в Кобдском округе.

...Прочитав сообщение о военных событиях в Кобдо, Унгерн немедленно подал рапорт с просьбой откомандировать его в Монголию одним из инструкторов созданной в Урге военной школы. Вскоре приходит вежливый, но твердый отказ. Скорее всего отказ последовал из-за не самых «блестящих» характеристик

казачьего офицера. Тогда сотник Роман фон Унгерн-Штернберг совершает поступок, удививший многих его знающих людей.

Он подает в июле 1913 года прошение на Высочайшее имя об уходе в отставку, решив поступить, как частное лицо, добровольцем в монгольскую армию, о которой имел пока весьма смутное понятие. Свою просьбу на имя императора сотник фон Унгерн-Штернберг мотивировал так:

«Расстроенные домашние обстоятельства лишают меня возможности продолжать военную Вашего Императорского Величества службу...»

Путь прошений в далекий от Благовещенска Санкт-Петербург всегда был долог по времени. Унгерн торопится: монгольско-китайская война может завершиться без него. И тогда прощай романтические мечты о военной карьере на Востоке. Никакие духи, о которых говорил ему схваченный сибирскими стрелками хунхуз, не помогут. Ни добрые, ни злые.

Барон во второй раз поражает полковых офицеров-амурцев. Не дожидаясь положительного решения на свое прошение, казачий сотник оставляет Благовещенск «самочинно». То есть отправляется в отставку без мундира и пенсии. Унгерн торопится в Монголию. А приказ о его отчислении в запас пришел в штаб Амурского казачьего войска только через полгода, когда сотника в Благовещенске уже и след простыл.

След Унгерна отыскался в монгольских степях, в городе Урге. В конце августа 1913 года туда приехал Алексей Бурдуков, один из тех русских людей, что постоянно проживал в Монголии и вел в ней торговые дела крупной сибирской фирмы. В Улясутае он зашел в российское консульство, чтобы ознакомиться с новостями. А заодно и узнать, нет ли каких-либо поручений: он ехал в Кобдо на северо-западе Халхи и мог бы взять с собой консульскую почту.

Бурдукова встретил сам ургинский консул Вальтер. Они разговорились, поскольку знали друг друга достаточно хорошо:

— Как ваши дела в фактории, господин Бурдуков?

— Да неплохо. Земли на реке Хангельщик много. Так что понемногу расширяемся.

— Не откажите консульству в очередной услуге?

— О чем речь. Готов выполнить любую вашу просьбу, господин Вальтер. Письма и посылки в Кобдо? И опять целый вьюк.

— Да, все то же. Но я бы попросил вас на несколько дней задержаться в Улясутае.

— Для чего, извольте спросить?

— Я дам вам в дорогу интересного спутника.

— Спутника? Он наш, россиянин?

— Да, бывший казачий офицер. Не могу без улыбки показать его официальное командировочное удостоверение. Мы его для важности скрепили нашей консульской печатью.

Документ действительно выглядел необычно. Бурдуков с интересом прочитал изрядно помятый лист бумаги:

«1-й Амурский казачий полк Амурского казачьего войска удостоверяет в том, что вышедший добровольно в отставку поручик Роман Федорович Унгерн-Штернберг отправляется на запад в поисках смелых подвигов».

Внизу стояла чья-то неразборчивая подпись. Печать российского консульства была поставлена, по всей видимости, на днях и отличалась четкостью изображения гербового орла. Бурдуков спросил, возвращая командировочное удостоверение неизвестного ему человека:

— Вы сказали, что он казачий офицер. А здесь написано, что он имеет чин поручика.

— В полку начальство подшутило. Унгерн — сотник, что равняется званию армейского поручика. И к тому же он еще и барон из Эстляндии.

— Весьма любопытно.

— Еще бы. Если учесть и то, что он только что прибыл в Улясутай, проскакав из Урги более семьсот верст. А теперь рвется ехать дальше, в Кобдо...

Отставной казачий сотник произвел на Бурдукова не самое яркое впечатление. По виду ему было лет

тридцать. Поджарый, обтрепанный и неряшливый, с небольшой рыжеватой бородкой (давно не брился, подумал Бурдуков), с «выцветшими застывшими глазами маньяка». Офицерский казачий мундир был необычайно грязен, поскольку его владелец спал в нем в степи прямо на земле. Сапоги просвечивали дырами. Зато незнакомец был хорошо вооружен: офицерская сабля на боку, у пояса револьвер в кобуре, патронташ полон. Поражало то, что свою винтовку сотник отдал монголу-проводнику (улачи), чтобы тот ее вез. Вещей барон с собой не имел никаких. Его вьюк был совершенно пуст и представлял из себя дорожный брезентовый мешок, в котором на дне лежал какой-то сверток. И все. Не было даже намеков на провиант или запасную одежду.

Бурдуков, человек наблюдательный, так впоследствии выразит свое первое впечатление о личности случайного попутчика: «Русский офицер, скачущий с Амура через всю Монголию, не имеющий при себе ни постели, ни запасной одежды, ни продовольствия, производил странное впечатление». По дороге, долгой и длинной, путники разговорились:

— Господин барон. Зачем вам надо в Кобдо?

— Хочу поступить на военную службу к местному князю Дамби-Джамцану. Я узнал о нем из газет.

— Для чего?

— Чтобы вместе с ним громить китайцев.

— А чем вас привлек именно Дамби-Джамцан? Ведь есть и другие степные князья, которые воюют с китайцами?

— Дамби-Джамцан мне видится истинным азиатским вождем. Я думаю, он связан с потусторонними силами.

— С чем?

— С духами Востока. Вы знакомы лично с Дамби-Джамцаном?

— Конечно. Его кочевья, как он их заимел, соседствуют с моей факторией. Я ему не раз доставлял наши сибирские товары: чугунки, топоры, ножи и прочее же-

лезо. Он мне даже сказал, что собирается купить какие-то сельскохозяйственные машины.

— Это зря. Монголам не надо лезть в европейскую цивилизацию. Степных азиатов это может погубить.

— Почему же погубить, если они захотят пахать свою степь?

— Кочевник, каким он был еще за столетия до Чингисхана, не должен менять своего образа и смысла жизни.

— А что его может удержать в таком желании?

— Их духи. Они степные.

— Вряд ли сам Дамби-Джамцан так считает. К тому же он, как говорят, не монгол. Хотя степные языки знает отменно, равно как буддистские законы и монгольские обычаи.

— Тогда кто он, этот князь? Что вы о нем слышали?

— О его происхождении слухи ходят самые разные. Называют его сами монголы просто Джа-ламой, но с подчеркнутым почетом. Одни говорят, что он наш россиянин, астраханский калмык Амур Санаев. Другие — что торгоут Палден.

— А где он родился, этот буддистский лама в княжеском обличье?

— Здесь все слухи сходятся в одном: Дамби-Джамцан родился в России. У нас, в отечестве.

— Так и в газетах писали. Однако те же газетчики пишут, что Джа-лама — фигура таинственная и мифическая.

— Здесь газетчики говорят чистую правду. Имя Джа-ламы в степях от Байкала до Великой Китайской стены, от Гималаев до киргизских степей в нашем Туркестане имеет магическое воздействие на степняков. Я в этом сам не раз убеждался.

— Так кто же он, по-вашему?

— По-моему, Дамби-Джамцан просто разбойник и странствующий буддистский монах.

— На кого он смахивает из наших? На Стеньку Разина или на донского казака Пугачева?

— Ни на того, ни на другого. Это беглый монах Григорий Отрепьев, добравшийся до шапки Мономаха.

— Князь, как пишут газеты, сегодня силен собственным войском и богат среди подобных ему монгольских князей? Так ли это в действительности?

— Сейчас у него около двух тысяч семей пастухов, которые стали его данниками. И масса слуг, которые неизвестно чем заняты с восхода до захода солнца. Просто удивляюсь, зачем буддистскому монаху в княжеском халате столько слуг в степи.

— А войско?

— Несколько сотен конных солдат-цэриков. Всех их он одел в русскую военную форму. Сам носит под халатом наш армейский офицерский мундир.

— А звание какое?

— Не знаю. Под шелковым халатом звезд на погонах не видно. Но они на его плечах есть.

— Пишут, что он очень суров, этот Джа-лама?

— Да, это действительно так. Он враг пьянства, сам не пьет и не курит. Уличенных в пьянстве лам насильно расстригает и превращает в своих послушных цэриков.

— Чем же он держит солдат в повиновении?

— Чем держит? Да только суровостью наказаний за самую малую провинность. Лупит их плетками так, что крик по всему Кобдо стоит. Собственноручно пытает своих врагов, вырезает у них со спины полосы кожи. Жуть азиатская.

— Знамя армия князя имеет?

— Имеет. Еще какое — из золотой парчи. Он его освятил по древнему монгольскому обычаю.

— Это как?

— Приказал зарубить у подножия знаменного древка пленного китайского солдата. Его кровью и освятили раззолоченное боевое знамя...

Путь из Улясутая до Кобдо был долог. На привалах, перед тем как расположиться на ночлег, Унгерн добросовестно записывал монгольские слова и с помощью Бурдукова учился объясняться на языке степного народа. К предстоящей военной службе у князя Дамби-Джамцана барон готовился самым серьезным

образом. Естественно, казачий сотник рассчитывал только на командную должность. Солдат Джа-лама мог набрать и из пастухов-данников, и среди разных степных бродяг.

По пути Бурдуков убедился, что такой человек, как его спутник, не пропадет ни в степи, ни в тайге. Стрелял он метко, на каждом ночлеге монгол — улачи свежевал то косулю, то подстреленного в камышах у одного из многочисленных озер кабана. При этом барон высказывал полнейшее презрение к любым путевым удобствам, устраиваясь спать прямо на земле у тлеющего костра, подложив под голову седло, снятое со своего коня. Не заботился он и о чистоте своей одежды.

Когда путники садились на коней и небольшой степной караван из десятка верховых и вьючных лошадей продолжал свой путь, изредка встречая юрты пастухов, Унгерн заводил вновь разговор о Джа-ламе. Он все больше интересовался мифической стороной личности монгольского князя. Или, говоря иначе, силой его магического влияния на степняков, которые по природе своей были большими мистиками:

— Скажите, Бурдуков, Джа-лама попадался когда-нибудь в руки своих врагов-китайцев?

— Попадался, но давненько уже. Кажется, году в 1890-м.

— И чем тогда дело закончилось?

— Дамби-Джамцан тогда был просто бродячим монахом. Китайцы держали его в тюрьме недолго и вскоре выпустили.

— Чем он после этого занялся? Опять бродячей жизнью?

— А чем же еще? Он исходил и изъездил еще до этого, почитай, всю Центральную Азию. Жил в Тибете, много лет провел в знаменитом монастыре Дре-Пунья в Лхасе. Добирался даже до Индии. Побывал и в Пекине. Служил там у чиновника, составлявшекго при императорском дворе календари.

— А что заставило бродячего буддистского монаха появиться в столице Срединной империи?

— Джа-ламу преследовали в Лхасе. Вот он и бежал с Тибета в Китай.

— За что преследовали?

— В пылу, как у нас говорится, богословского спора он схватился за нож и убил своего соседа по монастырской келье. Потому и пришлось скрываться подальше от Лхасы.

— Правда, что монголы верят в то, что этому новоявленному князю покровительствуют злые духи — мангысы?

— Сущая правда.

— А когда Джа-лама впервые появился в Монголии?

— Говорят, что он каким-то неведомым путем оказался в местных степях из России. Еще мальчиком стал послушником в известном монастыре Долон-Нор. Оттуда и пошла его жизнь бродячего буддистского монаха.

— А когда он опять вернулся в Монголию?

— В 1900 году он прибился к экспедиции географа Козлова, назвал себя Ширет-ламой. Под этим именем вновь побывал в Лхасе, некоторое время пожил в Кобдо. А потом опять куда-то исчез, чтобы вернуться в Монголию, где князья и пастухи уже воевали против китайцев...

О монгольско-китайской войне казачий сотник барон Унгерн-Штернберг знал много подробностей. В том числе и из той оперативной информации, которая поступала в Благовещенск, в штаб Амурского казачьего войска. Китайские войска занимали Кобдскую крепость, контролируя оттуда весь северо-запад Халхи. В 1912 году конные отряды правительства Урги осадили Кобдо. В тот год Джа-лама вновь появился в Монголии. И не где-нибудь, а в стане осадных ургинских войск под Кобдской крепостью.

Здесь бродячий монах, блиставший своей несомненной буддистской учености, произвел сильное впечатление на монгольских князей и их воинов-цэриков. В самый короткий срок Дамби-Джамцан превратился в одного из военачальников ургинского войска, собравшегося под стенами осажденной крепости. Его

авторитет и влияние на военные дела росли, как говорится, не по дням, а по часам.

Когда город Кобдо цэрики ургинского военачальника Максаржава взяли штурмом, истребив при этом почти весь китайский гарнизон, Джа-лама уже превратился в самого влиятельного человека на северо-западе Халхи. Не было здесь ни одного владетельного князя, который бы не считался с ним:

— Джа-лама общается со степными духами. Добрыми и злыми. Поэтому его нельзя не почитать, ему нельзя перечить...

В 1913 году Дамби-Джамцан окончательно покончил с жизнью бродячего ученого монаха, став настоящим монгольским князем. Свою столицу, вернее — полевой стан, он устроил около почитаемого монастыря Мунджик-хурэ. Княжеская ставка одним видом своим отличалась от всех ей подобных. По воле Джа-ламы все юрты его цэриков и слуг были расположены не хаотично, а в строгой планировке. Чтобы подчеркнуть свое величие, новоявленный князь проживал в огромнейшем белом шатре-аиле, который возвышался над городком из юрт. Этот шатер возили в разобранном виде на двадцати пяти верблюдах. Рядом с белоснежным жилищем слуги выкопали искусственное озеро, чего ранее в степи не делал ни один правитель.

Унгерна интересовало, как мог бродячий буддистский монах, придя в стан войск, осаждавших Кобдо, стать в одночасье почитаемым человеком среди монгольских воинов.

— Как писали газетчики, сам Джа-лама не участвовал в штурме Кобдо и не ловил китайских солдат арканами?

— Он участвовал в штурме на правах не простого цэрика.

— А кого?

— В роли великого прорицателя-мага.

— Что же Джа-лама прорицал монголам?

— Победу. Рассказ об этом кажется сплошным вымыслом сынов степей.

— Расскажите мне.

— Пожалуйста. Перед штурмом крепости войском Максаржава, Джа-лама сумел внушить цэрикам видение прекрасного будущего Монголии, освобожденной от китайцев. Это сильно подняло боевой дух. А еще воочию показал судьбу тех монгольских воинов, кто падет смертью героев в предстоящей битве с врагом.

— Как он сумел это сделать?

— Рассказывают, что якобы цэрики после пророчеств Джа-ламы увидели перед собой шатер или небесный храм, наполненный светом. Но это было еще не самое главное в видении. Вокруг алтаря с фигурами Будд и жертвенными свечами на шелковых подушках восседали монголы, павшие под стенами Кобдской крепости. На столиках перед ними стояли драгоценные блюда с дымящимся мясом, вино, чай, печенье, сушеный сыр, изюм, орехи. Погибшие герои-цэрики курили золоченые трубки и важно беседовали друг с другом.

— И во все это солдаты поверили?

— Еще как, барон. Надо просто знать монголов. Они, в отличие от нас, — великие мистики...

Дорога по Улясутайской долине длилась три дня. Казачий сотник не жалел ударов ногайкой по спинам улачи, заставляя проводников, которые брались на станциях-уртанах, гнать лошадей каравана вскачь. Однажды Бурдуков заметил своему спутнику, что так поступать в степи нельзя. Барон Унгерн-Штернберг на такое замечание с пренебрежением заметил:

— Если верить нашему великому знатоку азиатских пустынь Пржевальскому, то в его путешествиях по Центральной Азии самыми необходимыми проводниками были деньги, винтовка и нагайка.

— Пржевальский путешествовал там, где процветало рабство. Свободный монгол — это не раб в нашем понятии.

— Ну и что из этого. Степной пастух должен уважать силу денег и оружия и испытывать страх перед наказанием нагайкой более сильного человека, чем он сам.

— Но это может в степи закончиться драмой. И может пролиться кровь.

— Кровь поротый моей казачьей нагайкой монгольский пастух не прольет. Зато мистическое состояние его заметно усилит. И только в мою пользу.

— Но все же, барон, послушайтесь моего совета. Не надо нагайкой заставлять каждого улачи гнать лошадей вскачь.

— А я тороплюсь в Кобдо, к Джа-ламе. Мне нужны подвиги на поле брани!

— Зачем они вам?

— Зачем? Восемнадцать поколений рыцарей и баронов Унгерн фон Штернбергов погибали в боях. Кто — за королевскую корону Швеции, кто — за императорскую российскую корону. Вот и я хочу, чтобы на мою долю выпал тот же удел...

В Кобдо оба спутника представились в местном русском консульстве. Унгерн продемонстрировал завидную общительность с офицерами местного русского гарнизона, и один из них, Резухин, одолжил ему чистое обмундирование и бритву. Преобразившийся казачий сотник поспешил в недалекий Гурбо-Ценхар, где находилась ставка Джа-ламы.

Барона в консульстве начальник гарнизона предупредил, что к идее наемничества отставного офицера из России относится без всякого энтузиазма. Иначе говоря, он был против того, чтобы под златотканым боевым стягом монгольского князя с темным прошлым бродячего монаха сражались русские люди. Но Унгерн все же прибыл к Дамби-Джамцану-ламе.

Тот не отказал в достойном приеме казачьему офицеру, так спешившему наняться к нему на военную службу. Это сильно польстило монгольскому князю. Один такой пущенный «на ветер» слух возвеличивал его во всей Халхе. Но Джа-лама уже знал, что русское начальство, по сути дела, запрещало офицеру «белого царя» поступать на службу к степному правителю. И не только именно к нему, но и к другим ему подобным правителям за пределами России.

На приеме в честь сотника барона Унгерна, после сытного застолья, князь между делом заметил, что у него есть обязательство перед консулом в Кобдо не брать к себе в услужение русских людей. И что он вынужден, хотя и с большим сожалением, отказаться от услуг такого блестящего офицера.

Унгерн не стал ссориться с монгольским князем, постаравшись расстаться с ним на самой «дружеской ноге». Впрочем, к этому склонялся и сам Джа-лама. Прощаясь, он спросил гостя:

— Вы, господин офицер, еще долго будете в Кобдо?

— Да, я хочу здесь остаться до зимы.

— Чем вы решили заняться и чем могу я быть вам полезен?

— Я решил заняться охотой в здешних лесах.

— Я дам вам коней и знающих леса проводников. На время охоты они будут вашими слугами.

— Хотел бы просить вас, уважаемый Дамби-Джамцан, оказать мне одну любезность.

— Какую? Я готов все сделать для такого гостя.

— Вы известны среди монгольских буддистов своей ученостью и покровительством тех, кто стремится познать вашу святую веру. Поэтому я прошу вас замолвить за меня слово в местном монастыре-дацане.

— А что вы ищете среди местных лам и святилищ Будды?

— Мне хочется познать вашу веру, ее небесную суть. И таинства буддизма, пришедшие в монгольские степи из Тибета. Услышать о добрых и злых духах, которые витают над степями Халхи.

— Я постараюсь вам услужить. И попрошу настоятеля местного дацана, многим мне обязанного, не скрывать секретов веры в ваших беседах с ним и его учеными ламами, читающими древние книги.

— Я вам, уважаемый князь, премного благодарен. И надеюсь, что наша дружественная связь продлится и далее.

— И я надеюсь на это. Два умных человека могут сделать в жизни больше, чем любой из них, оставаясь один.

— Тогда разрешите откланяться...

В Кобдо отставной казачий сотник Унгерн провел больше полугода. За это время он основательно изучил монгольский язык и не раз побывал в гостях у Джа-ламы. Тот всегда принимал его в своем белоснежном шатре с неизменным гостеприимством. Они подолгу вели между собой беседы, содержание которых могло бы немало удивить и российского консула, и офицеров местного гарнизона.

Самое ценное, что почерпнул потомок немецких эстляндских рыцарей в беседах с бывшим бродящим монахом, были таинства, которым Джа-ламу научили отшельники из загадочного для всего цивилизованного мира Тибета, этой географической «крыши мира». Можно утверждать, что Дамби-Джамцан поделился с Унгерном фон Штернбергом многими сокрытыми от других таинствами буддизма. Иначе чем можно объяснить тот факт, что, когда после Первой мировой войны барон вновь появится в степях Халхи, его фигура для монголов станет поистине мистической. Случаи противления ему со стороны местного ламства не известны.

С самим князем Дамби-Джамцаном-ламой Унгерну больше встретиться не придется. Правительство Урги в самом начале 1914 года, пугаясь все растущего могущества новоявленного князя, обратилось с тайной просьбой к России. Отряд оренбургских казаков из Кобдо совершил налет на княжескую ставку. Джа-лама был «почетно» схвачен прямо в своем шатре и увезен на «временное» жительство в Сибирь. Там он скоро «затерялся». Теперь в Урге не могли опасаться сильной личности, конное войско которого немногим уступало числом ургинской армии.

Ургинское правительство не только так обезопасило себя. Джа-лама, ставший фактическим правителем Кобдского округа (вернее, его большей части), не раз делал набеги на соседний Алтайский округ, где стояли китайские войска. Те в ответ угрожали Кобдо. Но военный конфликт в западной части Халхи грозил Урге се-

рьезными осложнениями в отношениях с Пекином. В таком развитии событий не были заинтересованы и в российском Министерстве иностранных дел.

Унгерн, проживая в Кобдо, не раз пытался добиться разрешения поступить на службу к монгольскому князю, отряды цэриков которого то там, то здесь сталкивались с китайскими войсками. Но власти строго-настрого запретили отставному офицеру воевать под окропленным человеческой кровью знаменем Джа-ламы. Да и к тому же монгольско-китайская война подходила к своему дипломатическому завершению.

К тому времени сотник фон Унгерн-Штернберг поступил на должность сверхштатного офицера в бурятский Верхнеудинский казачий полк, несколько сотен которого квартировали в Кобдо, составляя часть его русского гарнизона.

В самом конце 1913 года правительства Санкт-Петербурга и Пекина подписали русско-китайское соглашение об автономии Халхи — Внутренней Монголии. Пекин сохранял в этой части Центральной Азии только формальный суверенитет. В это время из Благовещенска в канцелярию Верхнеудинского казачьего полка пришли документы, в которых говорилось, что добровольная отставка сотника Амурского казачьего войска барона Унгерна-Штернберга высочайше утверждена.

За время своего пребывания в Кобдо Роман Унгерн сильно изменился. Он уже не пил. Обществу казачьих офицеров, за исключением разве что боготворившего его Резухина, предпочитал молчаливое одиночество. Он любил поразмышлять сам с собой о значении Срединной империи и буддизма для человеческой цивилизации. Не случайно в год своей смерти он не раз скажет окружавшим его людям следующие фразы:

— Спасение мира должно произойти из Китая. Это моя святая убежденность...

— Спасение европейской цивилизации придет только из Срединной империи с ее монгольскими степями...

Знавший Унгерна по жизни в Кобдо русский поселе-

нец (их тогда называли колонистами) Иван Кряжев, участник нескольких научных экспедиций по Центральной Азии, так описывал времяпрепровождение будущего белого генерала:

«Барон вел себя так отчужденно и с такими странностями, что офицерское общество хотело даже исключить его из своего состава, но не могли найти за ним фактов, маравших честь мундира...»

«Унгерн жил в Кобдо совершенно наособицу, ни с кем не водился, всегда пребывал в одиночестве. А вдруг ни с того ни с сего, в иную пору и ночью, соберет казаков и через весь город с гиканьем мчится с ними куда-то в степь — волков гонять, что ли. Толком не пойжешь. Потом вернется, запрется у себя и сидит один, как сыч. Но, оборони Бог, не пил, всегда был трезвый. Не любил разговаривать, все больше молчал...»

С получением документов об отставке сотник Унгерн-Штернберг уже не мог оставаться в забайкальском Верхнеудинском казачьем полку на должности сверхштатного офицера. Пришлось ему распрощаться и с Кобдо, и с самой Монголией. Он покидал Халху, как казалось, навсегда. Так думали знавшие его по службе на восточных границах империи люди. Но самому барону, бредившему восточной мистикой, так не думалось.

«Прикосновение» к Азии, познание духов Востока не прошло для Романа Федоровича Унгерна фон Штернберга бесследно. Он верил в то, что его судьба в степях Халхи и Забайкалья, с буддистскими дацанами монголов и бурят. Там, где рано или поздно сполохи военного пламени призовут к оружию тысячи и тысячи степняков. А чтобы побеждать, будет нужен не кто-нибудь, а именно он, барон Унгерн фон Штернберг. Познавший, как ему казалось, душу глубинной Азии.

В Халхе сотник Унгерн случайно познакомился с казачьим офицером, хорунжим Григорием Семеновым. Выходец из станицы Дурулгуевской поразил барона при первой встрече тем, что свободно владел монгольским и бурятским языками, запросто общаясь с халхинскими пастухами.

Семенов служил в Верхнеудинском полку, но вскоре после окончания Оренбургского казачьего юнкерского училища был откомандирован в Монголию. Там он вошел в состав военно-топографической команды и объехал с ней едва ли не всю Халху, вплоть до границ с китайской Внешней Монголией. Российский Генеральный штаб очень интересовал стратегически важный театр возможной войны в Центральной Азии, а надежных географических карт не имелось. Вот и занимались военные топографы с приданными им в помощь казаками-забайкальцами съемками на местности в чужой стране, формально подвластной Китаю.

Первая встреча, в Кобдо, оказалась для обоих памятной. Прибытие в небольшой монгольский городок военно-топографической команды было немаленьким событием. Казаков и офицеров Верхнеудинского полка радовало то, что воинская команда, сопровождавшая нескольких топографов, состояла из их земляков и однополчан. Из состава тех бурятских сотен, которые остались дома, в Забайкалье.

Унгерн оказался среди тех, кто встречал прибывших топографов у рубленного из сосны дома, в котором размещался гарнизонный штаб. Один из полковых офицеров, Резухин, сдружившийся с бароном-«отшельником», сказал ему:

— Хочешь, я познакомлю тебя с Семеновым? Знаменитая личность в Халхе.

— А кто это?

— Он пока только хорунжий, но по монгольским делам его знают и в столичном Петербурге.

— Что он сделал, этот Семенов, да еще в первом офицерском звании?

— Хорунжий установил рекорд скорости верховой езды на морозе. И при этом без подменной лошади.

— И много он проскакал по морозной степи ради установления рекорда?

— Триста двадцать верст за двадцать шесть часов при температуре сорок пять градусов ниже нуля по Реомюру. Ну, что ты на это скажешь, барон?

— Бесспорно, результат хорош. Но это не предел.

— Ну, это как сказать. Этим хорунжим из караула Куранжи сейчас гордится все войско.

— Ладно, не будем обсуждать рекорды. Их надо бить. Познакомь, как ты хотел, меня с этим Семеновым...

Знакомство состоялось. Хорунжий сразу понравился Унгерну. Скорее всего не только выправкой физически сильного человека, а лицом, по которому угадывалось наличие сильной примеси бурятской или монгольской крови. Держался молодой казачий офицер с достоинством и просто:

— Хорунжий Семенов. Верхнеудинского полка.

— Сотник барон Унгерн-Штернберг. Тоже Верхнеудинского полка, только сверхштатный офицер.

— А я вас, господин сотник, малость знаю. Наслышан.

— Как вы меня можете знать, если мы встречаемся впервые, да еще в Халхе?

— Да у нас в Дурулгуевской станице по сей день старики спорят, на каком коне — нашем, казачьем, или монгольском вы добежали по тайге из Даурии в Благовещенск.

— Ну, это было давно. А лошадь у меня была из забайкальских стад, не монгольская.

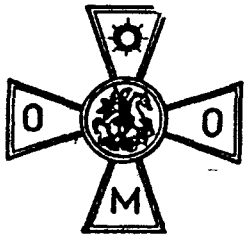
— Тогда у меня будет что рассказать о вас станичным старикам. Они наших лошадок за первейших считают в степи. Успели здесь повоевать с китайцами, господин барон?

— Нет, к сожалению. Не поспел с Амура. Да и консульство в Кобдо резко против того, чтобы русские воевали под монгольскими знаменами.

— Не стоит душу бередить этим. Пусть лучше монголы сражаются под нашими. Как казаки-буряты.

— Время покажет. Думаю, что в следующей войне на Востоке, хорунжий, так и будет. Мне было приятно завести знакомство с вами.

— И мне тоже. Вы, скажу начистоту, первый барон, с которым я сталкиваюсь в своей жизни...

Глава пятая

МИРОВАЯ ВОЙНА. СОТНИК НЕРЧИНСКИХ КАЗАКОВ

Получив «чистую» отставку, Унгерн покинул сибирскую окраину Российской империи и уехал в родной для него город Ревель. Он поселился там в доме отчима, продолжая вести аскетический образ жизни. Кругом его общения были преимущественно многочисленные родственники, среди которых оказалось немало людей в офицерских мундирах. Жил барон скромно, насколько позволяли средства унгерновского фамильного достатка. Впрочем, большего ему и не надо было. Он сторонился женского общества, почти никогда не бывал в шумных компаниях. О нем судили-рядили так:

— Что за барон? Утром в отставном мундире, вечером в нем же.

— А разговоры ведет только о Востоке, о какой-то пастушьей стране Халхе, о буддистских монастырях, о духах...

— На богослужения не ходит. Наш пастор уже жаловался его младшей сестре...

— Он не скучен в беседе. Но нельзя же все время говорить о каких-то восточных духах и буддистских монахах...

За отставным казачьим сотником закрепилась репутация «странного человека». Она нравилась ему. По крайней мере, его лишний раз не отвлекали от раздумий о судьбоносной Азии, из которой он возвратился в цивилизованный мир белых людей.

Пребывать в таком замкнутом внутренне и духовно мире барону Унгерну долго не пришлось. Скоро ему пришлось расстаться с ревельской жизнью раз и навсегда. В его судьбу, равно как и в судьбу всей России, вошла Первая мировая война.

Вбежавший в комнату племянник, размахивавший газетой, застал дядю в привычной позе глубоко задумавшегося человека. Склонив свою изрядно полысевшую голову над томом сытинской энциклопедии, Унгерн черпал познаний об Азии.

— Роман Федорович! Дядя! Война!

— Какая война?! Где? На Дальнем Востоке? С Японией? Наконец-то дождались!

— Нет, не с Японией. С самой Германией кайзера Вильгельма. Читайте — вот вам «Ревельские новости»!

Унгерн взял в руки газету и увидел на ее первой полосе «шапку» набранную шрифтом удивительно большого размера. Буквы теснились во всю ширину газетной полосы: «Высочайший манифест об объявлении состояния войны России с Австро-Венгрией». Барон с нескрываемым волнением стал читать дальше:

«Божией Милостию Мы, Николай Второй,
Император и Самодержец Всероссийский,
Царь Польский, Великий Князь Финляндский
и Прочая, и Прочая, и Прочая.

Объявляем всем верным Нашим подданным:

Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови с славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особою силою пробудились чувства братского русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо

неприемлемые для державного государства требования.

Презрев уступчивый и миролюбивый ответ Сербского правительства, отвергнув доброжелательное посредничество России, Австрия поспешно перешла в вооруженное нападение, открыв бомбардировку беззащитного Белграда.

Вынужденные, в силу создавшихся условий, принять необходимые меры предосторожности, Мы повелели привести армию и флот на военное положение, но, дорожа кровью и достоянием Наших подданных, прилагали все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров.

Среди дружественных сношений, союзная Австрии Германия, вопреки Нашим надеждам на вековое доброе соседство и не внемля заверению Нашему, что принятые меры отнюдь не имеют враждебных ей целей, стала домогаться немедленной их отмены и, встретив отказ в этом требовании, внезапно объявила России войну.

Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целость России и положение ее среди Великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши подданные.

В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом, и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага.

С глубокою верою в правоту Нашего дела и смиренным упованием на Всемогущий Промысел, Мы молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска Наши Божие благословение.

Дан в Санкт-Петербурге, в двадцатый день июля, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четырнадцатое, Царствования же Нашего в двадцатое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ».

— Это будет великая война, мой дорогой племянник. Россия сразится сразу с двумя европейскими империями. Вот это случай!

— Дядя, а как же ты?

— Я российский барон и офицер России. Не мне ли сражаться на этой войне за наше Отечество?

— Значит, опять уходишь в добровольство?

— Опять. Но теперь в мундире казачьего офицера. И не просто сотника, а Георгиевского кавалера...

Первые дни мировой войны еще не были для большой части человечества вселенским кошмаром. Для России она стала войной Великой, Отечественной. Как в памятном 1812 году. Стала прологом крушения Российской империи как державы и подведшей черту под более чем 300-летней историей царствующей династии Романовых. Стала преддверием войны Гражданской, испепелившей всю страну и разделившей ее на два непримиримых лагеря, на два движения — Красное и Белое.

Но тогда, летом 1914 года, об этом в Российской державе еще не догадывались.

Патриотическое воодушевление охватило все сословия. Многочисленные демонстрации в поддержку войны проходили в Санкт-Петербурге, срочно переименованном по волеизъявлению государя-императора в Петроград, Москве, Киеве, Одессе, других городах. Подобные манифестации проходили в Берлине и Вене, Париже и Лондоне...

Почти по всей Европе все хотели воевать. И только воевать победно. В Генеральных штабах уже тиражировали для служебного пользования секретные, загодя составленные, планы на войну. Уже после окончания Первой мировой войны историков поразит схожесть «совершенно секретных» стратегических планов Германии и Австро-Венгрии, Франции и России, Великобритании. Их высшее командование единодушно планировало победить в большой войне только за одну военную кампанию, то есть всего за один год. И продиктовать поверженному непри-

ятелю выгодные для победителя условия послевоенного мира.

...Отставной офицер фон Унгерн-Штернберг шагал в первых рядах возбужденных манифестантов по ревельским улицам. Война сразу вошла в его душу. К нему возвращалась душевная приподнятость: он опять будет на войне! Жаль, конечно, что она началась не на Востоке, который он знал хорошо. Однако разве не все равно, где добывать славу на поле брани для баронского рода. Его не смущало даже то, что воевать ему придется и против Австрии, которая была (по ряду данных) его местом рождения, то есть родиной.

Во всех православных храмах Российской державы, на улицах и площадях, на театральных сценах и просто на застольях в честь уходящих на Великую, Отечественную войну пелся государственный гимн «Боже, царя храни!». Он был создан на слова поэта В.А. Жуковского и музыку композитора А.Ф. Львова. Знал наизусть его и прибалтийский барон из Эстляндии Роман Федорович Унгерн фон Штернберг:

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу, на славу нам!
Царствуй на страх врагам,
Царь православный!
Боже, Царя храни!

Войне барон Унгерн радовался еще и потому, что находил «свое» место в окружающей его жизни. К началу 1914 года он окончательно осознал, что в гражданской жизни оказался не у дел. Он просто не видел применения себя в мирной жизни. У него не было ни денег, ни семьи, ни гражданской профессии, ни определенных планов на будущее. К этому прибавились страдания от неудовлетворенности честолюбия и сознания стремительно уходящей молодости. И вот грянула война и сняла все проблемы. Как было не радоваться и не ликовать в душе:

— Бароны Унгерны вновь на поле брани!..

По городам, губерниям, уездам и волостям государства Российского началась мобилизация в действующую армию. Фронт поражал своей громадностью, и для его занятия требовались не сотни тысяч, а миллионы бойцов, готовых пойти в бой, победить или умереть «за Бога, Царя и Отечество».

В ревельском комитете по мобилизации офицеров-запасников барона Романа Унгерна спросили то, что спрашивали всех его предшественников, составлявших длинную очередь в коридоре гарнизонного штаба. Беседу вел престарелый генерал, повоевавший еще в 70-х годах прошлого столетия против османов за Дунаем:

— Вы готовы, господин барон Унгерн фон Штернберг, пойти добровольцем на Русско-германскую войну?

— Точно так, ваше превосходительство. Готов. Это долг моей фамильной чести.

— Понятно. Вижу у вас на груди солдатский Георгиевский крест. Это похвально. Ваше офицерское звание?

— Казачий сотник.

— Где хотели бы воевать против Германии? В каком роде войск? В кавалерии, надеюсь?

— В ней, ваше превосходительство. В казачьей коннице.

— Вы уже служили в казаках, барон?

— Да. В забайкальских Аргунском и Верхнеудинском, в Амурском казачьем полках.

— Что ж, весьма похвально. В каких войнах участвовали на Востоке?

— Волонтером в Русско-японской и монгольско-китайской.

— Молодцом. Хороший послужной список для молодого офицера. В каком казачьем войске, барон, вы хотели бы послужить государю-императору в эту войну?

— Ваше превосходительство. Я прошу, чтобы мне высокое начальство великодушно предоставило возможность вернуться в ряды Забайкальского казачьего войска.

— В какой именно полк? Ваше личное пожелание?

— В любой, где есть вакансия сотника. Я хочу быть на войне...

Послужной список в Первую мировую войну сотника Унгерна-Штернберга, к сожалению, время не сохранило. А быть может, просто этот документ до сих пор еще не найден. И рано или поздно его найдут как свидетельство доблести, проявленной на большей войне рядовым казачьим офицером с удивительной и противоречивой жизненной биографией.

На войну Роман Федорович отправлялся из Ревеля в один день со своим кузеном Фридрихом Унгерном-Штернбергом, офицером, но только армейским, пехотным. Их пути расходились на перроне ревельского вокзала, переполненного людьми в военной униформе:

— Ты куда получил назначение, Фридрих?

— Во вторую армию генерала Самсонова. Она сейчас сосредотачивается против Восточной Пруссии. Будем наступать на кайзеровцов. А ты, Роман? Что записано в твоем предписании?

— Первый Нерчинский казачий полк Забайкальского войска. Он, как мне сказали, уже погрузился в эшелоны и скоро прибудет в действующую армию.

— Значит, можем встретиться с тобой в Восточной Пруссии? В Кенигсберге, скажем?

— Вполне вероятно. У меня назначение в войска Северного фронта, как и у тебя. Желаю удачи на войне, Фридрих.

— И тебе, Роман. И подвигов, о которых ты мечтал и в Маньчжурии, и в твоей заветной Монголии.

— Не забывай, дорогой кузен, что один из наших предков прославил себя крестоносцем под стенами Иерусалима. Он сражался рядом с английским королем Ричардом Львиное Сердце.

— Ныне британцы вновь наши союзники...

Фридрих Унгерн фон Штернберг войну не переживет. Он разделит трагическую судьбу самсоновской армии, как многие тысячи ее бойцов — нижних чинов и офицеров, как сам командующий. В бою под город-

ком Сольдау, в котором германцы каждое каменное строение умело превратили в огневую точку, пехотный полк, в котором служил барон Фридрих Унгерн-Штернберг, был, попросту говоря, уничтожен.

Когда остатки полковых батальонов пошли в штыки, на прорыв из вражеского кольца, в первых рядах бежал и кузен белого генерала Унгерна. Плена ему удалось избежать, но пулеметной очереди в упор нет. Немецкие пулеметчики, надежно укрывшись в добротно сложенном из дикого камня амбаре, короткими очередями косили русских пехотинцев, пытавшихся добежать по полю до спасительной лесной опушки на окраине Сольдау...

Роману Унгерну начало войны тоже пришлось провести в Восточной Пруссии. Там он получил свое первое боевое ранение — пулевое, но от госпитализации наотрез отказался, разорвав на глазах полкового начальства предписание убыть на ближайшую железнодорожную станцию, где стоял санитарный поезд. Поступок сотника не осудили, даже наоборот, одобрили:

— Не для казачьего офицера месячная прогулка по железной дороге под присмотром сестры милосердия...

Войну сотник Унгерн начал в рядах 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска. Полк входил в состав Уссурийской казачьей дивизии, которая по случаю войны была развернута из Уссурийской казачьей бригады, дислоцировавшейся в Приморье. Кроме нерчинцев, в дивизию входили Уссурийский казачий полк, Приморский драгунский полк и 1-й Амурский казачий полк, позже замененный на 2-й Амурский. Дивизионной артиллерией был 10-й конно-горный дивизион.

Уссурийская казачья дивизия являлась единственной в русской армии, составленной из казаков трех войск, дополненных единственной регулярной кавалерийской частью, расквартированной восточнее Байкала: безномерным Приморским драгунским полком с его славной маньчжурской биографией. В Великую войну трудно сыскать регулярный полк кавалерии — драгун-

ский, уланский или гусарский, который мог бы помериться славой с приморцами, квартировавшими в селе Новокиевском под Владивостоком.

Унгерну в какой-то степени повезло с фронтовым назначением. И в полку нерчинцев, и особенно среди амурцев его хорошо помнили. В этих двух полках он встретил немало офицеров из числа сослуживцев по Забайкалью и Благовещенску. Там его знали как хорошего наездника, требовательного командира и бесстрашного человека.

Русско-германская война утвердила Романа Унгерна фон Штернберга в ранге боевого кавалерийского офицера, Георгиевского кавалера с 1904 года. Он вновь носил по большим праздникам желтый мундир забайкальцев, в обычные дни блистал не снимаемой даже в жару черной бараньей шапкой внушительных размеров. Он называл ее не без гордости, как и многие обладатели подобных папах, — «маньчжуркой».

Когда Унгерна спрашивали, не хочет ли он заменить косматую папаху на фуражку защитных цветов, носимую всей кавалерией русской армии, сотник только посмеивался:

— Маньчжурка тем хороша, что не оттеняет серебра моего солдатского Георгия. А сейчас война идет...

Первый год Великой войны дал русской армии прекрасный шанс использовать свою многочисленную кавалерию. И прежде всего «летучую» казачью конницу. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич-младший мог послать в рейд не один десяток кавалерийских и казачьих дивизий, пока Восточный фронт (или как его называли чаще — Русский) не стал зарываться поглубже в землю. Тогда маневренность конницы свелась на нет густыми рядами колючей проволоки, минными полями и фугасами перед ней, кинжальным огнем хорошо укрытых пулеметов, а самое главное — сплошными линиями окопов в два-три ряда, которые тянулись от границы с Румынией на юге до песчаного берега Балтийского моря на севере.

Маневренный период Великой войны длился мень-

ше года. И за один 1914 год сотник барон Унгерн фон Штернберг смог блеснуть доблестью так, как только ему и мечталось. Отчаянная храбрость забайкальского казачьего офицера была общеизвестна. И к тому же она основательно дополнялась всевозможными слухами и домыслами, ходившими об Унгерне.

Послужной список Романа Федоровича Унгерна свидетельствует о том, что он начал и закончил Великую войну в рядах 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска. Но это не совсем так. Барону довелось отличиться и в армейском партизанстве. Когда его полк находился в начале войны на Северном фронте, то он в конце 1915 года, подав соответствующий рапорт по команде, «подался» в конные партизаны.

Тогда при штабе главнокомандующего армиями Северного фронта был сформирован Конный отряд особой важности под командованием поручика Л. Н. Пунина. В своем большинстве подобные отряды состояли из добровольцев-казаков. Речь шла о возрождении армейского партизанства времен Отечественной войны 1812 года. Этот отряд был создан в конце 1915 года. Сотник Унгерн стал добровольцем Конного отряда. Он был прикомандирован к нему, оставаясь по-прежнему в списках своего родного полка нерчинцев.

Перед самым выступлением партизан на фронт поручик Пунин вынес казачьему офицеру-забайкальцу благодарность, сказав в речи перед подчиненными следующее:

— Выражаю признательность сотнику Унгерну фон Штернбергу, вложившему столько души в боевое дело. И сумевшему внести стройный порядок в нашу товарищескую жизнь...

Унгерн, став армейским партизаном, демонстрировал действительно «примерные образцы храбрости и геройства». Он командовал 3-м эскадроном (добровольцы Уссурийской бригады, развернутой вскоре в дивизию с тем же наименованием) Конного отряда особой важности, не раз получая возможность действо-

вать самостоятельно. Такие рейды по ту сторону фронта давали прекрасную возможность проявлять инициативу и, что самое главное, добиваться желаемых результатов.

Командир партизанского отряда штаба Северного фронта не раз имел возможность описать удачные действия 3-го эскадрона и его начальника. Поручик Пунин в одном из донесений за 24 января 1916 года так описывал следующий боевой эпизод из жизни своих конных бойцов:

«Разведка крайне успешна... 3-му эскадрону досталось особенно. Ему при возвращении домой (в город Кеммери. — А.Ш.) пришлось выдержать бой с засадой немцев на бугре между болотом Заляйс-Пурс и нашими окопами. Немцев было около роты при двух офицерах. Они, не подпустивши наших казаков поближе к себе, дали залп.

Минута оцепенения.

Георгиевский кавалер, командир эскадрона сотник барон Унгерн-Штернберг с обнаженной шашкой бросился на «ура». С гиком и воем, с шашками наголо понеслись уссурицы, нерчинцы и приморцы на втрое сильного противника.

Немцы такого напора не выдержали и бежали, оставив убитых...»

Докладывая командиру Конного отряда особой важности поручику Пунину о той проведенной разведке в германский тыл, сотник среди прочего отметил:

— Могу доложить, что немцы стали угадывать наши уходы на разведку за линию фронта.

— Почему вы так считаете, господин сотник? Ведь вы вернулись из разведки с успехом. Привезли пленных, даже артиллерийского офицера.

— Успех — успехом. Но туда мы ночью прошли без шума, а на обратном пути нас уже ждала засада.

— И что из этого?

— А то, что надо менять тактику партизанства. Иногда спешивать казаков и превращаться в пеших разведчиков.

— Хорошо, давайте на днях попробуем. В каком месте предлагаете?

— Предлагаю у того же болота. Немцы после случившегося сегодня вряд ли будут нас там бдить. А тут мы на них как снег на голову свалимся. И языков возьмем прямо на передовой.

— Что ж, думаю, предложение дельное. Обсудим на совете офицеров отряда. Доложите сами?

— Доложу. У меня не только мысль о тактике есть, но и другие.

— Отлично. Роман Федорович. За эту разведку я послал на вас представление в штаб. Испрашиваю для вас чин подъесаула. Думаю, что вы его в отряде давно заслужили.

— Премного благодарен. В бою и в разведке за мной зачтется...

Командир Конного отряда особой важности в представлении на производство Унгерна в очередное звание казачьего офицера не поскупился на похвалу. Он засвидетельствовал, что сотник является одним из самых храбрых партизан, а разведки, произведенные его эскадроном, всегда результативны. Во фронтовом штабе представление было подписано в день его получения.

В бою 26 февраля 1916 года подъесаул Унгерн фон Штернберг получил серьезное ранение, и на этот раз залечивать рану в строю ему не разрешили. Он отправился на излечение в госпиталь, на время покинув отряд. Уезжая, сказал сослуживцам:

— Ждите скоро. Не для меня продавливать госпитальные койки в белых простынях. Воевать надо, а не отлеживаться в тылу...

Воевать в составе партизанского Конного отряда особой важности барону довелось до конца сентября 1916 года. После этого его Уссурийская бригада 4-й Кавалерийской дивизии была переброшена решением могилевской Ставки Верховного главнокомандующего с Северного на Юго-Западный фронт.

...Достоверно известно, что в боях барон Унгерн себя никогда не жалел. За первый год войны сотник был

четырежды ранен в боях. Он стал одним из первых фронтовых офицеров, получившим в 1914 году императорский Военный орден Святого великомученика и победоносца Георгия 4-й степени за личную доблесть. Этот белоэмалевый крест Унгерн фон Штернберг никогда не снимал ни с казачьего мундира, ни с шелкового халата монгольского князя — вана Халхи. Георгий был на груди у белого генерала и в день его расстрела в Новониколаевске.

Но, к слову сказать, за Первую мировую войну казачий офицер Унгерн боевых наград получил немного. Орденов было всего два. Вторым стал орден Святой Анны 3-й степени с мечами. А вот третьей боевой наградой барон мог гордиться не меньше, чем Святым Георгием. Это было почетное Георгиевское оружие — офицерская Золотая сабля с надписью «За храбрость» и темляком георгиевских цветов.

Судьба свела в 1-м Нерчинском полку трех человек, неординарных личностей, которым суждено было сыграть в ходе Гражданской войны в России заглавные роли. Это был полковой командир полковник барон Петр Николаевич Врангель, командир 5-й сотни барон Унгерн-Штернберг и командир 6-й сотни Григорий Михайлович Семенов.

Первый из них будет командовать у Деникина армией, потом сменит его на посту военного вождя Белого движения на Юге России и возглавит белую Русскую армию в Крыму, уйдя с ее остатками в добровольную эмиграцию. О Врангеле красноармейцы будут петь песни, называя его «черным бароном». В 1924 году во Франции он создаст монархический Русский общевоинский союз (РОВС), который почти на два десятилетия привлечет к себе внимание советской внешней разведки.

Второй, создав на безвестной забайкальской пограничной станции Даурия Азиатскую конную дивизию, дважды ворвется в пределы советского Забайкалья. Но перед этим в кровопролитных боях изгонит китайские войска из Халхи и фактически даст Монголии государственную независимость от великого Китая. О чем до 90-х годов XX века на официальном уровне в Советском Союзе и Монгольской Народной Республике старательно забывали или умалчивали.

И наконец, третий из фронтовых офицеров 1-го Нерчинского полка — Семенов станет у Верховного правителя России адмирала Колчака атаманом Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачества, командующим белыми войсками восточнее Байкала. В историю Гражданской войны войдет образный термин — семеновщина. Он станет соотносим с именем белого барона Унгерна.

Именно генерал-лейтенант Врангель, взявшийся за перо в белой эмиграции, дал достаточно полную характеристику своему подчиненному на фронте барону Унгерну, сотенному командиру казаков-нерчинцев. Во врангелевских «Записках» написано так:

«Подъесаул барон Унгерн-Штернберг или подъесаул «барон», как звали его казаки, был тип несравненно более интересный (чем Семенов. — Авт.).

Такие типы, созданные для войны и эпохи потрясений, с трудом могли ужиться в обстановке мирной полковой жизни. Обыкновенно, потерпев крушение, они переводились в пограничную стражу или забрасывались судьбою в какие-либо полки на Дальневосточную окраину или Закавказье, где обстановка давала удовлетворение их беспокойных натур.

Из прекрасной дворянской семьи лифляндских помещиков, барон Унгерн с раннего детства оказался предоставленным самому себе. Его мать, овдовев, молодой вышла вторично замуж и, по-видимому, перестала интересоваться своим сыном. С детства мечтал о войне, путешествиях и приключениях, барон Унгерн, с возникновением японской войны, бросает корпус (Морской. — Авт.) и зачисляется вольноопределяющимся в армейский пехотный полк, с которым рядовым проходит всю кампанию. Неоднократно раненный и награжденный солдатским Георгием, он возвращается в Россию и, устроенный родственниками

в военное училище (Павловское. — Авт.), с превеликим трудом кончает таковое.

Стремясь к приключениям и избегая обстановки мирной строевой службы, барон Унгерн из училища выходит в Амурский казачий полк, расположенный в Приамурье, но там остается недолго. Необузданный от природы, вспыльчивый и неуравновешенный, к тому же любящий запивать и буйный во хмелю, барон Унгерн затевает ссору со своим сослуживцем и ударяет его. Оскорбленный шашкой ранит Унгерна в голову. След от этой раны остался у Унгерна на всю жизнь, постоянно вызывая сильнейшие головные боли и несомненно периодами отражаясь на его психике. Вследствие ссоры оба офицера вынуждены были оставить полк.

Возвращаясь в Россию, Унгерн решает путь от Владивостока до Харбина проделать верхом. Он оставляет полк, верхом в сопровождении охотничьей собаки и с охотничьим ружьем за плечами. Живя охотой и продажей убитой дичи, Унгерн около года проводит в дебрях и степях Приамурья и Маньчжурии и, наконец, прибывает в Харбин. Возгоревшаяся Монголо-Китайская война застает его там. Унгерн не может оставаться безучастным зрителем. Он предлагает свои услуги монголам и, предводительствуя монгольской конницей, сражается за независимость Монголии. С началом Русско-Германской войны, Унгерн поступает в Нерчинский полк и с места проявляет чудеса храбрости. Четыре раза раненный в течение одного года, он получает орден Св. Георгия, Георгиевское оружие и ко второму году войны представлен уже к чину есаула.

Среднего роста, блондин, с длинными, опущенными по углам рта рыжеватыми усами, худой и изможденный с виду, но железного здоровья и энергии, он живет войной. Это не офицер в общепринятом значении этого слова, ибо он не только совершенно не знает самых элементарных уставов и основных правил службы, но сплошь, и рядом грешит и против внешней дисциплины и против воинского воспитания — это тип партизана-любителя, охотника-следопыта из романов Майн

Рида. Оборванный и грязный, он спит всегда на полу, среди казаков сотни, ест из общего котла и, будучи воспитан в условиях культурного достатка, производит впечатление человека, совершенно от них отрешившегося. Тщетно я пытался пробудить в нем сознание необходимости принять хоть внешний офицерский облик.

В нем были какие-то странные противоречия: несомненный, оригинальный и острый ум и рядом с этим поразительное отсутствие культуры и узкий до чрезвычайности кругозор, поразительная застенчивость и даже дикость и рядом с этим безумный порыв и необузданная вспыльчивость, не знающая пределов расточительность и удивительное отсутствие самых элементарных требований комфорта.

Этот тип должен был найти свою стихию в условиях настоящей русской смуты. В течение этой смуты он не мог не быть хоть временно выброшенным на гребень волны, и с прекращением смуты он также неизбежно должен был исчезнуть».

Впрочем, барон П.Н. Врангель на Юго-Западном фронте давал за своей подписью своему подчиненному барону Унгерну фон Штернбергу и другую служебную характеристику:

«Превосходный офицер, не теряется ни при каких обстоятельствах. Склонен к пьянству».

Но здесь, о последних словах, следует обязательно заметить следующее. В скором времени, оказавшись в Монголии, Унгерн станет совершенным трезвенником. Более того, будет самым жесточайшим образом наказывать своих подчиненных, в том числе и старших офицеров, за малейшие пристрастие к «зеленому змию».

Эти характеристики грешат многими неточностями и вольностями биографического характера, которые Врангель просто не мог знать. Но ценность их не в этом. Они дают более чем исчерпывающее описание личности барона Унгерна как человека с офицерскими погонами на плечах, оказавшегося на большой войне — мировой, которая в условиях России имела свое продолжение — войну Гражданскую...

Георгиевский орден 4-й степени сотник Унгерн-Штернберг заслужил так. Дело было под польским городом Ломжей в бывшем уже теперь для России Царстве Польском.

Немецкие позиции атаковала русская гвардия, ее старейшие и наиболее прославленные полки — Преображенский, Семеновский, Измайловский и Егерский. Лейб-гвардейцы под грохот артиллерийской канонады теснили германскую пехоту в северном направлении, неся при этом большие потери. Во втором эшелоне находилось несколько казачьих полков — забайкальский 1-й Нерчинский и донских казаков из соседних дивизий. Их свели воедино, на тот случай, если представится возможность нанести удар конницей. Но командование армией все не решалось ввести их в дело, поскольку немецкий фронт прорван гвардией еще не был.

Спешившиеся казаки-забайкальцы, укрыв коней под присмотром коноводов в поросшей лозняком лощине, собравшись по сотням, вслушивались в гул большого боя. Он шел где-то невидимый впереди них, в трех-четырех верстах вдоль линии железной дороги.

Полковой штаб разместился у часовни, прикрывшись от случайного разрыва немецкого снаряда этим небольшим каменным строением. Казаки, как люди православные, на часовню кресты не клали. Была она не русской веры, а католической. На ее крыше сидел наблюдатель, водивший биноклем из стороны в сторону.

Командир полка, разложив на скамейке карту этой части Царства Польского, показывал сотенным положение дел под Ломжей, как оно ему виделось. Хотя было не совсем ясно ни расположение нашей гвардии, ни позиции германцев. Через час наблюдатель с крыши часовни крикнул:

— Из боя конный к нам скачет! Прямо на часовню летит!

Подскакавший верховой носил на плечах погоны штабс-капитана. По аксельбантам можно было судить, что он из корпуса офицеров Генерального штаба. Пря-

мо с взмыленного коня он спросил старшего в кружке полковых начальников:

— Кто вы будете, ваше благородие?

— Командир 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска флигель-адъютант полковник барон Врангель.

— Очень приятно познакомиться с вами, барон. Штабс-капитан Ногайцев. Вам приказ от командующего корпуса. Приказано передать устно.

— Готов выслушать его.

— Лейб-гвардии Измайловский полк, что атаковал в направлении Ломжи на левом фланге, понес большие потери. Но установлено, что там немецкий фланг ничем не прикрыт. Вашему полку приказано провести атаку в конном строю в направлении села Старые Подгайцы.

— Где это? Покажите на карте? И если можно — направление рукой?

— На карте Малые Подгайцы вот здесь. А рукой? Видите вон за тем помещичьим садом макушку польского костела?

— Вижу хорошо.

— Так вот вам атаковать левее. Немецких войск там пока не отмечено. Проскочите Малые Подгайцы и сразу заходите германцам в ближний тыл.

— Какова задача Нерчинскому полку в тылах у немцев?

— Корпусной начальник отдает задачу конного рейда на вашу личную инициативу, господин флигель-адъютант. Так что ловите удачу в атаке...

Полковник Врангель, поблагодарив штабс-капитана, который отправился обратно, в корпусную штаб-квартиру, поставил перед сотенными командирами боевую задачу:

— Атаковать будем всем полком. Передовой пойдет первая сотня. За ней — вторая, третья и четвертая. Пятая и шестая — мой личный резерв. Я следую при них. Все. Выступаем через двадцать минут.

— Как быть с вьюками, господин полковник?

— Лишние тяжести оставить здесь. Укрыть в лощине. Для присмотра за ними оставить по казаку от сотни...

Минут через двадцать Нерчинский полк сотня за сотней двинулся к Малым Подгайцам, ориентируясь по шпилю хорошо видневшегося костела. Версты через две в общем гуле боя стали прослушиваться не только взрывы снарядов, но и отдельные винтовочные выстрелы, треск пулеметных очередей. Стали попадаться раненые, бредущие самостоятельно в тыл, опираясь на винтовки.

Сотник Унгерн, как и его подчиненные, жадно всматривался в картину боя, куда им предстояло пойти конной лавой на пули и вспышки рвущихся снарядов. То есть пойти на смерть:

— Смотри, вон у того кисти левой руки совсем нет. А сам в лазарет идет-то...

— А что ты хочешь, если тебя тоже вовсю полоснет железом...

— В меня еще попасть надо. У меня конь, как вихрь, унесет от любого снаряда...

— Молодцы, эти лейб-измайловцы. Видишь — ни один своей винтовки не бросил. И все со штыками примкнутыми...

— Еще бы. Только что из штыковой атаки вышли, солдатики наши...

Когда шедшие впереди разведчики первой сотни доложили полковнику Врангелю, что рассмотрели край немецкой позиции на бугре у сельской околицы (оттуда короткими очередями бил немецкий «максим»), полковой командир приказал:

— Первым четырем сотням идти в атаку. Сигнал подаст горнист. Проскакав версту от села — заходить к немцам в тыл. Напоритесь на пулеметы — берите еще левее...

Казачьи сотни стали набирать ход. Черные папахи, как виделось со стороны, пригнулись к конским шеям. Опустились пики, из ножен были в единый миг вытащены давно отточенные шашки. Сотенные командиры во весь голос раз за разом командовали:

— Шашки — вон! Пики — к бою!

— Пошли вперед! Строй держать!

— В лаву!..

Через несколько минут глухой гул нескольких тысяч лошадиных копыт возвестил о том, что казачий полк пошел в атаку. Пока без крика и свиста. Молча. Немецкая пехота увидела лаву только тогда, когда первая сотня во весь конский мах вырвалась на поле за садом из старых, ветвистых яблонь. Началась суматошная стрельба, но было уже поздно. Казаки-забайкальцы прорвались во вражеский тыл, оставив на поле с десяток бьющихся на земле коней и упавших с них убитых или раненых всадников.

К полковнику Врангелю один за другим подскакивали расторопные вестовые от сотенных начальников:

— Первая, ваш бродь, порубила охранение немцев за деревней. Идет дальше вправо.

— Молодцы. Первые Георгиевские кресты ваши. Так и передай сотнику для казаков...

— Вторая сотня обоз пехотный вырубила. Идет дальше за первой сотней.

— Хорошо. Только не отрывайтесь от первой. Так и передай. Скачи...

— Третья сотня гонит перед собой в рощицу германцев. Трофеем взято два пулемета. Не успели их с повозок снять, как мы налетели на пулеметчиков.

— Тоже молодцы. Немцев из леска выбить в конном строю...

— Четвертая сотня спешилась. Впереди вражеские окопы. С полверсты за ними немцы разворачивают батарею полевых пушек. Сотник наш спрашивает, как ему быть?

— Коней укрыть. Стрельбой из ружей приковать к себе внимание пехоты немцев. Батарею будут атаковать резервные сотни...

То, что впереди в окопах сидела неприятельская пехота, большой неожиданностью не было. Но вот то, что германская батарея полевых пушек торопливо разворачивалась на позиции, грозило большими неприятностя-

ми. Огонь шрапнельными гранатами по конской лаве заканчивался потерями в людях и лошадях. Надо было упредить врага. Полковник Врангель скомандовал:

— Барон Унгерн. Приказываю вашей сотне в конном строю атаковать немецкую батарею.

— Есть атаковать артиллерию.

— Шестая сотня остается в резерве. Быть готовой усилить пятую в атаке...

Подскакав на рысях к идущей своей сотне, Роман Унгерн привстал на стременах, чтобы лучше видеть казаков. Скомандовал голосом привычно громким, зычным:

— Атакуем батарею! Сотне развернуть в лаву! Не робеть, если пушки будут стрелять! Помни присягу, казаки!..

Унгерновская сотня пошла в атаку тогда, когда германские пушкари уже развернулись на позиции, а зарядные упряжки только-только к ним подскакали. Этих несколько минут на заряжание орудий и хватило нерчинцам из пятой сотни, чтобы вскочить в «мертвую зону». Четырехпушечная батарея все же дала по атакующим русским конникам нестройный залп. Первый и последний. Второй раз зарядить орудия германцы не успели.

Казачья сотня оказалась на вражеской артиллерийской позиции в тот счастливый миг, когда орудийные замки еще не были закрыты. С воплями нерчинцы проносились между замолкшими полевыми пушками и зарядными ящиками, рубя орудийную прислугу направо и налево. От всей батарейной прислуги удалось спастись всего лишь десятку-другому германских солдат.

Сотник Унгерн метался на вздыбленном коне, раздавая взводным одну за другой команды:

— Не увлекаться! Людей дальше вперед не гнать!

— Пушки! Упряжки к пушкам!

— Орудия увозить к полку! Да живей!

— По ездовому на зарядный ящик! Гнать к полку трофеи!

— Пленного хоть одного возьмите, черти!

— Собирай трофеи! Документы брать!..

Взятие русской конницей батареи, разумеется, не осталось незамеченным. Немецкое командование, стремясь исправить допущенную ошибку (батарея оказалась выдвинутой на фланге без пехотного прикрытия), старалось теперь не дать противнику увезти трофеи к себе.

Поскольку бой под Ломжей шел большой, батарей нерчинцев оказалось не одна, а несколько. Ближайшие пушечные батареи получили спешный приказ открыть огонь по казачьей коннице, оказавшейся в тылу и громящей сейчас взятую с налета крайнюю батарею. Такой приказ получил даже тяжелый мортирный дивизион. Время от времени «подававший голос» из-за железнодорожной насыпи.

На счастье нерчинцам, первые снарядные разрывы «рассыпались» в нескольких сотнях шагов от батарей-на позиции. Сотнику Унгерну сразу стало понятно, что началась пристрелка. Поэтому он отдал последние приказы:

— Всем гнать назад! Молодцы вы мои!

— Трофеи увозить с собой! Пленных!

— Всех раненых забрать! И тех, кто в поле остался!..

Пятая сотня 1-го Нерчинского полка возвращалась назад на исходную позицию с нещадно подгоняемыми плетьми орудийными упряжками. Со стороны Нижних Подгайцев германские пехотинцы вели беглую пальбу из винтовок, строчили длинными очередями уже несколько «максимов». Немецкая артиллерия так и не смогла накрыть нападавших, уходивших к себе. Снаряды каждый раз пачками рвались позади казаков.

Все же шальной мортирный снаряд раз вздыбил нескошенное хлебное поле в самом хвосте колонны всадников. Взрывной волной опрокинуло последнюю трофейную упряжку, и немецкое орудие застыло на земле вверх колесами. Несколько казаков лежали на земле.

Видя такое дело, сотник повернул своего коня назад. Подскакав к перевернутому орудию, Унгерн крикнул одному из урядников:

— Снимите замок с орудия!

— А пушка!

— Да черт с ней! Времени нет переворачивать. Да и кони в упряжке все побиты.

— Убит у нас казак, ваш бродь! Ездовой пушки.

— Взять его с собой! И раненых! Коли кого оставите — спущу шкуру плеткой...

Сотня вышла из боя удачно. Один убитый казак, с десяток раненых и дюжина побитых коней в счет не шли. Потери «перевешивались» богатыми трофеями: три полевых орудия, четыре зарядных ящика разгромленной немецкой батареи и один орудийный замок, как прямое доказательство, что и четвертая пушка побывала в руках казаков-нерчинцев. Не считая еще двух пленных артиллеристов, нескольких десятков винтовок с плоскими штыками и документов, прихваченных в сумке срубленного шашкой командира батареи.

Полковой командир был в восторге от удачно проведенной конной атаки. Отличились все сотни полка, шестая сотника Семенова тоже ходила вперед. Дело было сделано почти без потерь: они составили от тысячи всадников всего полсотни людей. На счастье, погибших и тяжело раненных среди них оказалось меньше дюжины. Всем остальным путь в тыл дальше дивизионного лазарета не грозил:

— Зачем к докторам. К утру заживет как на собаке. Не рана — пустяк, царапина. Только рубаху попортила...

Полковник барон Врангель тут же, на месте, продиктовал полковому писарю победное донесение в штаб Уссурийской казачьей дивизии. Взятые трофеи перечислялись самым подробным образом, даже тесаки и бинокли. Посыльным Врангель лично подобрал хорунжего бравого вида, раненного в атаке, с забинтованной головой. Приказал ему строго:

— Одна нога твоего коня здесь — другая там. Донесение отдашь лично в руки начальника дивизии генерала Крымова.

— А немецкие документы, ваш бродь?

— Их сдашь в дивизионный штаб. Гони. С Богом...

Командир дивизии, состоявшей из забайкальцев, амурцев, уссурийцев и приморских драгун, другого донесения от флигель-адъютанта Свиты его императорского величества барона Врангеля и не ожидал. Блестящий кавалерийский полковник в начавшейся войне подавал хорошие надежды вырасти в боевого генерала. Дело под Малыми Подгойцами близ Ломжи только подтверждало перспективности командира 1-го Нерчинского казачьего полка.

Получив боевое донесение из полка забайкальцев, генерал-майор Крымов не удержался и, в сопровождении небольшого конвоя, поскакал к нерчинцам. Те знали его как начальника доблестного и слову верного. Крымов больше двух лет перед войной служил в Забайкальском казачьем войске, командуя 1-м Аргунским полком.

Командира дивизии «засекли» еще на подходе к полковому биваку. Когда генерал Крымов прибыл на место, весь 1-й Нерчинский полк, по сотням, с полковым знаменем на левом крыле, выстроился вдоль проселочной дороги. На правом крыле в ряд стояли трофейные орудия и зарядные ящики. Пленных уже отправили в тыл.

Полковник Врангель перед прибытием высшего дивизионного начальства отдал по такому случаю несколько приказов сотенным командирам:

— Всех раненых, что могут держаться в седле, поставить в первый ряд сотен.

— Прикажите протереть колеса трофейных пушек и ящиков. Чтоб порядок был виден.

— Казакам бороды расчесать. Конскую сбрую осмотреть. С неисправною сбруей коней во второй ряд поставить. Чтоб глаза высокому начальству не мозолили. После разобраться: что и почему. Да построже.

— Полковое знамя развернуть! Горнистам играть по моей команде сигнал встречи...

Крымов и сопровождавшие его всадники рысью подскакали к полковому строю. На правом фланге

у развернутого полкового знамени они были встречены полковником Врангелем. Тот кратко доложил о проведенной атаке и состоянии полка. После этого командир Уссурийской, «самой восточной» казачьей дивизии, проехав к центру строя, выкрикнул:

— Нерчинцы! Поздравляю вас с молодецким делом!

В ответ почти тысяча человек прокричала троекратно:

— Ура! Ура! Ура-а-а!..

Отобедав в полку у котла одной из сотен, Крымов уединился с полковником Врангелем и его начальником штаба в походной палатке:

— Теперь разговор о наградах. В корпусе после дела Приморского драгунского полка под Попелянами такой победной атаки больше не было. Так что командующий фронтом подпишет нам любой наградной лист.

— Александр Михайлович. Дозвольте изложить свое пожелание по наградам.

— Слушаю вас, барон.

— Прошу наградить всех сотенных командиров. Они в атаку вели казаков одинаково доблестно, и будет несправедливо обойти кого-нибудь в ордене.

— Полностью согласен, Петр Николаевич. Поступить следует как можно справедливее. Только тут есть одно но.

— Какое, ваше превосходительство?

— Офицерский Георгий может быть дан только одному из них. Остальных представим к Аннам и Станиславам с мечами. Никого не обидим.

— Из моих сотенных больше всех героем был один.

— Кто он?

— Сотник пятой барон Унгерн фон Штернберг, Роман Федорович. Солдатского Георгия имеет за Маньчжурию.

— Это тот Унгерн, который послужил до меня в 1-м Аргунском полку и в Амурском войске, а потом отправился охотником воевать с китайцами в Монголию?

— Тот самый, Александр Михайлович. В послужном списке у него нареканий нет.

— Разумеется, нет. Но мне аргунские офицеры рассказывали о нем всякое, порой чести офицеру не делавшее.

— То было до войны, ваше превосходительство. Теперь же я, как и весь Нерчинский полк, можем засвидетельствовать примерную храбрость сотника Унгерна.

— В храбрости его и я, барон, не сомневаюсь. Так чем он отличился в доблестной атаке вашего полка?

— С налета взял батарею германцев. Все четыре орудия, все четыре зарядных ящика, пленных, документы. Потерь всего один убитый казак, раненых почти нет. Сотня в бодром духе, хоть сейчас полетит в бой.

— Похвально, Петр Николаевич. А орудийный замок, как я понял, сняли при отходе с разбитой пушки?

— Точно так, ваше превосходительство. Можно было поднять на колеса и увезти орудие, но сотню германцы накрывали огнем из орудий нескольких батарей. Могли потерять много казаков.

— Тогда сотник поступил тактически грамотно. Похвально.

— Александр Михайлович. В полку офицеры такого же мнения.

— Что он заканчивал, перед тем как выйти в офицеры?

— Как и вы, Павловское военное училище.

— А как зовут Унгерна в полку казаки?

— Между собой только «наш барон». И не иначе.

— Значит, решаем так. Сотника Унгерна представляем к награждению императорским Военным орденом Святого Георгия 4-й степени. Остальных — как уже было сказано.

— А нижним чинам что будет в награду, ваше превосходительство?

— На каждую сотню по шесть Георгиевских крестов и дюжине медалей «За храбрость». Унгерновской сотне за захват вражеской батареи — двенадцать крестов и двадцать медалей. Наиболее отличившихся приказных моим приказом произвести в хорунжии.

— Спасибо, ваше превосходительство, от всего полка нерчинцев. Наградные списки в штаб дивизии будут доставлены завтра утром.

— Хорошо. Только чтоб в наградных представлениях было побольше геройского. Особенно у сотника Унгерна. Иначе его могут не пропустить. А вас, Петр Иванович, в самом скором времени ожидает назначение на должность командира одной из бригад Уссурийской дивизии. А там и вместо меня будете.

— Для меня это большая честь, ваше превосходительство.

— Честь по заслугам, господин флигель-адъютант Свиты Его Императорского Величества. Вы ведь один из первых офицеров русской армии, награжденных в эту войну орденом Святого Георгия. Да еще выходец из лейб-гвардии Конного полка.

— Все равно благодарен вам за протекцию.

— Полно, Петр Николаевич. Мы ведь не первый день знаем друг друга.

— А вы куда, если не секрет, Александр Михайлович?

— Мне передали, что в Ставке Верховного готовится приказ о переводе. Возможно, получу конный корпус...

Наградные Георгиевские кресты и медали «За храбрость» на георгиевской ленте, приказ о производстве десятка приказных в урядники пришли в 1-й Нерчинский полк уже на исходе недели. К концу месяца пришли ордена на наиболее отличившихся офицеров. А вот своего Святого Георгия сотник Роман Унгерн фон Штернберг ждал без малого четыре месяца. Но все-таки дождался. Долго ходило представление на Военный орден по инстанциям в Ставке Верховного главнокомандующего русской армией в Великой войне великого князя Николая Николаевича-младшего. И придирчиво рассматривалось в Георгиевской думе.

Своего офицерского Георгия барон Унгерн-Штернберг получал перед полковым строем казаков-нерчинцев, под бравурные маршевые звуки военного оркестра.

Стоял солнечный осенний день, и, может быть, от этого, лица казаков светились радостными улыбками. Получив из рук полкового командира такой желанный эмалевый крест белого цвета, в розетке которого верхоконный Святой Георгий-победоносец поражал копьем поверженного дракона-«змия», сотник выехал вперед и произнес как можно громче:

— Служу России! Служу Богу, царю и Отечеству! Ура, братцы-казаки!

В ответ от всех шести сотен полка раздалось:

— Ура! Ура! Ура-а-а!..

Кавалерийское дело под Ломжей на Северном фронте было одним из последних для русской конницы в первую военную кампанию. Поздней осенью фронт стал, и Уссурийская казачья дивизия в числе других была отведена на отдых в тыл. Дел для казачьей легкой конницы пока не находилось. В 14-м году кавалеристов и казаков еще не спешивали для сидения в окопах на положении «царицы полей» — пехоты. А из драгунских, уланских и гусарских полков, даже гвардейских, не формировали стрелковые кавалерийские полки.

В новую военную кампанию 1915 года главные события на Востоке разворачивались в полосе Юго-Восточного фронта. Ему, по замыслу могилевской Ставки Верховного главнокомандующего, предстояло нанести главный удар на запад. На этом настойчиво настаивали союзники России в лице Великобритании и особенно Франции. Дела у союзников под Верденом, да и в других местах Западного фронта, обстояли плохо.

Уссурийская казачья дивизия перебрасывалась южнее. Полки походным порядком следовали к Карпатским горам. Полковые тяжести и конно-горный дивизион следовал к месту назначения по железной дороге, лишь на несколько дней отстав от дивизионных походных колонн. Они могли оказаться на месте гораздо быстрее, но было приказано беречь коней.

За бои в Карпатах сотник барон Унгерн фон Штернберг получил почетнейшее Георгиевское оружие — Золотую офицерскую саблю. На рукоятке клинка из

уральской златоустовской стали, не отличавшейся от известнейшей в истории дамасской, блистала надпись «За храбрость».

Уссурийская казачья дивизия в числе первых вошла в Карпаты и завязала там упорные бои с оборонявшимся неприятелем. Это была баварская пехота из кайзеровской армии и пехота венгерская из состава армии Австро-Венгерской империи с многочисленной полевой артиллерией: отборные армейские силы двух союзников.

Именно они защищали карпатские горные перевалы, чтобы не дать русским возможности вырваться с гор в Закарпатье и дальше, на просторы Венгерской равнины. А с нее удобные пути вели к Будапешту и затем к австрийской имперской столице Вене. Так что вражеское командование не жалело сил для ведения боев в лесистых Карпатах, которые имели совсем немного горных перевалов, удобных для прохода большого числа полевых войск с их тылами.

На надежной и упорной обороне до конца одинаково твердо настаивали и главнокомандующий венского двора генерал пехоты эрцгерцог Фридрих со своим начальником Генерального штаба тоже генералом пехоты графом Конрадом фон Гетцендорфом. И верховный главнокомандующий Германии император Вильгельм II со своим начальником полевого Генерального штаба генералом пехоты фон Фалькенгайном, только что сменившим на этом посту генерал-полковника графа фон Мольтке-младшего, сына известного прусского фельдмаршала графа фон Мольтке-старшего.

Фон Фалькенгайн перед битвой за Карпаты докладывал своему императору Вильгельму II следующее:

— Взгляните, ваше величество, на карту Восточного фронта наших австрийских союзников.

— Что там опять у Вены? Вновь трещит фронт?

— Да, ваше величество. Трещит под ударами этого русского генерала Брусилова.

— Где сейчас может быть прорыв фронта австрийцев?

— На этот раз в горах Карпат.

— Что намерен предпринять мой полевой Генеральный штаб? Ведь помочь эрцгерцогу Фридриху надо незамедлительно.

— Полевой Генеральный штаб думает, ваше величество. Подготовлены для вашей подписи директивы по отправке в Карпаты баварских пехотных полков.

— Отличное решение, мой генерал. Для баварцев что Альпы, что Карпаты — одно и то же.

— Точно так, ваше величество. Баварская пехота в немецкой армии лучше всех подготовлена для войны в горах и горных лесах.

— Генерал Фалькенгайн. Вам известно, что русский полководец Брусилов — кавалерийский генерал? Поэтому он не случайно рвется на просторы Венгерской равнины.

— Да, ваше величество. И он приготовил нам сюрприз.

— Любопытно. Какой же?

— Он послал на штурм карпатских перевалов казачьи дивизии, спешив их с коней.

— Казаки, наверное, с Кавказа?

— Никак нет. Кавказские казаки почти все воюют против наших союзников-турок в Закавказье.

— Тогда какие русские казаки атакуют в Карпатах?

— Те, которые воевали с японцами в Маньчжурии. Из азиатской части России.

— Но чего их особо опасаться? Ведь они из тех войск, что проиграли императору Хирохито Русско-японскую войну.

— Смею вас поправить, ваше величество. Войну проиграли не азиатские казаки русских, а их главнокомандующий генерал от инфантерии Куропаткин.

— Жаль, что не он сейчас командует русским Юго-Западным фронтом. Весьма жаль. Каков же наш ответ на сюрприз кавалерийского генерала Брусилова?

— Баварские полки германской армии. И достаточное число тяжелой артиллерии. Горные орудия, мортиры крупного калибра. И достаточное число снарядов.

— Хорошо. Химические снаряды под Карпаты отправлены?

— Да, они есть там в неприкосновенном армейском запасе. На самый крайний случай.

— Прекрасно. У меня к вам одна просьба, генерал Фалькенгайн.

— Какая, ваше величество?

— Телеграфируйте в Вену за моей подписью следующее. Пусть уважаемый граф Конрад снимет с карпатского фронта все воинские части с чехами и словаками. Они в этой войне крайне ненадежны.

— И кем вы считает их надо заменить, ваше величество?

— Только венграми. Пусть они доблестно защищают перевалы в Карпаты, с которых видна их Венгерская равнина. А то русские казаки выпьют все венгерское вино в их подвалах.

— Смею заметить, ваше величество, что это будет прекрасное добавление к нашим баварцам...

Четыре полка Уссурийской казачьей дивизии «вгрызались» в горные карпатские леса. Бои приходилось вести за каждую господствующую высоту. Проселочные дороги, которые после каждого дождя превращались в непроходимую грязь, едва вмещали в себя дивизионные тылы. Своих коней всадники чаще вели в горы на поводах, чем сидели на них верхом. Обозные повозки распрягались для того, чтобы две упряжки тянули одну фуру. Порой грузы — провиант, боевые припасы переносились людьми на руках. Все хуже становилось с фуражом. Порой из-за копны прошлогоднего сена, попавшей по пути на горной поляне, вспыхивали стычки и люди хватались за шашки.

Бригадный командир барон Врангель, флигель-адъютант и Георгиевский кавалер, отличался известным самолюбием. Но теперь он, столкнувшись с горными трудностями, все чаще советовался с ближайшим окружением: как и где вести наступательные действия, как теснить неприятеля все выше и выше в горы, как поддерживать бодрость духа в подуставших после непре-

рывных и длительных боев казаках и приморских драгунах. Люди выдохлись, а из штаба армии, из фронтового штаба генерала от кавалерии Брусилова все шли и шли телеграфной строкой приказы:

«Уссурийской казачьей дивизии продолжить борьбу за обладание перевалами в Карпатах...»

«Обращаю внимание командиров корпусов, дивизий, бригад и полков на снижение темпов наступления в Карпатах...»

«Напоминаю еще раз: обладание карпатскими перевалами есть цель наступательной операции Юго-Западного фронта...»

«Государь-император соизволил передать бойцам фронта свою благодарность за проявленную доблесть в боях за Карпаты. Он особенно выделил следующие войска: Уссурийскую казачью дивизию...»

Полковник барон Врангель, вчитываясь между этих сухих телеграфных строк, знал больше о местах боев, чем те люди, которые писали строки рассылаемых приказов. Доблести казакам было не занимать. В лесах, пусть и в карпатских, они чувствовали себя как дома. Еще бы, с двадцати годков участвовать в постоянных стычках с китайскими бандитами-хунхузами. И нести службу казачью, как службу пограничной стражи. Так что же сдерживало боевой дух нерчинских и амурских казачков бригады?

Бригадный командир решил навестить позиции 1-го Нерчинского полка. И «узнать там правду про горную войну». Ведь карпатские перевалы требовалось оседлать любой ценой. А подкреплений пехоты не присылалось. Командир приданного дивизии артиллерийского дивизиона на каждом совещании в штабе выслушивал один и тот же вопрос:

— Вчера посылал две сотни казаков на штурм высоты. Просил у пушкарей огня в поддержку по разведанным целям. А они пристрелочными выстрелами только отделались.

Артиллерийский подполковник устало, привычным жестом вынимал из кармана офицерского кителя

исписанный чернильным карандашом цифирью лист и докладывал командиру дивизии. Равно и всем собравшимся в брошенной хозяевами просторной избушке карпатских горцев-гуцулов:

— Да, командир казачьего полка полностью прав. Огневой налет был сделан первой батареей дивизиона из расчета два снаряда на один орудийный ствол.

— Два снаряда на орудие! Да это же смеху подобно!

— Смеяться нам, и особенно мне, не приходится. Уже почти неделю нет подвоза снарядов в горы. Поэтому я приказал резко уменьшить ежесуточный расход снарядов.

— Но есть же в дивизионе неприкосновенный снарядный запас, господин подполковник?

— Разумеется, есть. Но будет вскрыт только в самый критический момент. В противном случае...

— Что в противном случае?

— Если я прикажу расстрелять дивизиону все имеемые снаряды, то меня следует отдать под военно-полевой суд. И снять с меня офицерские погоны.

Казаки-нерчинцы встретили своего бывшего полкового командира привычно приветливо. Барон Петр Николаевич Врангель казачью душу знал отменно, всегда был заботлив о подчиненных, в обиду их никогда не давал и лишний раз на верную гибель не посылал. Он помнил один из заветов генералиссимуса российских войск князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, изложенные в его поистине бессмертной «Науке побеждать»:

«Русский солдат дорог. Береги его для побед...»

И в той же «Науке побеждать» русский военный гений давал казакам, без различия их войск, такую оценку:

«Казаки везде пролезут...»

На стоянке полка барон Врангель, встреченный начальством, посетил сперва лазарет, где скопилось с десяток раненых, которых предстояло отправить в армейский госпиталь, вниз с гор. Но санитарный транспорт все никак не мог выбраться из долины по раскисшим от

прошедших дождей дорогам. Поговорив с ранеными, Врангель отправился в полковой штаб, устроившийся в дощаном пастушьем домике под самым обрывом почти лысой скалы.

Там его уже ждали все сотенные командиры, собранные с передовой по такому случаю. Поприветствовав каждого, бригадный начальник повел трудный разговор начистоту:

— Вчера получил от вашего полка донесение. Казаки такой-то сотни не поднялись в атаку вторично. В чем дело, господа казачьи офицеры?

Вопрос был не из самых приятных. Упрека заслуживал целый полк уставших бойцов. Не опустил глаза лишь один сотник барон Унгерн-Штернберг, давно известный тем, что мог ответить начальнику любого ранга резко и правдиво, мало беспокоясь за последствия:

— Наши нерчинцы не просто устали, господин флигель-адъютант. Дело, на мой взгляд, совсем в ином.

— В чем же, барон?

— Горное дело все кроется в казачьей психологии.

— При чем ту война в горах и особенности казачьей психологии? Разъясните нам, господин сотник.

— Психология любого казака, особенно выросшего в степях, в привязанности к лошади. Вот в чем кроется усталость нерчинских казаков.

— А как, на ваш взгляд, избавить казаков от этой усталости?

— Надо превратить забайкальцев и амурцев, тех же уссурийцев и драгун из Приморского полка в настоящую казачью пехоту. Наподобие кубанских пластунов.

— Прекрасная идея. А что, по-вашему следует, сделать дивизионному начальству для этой цели?

— Отослать из полка почти всех верховых лошадей.

— Почему именно казачьих?

— Во-первых, для них нет здесь достаточно фуража, и кони голодают. Они еле ноги таскают в горах. Скоро нам седла за них на себе носить придется. И делать в бою конным здесь просто нечего. Это факт.

— Согласен с вами. А во-вторых?

— А во-вторых, казак освободится от мысли, что ему надо сберечь коня. И будет понимать, что в случае беды ему не на чем бежать с поля боя. Вот он и будет тогда драться до последнего, как ошалелый.

— Вот это верно. Блестящая мысль, господин сотник. Иначе из наших казаков в Карпатских горах стоящей пехоты никак не получится...

Во врангелевской бригаде, а потом и во всей Уссурийской казачьей дивизии все были немало удивлены двум последовавшим друг за другом боевым приказам. В них предписывалось казакам и драгунам отправить строевых коней вниз с гор, в долину под присмотром выделенных коноводов. То есть по чьей-то малопонятной мысли спешивалась целая казачья дивизия, чьи бойцы пешему строю и бою (кроме драгун) никогда специально не обучались.

Казаки отсылали своих любимых коней с большой неохотой. Этой осенью они не жалели сил и времени, отрывая зачастую не один час от сна на поиск охапки пожелтевшей травы, чтобы поддержать силы своих скакунов. О том, что те уже давно оголодали, говорили молчаливо грустные глаза степных коней. И люди понимали, что говорится, «без лишних слов», отдавая своему боевому товарищу последнюю хлебную корку.

В долинах можно было найти и сено, и овес. И на худой конец — обыкновенную солому на не везде убранных полях крестьян австрийской Галиции. Тех галичан, которые большей частью воевали в рядах австрийской армии против россиян. Да и к тому же, в тылах имелись немалые запасы фуражного зерна.

Сотник фон Унгерн оказался прав в определении слабого места казачьей психологии. После отправки конского состава полков (лошади остались только у командных лиц, разведки и обоза) нерчинцы перестали с гор «оглядываться» на сотенные коновязи. Теперь вся забота сводилась к войне. Люди даже как-то повеселели, словно скинули с плеч немалый груз личных забот.

Полковые, сотенные начальники, командир бригады полковник барон Врангель уже через день-два после спешивания казаков стали убеждаться в правильности принятого решения. Теперь казаки сами рвались вперед, изощренно выискивали новые приемы войны среди поросших листвянником Карпатских гор. И побед, пусть пока и малых, стало больше. Но когда они складывались в итоговое боевое донесение за прошедшие сутки в штабе Уссурийской казачьей дивизии, то оперативники в штабе генерала от кавалерии Брусилова докладывали следующее:

— Боевая активность Уссурийской казачьей дивизии стала для войск примерной. За прошедшие сутки взяты такие-то и такие-то высоты в секторе...

— А что с конями внизу?

— Начальник тыла их армии докладывает, что лошади дивизии обеспечены фуражом по установленным нормам. И сейчас восстанавливают прежние силы...

Сотник Унгерн-Штернберг стал у себя в 1-м Нерчинском «спешенном» полку забайкальцев одним из инициаторов ведения боя в горах по новой тактике. Суть ее состояла в следующем. В ночном бою казаки пробивались на горную вершину и закреплялись на ней. Это могла быть и сотня, и полусотня, и просто десяток казаков во главе с урядником. И сразу же горная вершина превращалась в маленькую крепость.

Неприятель скоро убедился в том, что казачья пограничная стража с берегов Аргуни и Амура умеет метко стрелять из винтовок-трехлинеек. Словно на степной охоте за осторожными и кровожадными волками или на охоте в забайкальской тайге за кабанами и прочим зверьем. С вершин засевшие казаки стреляли расчетливо, выцеливая врага только для того, чтобы сразить его с первого выстрела. И патроны берегли, и на баварцев с венграми страх нагоняли.

Таким образом нерчинцы, амурцы, уссурийцы и драгуны безномерного Приморского полка продвигались все выше в горы, подбираясь к карпатским перевалам. Скоро 1-й Нерчинский казачий полк подступил

к одному из них, не имевшему на карте собственного названия. Поэтому его для донесений окрестили Безымянным казачьим. Разведать в ночь неприятельские позиции на перевале было приказано сотне барона Унгерна.

Сотник под вечер собрал у себя офицеров и старших урядников. Ткнув пальцем в сторону перевала, который на закате солнца едва угадывался за деревьями, сказал:

— Завтра будем брать перевал. Командир полка приказал нашим охотникам разведать, кто его защищает. Что там есть из пулеметов и пушек.

— Господин барон. Какой взвод назначается в разведку?

— Никакой. Кликнуть охотников. Выбирать десяток из них буду я сам.

— А кого назначаете старшим в ночной разведке?

— Охотников поведу самолично. Мне не привыкать в горах...

Команда разведчиков, подобранная из бывалых, хорошо знакомых сотнику казаков, отправилась к перевалу еще в вечерних сумерках. Время Унгерном было выбрано удачно: на фоне догорающего неба охотники высмотрели немало часовых на перевале и даже выдвинутый по тропе вниз боевой дозор с пулеметом. Дозорные залегли в небольшой яме у тропы, замаскировав «максим» в кустарнике. Они держались самонадеянно, эти альпийские баварцы, большая половина дозора из шести человек во главе с унтер-офицером улеглась спать на дне ямы, закутавшись поплотнее в шинели.

Двое пехотинцев-баварцев из ландверного полка, что остались бодрствовать у пулемета, тоже задремали, убаюканные ночной лесной тишиной. Ранее они воевали в Альпах с итальянцами, чьи стрелки немало заботились о комфортности жизни на войне. По крайней мере, итальянцы ночные гадости ни германцам, ни австрийцам не устраивали. Но «проза войны» в Карпатах оказалась совсем иной.

Баварцы не замечали, что в какой-то сотне-другой шагов от них за дозором наблюдают люди в малоприметных в ночных сумерках черных лохматых папахах. Охотники действительно потратили не один час, чтобы окончательно убедиться, что второго боевого дозора неприятель вдоль тропы не выставил.

Только после этого сотник, пошептавшись с урядниками, приказал разведке разделиться. Тройке казаков приказывалось бесшумно снять пулеметчиков. Остальным — перебить тех, кто устроился на ночлег в яме. И взять языка, желательно в офицерских или унтер-офицерских погонах. Казаки разделились и стали бесшумно заползать в тыл баварцам. Когда всем стало ясно, что они вышли на цель, один из нерчинцев тихонько присвистнул, как ночная птица.

Боевой дозор так и не проснулся. Связанный конской уздечкой унтер-офицер баварцев ошалело водил глазами по сторонам, издавая какие-то звуки через кляп во рту. Унгерн приказал ползком тащить его вниз, забрать оружие дозорных, а самое главное — «максим» с несколькими пулеметными лентами в коробках. Команда охотников, не наделав в ночи шума, удачно вернулась с ценной добычей.

Пленного допрашивал сам сотник, для которого немецкий язык был вторым родным после русского. Баварец оказался крайне удивлен, когда на немецком языке, правда с каким-то акцентом, его стал допрашивать русский офицер, звезды на погонах которого говорили о капитанском чине:

— Ваше звание?

— Старший унтер-офицер, господин капитан.

— Какого полка? Его номер. И откуда он прибыл на Восточный фронт?

— Баварский ландверный. Такой-то номер. Раньше воевал в Альпах напротив Трентино.

— Давно прибыли в Карпаты?

— Две недели назад, господин капитан.

— Состав полка вам известен?

— Да. Он штатного состава. По пути в городе Аугсбурге его пополнили до штата запасниками-баварцами.

— Пулеметов много в полку?

— По четыре «максима» на каждую роту, господин капитан.

— Кто обороняет перевал?

— Один батальон, в котором я служил. Мои документы перед вами. И еще саперный взвод из венгров.

— Артиллерия на перевале есть?

— Есть. Батарея горных орудий. Перевозится на мулах. Прислуга из германцев.

— А где же австрийцы?

— Мы их сменили, господин капитан.

— Можете на схеме перевала показать пулеметные ячейки и позиции горной батареи? В противном случае я прикажу вас расстрелять.

— Могу, господин капитан. Ведь я у вас в плену...

— Почему ваш дозор спал?

— Мы думали, что русские воюют как итальянские альпийские стрелки. И по ночам спят.

— Тут не Альпы. У вас, унтер, есть ко мне какие-то вопросы перед отправкой на сборный пункт военнопленных?

— Только один вопрос. Господин капитан, где вы научились так чисто говорить на немецком языке?

— Это мой родной язык. Я немецкий барон, но родившийся в России и служащий ей.

— Но вы ведь воюете против Германии? Против немцев?

— Что из этого. Все мои предки давали присягу на верность российской императорской короне. А не короне королей Пруссии. Я природный россиянин...

Исчезновение старшего в «ликвидированном» боевом дозоре вместе с «максимом» наделало много шума среди защитников перевала Безымянный казачий. Но поскольку нерчинцы больше не тревожили баварских пехотинцев, те за несколько дней основательно растеряли вспыхнувшую осторожность. А тем временем 1-й Нерчинский казачий полк сосредоточился перед перевалом. За эти ночи удалось подтащить поближе к перевалу полубатарею трехдюймовых пушек.

Орудия ночью хорошо замаскировали. Старшие орудийных расчетов получили точно установленные цели. О большем артиллерийским офицерам не приходилось и мечтать.

Атака перевала началась на рассвете, когда предутренний туман скрыл казачьи цепи, которые подползли как можно ближе. Но не настолько близко, чтобы быть замеченными часовыми и пораженными осколками своих же пушечных гранат. Все складывалось вполне удачно.

Ранним утром бой за перевал начался с огня трехдюймовых орудий. Артиллерийская поддержка атаки получилась невиданной силы — по три десятка снарядов на ствол. Да и к тому же пушкари били прицельно. Им не приходилось выжидать ответной пальбы немецких горных орудий и пулеметных точек, засекать их местоположение и только после этого начинать пристрелку. Допрошенный Унгерном унтер-офицер дал действительно точные данные, цена которым равнялась многим десяткам человеческих жизней.

После того как разрывы снарядов покрыли позиции баварской пехоты на перевале, 1-й Нерчинский полк пошел в атаку. Подъем в гору на несколько сотен шагов, напряжение боя основательно измотали людей за время приступа. Все же они под пулями дружно ворвались в немецкие окопы и в рукопашной схватке овладели ими. Неприятельские пехотинцы, не выдержав рукопашной схватки, скатывались вниз и бежали к ближайшей пологой горной вершине.

Дальше казаки не пошли, поскольку отлогий противоположный спуск с перевала находился под огнем со второй линии вражеских окопов, устроенной за полверсты от первой. И новая линия окопов на новой горке оказалась огражденной колючей проволокой.

Пятая сотня нерчинцев в штурме Безымянного казачьего перевала наступала в первой волне. Ей и выпала честь первой ворваться на позицию баварцев и завязать там ближний бой, удивительный тем, что часть его участников рубила и колола шашками, а другая защи-

щалась штыками. Германцы такое вряд ли могли предвидеть.

Трудно сказать, насколько удачным бы оказался прорыв унгерновской сотни, но ее казакам перед боем выдали ранее невиданное оружие — ручные гранаты. Специально откомандированный в полк вахмистр из Приморского драгунского полка учил отобранных для такой «работы» забайкальцев: как приводить ручные гранаты в боевое положение, как бросать, как самому избежать поражения осколками.

Когда нерчинцы подбежали на два десятка шагов от вражеских окопов и можно было уже различить лица стрелков-баварцев, сотник Роман Унгерн скомандовал:

— Гранатометчики! Кидай!

По этой команде все залегли, а наиболее физически сильные казаки начали метать ручные гранаты. Когда замолкли последние гранатные разрывы, сотенный командир отдал последнюю команду в схватке за перевал:

— Вперед, братцы!

Уже в окопах унгерновская сотня «распылилась», каждый нерчинец искал себе врага сам. А на перевал уже взбирались, ругаясь, казаки других полковых сотен...

За этот бой сотник Роман Федорович Унгерн фон Штернберг и получил почетное Золотое оружие. На этот раз у генерала Крымова к личности награждаемого офицера «лишних» вопросов не было. Все было начальственно понято и документально оформлено честь по чести.

...Карпаты русская армия не удержала, хотя 48-я стрелковая дивизия генерал-майора Лавра Георгиевича Корнилова изготовилась с Дуклинского перевала спуститься на Венгерскую равнину. Восточный фронт в сражениях отступил, и Карпатские горы вновь оказались в тылах австро-венгерской и германской армий.

Крымов как-то поинтересовался у бригадного командира барона Врангеля, как обстоят дела у сотенного командира нерчинцев, представление которого к ордену Святого Георгия он подписывал не без некоторых со-

мнений. Врангель на вопрос только развел руками:

— Барон Унгерн-Штернберг как-то резко изменился, Александр Михайлович.

— Что с ним? Устал от войны?

— Да нет. Война для него — любимая мелодия вальса «На сопках Маньчжурии».

— Тогда что же?

— Унгерн совсем потерял офицерский облик. И раньше отличался известной неряшливостью, а теперь еще хуже. Мундир напоминает одежду военного человека, который месяц пробирался где-то по лесам во вражеских тылах.

— Петр Николаевич, но ведь сотнику полковое начальство может напомнить, что он носит офицерские погоны и должен служить примером для подчиненных. И к тому же он Георгиевский кавалер.

— Напоминали не раз. И даже устали напоминать.

— А что говорит он в ответ?

— Отвечает сразу вспыльчиво. Говорит, что война схожа с охотой в амурских лесах. Что главное убить зверя в обличье врага, а уж потом думать о том, как заштопать дыры в голенищах сапог.

— Но ведь на него весь полк смотрит. Как так можно.

— Значит, Александр Михайлович, барону Унгерну это можно. Он и не спит давно в постели. Седло под голову — и улегся спать среди нижних чинов. Казакам такое братание нравится, и они «нашего барона» почитают.

— А вы сами лично, Петр Николаевич, как относитесь к сотнику?

— Больше похвально.

— Любопытная позиция бригадного командира. Почему?

— Мне кажется, Александр Михайлович, что у меня на глазах в образе фон Унгерна рождается новый тип партизана русской армии. Совсем отличного, скажем, от Давыдова и Фигнера из 12-го года. Хотя он взял у них, несомненно, самое лучшее.

— Но партизанщина несовместима с регулярной армией. Она наносит ей моральный урон. Падает дисциплина, воинская организованность.

— Позволю с вами не согласиться. На любой войне есть место партизанской вольнице. У нее героическое начало, поэтому в партизаны идут самые лихие бойцы. Те, кому хочется стать героем перед сослуживцами и самим собой.

— Но, Петр Михайлович, вы же прекрасно видите следствие партизанщины на войне. Война закончится рано или поздно. Что ждет тогда сотника Унгерна в армии мирного времени?

— В мирное время он в казачьем полку долго не продержится. В полковой жизни места ему действительно не найдется.

— Должность-то ему найдут. Фронтовик, кавалер Святого Георгия. Да только той должностью и мирной жизнью армии наш барон будет тяготиться, как никакой другой строевой офицер.

— Полностью согласен с вами, Александр Михайлович. Именно по этой причине Унгерн уже оставлял в Забайкалье полк аргунских казаков. А затем бросил службу в Амурском казачьем полку. Но все же в мирной жизни у такого партизана выход есть. Увлекательный сам по себе.

— Какой именно?

— Найти себе новую Монголию, где степные пастухи ополчились на китайцев. Или другой выход для беспокойной своей души. Вскоре после войны оставить армейскую службу и записаться на Дальнем Востоке в пограничную стражу. Могу вас уверить, что разбойникам-хунхузам от барона Унгерна придется не сладко.

— Здесь вы несомненно правы. Для такого офицера на Востоке жизнь границы действительно станет вальсом «На сопках Маньчжурии»...

Свой второй орден — Святой Анны 3-й степени барон Роман Унгерн-Штернберг получил уже в конце войны. И, может быть, армейское начальство оценило

не заслуги младшего казачьего офицера на поле брани, а то, с каким рвением он и его сотня принимали участие в «ликвидации» солдатских беспорядков. То, как потомок эстляндских рыцарей, сугубо «военная косточка», боролся с дезертирами, будучи скор на расправу.

Первая мировая война с 1914 года по год 1917-й повысила бывшего «павлона», недоучившегося морского кадета, как это было ни парадоксально, всего на одну ступень в звании. Начав войну с двух Георгиевских боевых наград, он заканчивал ее в звании есаула, все так же командуя в 1-м Нерчинском казачьем полку сотней. Его кандидатура дивизионным начальством даже всерьез не рассматривалась на повышение в чине и должности. А ведь Унгерн фон Штернберг был уже немолодым человеком.

К концу войны барон, как казалось полковым офицерам, порой стал напоминать сумасшедшего. Он совершенно не боялся вражеской пули. Подчиненные ему казаки в ходе конной атаки, поглядев на своего сотенного командира, торопились «положить на себя крест». И было от чего: в любую рубку, на снарядные разрывы Унгерн гнал своего коня с застывшими глазами, покачиваясь в седле, как пьяный. К седлу по-казачьему не пригибался, пулям не кланялся:

— Чумной он у нас, что ли? Пригнулся бы. Вона, смотри, пули уже дважды дырявили его маньчжурку. И все равно чумной...

Предложения на бой, когда полковой командир собирал сотенных посоветоваться о завтрашнем дне, все чаще носили авантюрный характер. Мало согласованный с азами тактики и возможностями казачьего полка. В таких случаях инициатора «неординарного» предложения сослуживцы торопливо одергивали:

— Барон, но ведь здесь не монгольские степи. Разве можно так воевать конницей. И наш противник не китайский солдат.

— Верно, не хунхуз. Но нашего германца удивить — значит победить. Разве это авантюра, скажите мне?..

Один из мемуаристов, писавший о событиях Первой мировой войны и хорошо знавший родственников барона в Ревеле, написал о нем так:

«Его письма родным с фронта напоминали песни трубадура Бетрана де Борна, они дышали беззаветной удалью, опьянением опасности. Он любил войну, как другие любят карты, вино и женщин...»

У есаула Унгерна был хороший шанс начать новую наградную «серию» на войне. Но его реализовать барону не пришлось. И вот почему.

Однажды 1-й Нерчинский казачий полк перебросили на новый участок фронта. Стояли дождливые дни, и полкового командира больше всего заботило то, чтобы найти хоть какую-нибудь крышу над головой людей, измученных марш-броском по размытым дорогам. Высланные вперед квартирьеры доложили, что на лесной дороге найден хутор в четыре дома с сараями и конюшней. Хутор был уже давно брошен жителями, поскольку оказался в прифронтовой полосе. Рядом, в двух-трех верстах нашлись такие же брошенные лесные хутора.

Один из них и заняла на постой пятая полковая сотня есаула барона Унгерна. На удивление, места хватило всем. Нашлось и прошлогоднее сено для лошадей, и такая же прошлогодняя солома для того, чтобы люди могли устроить себе постель и выспаться. Сотенный командир готовился ко сну в числе последних: привычно обошел коновязи, лично проверил часовых, выставленных на ночь. И только после этого стал устраиваться ко сну в хозяйской комнате. Денщик уже накидал в углу большую охапку соломы и принес седло сотенного.

Неожиданно раздался топот конских копыт, и часовой, стоявший на крыльце «штабной» хаты, заглянул в комнату:

— Ваш бродь. Казаки к нам на хутор летят по дороге. Но по виду не наши. Душ двадцать, а может, поболее.

— Как не наши казаки, если здесь в лесу только наш полк расположился?

— Вот так не наши, ваш бродь. У нас в степи на конях так не сидят...

Унгерн, пристегнув Георгиевскую саблю, вышел на крыльцо. Действительно, приближавшиеся были по виду не нерчинцами. Все в бурках и лохматых папахах явно не забайкальского покроя. Первый из всадников, ловким движением оказавшись на земле, крикнул Унгерну:

— Кто вы такие?

— Сотник 1-го Нерчинского казачьего полка есаул барон Унгерн-Штернберг. А вы кто?

— Есаул Шкуро. Командир Кубанского конного отряда особого назначения на германском фронте. Имею честь представиться.

Об есауле Андрее Григорьевиче Шкуро на фронте ходили самые невероятные легенды. Выпускник одного из московских кадетских корпусов и столичного Николаевского кавалерийского училища, выходец из кубанских казаков, нашел в войне свою стихию. Он добился у высокого армейского командования разрешение на формирование конного партизанского отряда из добровольцев-казаков. О его действиях во вражеских тылах ходили легенды. Правда, с немалым преувеличением боевых успехов.

Однако партизаны Шкуро оказались на редкость не дисциплинированными. Стали возникать конфликтные ситуации. И в итоге Кубанский конный отряд особого назначения в 1917 году был переброшен с Восточного фронта в Персию, куда упирался левый фланг Кавказского фронта. Там казаки-партизаны вошли в состав русского экспедиционного (кавалерийского) корпуса генерал-лейтенанта Николая Николаевича Баратова.

На персидской территории полковник Шкуро не раз отличался дерзостью и грамотностью ведения партизанских действий. Он слыл лихим налетчиком, и подчиненные боготворили его, не раз доказывая личную преданность самому прославленному партизану русской армии в Великой войне. С отрядом Шкуро «позна-

комились» в 17-м году и вожди воинственных куртинских (курдских) племен, и шахские жандармы, обученные шведскими инструкторами и потому державшие германскую сторону, и солдатские советы, возникшие после февраля и сумевшие в самый короткий срок распропагандировать против войны пехотную часть кавалерийского корпуса.

Унгерн был много наслышан о есауле Шкуро и о его конном партизанском отряде. Обменявшись приветствиями, барон взял на себя роль «хозяина» брошенного хутора, ставшего на время сотенной квартирой:

— Прошу в дом, господин есаул. Сейчас прикажу разместить ваших людей под крышей, денщику — приготовить чай с чаркой. И коней есть куда поставить.

— Я вам благодарен, барон, за гостеприимство...

За столом, уже при свете керосиновой лампы, гордости сотенного командира нерчинцев, два есаула разговорились. И было о чем, поскольку оба давно жили на войне партизанщиной:

— Большой у вас отряд, Андрей Григорьевич?

— Да немалый для партизанских дел: больше конного дивизиона. Шесть сотен шашек. Вот так-то, Роман Федорович. Я сам-то здесь с конвоем. Отряд ночует в других местах.

— А как с огнем?

— Вооружение обычное, казачье. И плюс к карабинам возимые во вьюках пулеметы. Правда, с «максимов» щитки пришлось снять: лишняя тяжесть в походе.

— Солидно для конницы.

— Все бойцы у меня — охотники. Отбираю лично сам.

— А из каких казаков отряд?

— В самом начале был только из кубанцев и терцев, моих станичников. Недавно в отряд влились партизаны-донцы есаула Быкадорова из 30-го Донского казачьего полка. Целая сотня у меня донцов. Из других войск — единицы.

— А теперь куда направляетесь, если не секрет?

— Секрета нет. Теперь на всем фронте осталась единственная дыра, в которую могут проскочить конные партизаны силой в шесть сотен шашек.

— Полесские леса, Андрей Григорьевич?

— Они самые. Лес да болота. Там и окопы-то не выкопать.

— Вот поэтому и можно к немцам в тыл проскочить. Пошуметь там и назад выскочить.

— Роман Федорович, вы что у себя в Нерчинском полку не создадите охотничью команду? Будете партизанить.

— Начальство нашей Уссурийской дивизии такое новшество не приветствует. Печется о дисциплине в полках.

— Вам бы стать во главе нерчинских охотников. Вы же, как и мой есаул Быкадоров, на груди Святого Георгия носите. Вам ли храбрости занимать?

— Андрей Григорьевич. А если я рапорт подам по команде, чтобы повоевать в вашем отряде? Возьмете меня?

— А почему бы нет, есаул? Только походить придется у меня за штатом. Должности сотенного у меня пока нет.

— Согласен. Могу партизанить внештатным офицером. Я уже был таким в Монголии.

— Успели там повоевать, Роман Федорович?

— Не успел. Императорские дипломаты помешали. А так хотелось повоевать в халхинских степях.

— Ничего, войн на нас еще хватит. Лишь бы удаль была да правое дело...

Унгерна из дивизии партизанить со Шкуро, как и ожидалось, не отпустили. Опытные сотенные командиры были нужны в каждом полку. Да и к тому же Кубанский конный отряд особого назначения скоро погрузился в эшелоны и отправился воевать в Персию...

Отречение императора Николая II, Верховного главнокомандующего России, есаул барон Унгерн-Штернберг встретил... в тарнопольской тюрьме. Дело обстояло так.

Унгерн со временем оказался среди офицеров — Георгиевских кавалеров Уссурийской казачьей дивизии едва ли не самым популярным человеком. Особенно среди нижних чинов. Начало 1917 года ознаменовалось ростом «общественной жизни» в действующей армии и особенно среди страшно разбухших фронтовых тылов. Все больше на войне «попахивало политикой».

Ставка Верховного главнокомандующего и правительство решили провести в Петрограде слет Георгиевских кавалеров. Такое расписанное в газетах дело должно было, по замыслу организаторов слета, поднять боевой дух войск на фронте и поднять дисциплинированность в тылах.

К тому же на демократической волне, которая охватила «новую» Россию, повсюду стали создаваться всевозможные общественные организации: союзы, лиги, профсоюзы. Командование русской армии, стремясь прекратить упадок воинской дисциплины в тылу и прежде всего на фронте, решило создать Союз Георгиевских кавалеров. Один из зачинателей Белого Дела, генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов, сам обладатель трех Георгиевских наград (орденов Святого Георгия 4-й и 3-й степеней, Золотого оружия с надписью «За храбрость»), говорил:

— Доблесть и верность присяге тысяч и тысяч Георгиевских кавалеров должны спасти русскую армию от развала...

Уссурийская казачья дивизия в то время входила в состав войск Юго-Западного фронта. В ней прошли выборы делегата на слет, и все сошлись на кандидатуре есаула барона Унгерна. Георгиевскому кавалеру вручили командировочное предписание, и он отправился в город на Неве. Но в столицу Унгерн так и не прибыл.

В тыловой город Черновцы есаул приехал поездом поздно вечером. На станции в буфете «свободный от служебных забот» барон изрядно выпил и в таком виде, при оружии отправился в городскую комендатуру требовать квартиры для постоя. Перед этим швейцар городской гостиницы «Черный Орел» отказался предо-

ставить казачьему офицеру, пребывавшему в нетрезвом состоянии, гостиничный номер.

В комендатуре самого коменданта не оказалось, а был только его адъютант Загорский в чине армейского прапорщика, по виду вчерашний студент. Можно только предполагать, что учтивостью к фронтовым офицерам «тыловой» офицер явно не располагал. Иначе конфликта между ним и Унгерном, скорее всего, могло и не быть.

— Господин прапорщик. Есаул барон Унгерн. Вот мое предписание.

— Куда едете?

— В столицу.

— Цель вашей командировки в Петроград?

— Командирован от Уссурийской дивизии на слет Георгиевских кавалеров. Слыхали о таких?

— Орден ваш я вижу. Что вы хотели бы от нас, черновицкой комендатуры?

— Как что? Сейчас почти ночь, и мне нужно где-то переночевать. Ведь вы же размещаете командированных офицеров на постой?

— Да, господин есаул. Но сегодня у меня свободных квартир нет. И не ожидается.

— Тогда что мне, ночевать на вокзале?

— Как хотите. Только не надо гордиться при всех тем, что вы носите на мундире...

Разговор казачьего есаула с адъютантом городского коменданта закончился тем, что вспыливший барон, потеряв над собой контроль и к тому же пьяный, «непочтительного» к фронтовому офицеру прапорщика Загорского ударил по голове своей шашкой в ножнах. Позднее он, вспоминая этот случай, небрежно говорил:

— Я выбил несколько зубов наглому прапорщику...

Унгерн был арестован прямо в комендатуре и препровожден под конвоем в местную тюрьму. Это было так. Вызванный старший адъютант коменданта Лиховоз нашел пьяного Унгерна крепко спящим в кресле, отстегнул шашку и, разбудив вежливо барона, объявил ему в присутствии караульного наряда:

— Господин есаул. Вы арестованы за нападение с оружием в руках на работника комендатуры города Черновцы...

Комендант города полковник Трещов и оскорбленный прапорщик Загорский не захотели замять скандальное дело. Их жалоба на Унгерна оказалась в корпусном суде 8-й армии, прославившей себя на мировой войне под руководством двух будущих Верховных главнокомандующих России — генералов от инфантерии А. А. Брусилова и Л. Г. Корнилова.

Местное военное начальство назначило уголовное расследование по факту избиения старшим по званию офицером офицера младшего. По законам военного времени за такое дело грозило заключение в крепость сроком на три года. Но на деле такое наказание выглядело так: Унгерн должен был, как герой войны, отбывать «заключение в крепости» при части.

Вероятнее всего военно-полевой суд бы и вынес такой достаточно суровый приговор провинившемуся офицеру. Даже при смягчающем обстоятельстве: подсудимый имел за боевые заслуги две Георгиевские награды: орденский крест 4-й степени и Золотое оружие «За храбрость».

Но в дело Унгерна вмешался командир Уссурийской казачьей дивизии, только что произведенный в генерал-майоры барон П. Н. Врангель, имевший, как флигель-адъютант Свиты Его Императорского Величества, обширные знакомства в Военном ведомстве. Он «употребил все свое влияние на то, чтобы Роман Федорович легко отделался» по суду.

Замещавший в те дни Врангеля в должности временного командира 1-го Нерчинского казачьего полка полковник Маковкин дал находившемуся под следствием подчиненному офицеру самую блестящую характеристику. В аттестационном листе он собственноручно написал:

«В полку Унгерн известен как хороший товарищ, любимый офицерами, как начальник, всегда пользовавшийся обожанием своих подчиненных, и как офицер —

корректный, честный и преданный долгу. В боевом отношении он всегда был выше всяких похвал».

В том же аттестационном листе Маковкин подчеркивает, что есаул Унгерн в боевых действиях получил пять ранений. В двух случаях, будучи раненым, оставался в полковом строю, в остальных трех случаях лежал в госпитале. Но каждый раз возвращался в полк с «незажившими ранами».

Волокита с рассмотрением возбужденного уголовного дела тянулась долго. Сам барон Унгерн-Штернберг показывал, что из тюрьмы он вышел только осенью 1917 года, при Временном правительстве социалиста Керенского. Но в списках офицеров 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска Георгиевский кавалер на то время уже не значился.

Все же покровительство генерала Врангеля сказалось. Барона Унгерна не понизили в офицерском звании, не разжаловали в рядовые. По суду случалось и такое. Ему выдали выписку из приказа по Военному ведомству, в котором говорилось, что есаул барон Унгерн фон Штернберг отчислен «в резерв армии».

Говоря иными словами, недисциплинированного офицера изгоняли из рядов действующей русской армии. Теперь путь на фронт для Унгерна-Штернберга закрывался, по крайней мере, на какой-то неопределенный срок. Так неожиданно для многих, знавших барона, прервалась его военная карьера. Хотя он больших чинов и должностей и не получал.

Унгерн уехал в Ревель и на время поселился там у родственников. Он второй раз в жизни, после возвращения из Монголии, оказался, по сути дела, в безвыходном положении. Он опять не имел денег и сколько-нибудь определенных планов на ближайшее будущее. И к тому честь офицерского мундира, на котором красовались два боевых ордена, оказалась сильно запятнанной. В этом отношении барон, скорее всего, иллюзий не строил.

Оказавшись вновь среди своих ревельских родных, барон не казался им человеком, который, будучи «вы-

брошенным» из родной ему фронтовой стихии, смирился со своей участью. Он с известной упрямостью повторял в разговорах:

— На мой век войн хватит...

Однако близкие и знакомые Унгерна понимали, что барона откровенно удручало его неожиданное «мирное состояние». Еще бы, ведь в звании есаула он имел уже пять боевых орденских наград, во всем блеске украшавших его офицерский мундир: это был Георгиевский крест 4-й степени, ордена Святого Владимира 4-й степени, Святой Анны 3-й и 4-й степеней и Святого Станислава 3-й степени.

Ради справедливости следует заметить: такой орденский бант в воюющей русской армии в годы Первой мировой войны имели немногие фронтовые обер-офицеры: младшие офицеры батальонного, эскадронного, батарейного звена.

Вне всякого сомнения, будь барон Унгерн «на воле», он бы стал деятельным участником августовского путча Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии Корнилова. Ведь именно его Уссурийская казачья дивизия, входившая в состав 3-го конного корпуса генерала Крымова, шла походом на красный Петроград и дошла до Ямбурга. А Союз Георгиевских кавалеров стал одной из тех организаций, которая оказалась на стороне «корниловщины». Но бурное лето 1917 года эстляндский барон провел в тарнопольской тюрьме среди военных заключенных, большую часть которых составляли дезертиры с фронта. Таких людей Унгерн фон Штернберг мог только презирать.

На географической карте город Ямбург недалеко отстоит от современной эстонской столицы. Поэтому, когда Уссурийская казачья дивизия застряла под Ямбургом, у пребывавшего в Ревеле барона Унгерна Штернберга оказалось немало случаев повидаться со своими полковыми сослуживцами. От них он узнал много новостей, порой противоречивых, одна из которых и решила его жизнь и судьбу.

Служивший в 1-м Нерчинском казачьем полку есаул Григорий Семенов, как оказалось, уже не командовал сотней и совсем оставил родной для него, казака-забайкальца, полк. Он тоже в Великой войне, как Унгерн, был награжден Военным орденом Святого Георгия 4-й степени и георгиевским Золотым оружием. Один раз не был ранен.

В первом случае, в ноябре 1914 года, в бою прусские уланы овладели почетнейшим трофеем — знаменем 1-го Нерчинского казачьего полка. Они возвращались назад в восторге от такой добычи. Но, на горе уланам, им навстречу попалась полковая разведка: сотник Григорий Семенов и несколько казаков-забайкальцев. Те порубили пруссаков и отбили у них святыню нерчинцев.

Семенов был в Уссурийской казачьей дивизии не менее прославленным сотником, чем барон. К слову сказать, они находились в приятельских отношениях друг с другом. По крайней мере, ценили прирожденную воинственность друг друга.

Семенов, как и командир соседней сотни нерчинцев, слыл «тяжелым» человеком. По крайней мере, этим объясняется то, что он не сжился ни с генералом Крымовым, ни с бароном Врангелем. Подав рапорт о переводе, Семенов перешел в 3-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска. Теперь он стал воевать на Кавказе в составе Забайкальской казачьей дивизии генерала Левандовского в горах персидского Курдистана.

После Персии есаул Семенов оказался на Румынском фронте, который в 1917 году больше бездействовал, чем воевал. Там он столкнулся с настоящим развалом распропагандированной партиями социалистов русской армии. Терпеть такого природный казак, офицер с крестом Святого Георгия, разумеется, не мог. Тут к Семенову и пришла идея создать добровольческий конный монголо-бурятский полк:

— Пусть азиаты покажут титульной нации России, как надо стоять за ее государственность...

— Степных воинов не прельстят лозунги наших революционеров. Никакие, даже самые социалистические...

— И на немецкие деньги бурята либо монгола не купишь. У них другие ценности в головах. Уж кто-кто, а я об этом знаю лучше любого чиновника из Военного министерства...

— Видели наших казаков-верхнеудинцев? Они же все бурятского рода. А как воевали в Маньчжурии! Любо-дорого было на них там смотреть...

Сама идея была не нова. Временное правительство чего только не делало, чтобы под давлением союзников, Парижа и Лондона, поднять дух действующей армии, заставить ее наступать и еще раз наступать. А наступательный дух еле тлел. Его короткие вспышки больших побед уже не давали. Да и не могли дать в обстановке развала государства и отсутствия власти у властей.

Летом 1917 года в русской армии создавались различные формирования, которые должны были «оживить» фронтовые войска. Их названия поражали кадровых военных: ударные батальоны смерти, Петроградский женский ударный батальон смерти, штурмовые бригады. В «ударные» записывались на митингах не только отдельные батальоны и полки, но даже целые дивизии. Однако Восточный фронт на запад все не продвигался, а, наоборот, отступал.

Широко формировались воинские части на добровольной основе, но национальные по составу. Это были полки латышских стрелков, украинские полки, армянские дружины, две сербские пехотные дивизии, сформированные в Одессе, Русско-бельгийский броневой автомобильный дивизион, созданный в Петрограде, части польских легионеров...

Еще в 1-м Нерчинском казачьем полку в дни затишья два командира соседних сотен — 5-й и 6-й — не раз вели беседы о том, что России надо больше уповать на Азию, чем на Европу. Даже в годы идущей мировой войны:

— Вы только посмотрите, барон, как много среди наших забайкальских казаков бурят. Какие воины!

— Могу только подтвердить ваши слова, есаул. Я на них насмотрелся еще на Русско-японской войне. Молодцы выше всяких похвал.

— А вы знаете, как буряты и монголы по сей день называют нашего государя-императора?

— Знаю. Белым царем.

— Они зовут его не просто белым царем, а Цаган-Хаганом. То есть Великим Белым царем русских.

— Любопытная деталь.

— А как наши казаки-буряты, когда верхом, держат пики на изготовки? Да они их держат как пики, которые служили оружием для воинов Чингисхана.

— А при чем здесь Чингисхан?

— А притом, барон, что я его дальний-дальний потомок. Посмотрите, сколько во мне монгольского на лице.

— Ну, Семенов.

— А что? Да у меня в роду об этом говорят постоянно. А у отца дома, в карауле Куранджинском станицы Дарулгуевской, семь ящиков книг, больше сочинения о буддизму. Я их все малолетком перечитал.

— И я в Халхе буддизмом увлекся. В монгольских монастырях-дацанах столькому научился у лам...

Есаул Семенов с Румынского фронта написал военному министру Временного правительства Керенскому письмо, которое было отправлено с оказией — знакомым командированным офицером-сослуживцем в Петроград. Письмо министр-социалист получил, и оно его, скажем прямо, заинтересовало.

В основу идеи формирования добровольческого легкоконного полка в Забайкалье из монголов и бурят автор письма положил следующую мысль: надо *«пробудить совесть русского солдата, у которого живым укором были бы эти инородцы, сражающиеся за русское дело»*.

В июне 1917 года есаула Семенова вызвали с фронта в Петроград, на прием к военному министру. В итоге в сентябре будущий белоказачий атаман с мандатом полномочного комиссара Временного правительства и с крупной суммой денег наличными выехал по железной дороге из бурлящей революционными страстями столицы на Восток.

Известно, что Семенов перед отъездом побывал в полках Уссурийской казачьей дивизии, застрявшей под Ямбургом. Там узнали о том, с какими целями есаул отправляется в Забайкалье. Узнал об этом и состоящий «в резерве чинов армии» есаул барон Унгерн-Штернберг, проживавший в близком Ревеле. Он был тогда просто безработным человеком, облаченным в офицерский мундир, с дипломом Павловского военного училища в кармане. И без всяких «видов» на будущее.

Когда есаул Семенов прибыл в Забайкалье, там тоже бурлили политические страсти, благо все забайкальское казачество призывного возраста находилось на фронте. Полномочный комиссар Временного правительства взялся было за дело формирования монголобурятского полка из добровольцев. Но власти в Чите и Верхнеудинске от настойчивого казачьего есаула только отмахивались. Да и власть «временных» скоро закончилась после октябрьского переворота в Петрограде.

Два месяца «бился» настырный есаул над созданием конного «азиатского» полка, но в таком «государственном» деле ему так никто и не помог. А тут Временное правительство пало. Телеграфные строки, приходившие в Читу, повергли Забайкальский край, вернее — его города, в состояние «социалистической анархии». Семенов для себя решил твердо: оружия он складывать в борьбе с Советами не будет.

Но с чего было начинать? И он решил поднять забайкальских казаков, бурятскую часть населения края на войну за «Бога, царя и Отечество». Но для этого требовалась военная сила. А ее не было: казачьи полки и батареи еще только пробирались в родные станицы, поселки и хутора по, казалось бы, бесконечной Транссибирской железнодорожной магистрали. По их пути красногвардейские отряды местных Советов стремились разоружить эшелоны казаков-фронтовиков. Отбирались не только винтовки и пушки, но и пики, шашки, кони.

Есаул, метивший в правители Забайкалья, имел уже в подчинении всего четырех верных ему офицеров и десяток надежных казаков. Во главе этого воинского отряда Семенов и появился на пограничной китайской станции Маньчжурия. Долгое время Гражданской войны на Дальнем Востоке она называлась не иначе как семеновской ставкой.

С железнодорожной станции Григорий Семенов, теперь называвшийся атаманом, стал рассылать вербовщиков в создаваемый им отряд, который именовался в официальных документах как Особый Маньчжурский. В годы Гражданской войны слово «Особый» за свою броскость пользовалось известной популярностью как в белом, так и в красном стане.

О том, что Семенов в забайкальском приграничье формирует отряд для борьбы с Советами, барон Унгерн-Штернберг узнал от однополчан из Уссурийской казачьей дивизии — казачьих офицеров-корниловцев. Перед есаулом проблемы в том, на чьей стороне воевать в начинающейся Гражданской войне, не стояло. Вопрос был только в том, где влиться в ряды нарождавшегося Белого движения. Пробираться на Дон, к генералам Алексееву и Корнилову? Вступить в подпольные офицерские организации на российском Северо-Западе? Ехать через пол-России в Забайкалье?

Этот вопрос и решали однажды вечером три офицера теперь уже бывшей русской армии. Одним был есаул барон Роман Унгерн фон Штернберг. Два других офицера, его родственники — муж его сводной сестры Альфред Мирбах и сводный брат Максимилиан Хойнинген-Хюн, с которым Унгерн давно сдружился. Три немецких по крови прибалтийских барона. Разговор начал казачий есаул:

— Тот хорунжий из уссурийских казаков, что вчера был у нас в доме, сказал хорошую новость.

— Какую?

— Мой однополчанин есаул Семенов Григорий объявил себя в Забайкалье атаманом. На китайской границе он создает отряд для борьбы с большевиками.

— Но это так далеко. И что может предложить нам этот Семенов?

— Уссуриец сказал, что атаман очень нуждается в офицерах. Прежде всего в людях, повидавших фронт.

— Значит, есть возможность строить в Забайкалье офицерскую карьеру. Стоит над этим поразмышлять.

— Максимилиан. У нас нет времени на размышление.

— С чего ты взял, Роман?

— В городе много говорится о скорых арестах офицеров, стоявших за Корнилова. Это коснется и Ревеля, и Нарвы, и Пярну. А о Петрограде и говорить нечего. Аресты корниловцев там уже идут.

— Это уже серьезно. Солдаты, которые навесили на себя красные банты, с нами церемониться не будут. В газетах пишут о самосудах в запасных полках.

— Значит, едем на Восток к атаману Семенову.

— Значит, вопрос, где нам воевать с большевиками, решен...

Три родственника выехали на Дальний Восток вместе. Тогда еще местные Советы не осуществляли жесткого контроля за движением по железным дорогам, «выцеживая» из массы пассажиров офицеров, юнкеров и прочих «кадетов». Разговор обычно был короток, и людей часто расстреливали за найденные в вещах офицерские погоны, документы и прочие улики.

Трое ревельцев удачно добрались до города Иркутска, остановившись в нем на несколько дней у знакомых. В Иркутске к мужу и двум братьям присоединилась сестра, последовавшая за ними позднее. К тому времени в Забайкалье уже установилась Советская власть, а Гражданская война полыхала только в самом приграничье. Так что за Байкалом три эстляндских барона на чью-то помощь рассчитывать не могли.

Здесь пути разошлись. Альфред Мирбах с женой, сестрой Унгерна, и Максимилианом Хойнинген-Хьюном решили вернуться в Ревель и в Прибалтике примкнуть к какой-нибудь вооруженной силе Белого движения.

Они звали с собой Романа Унгерна, но тот наотрез отказался:

— Мое место в степях, что за Байкалом. Я в них свою душу и мечты вложил. Там мне и воевать за царскую Россию.

— А как же Эстляндия? Ведь наши фамильные корни в ней. Кому, как не нам, защищать ее от большевиков? Вернемся.

— Нет, с Востоком я уже давно сроднился: вы же это прекрасно знаете.

Родственникам барона посчастливилось вернуться в Ревель целыми и невредимыми, а вот казачьему есаулу грозили опасности. Но ему повезло. В городе Верхнеудинске на станционной площади Унгерн столкнулся с бурятом, который когда-то служил вместе с ним в монгольском городе Кобдо, в Верхнеудинском казачьем полку. Однополчане друг друга признали сразу. Бурят вывез офицера к себе в селение, где дал ему лошадь и бердану. Наган и Золотая сабля были у волонтера с собой.

Унгерн знал Забайкалье достаточно хорошо и потому без особых приключений самостоятельно добрался до окрестностей приграничной станции Даурия. За ночь он перебрался через реку Аргунь (граница никем не охранялась) и прибыл в Китай, к атаману Семенову на станцию Маньчжурия. Тот был откровенно рад приезду своего боевого сослуживца по 1-му Нерчинскому казачьему полку:

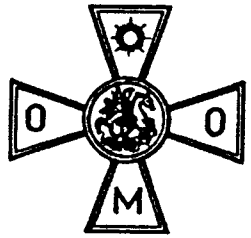
— Барон! Вот так встреча! Ко мне в отряд?

— К тебе, Григорий Михайлович. Готов сражаться с большевиками даже в нижних чинах.

— Что ты, есаул: ведь в Георгиевских кавалерах состоишь. Будешь в моем атаманстве в начальниках ходить. Я тебя сколько фронтовых лет знаю и всегда ценить буду.

— Другого я от однополчанина и не ожидал, когда к тебе из Ревеля пробивался. Так что мы опять на новой войне.

— На новой, Роман Федорович. Гражданской она сегодня в России называется. Ох и кровушки прольется казачьей...

Глава шестая

ПОД ЗНАМЕНАМИ АТАМАНА ГРИГОРИЯ СЕМЕНОВА

Командир Особого Маньчжурского отряда 27-летний атаман Семенов действительно был рад прибытию есаула барона Унгерна. На таких боевых офицеров он мог положиться в самом трудном деле, не помышляя при этом о возможной измене. Да и к тому новоприбывший знал Забайкалье и Приамурье, знал местное казачество. И что, пожалуй, самое ценное для Семенова на то время, знал «тонкости» общения с бурятами и монголами, жителями местных степей. Для буддистских лам Унгерн-Штернберг чужим человеком показаться никак не мог.

На следующий день, отоспавшись, Унгерн в полной офицерской форме прибыл к атаману в штаб. Честь есаулу у входа отдал сдвоенный караул: аргунский казак-бурят и монгол из племени харачинов. Семенов принял барона дружелюбно:

— Отоспался с дороги, Роман Федорович?

— Отоспался. Даже успел собственноручно пришить на прежнее место офицерские погоны.

— Видишь сам, что теперь на казачьего офицера похож. А то вчера появился как путешественник по

степям Халхи. Вернее, как партизан с монгольско-китайской войны. Готов принять у меня должность?

— Готов, Григорий Михайлович.

— Особый Маньчжурский отряд у меня пока небольшой. Шестьсот конных монголов и бурят, около двух сотен русских казаков и офицеров. Есть добровольцы из японцев. Казаки почти все забайкальские, большей частью с берегов Аргуни. Но это только то, что у меня находится на этой станции. А в действительности войск у меня намного больше. Пушки есть, пулеметы.

— А кто тебе помогает оружием, боеприпасами? Не китайские же большевики.

— Конечно, нет. Война живет войною: добычей, трофеями. Это раз. Японцы, как союзники России по Антанте, взялись помогать. Это два.

— Что за должность мне предлагается?

— Комендантом железнодорожной станции Хайлар. Это, как помнишь, в тылу у станции Маньчжурия. Но главной должностью тебе там будет другая, более ответственная.

— Какая же?

— Ты монгольский язык не забыл, сидя в Ревеле и Карпатах?

— Нет, не забыл. И на днях в Верхнеудинске с бурятами общался на их родном языке. Друг друга понимали с полуслова.

— Вот это просто здорово, Роман Федорович. Второй твоей заботой в Хайларе будет должность военного советника при монгольском князе Фуршенге.

— Понял боевую задачу. А этот Фуршенга кем правит в степи?

— Ты часового монгола у моих дверей видел? Узнал по шапке, кто он такой?

— Еще бы: вылитый харачин. Из самых диких и воинственных племен Халхи.

— Вот князь Фуршенга и правит по своей родословной племенем харачинов, степных разбойников.

— Большие силы у этого князя?

— В Хайларе расквартирована его бригада. Около восьмисот всадников. Фуршенга и мне дал своих конников, но только сотню. Остальных харачинов держит при себе. Хитрит князь, что-то стал меня остерегаться.

— Зачем за князем нужен пригляд военного советника?

— Если бы только пригляд. Этому степняку нужна железная рука такого человека, как ты, Роман Федорович.

— О князе Фуршенге я был наслышан еще в Кобдо. Он, кажется, долго воевал с китайцами?

— Точно так. Харачины сегодня самый воинственный и необузданный народ во Внутренней Монголии. Китайский губернатор Цицикара их сильно побаивается. В прошлом году князь Фуршенга совершил набег на восточные аймаки Халхи.

— Удачно? Ведь в Монголии, как мне известно, держится власть ургинского правительства.

— Харачины пограбили стада своих сородичей. Но с ургинскими войсками им пришлось выдержать сильный бой. Пришлось бросать многое из взятого добра: у ургинцев оказались пулеметы.

— Но харачины Фуршенги ушли от погони?

— Еще бы не уйти таким разбойникам. Год назад Фуршенга опять пошел войной на китайцев. Только теперь у него в войске были японские артиллеристы.

— Значит, правителю харачинского племени платят японцы?

— Здесь, в степной Азии, платить наемникам могут только они. А теперь харачины с их князем, по совету все тех же японцев, пошли на службу ко мне, атаману Семенову.

— Хитра же, эта Страна восходящего солнца. Ее надо опасаться.

— Ты ошибаешься, барон. С японцами наша державная Россия должна крепко дружить. Ради ее же завтрашнего дня...

В Хайлар есаул Унгерн прибыл в тот же день. Князь Фуршенга, заранее предупрежденный о приезде высо-

кого гостя, уже ждал в своей юрте из белого войлока, поставленной на окраине железнодорожной станции на высоком холме. Барон про себя отметил: «Любит князь с высоты любоваться степью. И боится за свою драгоценную жизнь. Иначе зачем столько воинов держать в личной охране».

Действительно, у подножия холма раскинула свой бивуак целая конная сотня харачинов. На холме окрУгу бдительно сторожили два пулеметных расчета. Унгерн сразу заметил, что пулеметы были японские, новенькие. По патронташам определенно виделось, что монгольские всадники затруднений с патронами не испытывали. Даже имели некоторый запас: небольшой штабель патронных ящиков с черными иероглифами на крышках лежал у юрты князя и охранялся специальным часовым.

Вышедший из юрты для встречи гостя князь Фуршенга заметил заинтересованный взгляд казачьего офицера в сторону склада боезапаса. Сказал на трудно понимаемом русском языке:

— Приходится охранять. Иначе мои солдаты патроны растащат по своим вьюкам. Глаз да глаз за ними нужен, за моими бесстрашными воинами. Того и гляди, что не уследишь.

— Рад вас приветствовать, уважаемый князь, от имени атамана Семенова. Я говорю по-монгольски, и переводчик нам для бесед не нужен.

— Тогда мы можем обо все договариваться без лишних ушей и глаз. Прошу в мою юрту, господин есаул. Кем вы у меня будете?

— Военным советником, князь. И начальником станции Хайлар, где сейчас отдыхает ваша харачинская конница...

Войско атамана Семенова с первых дней поразило даже Унгерна, человека склонного к партизанщине. Каждому волонтеру из россиян, вступавшему в Особый Маньчжурский отряд, Семенов лично задавал только три обязательных вопроса:

— В Бога веруешь?

— Верую, господин атаман.

— Большевиков не признаешь?

— Не признаю. Они с Советами враги мне.

— Драться с ними будешь?

— Буду. Сам знаешь, господин атаман, для чего я к тебе пришел...

Но это касалось только русских казаков, офицеров, ограбленных богатых мужиков и иных добровольцев. Что же касается монголов из самых разных племен Халхи и Внутренней Монголии, и тем более разбойников-хунхузов, то разговор с ними был иной. Говорил с ними атаман иначе:

— Воевать за меня будешь?

— Буду. Если хорошо платить, господин, будешь.

— Серебра у меня будешь получать немного.

— А как же тогда жить мне у тебя, господин?

— Война кормится войною. Вся взятая тобой военная добыча — твоя собственность.

— Тогда очень хорошо, господин. Прими меня к себе воином. Верно тебе служить буду.

— Принимаю. Только помни, за измену тебе полагается только злая смерть. Провинишься, мои палачи-китайцы отобьют тебе пятки бамбуковыми палками.

— Измены не будет, господин. Разве воин может изменить щедрому вождю...

В Хайларе военный советник племенного вождя харачинов в считанные дни разобрался, кто есть кто на этом кусочке территории Великой Азии. При князе находилось в советниках несколько вежливых, но внимательных ко всему происходящему японских офицеров. Фуршенга на второй же день пребывания есаула Унгерна-Штернберга познакомил их с бароном. Он, к слову сказать, отнесся к японцам не с меньшей заинтересованностью, чем те к личности семеновского посланца.

Не стоило большого труда догадаться, что главной фигурой среди приставленных к харачинскому князю японских офицеров, которые все как один служили в Маньчжурии достаточно долго, является капитан Нагаоми. Он был профессиональным разведчиком и занимал немалый пост, хотя официально считался военным советником при одном из монгольских князей. Это была фигура, в самом скором времени ставшая хорошо известной советской внешней разведке и чекистам Дальнего Востока. В их документах Нагаоми именовался как капитан Окатайо.

Служившие в Хайларе военными советниками японские офицеры службы Генерального штаба сразу же по достоинству оценили фигуру барона Унгерна. Их привлекли не доверие к нему самого атамана Семенова, не боевое прошлое казачьего офицера, не его властный характер и умение управлять людьми, в том числе князем Фуршенгой и его необузданным в степях войском харачинов, которые для местных китайцев отождествлялось с разбойниками.

Японских разведчиков заинтересовало то, что Унгерн фон Штернберг хорошо знал Восток, Халху и... буддизм. При этом русский военный советник демонстрировал на словах и на деле полное отсутствие прозападных симпатий. А ведь он принадлежал к аристократической касте Германии, с которой Токио́ почти всегда в истории стремилось строить доброжелательные и взаимовыгодные отношения. Начало такого сотрудничества было заложено еще перед Русско-японской войной 1904–1905 годов.

Капитан Нагаоми, хорошо владевший русским языком, в самые ближайшие дни нашел повод для доверительной беседы с семеновским офицером. Собственно говоря, к ней стремились взаимно. Собеседники прекрасно понимали друг друга и поэтому «восточной дипломатией» с первой же встречи не занимались, считая это дело совершенно излишним:

— Господин барон, вы известны как человек, стремящийся глубоко познать буддистское учение. Чем вас, с аристократической родословной европейца, заинтересовало учение монгольских лам?

— Господин капитан, я считаю, что буддизм — это религия будущего мира.

— Вы назвали учение о Будде религией будущего? Я вас правильно понял?

— Да, правильно. Могу добавить, что русский вы знаете отменно.

— Я его изучал сперва в Токийском университете, а затем во Владивостоке, где работал учеником парикмахера-японца.

— Понятно. Это было, разумеется, перед Русско-японской войной 1904 года.

— Да. В самом начале мне пришлось сменить профессию, и профессиональным парикмахером я так и не стал.

— Но зато стали офицером императорской армии. И, судя по наградам, заслуженным.

— Награды, господин барон, даются не только за Порт-Артур, но и за умение правильно понимать политическую ситуацию. У меня к вам доверительный вопрос.

— Пожалуйста. Я готов на него ответить.

— Как вы относитесь к Японии вообще. И особенно здесь.

— Господин Нагаоми. Порт-Артур давно ушел в историю. А мы с вами живем сегодняшним днем. Япония была и осталась союзницей старой России по Антанте. А я за царскую Россию готов сегодня сложить голову. Это раз. И я полностью разделяю взгляды атамана Семенова, моего однополчанина, на будущее русско-японских отношений. Это два.

— С атаманом Семеновым у командования императорской армии в Маньчжурии полное взаимопонимание. Мы ему хорошо помогаем. Сегодня нас интересуете вы, господин барон.

— А чем, собственно, я вам интересен? Раскройте служебный секрет, господин капитан.

— Не скрою, мы увидели в вас сильную личность. Личность будущего военного вождя в этих степях.

— Весьма благодарен за такую высокую оценку. Но здесь есть одно но.

— Какое, господин Унгерн?

— Для того чтобы стать сильной личностью в монгольских степях, мало иметь под рукой несколько сотен свирепых харачинов.

— Я вас понял, господин барон. Мы окажем вам посильную помощь. Но опять же при одном условии. При благосклонном отношении к Японии в местных делах. Я надеюсь, что мы хорошо поняли друг друга...

Есаул Роман Унгерн действительно оказался в окружении князя Фуршенги сильным человеком. Он создал свой собственный штаб, в котором сосредоточил все нити управления харачинской конной бригадой семеновского войска. Все важнейшие дела теперь решались только им лично при согласовании с японскими инструкторами. Те окончательно перешли на положение «чистых» военных советников. Впрочем, такая ситуация их вполне устраивала: за возможные чужие провалы теперь отвечать не приходилось, а только информировать свое начальство.

Князь Фуршенга довольно скоро понял, что его царствование над родным племенем носит чисто символический характер. Всеми племенными делами войны и грабительских набегов на соседей занимался присланный к нему атаманом Семеновым русский офицер. Однако Фуршенгу совершенно успокаивало при такой раскладке одно обстоятельство: есаул Унгерн никак не мог стать вождем племени харачинов. Он не был монголом по происхождению, хотя знал степные обычаи, язык и преклонялся перед Буддой, вызывая немалое удивление местных ученых лам. За чашкой кумыса Фуршенга поговаривал:

— Хорош этот офицер. Про Будду знает, про Халху. Жаль, однако, что не быть ему харачином. Не родился он среди нас...

Наиболее близким воинам, прежде всего из числа харачинских офицеров, князь Фуршенга говорил доверительно:

— Степь чужих не любит. И китайские губернаторы не очень ласково смотрят на русских военных людей на своей стороне...

Участие в Гражданской войне в Забайкалье началось для барона Унгерна-Штернберга с довольно необычного боевого задания атамана Семенова. Сидя на китайской территории на пограничной станции Маньчжурия, он через своих разведчиков и добровольных осведомителей был прекрасно знаком с тем, что творилось по ту сторону государственной границы в Забайкальском крае и особенно в казачьих районах.

Советская власть, видя в многочисленном и сплоченном традициями забайкальском казачестве своего потенциального врага, стало применять к нему пока первые репрессивные меры. Хотя, в условиях военного времени, они выглядели вынужденными. На одном из заседаний местных советских властей в Чите выступил командующий Забайкальским фронтом бывший прапорщик Сергей Георгиевич Лазо, по партийной принадлежности социалист-революционер-интернационалист. Или попросту — эсер-интернационалист.

В годы войны он, человек с университетским образованием, поступил в московское Александровское военное училище, которое закончил в 1916 году. Повоевать ему на фронте не довелось, но вот возмутить против Временного правительства тыловой гарнизон сибирского города Красноярска удалось. В последующие два года он сменил не одну руководящую должность в Советах, став в итоге командующим фронтов против семеновских войск в Забайкалье.

К сложившейся ситуации один из лидеров интернационалистов социалистического толка подходил так:

— Предлагаю читинскому совету более твердо проводить политику реквизиций по отношению к забайкальскому не трудовому казачеству.

— Но мы и так увеличили налоговое обложение станиц и поселков местных казаков.

— Хочу доложить вам следующее. Городской пролетариат края голодает. Бойцы Красной Армии сражаются с белыми гадами на урезанном продовольственном пайке. А это чревато возмущениями красноармейцев против Советской власти.

— Какие могут быть возмущения в красных полках? Там все добровольцы, все давали присягу на верность нашей власти.

— Все правильно. Но призванные в ряды Красной Армии Забайкалья местные крестьяне из партизанских отрядов начинают расходиться по домам. Главная причина, на мой взгляд, ведение войны на голодном пайке.

— Тогда что вы предлагаете, товарищ Лазо, для улучшения продовольствования красноармейцев?

— Надо провести новые реквизиции у казачьих богатеев. Отобрать у них часть стад под угрозой расстрела. Экспроприации скота проводить именем социалистической революционности.

— Но такие чрезвычайные меры только пополнят банды атамана Семенова.

— Ну и пусть. Белых гадов у себя в тылу мы должны знать в лицо. Пролетарская часть казачества будет на нашей стороне...

Новые реквизиции, которые на сей раз коснулись обильных стад степных казачьих станиц и поселков, и без того накалили ситуацию в Забайкалье. Не воспользоваться ею, как говорил атаман Семенов, было бы прямым преступлением перед Белым Делом. Он срочно вызвал к себе на станцию Маньчжурия, в отрядный штаб барона Унгерна:

— Барон. Красные отобрали у степных казаков большую часть их овечьих отар. Но семьи малоимущих и сельских большевиков специально не тронули. В моем Отдельном Маньчжурском отряде от таких вестей возникло возмущение.

— Кто возмутился, Григорий Михайлович?

— Казаки из русских и бурят.

— Почему именно они?

— Все они выходцы из приграничных степей. От большевистских реквизиций пострадали именно их семьи. Вот почему на станции в казачьих бараках стоит гул.

— Тогда надо двинуться на Забайкалье и отбить овечьи отары у красных.

— Пока рано мне идти прямым походом на Читу и Верхнеудинск. Хотя, сам знаешь, бои веду по всему краю. Есть другой способ навредить большевикам. И здесь мне нужен именно ты со своими харачинами, а не кто-нибудь другой.

— Я готов к войне. Харачинская бригада давно томится по настоящему делу.

— Вот это прекрасно. Надо совершить набег на приаргунские станицы. Именно они поддерживают сегодня красных.

— Понятно. А суть задачи?

— Людей пока не рубить. Они же нашего корня, казачьего. Еще опомнятся от большевистской власти, пока не поздно. Надо, чтобы твои харачины угнали на эту сторону стада приаргунских станиц. Овечьи отары.

— А что с ними делать будем здесь?

— Вот в этом-то и вся моя задумка против читинского Совета. Скот казаков-большевиков раздадим семьям тех казаков, которые пострадали от реквизиций красных. Так то, барон.

— Ты настоящий стратег, Григорий Михайлович.

— Если и стратег, то в первую очередь степной. Не случайно я потомок самого Чингисхана. А ты, Роман Федорович, в это, по глазам вижу, не веришь...

С задачей харачины барона Унгерна справились успешно. Угон чужих стад для них был делом знакомым. Ночью полтысячи всадников переправились через Аргунь, и утром окрестные казачьи станицы лишились стад в восемнадцать тысяч голов. Правда, не обошлось без кровавых стычек с вооруженными берданками пастухами.

Однако уже в день степного набега выяснилось, что овец харачины угнали не у тех, у кого следовало. По ошибки степные разбойники лишили стад семьи тех казаков, которые сражались на стороне атамана Семенова, а не те семьи, чья мужская половина служила у красных.

Но это было еще полбеды. Часть стад Унгерн вернул через верных людей владельцам. Но оказалось, что породистые забайкальские овцы были уже испорчены.

Харачины в спешке перемешали стада и гнали овец вместе с баранами. А те оплодотворили их на несколько месяцев раньше, чем это было положено испокон веков по скотоводческому календарю, который степными хозяевами исполнялся строжайше.

Другую часть угнанных овечьих отар харачины успели продать кому попало. Немало баранов воины князя Фурщенги «пустили» сами себе на пропитание.

Атаману Семенову было от чего хвататься за голову. Пострадавшие от реквизиций казаки, стоявшие за белых, из его рук мало что получили. Дело приняло скандальный оборот, тем более что читинские газеты вовсю писали, что белогвардейцы-семеновцы руками монголов ограбили свои же семьи.

Больше всего от семей ограбленных аргунцев досталось члену войскового правления Гордееву, находившемуся в семеновском стане. Он обратился за разъяснением к начальнику снабжения Отдельного Маньчжурского отряда:

— Объясните мне, как члену правления Забайкальского войска, почему служащие нам монголы-харачины угнали отары наших же казаков.

— Этого вопроса перед Григорием Михайловичем не поднимайте.

— Почему не поднимать?

— Потому что набег на станицы по Аргуни сделал с харачинами барон Унгерн.

— Ну и что из этого? Разве он не подчиняется атаману Семенову?

— Подчиняется. Но если я, как начальник снабжения Отдельного Маньчжурского отряда, об этом заявлю, мой чуб затрещит под атаманской рукой.

— Но это же обида семьям наших казаков!

— А что делать? Война кормится войною. С бароном лучше сегодня не связываться.

— Это почему же?

— Потому, что ныне за нашим бароном горой стоят японцы. А с ними сегодня не считаться — себе беду делать...

Японские советники, проводившие время в хайларской ставке князя Фуршенги, действительно начали явно для других семеновских военачальников опекать Унгерна-Штернберга. Барон пришелся им и по «вкусу», и по духу. Больше всего старался расположить к Японии белоказачьего есаула капитан Нагаоми. В его подробных донесениях в штаб-квартиру японских войск в Токио мелькали такие строки:

«Барон Унгерн высказался, что военный министр императорского правительства Кадзусига Угаки должен стать кумиром японской офицерской молодежи...»

«Барон Унгерн заявил, что только Япония способна противостоять европейскому и американскому деспотическому капитализму на Востоке...»

«Военачальник атамана Семенова считает нас, японцев, той силой, которая способна противостоять катящейся на Восток волне русского большевизма...»

«Унгерн разделяет наше мнение относительно восстановления в Китае монархии. Он сторонник свергнутой династии Цинь...»

«Унгерн — один из первых русских буддистов по духу. Считает, что возрожденная маньчжурская династия имеет единственную точку физической опоры — в Монголии, а точку духовной опоры Циней видит в буддизме...»

События Гражданской войны в Забайкалье в 1918 году развивались стремительно.

Атаману Семенову удалось собрать под знамена Отдельного Маньчжурского отряда с тысячу человек, не считая харачинов князя Фуршенги. Это были люди отчаянные, которым по многим причинам терять в жизни было нечего: офицеры, местные жители и заброшенные судьбой в эти края казаки-забайкальцы, буряты, монголы из воинственных племен баргутов и харачинов, китайские разбойники-хунхузы, отставные нижние чины японской армии, поселенные в Маньчжурии. Атаман с таким войском мог совершать угрожающие рейды по Забайкалью. Но тягаться с регулярной Красной Армией — такое дело было Семенову пока не под силу.

Все же основу семеновской «армии» составляли войска иррегулярные. Главную боевую силу Отдельного Маньчжурского отряда составляли на тот период... японцы. Об этом сам Семенов писал со всей откровенностью:

«...При штабе находился батальон японских добровольцев, в количестве до 600 человек, который представлял собой подвижный резерв и бросался обычно на атакованный участок фронта, заменяя пехоту из добровольцев-китайцев, доблесть которых после трехмесячных непрерывных боев оставляла желать много лучшего.

Японский батальон был создан по инициативе капитана Куроки, который командировал сотрудников своей миссии, гг. Анжио и Эйтаро, в Южную Маньчжурию для привлечения добровольцев из числа резервистов. Они успешно справились с поставленной им задачей, завербовав на службу в отряд несколько сот только что окончивших службу солдат.

Батальоном командовал доблестный офицер капитан Окумура. Японский батальон в короткое время заслужил репутацию самой крепкой и самой устойчивой части в отряде, и люди, составлявшие его, приучили нас, русских офицеров, солдат и казаков, смотреть на японцев, как на верных и искренних друзей национальной России, которые верность своим обязательствам ставят выше всего на свете, выше даже собственной жизни. Таким образом, в степях сурового Забайкалья зародились дружба и братство русских и японских солдат, которые были закреплены тяжелыми потерями, понесенными отрядом в этот период непрерывных боев с превосходящими силами противника...»

Известно, что атаман Семенов испытывал к Стране восходящего солнца не просто личные симпатии. Он не раз во всеуслышанье заявлял следующее:

— У России в будущем есть только один исторический союзник. Верный и надежный. Это — Япония...

— Японцы не любят Европейскую Россию. А вот с азиатской Россией они будут дружить...

— Революция своим брожением затронула не только русскую армию, но и германскую с французской. В японской армии ей места не нашлось. Вот кого нам надо брать в союзники...

Подняв знамя Белого Дела на станции Березовка, где до Первой мировой войны дислоцировался крупный гарнизон из сибирских стрелковых полков с дивизионной артиллерией, атаман Семенов попытался завладеть Верхнеудинском. Город являлся неофициальной столицей забайкальской Бурятии. Однако эта попытка успеха не имела, равно как и попытка поднять на вооруженную борьбу против Советской власти бурятов и все забайкальское казачество, — «крепкое крестьянство».

После жарких боев белый атаман отвел свои войска на китайскую территорию, продолжая оттуда угрожать Забайкальскому краю. Однако приграничную станцию Даурия на российской территории семеновцы все же удержали. Впрочем, в той ситуации Гражданской войны в Забайкалье красногвардейцы еще не имели сил для «покушения» на Даурию.

Оказавшись за границей «не по своей воле» и «не по приглашению китайского правительства», атаман Семенов решил прежде всего обезопасить себя с ближнего тыла. А там находился все тот же город Хайлар, в который китайцы ввели небольшой гарнизон. Потом они его усилили, и теперь он достигал почти тысячу человек. Но Семенова больше в тылу беспокоило не это обстоятельство, а совсем иное. Об этом он и сказал на совещании с Унгерном:

— Роман Федорович. Ты хорошо помнишь нашу операцию на станции Маньчжурия в начале января 18-го?

— Еще бы. Тогда наши конники не оставили никаких шансов китайскому гарнизону. Ему пришлось сдаться казакам и сложить оружие.

— А помнишь, каким было соотношение сил в той операции?

— На семерых наших казаков приходилось полто-

ры тысячи китайских солдат. Но мы атаковали гарнизон станции внезапно, в конном строю.

— Так вот что, барон. Такую операцию я приказываю повторить в самые ближайшие дни.

— Где именно?

— В городе Хайларе.

— Но там китайский гарнизон бездействует. Ни одной акции против нас за все время.

— Бездействует, говоришь? Опасность в том, что кайларский гарнизон подвергся до конца южнокитайской революционной пропаганде. Не сегодня завтра появившиеся там китайские большевики станут союзниками Советов. Вот тогда и попадем мы, господин барон, в два огня.

— Тогда надо действовать немедленно.

— Действуй. Только постарайся без крови. Об этом просят японские советники. Они не хотят из-за Хайлара ссориться с пекинским правительством.

— Постараюсь. А в операции, как Бог на душу положит.

— Обмани китайцев опять, Роман Федорович. Разоружи их без крови и отпусти на все четыре стороны света. Трофеи оставь для своих азиатов...

Хайларская операция «по укреплению антибольшевистских сил в Забакалье» состоялась в январе 1919 года. Семенов в мемуарах под красноречивым названием «О себе» так описывает действия отряда:

«Было установлено, что в день предположенного разоружения комитет гарнизона должен был иметь заседание около 11 час. вечера. Это время мы и решили использовать для разоружения казарм. Численность гарнизона достигала 800 штыков, мы имели 250 конных баргуд (одного из монгольских племен. — А.Ш.) и одну сотню штабс-ротмистра Межака...

Разоружение было произведено бароном Унгерном в течение не более двух часов времени настолько безболезненно, что гарнизонный комитет, заседавший в это время, даже не подозревал о случившемся...»

Атаман Семенов в свою бытность еще командиром

Особого Маньчжурского отряда придумал собственную наградную систему. При этом он во многом дублировал награды Российской империи, благо было где «делать» собственные ордена и прочие знаки отличия. Золото и серебро имелись в достатке, причем свое, забайкальское. Поэтому Семенов по своей воле сделал барона фон Унгерна-Штернберга дважды Георгиевским кавалером. Приказ о награждении гласил:

«Приказ
По Отдельной Инородческой Конной Дивизии
3 марта 1919 г. Военный городок Даурия
№ 45
Параграф 6
Генерал-майор Унгерн-Штернберг (Роман) по постановлению Георгиевской Думы на основании ст. 8 и 33 Статута награжден орденом Св. Великомученика Георгия 4-й ст. Особого Маньчжурского Отряда за то, что, командуя отрядом в январе 1919 г., разоружил Хайларский гарнизон в составе батальона.

Справка: Приказ Отдельной Восточно-Сибирской Армии № 61 параграф 3.

Подлинный подписал: Начальник дивизии подполковник Усачев.

С подлинным верно: Старший адъютант подъесаул...»

Так Роман Федорович Унгерн фон Штернберг оказался вторично награжден военным орденом Святого Георгия 4-й степени. Историкам по сей день приходится гадать, с каким белоэмалевым Георгием он принял смерть. С тем, который получил на фронте в Первой мировой войне? Или с тем, который получил из рук атамана Семенова за проведение бескровной операции по разоружению китайского гарнизона в Хайларе?

Заметим только одно. Реакция японских советников атамана на ту операцию была вполне доброжелательной. И пекинское правительство на железнодорож-

ную станцию гневной ноты телеграфной строкой не прислало...

К тому времени Гражданская война полыхала по всей Сибири и на Дальнем Востоке. Настоящей «миной под Советскую власть» на Востоке России стало выступление добровольческого Чехословацкого корпуса, который в считанные дни захватил крупные города и узловые станции по Транссибирской железнодорожной магистрали от волжских берегов до портового Владивостока.

Корпус, как составная часть русской армии, был сформирован по инициативе Союза чехословацких обществ в России осенью 1917 года из военнопленных чехов и словаков австро-венгерской армии. Формирование шло на добровольческой основе. До марта 1918 года корпус дислоцировался в тылу разваливающегося Юго-Восточного фронта. Он состоял из 30 тысяч военнослужащих (две пехотные дивизии и запасная бригада). Командовал Чехословацким корпусом русский генерал-лейтенант Шокоров, начальником штаба являлся генерал-лейтенант Дитерихс.

После сепаратных переговоров в Брест-Литовске высшее командование Антанты объявило Чехословацкий корпус в Советской России автономной частью французской армии. Совнарком за подписью Ульянова (Ленина) заявил о готовности эвакуировать личный состав иностранного корпуса распущенной русской армии через Владивосток, стремясь удалить «контрреволюционно настроенных» чехов и словаков от Петрограда и Москвы:

— На Мурманск и Архангельск эшелоны с чехословаками не отправлять. Ведь в таком случае они пойдут железной дорогой по столицам. А там заговоры буржуазии, контрреволюции...

Совет Народных Комиссаров и Реввоенсовет товарища Троцкого чувствовали, что каждый лишний день пребывания добровольческого корпуса из военнопленных славян грозит мятежом. Если он «пыхнет», то сделает контрреволюционное подполье во многих ме-

стах. Такое действительно случилось. Но помимо воли чехословаков, уже мечтавших вернуться в родные Моравию, Карпаты, Прагу, Пльзень...

К концу мая 1919 года 63 воинских эшелона с чехословакими, численность которых уже превышала 40 тысяч человек, растянулись по железнодорожной линии от станции Ртищево под Пензой до Владивостока. То есть на расстоянии около семи тысяч километров.

Обстановка на Транссибе накалялась с каждым днем. С одной стороны, Советское правительство стремилось использовать Чехословацкий корпус как преграду для немецких и австрийских войск, начавших почти беспрепятственное продвижение на восток по территории бывшей Российской империи до Нарвы и Дона. Но не только против них, но и войск Украинской народной республики. С другой стороны, местные Советы, по указаниям из Москвы, старались разоружить легионеров-чехословаков и потому всячески задерживали продвижение их эшелонов к Владивостоку.

20 мая в городе Челябинске совещание делегатов Чехословацкого корпуса приняло решение: оружия Советам не сдавать и продолжать движение эшелонов к Владивостоку. Были избраны руководящие корпусные органы: Временный исполнительный комитет Чехословацкой армии во главе с Павлу, военная коллегия и военный совет из трех человек — подполковника Войцеховского, капитанов Гайды и Чечека.

Первое вооруженное столкновение чехословаков с красноармейцами произошло в сибирском городе Мариинске 25 мая. Мятежа корпуса против Советской власти в России можно было еще избежать. Но в тот день чехословацкое командование перехватило категоричный приказ председателя Реввоенсовета Льва Троцкого, в котором он требовал расстреливать на месте всякого вооруженного чехословака и заключать в лагеря военнопленных весь личный состав данного корпусного эшелона.

Приказ Троцкого вызвал единодушие в действиях

чехословаков, служивших теперь Антанте. Их мнение, не считая часть коммунистов-интернационалистов, услышала по телеграфу большая часть России:

— Оружия Советам не сдавать. Оно дано нам не ими. На родину пробиваться силой, если Троцкий вздумает нас разоружать и снова загонять в бараки для военнопленных...

Чехословацкий корпус, являвшийся в России частью французской армии, поднял мятеж против новой власти. Он действовал четырьмя оперативными группами: Поволжской во главе с Чечеком, Челябинской подполковника Войцеховского, Сибирской Гайды и Владивостокской, которой командовал генерал-лейтенант Дитерихс. Чехословаки силой своего оружия поддержали антибольшевистские правительства: в городе Самаре — Комуч, в городе Екатеринбурге — Временное областное правительство Урала и в городе Омске — Временное Сибирское правительство.

Ведя наступательные операции против сил Красной Армии, чехословаки захватили всю линию Транссибирской железнодорожной магистрали, многие крупные города вне ее полосы, в том числе Новониколаевск, Томск, Канск, Иркутск, Красноярск и другие. В городе Казани был захвачен золотой запас России, позднее переданный правительству адмирала Колчака (так называемый «золотой эшелон»).

Чехословацкий корпус принял участие в боях с Красной Армией на стороне колчаковских войск. Однако личный состав корпуса все настойчивее требовал от своего командования отправки на родину. По приказу военного министра правительства Чехословакии Штефаника в середине января 1919 года корпус был снят с фронта и отведен в тыл армий Верховного правителя России адмирала Колчака.

1 февраля 1919 года Чехословацкий корпус был переименован в Чехословацкую армию в России. Теперь она уже не находилась под колчаковским командованием, а подчинялась только верховному командованию Антанты и правительству своей страны.

Весной 1919 года союзное командование поручило чехословацким легионерам охрану железной дороги от Новониколаевска до Иркутска, Омска и Томска. В конце этого же года началась эвакуация чехословацких частей, которая проходила в условиях отступления колчаковских войск. Бывшие союзники Верховного правителя России, стремясь обезопасить себя от ударов Красной Армии, заблокировали движение эшелонов белых, нанеся им тяжелый удар «в спину»...

Такова была история участия Чехословацкого корпуса в Гражданской войне. Легионеры, чехи и словаки, волей судьбы оставили свой след и в Забайкалье. Именно они вместе с сибирскими добровольцами «мужицкого генерала» Анатолия Пепеляева взяли у красных город Читу, которую атаман Семенов собственными силами взять не мог. Позднее Семенов скажет:

— Читу я рано или поздно взял бы сам. Мне тогда надо было навести порядок в аргунских станицах. Не до города было...

— С Читой так случилось, что пепеляевцы с легионерами французской армии оказались к городу ближе. Отличились, молодцы...

— Не мои же казаки сидели в железнодорожных эшелонах, а чехословаки с генералом Пепеляевым...

В сентябре 1918 года Семенов перевел свой штаб со станции Маньчжурия в Читу. Резиденцией он сделал лучшую городскую гостиницу «Селект» и сразу же приступил к созданию собственной армии, объявив в Забайкальском крае о всеобщей мобилизации против большевиков. Те тогда представляли из себя партизанские отряды, которые укрывались в сибирской тайге к северу от Читы.

Теперь атаман Григорий Семенов мог вправе считать себя правителем Забайкалья и совершенно независимым от Верховного правителя России адмирала Колчака, на стороне которого была Антанта без Японии. А на стороне Семенова — Япония без Антанты. В столице Страны восходящего солнца хорошо знали то, что любви к ней приехавший из Соединенных Штатов ви-

це-адмирал, недавний командующий флотом Черного моря, не испытывал. К тому же он был в Порт-Артуре, где командовал эскадренным миноносцем и береговой артиллерийской батареей, и побывал в самурайском плену на островах.

Токио определенно делал ставку в дальневосточных и забайкальских делах на казачьего атамана и на его разношерстную армию. Поэтому японцы почти ни в чем не отказывали Семенову. Он получал в «кредит» (расплачиваться надо было после победы в Гражданской войне) даже радиостанции, или, как их называли в то время — искровые станции. Получил он помощь и в оборудовании и вооружении бронепоездов. В то время война шла больше «эшелонная», вдоль железнодорожных магистралей.

Свое вторжение атаман Семенов начал с успешных боев против красных войск, которыми командовал Сергей Лазо. Силы Читинского Совета тоже, как и у белых, отличались разношерстностью. Самый крупный красноармейский отряд под командованием Лазо состоял из рабочих железнодорожного депо Чита-1, выпущенных Советской властью из местных многочисленных тюрем заключенных (Забайкалье в старой России было традиционным местом отбывания каторги за всевозможные преступления перед законом) и прибывшего домой с Кавказского фронта 1-го Аргунского казачьего полка.

В Забайкальском крае впервые в истории казак стал рубиться с казаком. Гражданская война кровавой чертой разделила сословие воинов-землепашцев на два непримиримых стана. Так было в ранее «благополучном и законопослушном» Забайкальском казачьем войске, верой и правдой служившем Российскому отечеству на восточной границе, в Русско-японской и Первой мировой войне, в целом ряде военных конфликтов на Востоке.

О том, что из себя представлял белогвардейский стан атамана Семенова, в советское время было написано много. И все в черных тонах, лишь изредка в серых красках. А каков же был стан его противника? В книге

Н. С. Сибирякова «Начало и конец Забайкальского казачьего войска» красногвардейский отряд Сергея Лазо во время боев за город Читу описывается и так:

«...Начальником штаба отряда Лазо была эсерка-максималистка Нина Лебедева. Она находилась в полном контакте с той частью отряда, которая была скомплектована из уголовников. Уголовникам Лебедева импонировала и внешностью, и поведением. Черная, глазастая, умеренно полные груди и бедра, плюшевый жакет, цветастая с кистями шаль, почти волочащаяся сзади по земле, огромный маузер на боку. Она не запрещает, а поощряет погромы с грабежом, за словом в карман не лезет. Рявкнет кто-нибудь: «Тарарам тебе в рот!» — услышит, откликнется: «Зачем же в рот, когда можно в...?» — поведет глазом и, стуча каблучками офицерских сапог с кисточками, пойдет дальше, поигрывая бедрами. Хевра радостно гогочет, восторженно глядит ей вслед. Своя в доску!»

Надо сказать, что Гражданская война в Забайкалье продолжительных боев почти не знала. Проиграв бой, уступившая сторона спешила «откатиться» то в сибирскую тайгу, то за степную реку, то на китайскую территорию. С тем, чтобы собраться с силами, выждать удобный момент и вновь ударить по врагу.

Всю Гражданскую войну здесь процветала «партизанщина». Как в стане белом, так и в красном.

Семенов «строил свою политику» определенно. Чтобы увеличить численность создаваемой армии, он решил использовать все «антибольшевистские силы» Забайкальского края и его степных, южных окраин. Для этой цели он вызвал к себе из Хайлара есаула фон Унгерна. К тому времени семеновские войска взяли на сопредельной стороне китайской границы станцию Даурия, форсировали реку Онон и расширяли свои действия в сторону Читы. А к ней уже катили эшелоны с чехословацкими легионерами и пепеляевцами. Разговор двух есаулов в атаманском штабном пульмановском вагоне и определил весь ход дальнейшей судьбы «демона» монгольских степей барона Унгерна-Штернберга:

— Григорий Михайлович, хочу поздравить со взятием станции Оловянная.

— Благодарю, барон. Крепко врезали мы там бывшему тыловому прапорщику Лазо. Сразу утек под Читу.

— Зачем так срочно вызывал из Хайлара?

— Надо было. Я решил назначить тебя комендантом станции Даурия с ее большим военным городком. Там есть небольшой мой гарнизон. Но это не главная будет твоя забота.

— Значит, мне ставится иная задача, чем комендантство?

— Да, Роман Федорович. Я назначаю тебя командиром Туземного корпуса с последующим присвоением звания генерал-майора казачьих войск.

— Почему именно Туземного корпуса?

— Можно назвать его, если хочешь, Инородческим корпусом или Дикой дивизией. Как назывались не на бумаге первая и вторая Кавказские туземные конные дивизии на мировой войне. А как ты сам хочешь назвать свое формирование?

— Азиатской конной дивизией.

— Хорошо, пусть будет твое название. Так она будет значиться и в штабных документах моей забайкальской армии. Но формироваться она будет из бурятских и монгольских всадников.

— И, по моему мнению, именно буряты и монголы должны составить основу дивизии с азиатским именем. Буддисты по вероисповеданию.

— Но только основу. В дивизию можешь брать кого хочешь, лишь бы сражался против большевиков за старую Россию. Возьми за пример мой Отдельный Маньчжурский отряд, в нем только одной японской пехоты семьсот штыков.

— Когда можно приступить к формированию дивизии, Григорий Михайлович?

— Сегодня же. Бери свой конвой, приказ у моего начальника штаба — и в Даурию.

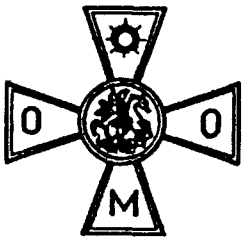
— Пределы моей власти на этой станции?

— Вся полнота власти. Подотчетность — только лично мне. Помни, Роман Федорович, что в Даурии и в ее приграничной зоне большей власти, чем ты сам, нет.

— Благодарен за доверие. Азиатская дивизия будет сформирована в самое ближайшее время. Она оправдает свое имя и запомнится в истории...

Надо оговориться сразу. Барон Унгерн получал от атамана Семенова диктаторские полномочия не только на железнодорожной станции в приграничной зоне, а во всей Даурской области.

Это был первый серьезный шаг потомка эстляндских рыцарей к осуществлению «фантастической» мечты установить личную диктатору под любым именем, под любым лозунгом и знаменем в степях Центральной Азии. Пройдет совсем немного времени, и Семенов поймет, какую непростительную ошибку допустил он, назначив командиром существовавшей еще только на бумаге Азиатской дивизии своего боевого однополчанина по 1-му Нерчинскому полку казаков-забайкальцев. Атаману лично придется вычеркивать сформированную конную дивизию из списков своей белой армии.

Глава седьмая

ДИКТАТОР С ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СТАНЦИИ ДАУРИЯ

Оказавшись на станции Даурия полновластным хозяином, барон Унгерн фон Штернберг вошел в историю Гражданской войны в России знаковой фигурой. И прежде всего как командир печально известной в Забайкалье и славно известной в соседней Монголии Азиатской конной дивизии, появившейся на свет благодаря трудам семеновского коменданта маленькой железнодорожной станции. Особенностью являлось то, что она стояла на стыке трех государств того времени — Дальневосточной республики (ДВР Халхи (Внешней Монголии) и Китая (то есть Маньчжурии).

Барон Унгерн фон Штернберг властвовал на станции Даурия два года. И за все это время никто не покушался отобрать у него здесь всю полноту власти над людьми и железной дорогой.

В Большой советской энциклопедии (БСЭ), том 23, издания 1976 года, написано следующее:

«Семеновщина, контрреволюционный режим военной диктатуры, установленный в Забайкалье в 1918–1920 годах атаманом Г. М. Семеновым при поддержке японских империалистов. Социальную основу

Семеновщины составляли верхушка забайкальского казачества и кулацкие слои крестьянства (в том числе бурят и монголов). После свержения Советской власти в Сибири в результате мятежа Чехословацкого корпуса Семенов в августе 1918 года вступил на территорию Забайкалья из Маньчжурии, а в январе 1919 года создал в Чите Забайкальское контрреволюционное правительство, путем насильственной мобилизации сформировал армию и установил военную диктатуру. Были восстановлены дореволюционные порядки, национализированные предприятия возвращены владельцам, введено военное управление на железных дорогах и предприятиях и так далее. Семеновщина характеризовалась массовым террором и расстрелами населения (только в районе станции Андриановки летом 1919 года было расстреляно 1600 человек). Было создано 11 стационарных застенков смерти, где подручные Семенова (бароны Р. Ф. Унгерн фон Штернберг и А. И. Тирбах, Б. П. Резухин, Я. Г. Лапшаков, П. П. Левицкий и другие) применяли самые изощренные пытки. Жертвами Семеновщины стали тысячи коммунистов и беспартийных. Несмотря на кровавые репрессии, трудящиеся Забайкалья под руководством коммунистов и выдвинутых ими руководителей — П. Н. Журавлева, М. М. Якимова, Ф. А. Погодаева, Я. Н. Коротаева и других — развернули массовое партизанское движение против Семеновщины.

Вначале Семенов под влиянием японских интервентов фактически не подчинялся адмиралу А. В. Колчаку, но затем под давлением американских, английских и французских представителей состоялось их примирение. После разгрома войск Колчака и образования Дальневосточной республики (ДВР) в апреле 1920 года Семеновщина удерживалась благодаря поддержке японских войск. После их ухода из Забайкалья (август 1920 года) Семенов для укрепления режима пытался прибегнуть к помощи «демократии» (созыв в июле «Краевого собрания» и в сентябре «Временного восточно-забайкальского народного собрания», где большинство принадлежало меньшевикам, эсерам и «народным социалистам»). В результате успешных действий Народно-революционной армии Амурского фронта и партизан банды Семенова были разгромлены и в ноябре 1920 года изгнаны из Забайкалья».

...Азиатская дивизия как таковая была воинскими формированиями со многими знаками вопроса. Во-первых, похоже, что сам ее командир точно не знал ее численности. Однажды атаман Семенов сделал Унгерну телеграфный запрос:

— Уточняю численность армии. Сколько сабель в дивизии на сегодняшний день?

— Не знаю. Определить затруднительно.

— Как затруднительно? А данные дивизионного штаба?

— Повторяю. Азиатская дивизия вообще не поддается учету...

Число полков в дивизии постоянно менялось. Первым стал полк, составленный из конников-харачинов князя Фуршенги. Они то наезжали в Даурию, то разъезжались по своим становищам к семьям или на время убывали в недалекий Хайлар. Второй конный полк барон Унгерн стал формировать уже из казаков-забайкальцев — русских и бурят. Это были в основном жители ближайших степных станиц и поселков по Аргуни.

Ближайшими помощниками Унгерна на первое время стали два офицера: Шадрин, заместитель командира дивизии, и Баев, он заведовал дивизионной военной школой для подготовки младших офицеров из бурят и монголов, в том числе и из числа харачинов Фуршенги. Они оба, как и их начальник, свободно владели монгольским языком.

Однако ради справедливости следует заметить, что Инородческую дивизию барон Унгерн фон Штернберг создавал на первых порах не один. В помощь ему атаман Семенов выделил высоких чинов бывшей царской армии. Это были генерал-майор Мунгелов, полковники Широких, Александрович, Жуковский, ряд других лиц, известных в семеновском окружении. Но долго

«удержаться» в Даурии они не смогли. С командиром формируемого азиатского воинства они не срабатывались: он не принимал их «регулярство» и «канцелярщизм», а они не принимали и страшились его деспотизма. Уже тогда атаману Семенову пошли первые жалобы на даурского коменданта:

— Разве можно казачьего хорунжего назначать старшим по должности над армейским полковником-фронтовиком...

— Штаб дивизии постоянно меняется. Документации, учета не ведется никакого. Господин барон штабного дела совсем не знает...

— Где это видано и в какой армии, чтобы заставлять нестроевых чинов тыловых команд носить погоны поперек плеча. Еле убедили отменить такое реформаторство...

— Дня не проходит без диких наказаний. Кого порют березовыми палками комендантские китайцы? Своих же, белых добровольцев...

— Гарнизонных жен отправляет в монастыри. За распутство их нещадно порют на глазах мужей...

— Ни одного железнодорожного эшелона не пропускает через Даурию без мер конфискации. Протесты по телеграфу даже не читает...

— Замашки у барона прямо диктаторские. Но должен же он кому-то подчиняться на войне. Или самому себе, и только?..

Барон явно не доверял, по крайней мере первое время, «туземным» командирам. Именно поэтому он ввел в «азиатских» частях дивизии двойное командование: русские офицеры дублировали власть офицеров из числа монголов и бурят. В штабе и в артиллерии служили преимущественно русские, имевшие специальную военно-профессиональную подготовку в объеме военного училища или школы прапорщиков, прошедшие курс обучения в запасных батареях.

Атаман Семенов, занятый читинскими делами, «упустил из своего поля зрения» коменданта станции Даурия, одновременно являвшегося командиром Азиатской дивизии. Унгерн власть атамана лично признавал, но никому из членов его Забайкальского временного правительства или штаба не подчинялся. И не думал подчиняться. Когда однажды из Читы в Даурию прибыла комиссия для проверки фактов незаконных реквизиций и потребовала каких-то бухгалтерских отчетов, барон учтиво предостерег семеновских проверяющих:

— Господа чиновники. Вы явно рискуете наткнуться на штыки Дикой дивизии!

— У нас есть предписание начальника штаба атамана Семенова о проведении проверки известных нам фактов. Мы уполномочены...

— Мне ваши полномочия до одного места. В Даурии распоряжаюсь всем только я. По распоряжению самого атамана Семенова...

Более резким тоном он «отослал» обратно в Читу комиссию, которой правительство поручило расследовать на железнодорожной станции Даурия факты взимания дани с проходивших мимо поездов, как пассажирских, так и грузовых. Жалоба харбинского правления Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) осталась без ответа.

Азиатская дивизия росла численно, и ее надо было кормить, одевать и обувать. А тысячи лошадей в зимнее время обеспечивать фуражом: зерном и сеном, поскольку кони за теплое время «объедали» пастбища даже вдали от станции. Унгерн решил проблему жизнеобеспечения воинов Азиатской дивизии и их лошадей следующим образом. Он вызвал к себе главного интенданта генерала Казачихина и строго напомнил ему:

— Господин генерал. Вам известна сумма, которая поступает из Читы на содержание конников моей дивизии?

— Известна, Роман Федорович. Она ничтожна. На казачью сотню хватит, но только на провиант и сено.

— Тогда какой выход видит дивизионный интендант?

— Только один. Другого просто нет и не предвидится. На Читу надежд вообще нет.

— Железная дорога из Харбина?

— Точно так. Азиатская дивизия может прокормиться только железной дорогой. У даурских крестьян последний провиант уже давно изъят. А проводить реквизиции у семей наших казаков, сами понимаете, нельзя.

— Значит, источником жизни для нас могут быть только реквизиции на железной дороге? Доходами с нее мы можем платить дивизионные долги перед поставщиками.

— Да, господин барон. Но для нас желательно, чтобы реквизиции производились не здесь, а на китайской территории, на станции Маньчжурия.

— Хорошо. Там установим пост военного и таможенного контроля. А кому вы будете сбывать реквизированные товары?

— Как кому! Да у меня в интендантстве с утра до вечера крутится не один десяток разных дельцов, большей частью китайцев. Чуть занизь им цену на реквизированное добро, на копейку серебром — оторвут с руками.

— А сами чем будете торговать, господин генерал-интендант?

— Реквизированным товаром из партий покрупнее. Буду возить в Харбин и там продавать местным купцам.

— Смотрите у меня. Заворуетесь в казенном деле, да еще на войне — расстреляю...

Казачихин оказался оборотистым интендантом. Продавая в Харбине различные реквизированные товары, большей частью промышленные (в годы Гражданской войны торговый оборот осуществлялся в основном по железным дорогам), генерал слал в Даурию не только деньги для закупки провианта на месте. Но и муку, рис, ячмень, овес, сало, табак, папиросы, соль, чай, партии обуви, латунь для патронных гильз. Благо атаман Семенов, объявив железную дорогу в Забайкалье на военном положении, предоставил коменданту станции Даурия возможность иметь собственные паровозы и вагоны.

Достоверно известно, что лично сам барон Унгерн был бескорыстен в этих делах. Чего нельзя было сказать о его ближайших помощниках. Тот же генерал Казачихин, когда первые белоэмигранты в Маньчжурии жили крайне трудно, купил в городе Харбине, где находилось правление КВЖД, большой дом.

Даурия, собственно, состояла из двух частей. Первой была сама станция с пристанционным поселком, где жили преимущественно железнодорожники. Второй частью являлся военный гарнизон, который начинал строиться тогда, когда хорунжий фон Унгерн служил в 1-м Аргунском полку. Тогда начали возводить первые казармы из красного кирпича.

Даурский военный город был рассчитан на расквартирование более десяти тысяч человек войск Иркутского военного округа. До 1914 года здесь располагались 2-я бригада 4-й Сибирской стрелковой дивизии (15-й и 16-й Сибирские стрелковые полки) с артиллерийским дивизионом (три пешие батареи), 1-й Аргунский и 1-й Читинский полки Забайкальского казачьего войска, 1-я казачья батарея забайкальцев, другие воинские части. То есть военный город был немаленький, изначально рассчитанный на большой приграничный гарнизон. В столичном военном ведомстве на этот счет говорили:

— В случае обострения ситуации в Маньчжурии станция Даурия должна стать базой для последующих военных операций...

Казармы строились преимущественно двухэтажные, кладка стен достигала полуметровой толщины. Фундаменты из-за песчаной почвы закладывались глубоко. Коридоры имели сводчатый потолок. В даурском военном городке выстроили конюшни на несколько тысяч лошадей, орудийные парки, стрелковый тир и манеж для выездки. Пожалуй, единственное, что здесь не успели достроить до конца, так это православную церковь. Унгерн, появившись в Даурии, сразу задал вопрос своим помощникам:

— Почему в гарнизонном храме не проводятся богослужения для русских казаков и офицеров? Ведь церковь почти достроена.

— Потому что она, господин барон, не освящена.

— А кто ее может освятить?

— Пока идет война, наверное, никто. Приезд сейчас в Даурию кого-нибудь из иерархов церкви просто невозможен.

— Значит, здание пустует. А в чем сейчас нуждается формируемая Азиатская конная дивизия?

— У артиллерии нет надежного помещения для размещения боеприпасов.

— Тогда устройте склад артиллерийского боезапаса в неосвященном храме. Смотрите, какая крепость кирпичной кладки. Ведь службу все равно нельзя править.

— Господин барон, здесь есть одно но.

— Какое?

— Вы же сами говорили перед казаками, что веруете в Бога и Евангелие.

— Ну и что из того. Храм не освящен, значит, Божью силу он никак не держит. Потому исполняйте мой приказ...

Недостроенная церковь волей судьбы оказалась единственным зданием Даурского гарнизонного городка, взорванным в ходе Гражданской войны. В октябре 1920 года, когда белые отступали, они не смогли вывезти все снаряды, хранившиеся в храме. Тогда был отдан приказ взорвать эти запасы, иначе артиллерийский склад доставался красным в качестве трофея. Очевидцы рассказывали, что эхо мощного взрыва разнеслось по берегам Аргуни более чем на двести верст.

В Даурии барон Унгерн оставил после себя архитектурное творение. Он приказал втащить на вершину сопки, которая господствовала над станцией и ее окрестностями, железнодорожный вагон. Сделать это удалось с неимоверным трудом, и немало «тружеников», возмущавшихся такой «работой», было перепорото нагайкой лично бароном. Все же купейный вагон втащили

«с горем пополам» на сопку. В нем была устроена гарнизонная караулка.

Никакой штабной документации в Азиатской конной дивизии не велось. Вести ее даже не приказывалось. Командир дивизии объяснял это так:

— Бумага только тормозит живое военное дело...

— Вам нужна бумага? Хорошо. После писарь выйдет хоть десть...

— Долго сидеть на службе в штабе нельзя. Надоест писать и забудешь, как стрелять...

Поэтому в дивизионном штабе писаря не задерживались. Их барон менял как в калейдоскопе, стремясь избавиться от бумажной рутины, ругаясь по этому поводу то со штабными чинами атамана Семенова, то с министрами Забайкальского краевого временного правительства, пока оно находилось в Чите. Дивизионный штаб как таковой отсутствовал «начисто». Хотя какие-то чины в нем числились.

Из Даурии барон Унгерн порой вмешивался в правительственные дела, вершившиеся в краевой столице. Этому способствовало положение новоиспеченного генерал-майора семеновских войск: атаман чувствовал себя совершенно независимым от Верховного правителя России адмирала Колчака и раздавал офицерские и генеральские чины на свое усмотрение, не спрашивая на то разрешениz у Омска. То, как Семенов относился к колчаковским министрам, передалось и командиру Азиатской конной дивизии. Он порой говорил читинским министрам и такое:

— Мне стало известно, что вы собираетесь печатать краевые бумажные деньги?

— Да, такое решение уже принято, господин Унгерн.

— А зачем нам собственные ассигнации?

— Как зачем. Посмотрите, что в ходу сейчас. Николаевские ассигнации, керенки в миллионах, какие-то советские рубли. И еще китайские деньги.

— Я вам советую делать краевые деньги не из бумаги. Она трется и рвется. Легко подделывается фальшивомонетчиками. Их сейчас много по всей России.

— А из чего вы тогда рекомендуете делать деньги правительству?

— Из металла, вольфрама.

— А где нам взять этот вольфрам?

— На местных забайкальских рудниках.

— Но для того, чтобы чеканить деньги из металла, нужна специальная машина.

— Я вам выпишу такую машину для чеканки монет из Японии. А правительство ее оплатит.

— Но тогда нужно на заседании правительства утвердить рисунок новых краевых денег в виде монет.

— Не надо ничего утверждать. Я вам лично нарисую деньги. И попрошу атамана Семенова утвердить мои эскизы. После этого правительство может печатать наши деньги...

Однако «приложить» свою руку к казначейству барону не удалось, и современные нумизматы оказались «обделенными». «Семеновок», тем более монет из вольфрама с рисунками барона Унгерна-Штернберга, в их коллекциях нет.

За время пребывания в Даурии Роман Федорович Унгерн фон Штернберг резко изменился как личность. Старые знакомые ему удивлялись немало. Во-первых, он стал абсолютным трезвенником. Этим даурский комендант отличался от атамана Семенова, большого любителя шумных и обильных застолий. Во-вторых, в нем все чаще и чаще стал проявляться инстинкт поазиатски жестокого человека. Когда заходила речь о воинской дисциплине, то барон говорил всем давно известные слова:

— Я сторонник палочной дисциплины. Как прусский король Фридрих Великий и как всероссийский государь-самодержец Николай Первый...

За любые провинности, если они не карались смертью, унгерновцы наказывались палками. Роль палачей исполняли китайцы-хунхузы из экзекуционной команды. Свои березовые палки они называли «бамбуками». Барон Унгерн в таких случаях спрашивал подчиненных:

— Вы знаете, за что судили эстляндского помещика в семнадцатом веке?

— Никак нет, ваше благородие.

— Помещика в Эстляндии, откуда идет мой баронский род, судили за то, что он давал своему крепостному мужику больше тридцати палок. В дивизии провинившиеся получают не больше двухсот. Заметьте это.

— Почему не более двухсот, ваше благородие, смею спросить?

— Потому что двести ударов бамбуком есть порог смерти, уважаемые. Такого наказуемого расстреливать не надо. Мои китайцы свое дело знают...

Действительно, смертные приговоры в Даурии, не считая последних дней, выносились редко. Даже дезертиры обычно отделывались в унгерновских приказах обыкновенной поркой. Но какой!

В Даурии, отрезанной от всего мира, личный состав азиатской конной дивизии стал «заложником» у барона Унгерна. Именно он был здесь законодателем и мерилом «добра и зла». Многие, знавшие его лично в Гражданской войне, писали, что в Даурии жил «маньяк», который «из-за жестокости войны с большевиками» стихийно шел на крайние меры в наказаниях людей.

Семеновский генерал превзошел в порках и короля Фридриха Великого, и императора Николая I. Те никогда не пороли своих офицеров, а вот барон порол. И мог своим приказом разжаловать в рядовые (!).

Унгерн мог наказать подчиненного и так. Однажды он приказал утопить офицера за то, что при переправе через реку были подмочены запасы муки, за которые тот отвечал. Или заставил интенданта на глазах у всех съесть всю пробу недоброкачественного сена. При этом барон говорил о своей справедливости.

Семеновские контрразведчики, в том числе и на станции Даурия, применяли так называемые «китайские казни». Одна из них заключалась в следующем. Арестованного привязывали к столу. На его голый живот выпускали живую крысу, которая накрыва-

лась печным чугуном. По днищу чугунка палкой лупили до тех пор, пока обезумевшая от грохота крыса не вгрызалась человеку во внутренности. Это была пытка (или казнь) из профессионального арсенала китайских палачей.

Даурская тюрьма пользовалась в годы Гражданской войны в Забайкалье особо дурной славой. В нее не так часто свозили пленных красных партизан, как «своих» провинившихся в чем-то и вообще всех подозрительных. Тюрьма у Унгерна носила название гауптвахты. Ее начальником являлся бывший австрийский военнопленный полковник Лауренц, которого в дивизии прозвали «Дауренцом». Во время репатриации военнопленных германцев и австрийцев он как-то «затерялся» в Сибири и дальше Даурии проехать не смог. Когда его спрашивали об этом, полковник Австро-Венгерской армии говорил:

— Почему я здесь остался, спрашиваете. Я потомственный военный. Разве мне, прибывшему из плена, дадут в отечестве такую должность и такое положение в армии?..

На гауптвахте Унгерн был частым гостем. Но приезжал он в гарнизонную «тюрьму» только для того, чтобы провести там короткий суд над заключенными. А там содержались по его приказам под стражей и случайные лица, виновные в спекуляции, пьянстве, проституции. Однако и им мягких телесных наказаний выносилось не часто.

Атаман Семенов, сидя в Чите и воюя оттуда с красными, мало занимался делами формируемой на железнодорожной станции Даурия Азиатской конной дивизии. А проверяющих из Читы барон Унгерн к себе в гарнизон не пускал. Все же Семенов строил немалые планы относительно усиления своей армии именно этой дивизией. Поэтому он делал своему однополчанину «знатные» подарки: то генеральский чин в октябре 1918 года, то породистую белую кобылу. Унгерн назвал ее Машкой, в честь любовницы атамана, заправлявшей в его штабе многими делами. Эта белая кобыла верно

служила своему хозяину до последних дней — до дня пленения его партизанами Щетинкина.

Унгерн сумел установить в Азиатской конной дивизии атмосферу такого «трудно описуемого» страха перед своей личностью, что этому поражались даже офицеры-семеновцы. Барон откровенно презирал многих своих соратников, из числа не бурятов и монголов. С последними он всегда находился на дружественной ноге, покоряя их воображение своим откровенным тяготением к буддизму.

Иностранных корреспондентов, которых в годы Гражданской войны было немало в белом стане, фигура Унгерна поражала прежде всего своей эксцентричностью. Журналисты не раз бывали у него в гостях с целью написания газетного репортажа. Так, корреспондент одной из американских газет, посетивший Даурию, ирландец по происхождению, Александр Грайнер писал следующее:

«Передо мной предстала странная картина. Прямо на письменном столе сидел человек с длинными рыжеватыми усами и маленькой острой бородкой, с шелковой монгольской шапочкой на голове и в национальном монгольском платье. На плечах у него были золотые эполеты русского генерала с буквами А. С., что означало «Атаман Семенов». Оригинальная внешность барона озадачила меня, что не ускользнуло от его внимания. Он повернулся ко мне и сказал, смеясь:

— Мой костюм показался вам необычным? В этом нет ничего удивительного. Большая часть моих всадников — буряты и монголы, им нравится, что я ношу их одежду. Я сам очень высоко ценю монгольский народ, и на протяжении нескольких лет имел возможность убедиться в честности и преданности этих людей...»

У американского журналиста Грайнера с генерал-майором фон Унгерном-Штернбергом была длительная беседа. Барон был предельно откровенен со своим земляком. Впоследствии тот вспоминал о диктаторе с железнодорожной станции Даурия так:

«Барон показал большие познания в области монгольских нравов и обычаев, их религии. Признаться, меня удивило, что он, оказывается, религиозен, ведь я разговаривал с ним как с человеком, который не боится ни Бога, ни дьявола...»

Грайнер задал немало вопросов, которым суждено было стать «гвоздями» газетного материала с безвестной приграничной российской железнодорожной станции:

— Господин барон. Омская пресса вас часто обвиняет в излишней жестокости. Правда ли это?

— Я не знаю пощады, и пусть ваши газеты пишут обо всем что угодно. Я плюю на это!

— Но ведь есть же и на войне сострадание к человеку, пусть даже врагу.

— В Гражданской войне, которая сейчас идет в России, врагу уготована только одна участь — истребление. Спросите о том, господин Грайнер, любого красного. Кто расстреливал в подвале ипатьевского дома детей последнего всероссийского государя-императора?

— Об этом газеты мира писали много. Ленину и Свердлову история такое не простит. Но все же вы, господин барон, должны быть снисходительны к арестованным по вашему приказу людям.

— Я твердо знаю, какие могут быть последствия при обращении к снисходительности и добродушию в отношении диких орд русских безбожников.

— Что мне тогда писать в своих корреспонденциях?

— Пишите то, что видите, а не то, что слышали в Харбине. И обязательно скажите, что ваш покорный слуга свято верит в желтую религию. Я буддист по духу...

О Даурии в 1919 и 1920 годах по всему Забайкалью ходили «жуткие истории». Сейчас трудно осмыслить, где могла быть горькая правда, где трудно воспринимаемый человеческой психикой «дикий» вымысел. Местные жители и железнодорожники рассказывали, что тела расстрелянных в Даурии по приказу барона не

предают земле, а бросают в окрестном лесу на съедение волкам. Один из служивших на станции в унгерновской дивизии полковник Ольгерд Олич писал в своих воспоминаниях:

«С наступлением темноты кругом на сопках только и слышен был жуткий вой волков и одичавших псов. Волки были настолько наглы, что в дни, когда не было расстрелов, а значит, и пищи для них, они забегали в черту казарм...»

Исследователей событий Гражданской войны на российском Востоке поражает одно: многие люди из белого стана, лично знавшие Унгерна фон Штернберга, видели в командире Азиатской конной дивизии личность демоническую. Поражало и то, что белоэмигранты, осевшие в Маньчжурии, личность белого барона стремились не просто облагородить, а романтизировать.

Литераторы белой эмиграции в Маньчжурии об атамане Семенове романы не писали и баллад не складывали. А вот о бароне Унгерне-Штернберге писалось довольно много. Так, харбинский поэт русского зарубежья Арсений Несмелов создал «Балладу о Даурском бароне», в основу которой была положена история с унгерновским филином.

В известной книге писателя Леонида Юзефовича рассказывается и о такой стороне жизни семеновского генерала в Даурии: *«...Унгерн любил абсолютно один, без спутников и без конвоя, «для отдыха» вечерами ездить верхом по окружавшим городок сопкам, где всюду валялись черепа, скелеты и гниющие части обглоданных волками тел»*. Причем у этих его одиноких прогулок было подобие цели: где-то здесь, в лесу, обитал филин, чье «всегдашнее местопребывание» барон хорошо знал и обязательно проезжал возле. Однажды вечером, то ли не услышав привычного уханья, то ли еще по какой-то причине, Унгерн решил, что его любимец болен. Встревожившись, он прискакал в поселок, вызвал дивизионного ветеринара и велел ему немедленно отправиться в сопки, «найти филина и лечить его».

Такое облагораживание не самого «образцового» героя Гражданской войны, создание вокруг него романтического нимба, конечно же, имеет свои корни. Они лежат в поступках генерала Унгерна в войне на Востоке России и в том, как завершился его жизненный путь.

Гражданская война к концу 1920 года закончилась почти во всей России, не считая окраин. Еще сидели в Приморье белогвардейцы и японцы, остатки деникинских и иных белых войск еще дрались с красными, еще вспыхивали крестьянские восстания против Советов в Сибири, Тамбовской губернии, громыхал Кронштадтский мятеж балтийских моряков. Но главные силы старой власти были уже окончательно разгромлены и сотни тысяч людей изгонялись в эмиграцию из своего отечества. Уже не было белых армий, если не считать врангелевской, которая оказалась в изгнании, но сохраняла свою организованность.

И вдруг на юге Сибири, в Забайкалье, в монгольских степях и пустынях появилась мало кому известная белая сила: в поход на Советскую Россию двинулась какая-то азиатская армия. Перейдя советско-монгольскую границу, армия эстляндского барона повела наступательные действия, стремясь отсечь от РСФСР территории, лежащие к востоку от озера Байкал. Бросить безумный вызов большевикам — на такое мог решиться только «демон» и «романтик».

...Одной из «внешних» причин поражения Белого движения на российском Востоке стало столкновение двух сил: колчаковщины и семеновщины. Первая сила ориентировалась на союзников по Антанте. Вторая — на Страну восходящего солнца. Первая являла собой тенденцию вековой традиции российской государственности. Вторая — не менее древнюю стихию атаманщины и самозванства.

Атамана Семенова обуревала страсть установления личной власти не только в Забайкальском крае, но и на землях Амурского и Уссурийского казачьих войск. То есть он претендовал на Приамурье и Приморье.

власть он брал своими руками и не был намерен кому-либо уступить хоть часть завоеванного.

Адмирал же Колчак выступал за «единую и неделимую Россию». Есть классический пример его поведения как Верховного правителя. Когда руководитель «белой» Финляндии, регент этой страны генерал-лейтенант царской армии барон Карл Густав Эмиль фон Маннергейм предложил Колчаку и Деникину начать силами финской армии поход на красный Петроград, те отказались сотрудничать с ним. Все дело было в том, что Маннергейм просил в обмен признания государственной независимости Финляндии. Белые вожди не желали, чтобы великая мировая держава раздиралась на части по национальному признаку.

По той же причине Александр Васильевич Колчак не желал видеть на окончании земли сибирской некую атаманскую автономию, имевшую собственное правительство, армию и самозванного правителя, который творил на свое усмотрение суд и собирался печатать денежные знаки из неизвестного металла — вольфрама.

В самые трудные дни колчаковской армии Семенов, походный атаман всех трех восточных казачьих войск, не отправил на восток ни одного солдата. Он сохранял полную независимость от Омского правительства, подчиняясь только «пожеланиям» японских советников. Но в том же Забайкалье Семенов полнотой власти не обладал: на станции Даурия сидел барон Унгерн, имевший под рукой Азиатскую конную дивизию «неизвестной численности». Он тоже ничьей власти над собой не признавал.

Эти два человека до поры до времени шли одной «антибольшевистской» дорогой. Но уже в начале 1919 года в белом дальневосточном стане о них говорили и такое:

— Барон с атаманом по одной дороге не пойдут, дороги у них разные...

— Япония и Халха — разные друзья у атамана и барона...

— Путь барона с его буддизмом прямой, а у атамана — совсем иной...

Семенова и Унгерна роднила мечта о создании какого-то мифического азиатского государства, в котором они бы стали самодержцами. Еще на станции Маньчжурия атаман высказал одному из своих единомышленников, Гордееву, свою сокровенную мечту:

— Надо, мой друг, создавать здесь в интересах России новое государство.

— Где здесь, Григорий Михайлович?

— Между Россией и Китаем. Там, где будет действовать мой Отдельный Маньчжурский отряд.

— А из каких земель ты будешь создавать новое государство?

— Из пограничья китайской Монголии, самой Халхи, Барги и степного Забайкалья. Вот из чего.

— А зачем создавать такое государство из степей?

— Цель у меня, Гордеев, высокая. Новое государство станет преградой против Китая, если тот когда-нибудь вздумает напасть на Россию.

— А разве он посмеет?

— Еще как посмеет. Нападет, когда матушка-Россия будет слабая. А мы через степи и не пустим китайцев.

— Хорошо задумано, атаман. Но кто-то же должен будет тебе помогать в таком деле?

— Конечно, должен. Япония. Только она одна понимает мои замыслы.

— И что, Григорий Михайлович, поможет?

— Обязательно поможет. В Токио сами опасаются Китайской империи, потому и хотят отобрать у нее Маньчжурию.

— А ты слышал, что и твой барон помышляет о степной империи в Азии?

— Слышал. Только Унгерн ищет свою силу в монгольском буддизме, а я ее вижу в японской армии. И нахожу сегодня. Японский советник из разведки — это не ученый лама из бурятского дацана. Согласен, Гордеев?

— Конечно, согласен. От ламства вагона с патронами ждать не приходится...

Семенов здесь и заблуждался, и не договаривал. Разумеется, он не знал и не мог знать знаменитые слова британского политика и премьера Уильяма Черчилля:

— У политики нет друзей, есть только интересы...

Москва и Токио мыслили в начале 20-х годов на Дальнем Востоке и в Забайкалье «синхронно». Ленинский Совнарком, опасаясь войны с Японией, создал «буферное» государство под названием Дальневосточной республики (ДВР) со столицей в городе Верхнеудинске. Учредительный съезд трудящихся и партизан Прибайкалья в конце марта — начале апреля 1920 года, проходивший сперва в селении Бичура, а затем в городе Верхнеудинске, провозгласил образование ДВР. Было избрано Временное правительство во главе с большевиком А.М. Краснощековым. Военное министерство возглавил Н. М. Матвеев.

Подобное государство, но «семеновское», японцы хотели создать на границах «их» Маньчжурии с советским Забайкальем. Оно тоже исполняло бы функции «буферного» и было бы послушным к указаниям, исходившим с Японских островов.

О том, насколько серьезным виделась угроза нового военного столкновения Советской России с Японией, свидетельствует председатель Совета Народных Комиссаров (СНК) В. И. Ульянов (Ленин). В своем докладе на VIII Всероссийском съезде Советов 21 декабря 1920 года он говорил:

«...Дальний Восток, Камчатка и кусок Сибири фактически сейчас находятся в обладании Японии, поскольку ее военные силы там распоряжаются, поскольку, как вы знаете, обстоятельства принудили к созданию буферного государства — в виде Дальневосточной республики, поскольку мы прекрасно знаем, какие неимоверные бедствия терпят сибирские крестьяне от японского империализма, какое неслыханное количество зверств проделали японцы в Сибири...

Но тем не менее вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что она нам по понятным условиям сейчас непосильна. И в то же время, отнимая у нас связь со всемирной торговлей через Тихий океан, Япония наносит нам колоссальный ущерб...

Бороться с Японией мы в настоящий момент не в состоянии...»

Об этом, естественно, белое командование в Забайкалье и на Дальнем Востоке догадывалось. По поведению Красной Армии, которая прекратила преследование отступавших остатков колчаковской армии на западном берегу Байкала, можно было понять, что приказа атаковать передовые японские посты не будет. А значит, пока не будет и красного похода дальше Байкальского моря на восток...

Атаман Семенов с самого начала своего появления, как комиссара Временного правительства в Забайкалье, заявил о себе как о «сильной» личности. Японское военное командование решило сделать на него ставку. Семенов в своих мемуарах «О себе. Воспоминания, мысли и выводы» пишет о том, как он начал контактировать с японцами:

«...Я старался уклониться от более или менее определенного ответа на требование китайцев оставить Маньчжурию и перенести свою базу на российскую территорию до тех пор, пока в Маньчжурию не приехал майор Куроки, прикомандированный японским правительством ко мне в качестве советника, с которым я быстро достиг взаимного понимания и которому удалось уладить вопрос о сохранении моей базы в Маньчжурии с китайскими властями».

Японское командование создало в Забайкальском крае сильную группировку своих войск, основу которой составила 5-я пехотная дивизия. В журнале боевых действий 1-й Иркутской стрелковой дивизии Народно-освободительной армии ДВР численность сил японцев

в Забайкалье, по разведывательным данным на март 1920 года, составляла:

«...О боевом составе японских войск точных сведений нет, т.к. японцы о своих частях сведений никому не дают...

Всего в 50-й японской дивизии в день их прихода в Забайкалье всех родов оружия определялось в 3500 человек. В период зимнего времени потери в боях и обмороженные определяются до 700 человек. В настоящее время японских войск в Забайкалье 2700 — 3 тыс. человек.

По сведениям штаба главнокомандующего, японских войск в Сретенске от 250 до 300 человек. Из Нерчинского Завода японские войска ушли. В г. Нерчинске — Приисковая — от 200 до 300 человек. Борзя — Оловянная — 500—600 человек, а также мелкие команды на станциях Забайкальской железной дороги.

Японских войск в Чите 1-й и 2-й на Песчанке и Антипихе не более 2 тыс. — 2 200 человек.

По сведениям чехословацкого консула, находится от Борзи на запад — Карымское — Андриановка 12 тыс. японских войск...»

Присутствие японской войсковой группировки в Забайкалье давало достаточно «мирную» жизнь атаману Семенову. Но эту жизнь ему немало портили красные партизаны, которых не смущало присутствие японцев на забайкальской земле.

Станция Даурия с ее военным гарнизоном в лице Азиатской конной дивизии находилась вдали от зон партизанских действий. Поэтому барон Унгерн-Штернберг мог в спокойной обстановке продолжать формирование дивизии, которая в боевых действиях не участвовала. Все ее людские потери выражались в расстрелянных и запоротых насмерть по приказам потомка эстляндских рыцарей, дисциплинарная практика строилась на «бамбуке», то есть на березовой палке, которой виртуозно владели дивизионные палачи-китайцы.

Когда атамана Семенова и его военачальника барона Унгерна фон Штернберга спрашивали об их источни-

ках оружия, боевых припасов и амуниции, прочего военного оснащения, то оба отвечали без тени смущения:

— Мы конфисковывали на благо борьбы здесь с большевиками часть содержимого эшелонов, которые шли по КВЖД к адмиралу Колчаку из Владивостока.

— Иными словами, вы грабили эшелоны союзников с военными грузами для колчаковской армии?

— Зачем грабили? Мы просто брали свою долю из помощи Антанты.

— А что было для вас основанием конфискации таких грузов?

— Только собственное решение. И желание до конца сражаться с большевиками.

— Но говорят, что, например, союзники в лице американцев были против потрошения грузовых эшелонов.

— Нам не приходилось брать такие протесты во внимание.

— Но ведь американцы сажали в эшелоны своих офицеров для обеспечения сохранности грузов для адмирала Колчака?

— Когда такой офицер выскакивал на станции Маньчжурия или Даурия из вагона, то наши казаки, проводившие конфискацию, не обращали внимания на высказываемые протесты.

— Почему?

— Во-первых, они не знали английского. А во-вторых, они занимались нужным делом.

— А как на это смотрит адмирал Колчак? Ведь он Верховный правитель России.

— У нас с Омском очень плохая телеграфная связь. Многие телеграммы адмирала до нас не доходят...

Ради справедливости, надо сказать, что не только атаман Семенов и барон Унгерн безвозмездно пользовались военными поставками для армии адмирала Колчака. Много грузов перехватывалось на линии Транссибирской железной дороги и красными партизанами. Они охотились за ними систематически и достаточно успешно.

Страна восходящего солнца оказалась в числе наиболее щедрых «дарителей» Верховному главнокомандующему вооруженными (сухопутными и морскими) силами Белого движения в России. По решению Токио было передано 30 полевых орудий, 100 пулеметов, 70 тысяч винтовок, 43 миллиона пулеметных и винтовочных патронов, обмундирования на 30 тысяч солдат. Следует признать, что передавалось не самое новое вооружение; новое предназначалось для императорской армии. Всего за время Гражданской войны в России на содержание различных белогвардейских формирований японское правительство израсходовало 160 миллионов иен.

Однако бесспорным лидером в оказании военной помощи Белому движению в Сибири и на Дальнем Востоке оказались Соединенные Штаты как самая богатая мировая держава. В первой половине 1919 года США послали адмиралу Колчаку 250 тысяч винтовок, несколько тысяч пулеметов и сотен орудий. В августе того же года последовало новое «вливание» — свыше 1800 пулеметов, более 92 миллионов патронов к ним, 665 автоматических ружей, 15 тысяч револьверов и два миллиона патронов к ним.

Не осталась в стороне от «белых забот» и Великобритания, на всем протяжении истории ревниво относившаяся к любому усилению России.

И атаман Семенов, и барон Унгерн отлично знали, что такая обильная военная помощь бескорыстной не была. Однажды один из японских журналистов, побывавший в Даурии, спросил:

— Господин барон. Ваши солдаты прекрасно вооружены и оснащены. У них много патронов. Кто вам все это дает?

— Ваше отечество, господин журналист. Но больше всего американцы стараются.

— Это гуманитарная помощь?

— Не совсем так.

— А как это можно понимать, господин барон?

— Только так: помощь антибольшевистским силам на Востоке хорошо оплачивается.

— Чем оплачивается?

— Золотом.

— Платите лично вы или атаман Семенов в Чите?

— За нас золотом расплачивается адмирал Колчак. Мне об этом известно достоверно...

— Но ведь и атаман Семенов, как пишут большевики в своих газетах, владеет золотым запасом?

— Мне об этом судить трудно, господин журналист.

— А вы-то, господин барон, имеете в кассе вашей Азиатской конной дивизии золотой запас? Если, конечно, это не военная тайна.

— Если бы у меня такой золотой запас был, ты вы бы увидели в Даурии харачин, баргудов и китайских хунхузов значительно больше, чем увидели сегодня...

Широкая военная помощь Белому движению в лице Верховного правителя России адмирала Колчака делалась державами Антанты и Японией далеко не бескорыстно. Как бы о том ни писалось впоследствии. Газета «Иркутского военно-политического совета» за 10 февраля 1920 года сообщала о золотом запасе России, который был захвачен чехословаками в городе Казани и впоследствии передан колчаковскому Всероссийскому правительству, которое в истории чаще называется Омским правительством:

«Находящийся в настоящее время в Иркутске золотой запас, охраняемый чехами, по своему происхождению должен быть возвращен тем, у кого он взят, т. е. Советской власти.

В состав золотого запаса входит русская золотая монета, иностранные слитки, полосы и кружки. Здесь и золото Казанского, Московского и др. отделений Государственного банка.

Из Самары он был эвакуирован в Омск. Стоимость его определялась в 645 410 096 (руб.).

Сверх того, золотые предметы Главной палаты мер и весов, золотые и платиновые самородки, а также золотистое серебро и серебристое золото и др. в 514 ящиках Монетного двора. Правильная оценка их не могла быть произведена, и означенные ценности чис-

лились на балансе в произвольной сумме 6 122 021 руб. 97 коп.

Из означенного золота производилась переотправка исключительно во Владивостокское отделение Государственного банка. Туда в марте, августе и сентябре 1919 г. было отправлено золота на сумму 192 899 651 руб. 50 коп., не считая вышеозначенных 514 ящиков, которые также высланы во Владивосток. Сверх того, в октябре месяце 1919 г. было направлено во Владивосток, но задержано в Чите золота в слитках на 10 557 744 руб. 06 коп. и в монете российской — на 33 млн. руб., всего — 43 557 744 руб. 06 коп. В Читу же, куда эвакуировалось Омское отделение, отправлены слитки золотосплавочных лабораторий на 486 598 руб.

В эшелоне, прибывшем уже в настоящее время на ст. Иркутск, должно находиться российской монеты на 397 460 743 руб. 78 коп.».

Из этой газетной статьи можно судить о том золотом «дожде», который благодаря мятежу чехословацких легионеров пролился на атамана Семенова, доселе неизвестной частью «окропив» его армию. Хотя барон Унгерн не раз говорил и посещавшим его штаб-квартиру иностранным журналистам, и своим сподвижникам с предельным откровением:

— За помощью к атаману Семенову лучше не обращаться. Присылает чаще всего советы. И не больше...

— Для борьбы с большевиками нужны не советы атамана, а атаманское золото...

— Если у армии атамана Семенова чего-то не хватает, то это надо купить. Золото всегда в цене...

«Золотой эшелон» остановился и не пошел дальше на восток на станции Иркутск. Чехословаки взяли золотой запас РСФСР под «свою защиту» по приказу французского генерала М. Жаннена, полномочного представителя Антанты при омском Всероссийском правительстве.

Вокруг «золотого эшелона» шла борьба сразу нескольких стран Антанты. Генерал Жаннен приказал

командованию белочехов передать весь охраняемый груз во Владивостоке в руки Японии. А чехословацкий министр иностранных дел Э. Бенеш приказал тому же командованию доставить российское золото в Прагу.

В итоге действий иркутского Политического совета, в котором заправляли левые эсеры, «золотой эшелон» вместе с Верховным правителем России достался ему. Адмирала Колчака чехословацкие легионеры на станции Иннокентьевская отдали на расстрел. Благодаря этой сделке 7 февраля на сибирской железнодорожной станции Куйтун между представителями правительства РСФСР и командованием Чехословацкой армии было подписано перемирие, которое легионеры встретили с нескрываемым восторгом. Гражданская война в России для них заканчивалась, и они возвращались домой.

2 сентября 1920 года последний транспорт с чехословацкими солдатами и офицерами покинул порт Владивосток и взял курс на далекую Европу. Незадолго перед этим два чехословацких полка взбунтовались против дальнейшего участия в Гражданской войне в России. Они были разоружены под угрозой применения силы и отправлены «под арест» на остров Русский под Владивостоком. На родину они отправились в числе последних, что было равносильно коллективному наказанию.

За время своего пребывания в колчаковской столице городе Омске золотой запас РСФСР заметно «похудел». Адмирал Колчак истратил на закупку оружия и военного снаряжения в США, Японии, Великобритании и Франции, на содержание своей белой армии и государственного аппарата из золотого запаса по приблизительным подсчетам 11,5 тысячи пудов золота, или около 242 миллионов золотых рублей.

Больше всего досталось Великобритании — 2883 и Японии — 2672 пуда. Соединенным Штатам было передано — 2118 и Франции — 1225 пудов золота. Верховный правитель России расплачивался русским золотом за «неликвиды» держав Антанты, которые остались на ее военных складах после победного завершения Первой мировой войны. И теперь в виде военной помощи Белому движению эти «неликвиды», будучи оплаченными «презренным металлом», бросались в пламя Гражданской войны.

Однако омскому правителю не только золотом приходилось расплачиваться с «дарителями» из союзной Антанты. Так, только за три месяца 1919 года с Дальнего Востока интервентами было вывезено три миллиона шкурок ценной пушнины. В том же году «уплыло» с дальневосточных берегов 14 миллионов пудов тихоокеанской сельди иваси, не считая огромного количества древесины — знаменитой кедровой сосны и много другого, что хранилось на портовых складах владивостокских и других приморских городов.

Пока колчаковская армия вела тяжелые бои на Волге, затем на Урале и, наконец, на берегах реки Тобол, атаман Семенов и его сподвижник-однополчанин (пока подчинявшийся атаманской власти) все больше увлекались тенью самого великого завоевателя в мировой истории Чингисхана, оставившего после себя много поколений воинственных потомков. И Семенов, и Унгерн имели самые обширные связи среди монгольских князей и лам. Им было достоверно известно, что в юртах, разбросанных по бескрайней степи, много сторонников идеи государственности Монголии, независимой от китайцев.

Идея «Великой Монголии» витала в разгоряченных умах атамана и барона уже не первый год. Если Унгерн фон Штернберг на первых порах рассчитывал на пост верховного главнокомандующего при правителе Монгольской степной державы, то Григорий Михайлович Семенов метил выше. Ведь он не раз и не два говорил своему дивизионному генералу:

— Барон. Ты не забывай, что моя бабка по отцу принадлежала к роду князей-чингисидов...

В марте 1919 года наиболее влиятельные монгольские князья из степей Халхи встретились с атаманом. Тот не стал делать большого секрета из встречи во вре-

мя очередного приезда генерал-майора фон Унгерна в Читу. Семенов по-прежнему доверял своему фронтовому однополчанину:

— Ты, конечно, знаешь, что монгольские князья побывали у меня в гостях всем гуртом?

— А кто об этом сейчас не знает, Григорий Михайлович?

— Они просили меня слезно стать императором Великой Монголии.

— Что князья обещали взамен согласию?

— Встать всем народом под мои знамена и вихрем промчаться по соседним землям.

— О! Это делает честь воинственному духу князей Халхи.

— Да. Но они совсем никудышные дипломаты.

— Почему? Забыли про японцев?

— Конечно. Если атаман станет монгольским императором, то ему и на троне придется считаться со своими японскими советниками.

— Значит, можно стать коронованным паяцем, нити от которого будут в руках майора Куроки?

— Не надо столь грубо, барон...

Атаман Семенов, однако, сильно преувеличивал свой личный авторитет среди жителей монгольских степей. Барон Унгерн смог в этом убедиться. Весной 1919 года Семенов собрал на станции Даурия съезд монгольских князей. И действительно, на железнодорожную станции в сопровождении отрядов своих телохранителей съехались степные аристократы из Бурятии, Барги и Внутренней Монголии. Но среди них не оказалось ни одного князя из Халхи. На съезде, проходившем в режиме строгой секретности, обсуждался вопрос о создании «Великой Монголии».

Хотя такой форум, в котором участвовали шесть бурят, четыре делегата от Внутренней Монголии и четыре представителя Барги, состоялся, Семенов не смог достичь своей главной цели. Всемонгольского съезда у него не получилось. Об этом прямо сказал его единомышленник барон Унгерн:

— Съезда-то всех монгольских князей у нас, атаман, не получилось.

— Зато есть правительство с Нэйсэ-гэгеном. Об этом читинские и харбинские газеты уже сообщили всему миру.

— Ну и что из этого? Из Халхи ни одного делегата к нам не приехало.

— А что мне было делать? Время торопит. Никто ждать не хочет. Ни Москва, ни Япония.

— Надо было притащить парочку халхинских ханов. Сказал бы мне, я бы поручил дело приглашения своим харачинам.

— Им только скажи. Вместе с князем пригонят всех его баранов на званые обеды. Разбирайся потом.

— Что там несколько стад баранов. Важно было, чтобы хан из Халхи проголосовал за Великую Монголию. А стад у него не убудет...

Омское правительство узнало о даурском съезде не из газет. Доверенные лица информировали и омского правителя адмирала Колчака, и высшее японское командование в Маньчжурии о княжеском хурале на железнодорожной станции Даурия:

«Степные князья поднесли атаману Семенову высший монгольский княжеский титул цин-вана. То есть титул князя первой степени. По-русски — светлейшего князя...»

«Монгольские князья подарили казачьему генералу белого иноходца чистых степных кровей...»

«Они подарили Семенову то, что в степи ценнее золотого самородка — шкуру белой выдры. Она родится, по монгольским преданиям, раз в сто лет. Он сшил из нее папаху...»

«Монгольские подарки такого рода делаются только исключительно самым знатнейшим лицам. Атаман Семенов, по всей видимости, готовится занять какой-то высокий пост в Монголии...»

Японские советники, которые не были допущены к присутствию на княжеском съезде в качестве «иностранных наблюдателей», осаждали генерал-майора се-

меновской армии фон Унгерна-Штернберга. Думается, что он в какой-то мере удовлетворил профессиональное любопытство разведчиков императорского Генерального штаба:

— Скажите, господин барон, почему была подарена именно шкура белой выдры, которая родится раз в сто лет?

— Как почему? Атаман еще с Первой мировой войны носит шапку из степной выдры.

— Ну и что?

— А то, что монголам это страшно нравится. Теперь из белой выдры атаману сошьют новую шапку.

— А вы, господин барон, уверены, что это точно выдра, а не белый бобер? Ведь он попадается охотникам гораздо чаще.

— А почему вы считаете, господа советники, что подарок не выдра, а бобер?

— Ну, как же, барон. Ведь вас считают непревзойденным знатоком буддистского Востока.

— При чем здесь буддизм?

— А при том, что по монгольским верованиям белый бобер есть ценнейший талисман для охраны в ратных подвигах.

— Премного благодарен, господа, за такие сведения. Непременно и у меня будет где-нибудь висеть хвост белого бобра...

Княжеский съезд настроил против атамана Семенова власти тогдашнего Китая. В Пекине и не помышляли отдавать в состав Великой Монголии хотя бы часть своих степных владений. Тогда Семенов на своем личном бронепоезде «Атаман» прибыл во Владивосток. Представители союзного командования Антанты вежливо «напомнили» новоявленному цин-вану, что в Токио монгольскую делегацию просто не пустят:

— Почему, скажите, не пустят на острова моего Нэйсэ-гэгена? Он же уже заявлял корреспондентам о дружбе с Японией.

— Потому что он никого не представляет, кроме своей личности. Это же обыкновенная марионетка на

день-другой. Да еще к тому же сомнительного аристократического происхождения.

— Однако он глава монгольского кабинета. Есть министры, есть государственная печать. Шьется государственный флаг.

— Пусть шьется. Под этим флагом нет ни народа, ни армии, ни столицы. Только личное ваше пожелание, господин атаман...

Семенов проявил известное благоразумие. Он не стал настаивать на «существовании» Великой Монголии и отбыл из Владивостока обратно в Читу. Там его ждал ворох телеграмм от адмирала Колчака: тяжелые бои с Красной Армией шли на берегах Волги, в низовьях Камы и на Южном Урале. А в тылу бушевало пламя крестьянских восстаний. Верховный правитель просил у своего «самостийного генерала» хотя бы тысячу солдат для Минусинского фронта против партизанской армии Кравченко. Семенов приказал по телеграфу ответить Омску:

— У меня есть большие дела, чем воевать с большевиками за пределами Забайкальского края.

Из Омска пришло подтверждение приказа Верховного правителя России. «Разгневанный» атаман приказал повторить свой ответ и добавить к вышесказанному:

— Всю ответственность на вооруженную и политическую борьбу с большевиками в Забайкалье я возлагаю на себя. Здесь мне советчиков не надо...

Ни атаман Семенов, ни барон Унгерн тогда еще не знали, что японцы стали делать в Маньчжурии ставку на восходящую сильную личность — маньчжурского генерал-инспектора Чжан Цзолиня. Он имел собственную, хорошо вооруженную армию, которая готовилась к вступлению в области Внутренней Монголии. Не знали «мечтатели» о Великой Монголии, что китайские генералы всерьез занялись планированием захвата Халхи.

Впрочем, и тот, и другой могли бы об этом узнать своевременно. Но их японские советники, прежде всего разведчик Куроки, сочли излишним обогащать такой

информацией двух белоказачьих генералов. Тем более что старший из них создал откровенно мифическое Даурское правительство под председательством монгольского князя Нэйсэ-гэгена Мэндэбаяра. Хотя его формирование и проходило при заинтересованном присутствии японского капитана Судзуки.

Японские советники спросили у барона Унгерна, как он относится к семеновскому Даурскому правительству. Тот ответил без видимых размышлений:

— Отношение к нему у меня резко отрицательное.

— Почему так?

— Потому что там собрались пустые люди. И военной силы за ними нет.

— А если князь Нэйсэ-гэген все же создаст степную армию? Что тогда будет?

— Ничего не будет. Собственные отряды иметь не позволят ему ни мой атаман, ни вы, ни я...

По мере того как Восточный фронт неумолимо приближался к берегам Байкала, события в семеновском стане стремительно развивались. И были они, как тогда казалось многим, непредсказуемыми. Все началось с мятежа... в унгерновской Азиатской конной дивизии.

Барон с начала 1919 года стал деятельно искать себе союзников «по духу» среди степной знати. Однако он не раз убеждался в том, что знать не имеет, как выражались японские военные советники, «своего лица». Монгольские князья заискивали и перед атаманом, и перед Пекином. Причина была предельно проста: они одинаково боялись и того, и другого. Унгерн, как человек проницательный, все это видел. Единственный из князей, которому он мог довериться, был харачинский племенной вождь Фуршенга. Но именно он поднял против генерала вооруженный мятеж.

Дело обстояло так. Барон в августе 1919 года нанес «визит вежливости» в столицу КВЖД город Харбин. За себя в дивизии он оставил полковника Шадрина. Во время отсутствия Унгерна станцию Даурию посетила китайская дипломатическая миссия, в состав которой входили верные пекинской власти монголы из

числа степной аристократии. Будь на месте барон, он вряд ли допустил бы таких дипломатов к себе в военный городок, тем более в казармы Харачинского полка. Так он не раз делал с омскими и читинскими ревизорами и всевозможными правительственными комиссиями.

Китайские дипломаты, со знанием монгольского языка, с поставленной перед ними в Пекине задачей справились блестяще. Они провели официальные переговоры с Даурским правительством Нэйсэ-гэгена. И совершенно секретные с князем Фуршенгой, который теперь именовался не иначе как «монгольский генерал». Первые переговоры носили чисто формальный характер, поскольку Даурское правительство мало кого представляло. Секретные же переговоры дали желаемый результат.

Через несколько дней после убытия пекинских дипломатов из Даурии в Азиатской конной дивизии вспыхнул мятеж. Причем он был поднят самой ее надежной частью, по глубокому убеждению Унгерна, — харачинами. Когда барону доложили о случившемся, то он разразился гневными словами:

— Мои харачины! Этого не может быть!..

Существует несколько версий харачинского путча в Даурском гарнизоне. Так, унгерновский интендант генерал Казачихин утверждал: харачины взялись за оружие по той причине, что давно не получали обещанного жалованья, поскольку были не просто конными солдатами, а конными наемниками.

По другой версии харачинский мятеж был спровоцирован семеновской контрразведкой. Она опасалась, что отказ харачинов совершить давно обещанный ими поход на Ургу может стать причиной перехода на сторону китайцев. Или ухода из Азиатской дивизии из-под опеки барона Унгерна-Штернберга и возвращения к вольной степной жизни. Было известно, что харачины сильно тяготились службой. Атаман не раз напоминал даурскому коменданту:

— Смотри, барон, за своими харачинами.

— А что смотреть? Они одного моего взгляда боятся.

— Это хорошо. Только самый лучший харачин регулярную службу способен нести хуже последнего казака. Приглядывай за ними...

И, наконец, третья версия была такова. Пекинские дипломаты, действуя по древним традициям, просто подкупили князя Фушенгу серебром. Почему именно серебро? А потому, что в Китае с древности ходила только серебряная монета. Предпочтение золотой никогда не высказывалось и не делалось. За деньги племенной вождь харачинов согласился перебить в Даурии всех русских офицеров и разоружить два «инородческих» полка Азиатской дивизии. Инородцами были забайкальские казаки-буряты.

Эта версия была вызвана к жизни донесением полковника Зубковского, который являлся омским представителем в Чите. Скорее всего, так оно и было, поскольку нашлись среди харачинов люди, которые сообщили помощникам Унгерна о заговоре. Тогда и было решено рано утром 3 сентября арестовать князя Фуршенгу и таким образом обезглавить мятежников. Приказ полковника Шадрина гласил:

— Если сегодня не обезоружим фуршенговских харачинов, а самого князя не посадим на гарнизонную гауптвахту, то завтра барон спустит с нас со всех шкуру...

Фуршенга проживал в отдельном гарнизонном доме с мощными кирпичными стенами. При нем всегда был безотлучно его конвой — телохранители. Когда к нему явились несколько русских офицеров, предложившие сдать оружие, следовать за ними в штаб дивизии, Фуршенга сразу сообразил, в чем дело. Выполнить требование нежданных визитеров он отказался и заперся в своей даурской резиденции:

— Я харачинский князь! Полковник Шадрин мной не командует. Он не барон, который в меня верит.

— Полковник Шадрин приказывает от имени генерала Унгерна.

— Мне он не начальник. Я князь Фуршенга. У меня своих офицеров много. Уходите или я прикажу своим воинам вас самих арестовать до приезда барона...

После этого в Даурии начался бой между «своими», который Гражданская война на этой приграничной железнодорожной станции за свою историю не знала. Князь Фуршенга сумел дать знать харачинам в казармы о случившемся и сел в глухую осаду, решив защищаться до последнего. Человеком предводитель степных разбойников был, вне всякого сомнения, храбрым. Продержавшись до темноты, княжеские конвойцы решили ночью пойти на прорыв.

Дом был окружен поднятыми по тревоге конниками-бурятами. Когда они пошли на первый приступ, княжеские телохранители, стреляя из окон и не жалея патронов, отбили его. Тогда полковник Шадрин, стремясь избежать неоправданных потерь, приказал придвинуть к месту событий стоявший на станции бронепоезд «Грозный» и расстрелять княжескую резиденцию-крепость из орудий:

— Целить в окна, дверь. Дом развалить до основания. Бурятам отойти на безопасное удаление, чтобы осколками не накрыло...

Толстые кирпичные стены, неодолимая преграда для винтовочных пуль, оказались беззащитны для артиллерийских 75-миллиметровых снарядов. И после нескольких метких залпов пушек бронепоезда дом князя был разрушен. Но Фушенга и его телохранители с первым орудийным выстрелом укрылись в подвале. Когда буряты пошли на приступ развалин, их вновь встретили пальбой из винтовок.

Тогда бронепоезд «Грозный» стал методично обстреливать то, что осталось от кирпичного дома князя. Однако разрушить снарядами бетонированные подвалы оказалось делом сложным и длительным. Тем временем бурятский полк начал разоружение второго полка Азиатской дивизии — харачинского. Казармы монголов были окружены со всех сторон, и они, морально подавленные пушечным грохотом и видом разрушенной до основания резиденции своего вождя, стали сдавать ору-

жие. Да и к тому же они понимали, что всякое сопротивление бесполезно и будет караться только смертью.

«Грозный» обстреливал из своих 75-миллиметровых орудий развалины до трех часов пополудни. Когда из подвала перестали звучать винтовочные выстрелы, пушечный огонь прекратили. Князь Фушенга и все его телохранители были убиты.

После этого полковник Шадрин приказал изолировать командный состав харачинского полка. Четырнадцать офицеров-монголов, известных своей близостью к князю, посадили в бронепоезд и отправили в Читу на атаманский суд. Но в пути за арестованными должного надзора не было. На полпути харачины напали на конвой, завладели его оружием и двумя головными вагонами бронепоезда. Не сумев захватить весь бронепоезд, они заставили машиниста паровоза ехать обратно, в сторону Даурии. Монгольские офицеры надеялись прорваться на полном ходу через станцию на ту сторону границы, в Китай, в родные кочевья.

Однако в Даурии уже знали о случившемся и перед мчавшимся бронепоездом заранее перевели стрелки. Состав оказался в станционном тупике. Харачинские офицеры отчаянно отстреливались, но атакующим бурятам удалось захватить паровоз. Два передних вагона были отцеплены, после чего их подвели под прямой пушечный выстрел дивизионных батарей. Несколько орудийных выстрелов прямой наводкой превратили два вагона бронепоезда в груду искореженного металла.

Срочно вызванный из Харбина генерал-майор фон Унгерн к своему ужасу понял, что от его Азиатской конной дивизии осталось немногим более половины людей. Харачины все еще находились в Даурии под «домашним арестом», будучи разоружены и лишены большинства своих офицеров, уже не говоря о «монгольском князе» Фуршенге. Унгерн был в тот же день вызван в Читу к атаману Семенову:

— Ты расскажи, Роман Федорович, как у тебя под боком созрел мятеж против моей атаманской власти?

— Мятежа, Григорий Михайлович, думается, харачины не устраивали.

— А майор Куроки говорит обратное. Уж он-то положение в Даурии знает получше меня самого.

— Нашим японским советникам надо больше приглядывать за китайскими властями.

— Значит, князя Фуршенгу подкупили пекинские дипломаты, что вели переговоры с премьер-министром Нэйсэ-гэгеном?

— Значит, так. Именно они. Мне Шадрин доложил именно в таком духе о мятеже. Китайцы хотят отнять у нас монголов.

— Что будем делать с арестованными харачинами? Ведь не рубить же им всем головы.

— С харачинским полком надо поступить так. Отправить под хорошим надзором из казаков в Верхнеудинск воевать с большевиками. Подальше от кочевий. Там они окончательно одумаются, почувствовав вкус военной добычи.

— Разумное предложение. А что теперь делать с даурским правительством?

— Оно мне на станции совершенно не нужно. Тем более теперь. Я отправлю Нэйсэ-гэгена с харачинами к Верхнеудинску. Эти министры — пустые люди. От них всех толку меньше, чем от одного солдата.

— Согласен. Пусть тоже повоюет со своими министрами против красных партизан.

— Пусть. А я начну пополнять Азиатскую дивизию. Харачинов в ней было едва ли не половина состава.

— Пополняй. Денег из казны я тебе, сколько можно, пришлю на днях. Серебром, китайскими ассигнациями. Но на многое не рассчитывай. Мне армию содержать надо...

— Армия, как мне кажется, должна содержать сама себя. Войной кормиться, а не атаманской казной...

Харачинский полк действительно был направлен для борьбы с партизанами. К концу 1919 года партизанское движение охватило большую часть Забайкальского края. Во главе одного такого повстанческого от-

ряда даже стоял родной дядя атамана Семенова, известный под прозвищем «дядя Сеня». Японцы теперь в боях почти не участвовали, и потому семеновцы могли удерживать за собой лишь узкую полосу вдоль железнодорожной линии Верхнеудинск — Чита — Маньчжурия. К тому времени колчаковские армии генерала Сахарова и Ханжина потерпели на реке Тобол поражение.

Атаман Семенов почти не использовал Азиатскую конную дивизию для действий против красных партизан. Не держала она и ни одного участка линии фронта. Он берег ее для другой цели — своего утверждения в Халхе.

Но с партизанами бороться надо было решительно и незамедлительно. Семенов создает в Верхнеудинске новую дивизию во главе с генералом Левицким. В состав этой дивизии и вошел мятежный харачинский полк. Однако больших боев с красными дивизия не вела: атаман приказал ей готовиться к походу на Ургу. Такая же задача была поставлена и барону Унгерну. По замыслу Семенова, столица Халхи должна была браться комбинированным ударом с севера и востока.

К тому времени ситуация в Урге изменилась. Живой будда, он же Богдо-гэген, не принял семеновского посланца генерала Левицкого, который должен был склонить монгольского правителя на сторону белого атамана. Последний не знал, что в Урге делами теперь заправлял министр иностранных дел Халхи «отъявленный» китаефил Цэрен-Доржи. Да и к тому же князья Халхи были настроены против харачинов, не раз грабивших их становища.

Унгерн мог только догадываться об истинных планах атамана Семенова относительно похода двух конных дивизий на Ургу. Он, как и генерал Левицкий, ждал приказа из Читы начать вторжение в монгольские степи, но так и не дождался его. Семенов в своих монгольских планах оказался на перепутье, долгие размышления не дали ему решения проблемы: идти на Ургу или не идти? С японцами на сей счет он благоразумно советоваться не стал, решив:

— Не пустят они меня на Ургу. Я им там сейчас не нужен. А нужен здесь, в Забайкалье. А разве я один удержу его от большевиков...

Вскоре в Даурию прибыл посланец одного из князей восточной Халхи, с которым барон Унгерн поддерживал дружественные отношения, одаривая то винтовками, то патронами. Он привез «дурные» вести из Урги:

— Мой князь просит передать генералу, что Урга два дня назад захвачена китайскими войсками.

— Много китайцев?

— Несколько тысяч. Но подходят все новые и новые войска. Все с ружьями. Есть пулеметы и пушки. Конницы у китайцев совсем мало, и та плохая.

— Кто ими командует?

— Генерал Сюй Шичен.

— Знаю такого. Известный генерал. А что сталось с Богдо-гэгеном?

— Китайцы потребовали от него отречения от престола и держат под стражей в его дворце.

— Как считает твой князь: подпишет Богдо-гэген отречение или нет?

— Князь считает, что да. Китайцы сильно настаивают. Он так и просил сказать господину генералу в Даурии.

— Почему он так считает?

— Потому что китайцы уже объявили Халху своей новой провинцией. Халхи сегодня больше нет. Она часть Китая.

— Ясно. А как монголы относятся к отречению своего Живого Будды.

— Монголы верны Богдэ-гэгену и почитают его так же, как и прежде.

Унгерн понял, что честолюбивый атаман Семенов, мечтавший стать во главе панмонгольского движения, не просто опоздал с походом на Ургу. Он проиграл войну за нее с китайцами, не проведя до сих пор ни одного боя. Одно дело было не пустить китайцев в Халху, другое — выбивать их теперь оттуда открытой силой.

Возможно, Семенов решил исправить свою тактическую ошибку, но без помощи барона. Генерал Левицкий предположительно все же дождался приказа из Читы. Его дивизия двинулась от Верхнеудинска на юг современной Бурятии, к северным границам Халхи. Там и случилось непредвиденное происшествие: мятежный харачинский полк взбунтовался еще раз.

Генерал Левицкий расположил свою дивизию на отдых в восьмидесяти верстах от Гусиноозерского монастыря-дацана. Ночью харачины, заранее сговорившись, внезапно напали на ту часть походного лагеря, где спали русские и бурятские казаки и офицеры. Им удалось вырезать около ста человек, пока они не получили должный отпор. Генерал Левицкий в суматохе бежал из походного стана. Торжествующие харачины, сев на коней, погнали их в пределы Халхи.

Вместе с ними был и глава марионеточного Даурского правительства Нэйсэ-гэген, который теперь представлял исключительно только самого себя. Он даже не имел своей столицы: объявленный ею город Хайлар находился в руках китайцев, потому и пришлось министрам жить на станции Даурия в «гостях» у барона Унгерна.

Так степные разбойники отомстили семеновцам за смерть своего племенного вождя Фуршенги и тех монголов, которые погибли во время мятежа на станции Даурия. Однако мятежных харачинских воинов в Халхе ждала печальная судьба.

Бежавший харачинский конный полк в полном составе прибыл в Ургу. Там китайский командующий генерал Сюй Шичен милостиво разрешил бывшим унгерновцам поселиться подальше от столицы, в Кяхтинском Маймачене, где находился достаточно крепкий гарнизон китайцев. Харачинам выделили фанзы для постоя и в достатке снабдили продовольствием. Разумеется, за счет местного монгольского населения. После такого приема беглецы совсем перестали заботиться о собственной безопасности. И зря, ведь шла война.

Всего через несколько дней премьер-министра Нэйсэ-гэгена, его ближайших советников, харачинских лам и офицеров китайцы пригласили на званый обед. Во время его все тринадцать гостей в погонах с вензелем «А.С.» были предательски убиты. Таким образом харачины оказались «наказанными» за ночное вероломство на стоянке у Гусиноозерского дацана. И за прошлые степные разбои как в Халхе, так и во Внутренней Монголии.

Получив случайно такую удручающую весть, харачинский полк частью обратился в бегство в родные места. Другая часть не решилась так поступить, боясь мести атамана Семенова. Китайцы разоружили остатки бывшего полка Азиатской конной дивизии, отобрали всех лошадей, отправив харачинов пешим ходом под надежной охраной на казенные работы в Ургу за самое скромное пропитание, немногим более сытное, чем давалось заключенным в ургинских тюрьмах.

Когда обо всем этом стало известно на станции Даурия, барон Унгерн-Штернберг с сожалением сказал:

— Этот генерал Сюй Шичен милостиво поступил с мятежниками, не как со своими бунтарями-китайцами. У меня их ждало бы справедливое наказание бамбуком.

— Господин генерал, но ведь это же степняки. Сели на коней и разбежались по кочевьям.

— Ничего. Придет время, всех их повылавливаю в Халхе. Харачинам, изменившим мне, не поможет скрыться даже пустыня с ее песками. И китайские тюрьмы, в которых они сейчас сидят...

Идея создания Великой Монголии продолжала витать в головах атамана и командира его Азиатской конной дивизии, которая после харачинского мятежа с трудом восстанавливала свою прежнюю численность. Семенов продолжал уповать на помощь японцев, прибиравших к своим рукам Маньчжурию. Но там появилась «сильная китайская личность» в лице будущего самовластного маршала Чжан Цзолина, который смотрел на проблемы Внутренней и Внешней Монголии с имперских позиций.

Все это барон Унгерн-Штернберг знал достаточно ясно, поскольку часто бывал в служебных поездках то в Чите, то в Харбине. В своих «азиатских» расчетах он оказался неплохим шахматистом и, желая переиграть своего начальника-атамана, сделал верный ход по пути к Урге, к своему мимолетному в истории XX столетия владычеству в Халхе.

Атаман Семенов, сидя в своей резиденции, лучшей читинской гостинице, был немало удивлен докладом прибывшего к нему из Харбина полковника Вериго, которого Унгерн считал верным человеком:

— Господин атаман. Вся русская половина харбинского общества сейчас живет одной новостью.

— Что за новость? Глава администрации КВЖД генерал Хорват получил новое назначение?

— Никак нет. Генерал Хорват продолжает занимать свой старый кабинет и читает газетные сообщения о новых поражениях адмирала Колчака.

— Тогда чем так увлечен Харбин?

— Барон Унгерн женится.

— Что! Барон женится. Но ведь он же закоренелый женоненавистник. Столько женщин приказал перепороть в Даурии.

— Хуже того. Он живет мыслями своего немецкого земляка философа Ницше, который женщин внес в ряд презираемых тварей.

— И каких тварей не любил этот Ницше? Мне барон о нем когда-то рассказывал, помнится.

— Мне о том Унгерн говорил после очередной публичной порки жен своих солдат и офицеров за разврат. Ницше считал презираемыми тварями лавочников, христиан, женщин, англичан и прочих демократов.

— Наверное, это немец Ницше был глуп и стар. А что же мой друг барон? Кто его харбинская избранница? Что-то мне контрразведчики ничего такого из Маньчжурии не сообщали.

— Он женится на китайской принцессе.

— На принцессе?! Настоящей?

— На самой что ни на есть настоящей, господин атаман. Маньчжурской династии. Императорских голубых кровей.

— Расскажи-ка мне о ней все, что ты знаешь. Принцессы ведь на дороге не валяются.

— Точно так, не валяются. Только она не чисто китайская принцесса, а маньчжурская. Дочь сановника династической крови. Так мне сказал генерал Хорват.

— Кто же ее отец?

— Точных сведений нет. Но он принадлежит к одной из ветвей маньчжурского императорского дома. Когда империя Цинь приказала долго жить, ему пришлось бежать с семьей из Пекина в Маньчжурию.

— Богат?

— Совсем нет. Беден, как амбарная мышь.

— Тогда чем кормится в Харбине этот сановник династической крови, как ты его назвал?

— Сейчас он кормится при дворе могущественного китайского генерала Чжан Цзолиня.

— Это уже что-то. Чжан Цзолинь сегодня сильная личность в Китае. И как зовут невесту Унгерна?

— Кто ее знает, как она зовется по-китайски. По-русски ее называют Еленой Павловной.

— Удивительную новость принес ты, Вериго. Женоненавистник Унгерн-жених маньчжурской принцессы. Ничего себе. Не сразу и поверишь...

Однако, поразмыслив, атаман Семенов понял, какой хитрый шаг сделал буддист, вышедший из далекой Эстляндии. Потомок рыцарей-крестоносцев, бредивший идеей Великой Монголии как азиатского барьера против большевиков, решил поднять свой престиж среди сынов степей.

Семенова с его старыми давними претензиями на потомка «потрясателя Вселенной» не могло не встревожить следующее обстоятельство, вытекающее из женитьбы барона. Среди степных князей и простых пастухов Халхи маньчжурская императорская династия Цинь пользовалась каким-то трудно понимаемым почитанием. Монголы не были противниками Китайской империи, а возникнове-

ние вместо нее Китайской республики восприняли без видимого преклонения перед Пекином, который открыто «зарился» на их кочевья и доходы. И Семенов, и Унгерн чувствовали, как легко им будет поднять монголов на войну за восстановление династии Циней:

— Мы восстановим Поднебесную империю. Дай только срок и Божью помощь...

Но в таком случае «пальма первенства» на роль военного вождя Богдо-гэгена выпадала барону, поскольку он открыто породнился с маньчжурским императорским двором. Поэтому новость, привезенная из столицы КВЖД полковником Вериго, мало радовала белоказачьего атамана.

Неожиданная женитьба командира Азиатской конной дивизии вызвала немало пересудов и в семеновской Чите, и в самом городе Харбине с его многочисленным русским населением:

— Каков барон! Говорил, что мечтает о создании ордена военных буддистов, которые обязаны будут давать обет безбрачия. А сам нашел для себя принцессу...

— Барон на приемах всегда так по-рыцарски галантен с женщинами. А сам открыто относится к слабому полу с неприязнью. Да еще с какой...

— Как они будут жить? Она не говорит по-русски и не знает английского. Унгерн же по-китайски едва лопочет...

— Было сказано бароном, что невесту он крестить не собирается...

— А венчались в лютеранской церкви. Не в православной...

— Говорят, что маньчжурская принцесса Елена Павловна принесла барону огромное приданое. И что он на китайское серебро нанимает себе новых харачинов и баргуд...

— Приданого Унгерн не получил. Маньчжурка бедна, так что барону пришлось открыть на ее имя счет в одном из харбинских банков...

— Говорят, что жена последовала за мужем в Даурию. И теперь стала первой леди местного гарнизона...

— Барон хотел видеть жену у себя в Даурии всего неделю. После этого отправил ее обратно к отцу в Харбин под конвоем...

— Спал ли он хоть одну ночь с этой принцессой?..

— История умалчивает. Скорее всего, нет. Но при бароне об этом лучше не говорить...

Став мужем маньчжурской принцессы из династии Цинь, генерал-майор фон Штернберг все же получил немалые дивиденды на самое ближайшее будущее. Не серебряной китайской монетой, разумеется. Когда слух о необычном бракосочетании в Харбине пришел в степи Внутренней Монголии, то местные князья преподнесли семеновскому генерала титул вана, то есть князя второй степени. Атаман Семенов был рангом выше, нося титул цин-вана, монгольского князя первой степени. Однако с маньчжурской императорской династией он не породнился.

Все же потомку эстляндских рыцарей-крестоносцев были свойственны отдельные благородные поступки, почти рыцарские, отдававшие романтикой. Перед тем как Азиатская конная дивизия должна была оставить Даурию, барон вызвал к себе адъютанта поляка Гижицкого, человека приближенного и доверенного:

— Гижицкий. Сегодня приказываю тебе убыть в Харбин и вернуться через сутки. В Харбине задержишься на час-два, не более. Ты мне нужен здесь.

— Позвольте, господин барон, узнать цель моей поездки в Харбин.

— Отвезешь моей жене, Елене Павловне, вот это письмецо.

— Однако конверт, господин барон, не запечатан.

— В нем нет ничего секретного. Я просто официально извещаю принцессу о разводе с ней.

— Но тогда может возникнуть бракоразводное дело.

— Его не будет. По китайским обычаям брак считается расторгнутым, когда муж об этом письменно извещает жену. Что я и делаю сегодня.

— Как же так, господин барон? Ваша женитьба вызвала столько восторгов в харбинском обществе...

— Пустое это. Нам скоро с тобой воевать с китайцами, и я не хочу оставить Елену Павловну вдовой. Это будет с моей стороны некорректно.

— Значит, вы решили расстаться с прошлой жизнью, Роман Федорович?

— Ты угадал, Гижицкий. У меня теперь есть только будущее. Как говорилось в средние века, оно на конце моего рыцарского копья...

Как выглядел внешне барон Роман Федорович Унгерн фон Штернберг в то время? В книге воспоминаний известного сибирского краеведа и публициста Д. П. Першина «Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак. Записки очевидца о смутном времени во Внешней (Халхаской) Монголии в первой трети XX века» есть такое описание внешности семеновского генерал-лейтенанта:

«На коротком туловище с длинными «кавалерийскими» ногами в сапогах-бурках сидела на довольно длинной шее небольшая голова блондина-тевтона...

Светлые блондинистые волосы слегка курчавились и, видимо, требовали стрижки. Из-под высокого лба и светлых бровей смотрели водянистые, голубовато-серые глаза с ничего не говорящим выражением, каким-то безразличием. Под довольно правильным прямым носом торчали давно не холенные, приличной длины усы, слегка прикрывавшие сжатые губы.

Все его лицо было достаточно ординарно с сильным выражением тевтонизма и остзейского типа, но отнюдь не прусского, и если бы он был одет в хороший модный костюм, хорошо выбрит и тщательно причесан, то вся его породистая стройная фигура с врожденными манерами была бы вполне уместна в фешенебельной гостиной среди изящного общества».

...Военный крах Белого движения на Востоке предопределился поражениями колчаковских армий. Теперь белые с боями отступали вдоль Транссиба, имея впереди себя недавних союзников в лице чехословаков. Те лишили белых большей части паровозов и вагонов и, лишь изредка перестреливаясь с сибирскими партизанами, катили с комфортом к Владивостоку.

Под Красноярском колчаковцы потеряли около 60 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными, все армейские обозы и всю артиллерию. Во главе организованно отступавшей 2-й Сибирской армии стал один из подлинных героев Белого Дела генерал Владимир Оскарович Каппель. Днем командующего армией, у которого ноги были обморожены до колен, сажали на коня, ночью верные бойцы несли генерала на руках.

Каппель умер на разъезде Утай близ железнодорожной станции Канск, когда отступавшие через заснеженную сибирскую тайгу белогвардейцы вновь вышли к Транссибу. Тело генерала положили в гроб, и каппелевцы повезли его с собой. Прорвавшись с боем мимо Иркутска, белые по льду перешли Байкал. Так каппелевцы оказались в семеновском Забайкалье, охваченном партизанской войной.

Прибытие в Забайкальский край 30 тысяч закаленных в боях последних колчаковских войск атаман Семенов и его военачальники встретили с восторгом. Среди каппелевцев были известные своими делами полки ижевских и воткинских рабочих, одетых в гимнастерки из мешковины. Ижевцы и воткинцы были в своей массе фронтовиками Первой мировой войны. О их стойкости ходили легенды, и потому красные, заполучив таких пленных, расстреливали их на месте.

Весной 1920 года в Забайкалье была создана белая Дальне-Восточная Русская армия. Она состояла из двух корпусов. Один составили атаманские войска, два других — каппелевцы. Должность главнокомандующего возложил на себя, разумеется, Семенов. Командующим армии стал генерал Войцеховский. После его отъезда за границу этот пост принял генерал Лохвицкий, а затем — Вержбицкий.

В число атаманских войск входила и Азиатская конная дивизия, «сидевшая» гарнизоном на пограничной железнодорожной станции. В начале февраля она состояла из 1-го и 2-го конных татарских полков (большая часть конников — татары и башкиры, в основном из казаков), 1-го и 2-го конных бурятских полков, мон-

голо-бурятского конного полка, монгольского конного дивизиона, Азиатского артиллерийского дивизиона. Полки часто перекраивались и переименовывались, по воле генерал-лейтенанта фон Унгерна дивизия все время находилась в стадии «формирования».

На 10 апреля 1920 года ее численность была следующей: 105 офицеров, 1233 конника, 365 пехотинцев при 8 орудиях и 13 пулеметах, не считая дивизионных тылов и обозов. Дивизия было силой (по штатам военного времени старой русской армии) немногим более одного кавалерийского полка и неполных двух рот пехоты при одной конной артиллерийской батарее. Но по меркам Гражданской войны на Дальнем Востоке и в Забайкальском крае унгерновское войско выглядело достаточно внушительно.

По своему составу Азиатская конная дивизия была многонациональной (или интернациональной). В ее рядах служили русские казаки Забайкалья, Оренбурга, Амура, буряты, монголы (в том числе харачины и баргуды), татары, башкиры, китайцы, японцы, тибетцы, казахи и многие другие. По словам самого Унгерна, под его знаменами воевали 16 национальностей.

Дивизия формировалась на чисто добровольных началах, а не по мобилизации, принудительной и насильственной. Условия найма в нее добровольцев любого языка и звания, к примеру, были для лиц служилого казачьего сословия Российского государства следующими:

«1. Молодые казаки, нигде ранее не обучавшиеся, при поступлении на службу в дивизию обязаны прослужить 4 месяца. Приводят с собой коня с седлом, а также обязаны иметь шубу, ичиги (кожаная обувь бурят и монголов. — А.Ш.), белье, папаху. Единовременное пособие в сумме 50 рублей производится через станичных атаманов, последние выплачивают новобранцу 75 руб. за обмундирование и 50 руб. семье. Месячное жалованье — 7 руб. 50 коп.

2. Строевые казаки старых сроков принимаются на тех же условиях. Срок службы — 3 месяца.

3. Казаки, окончившие учебную команду, урядники получают месячное жалованье 10 руб.

4. Добровольцы, получившие Георгиевские кресты в японскую и германскую войны, получают за каждый крест 5 руб. в месяц.

5. За каждое увечье и тяжелое ранение, влекущее за собой неспособность к труду, добровольцы получают 1000 руб. единовременного пособия. В случае смерти добровольца семья получает единовременное пособие в сумме 1000 руб. Единовременные пособия производятся станичными атаманами...»

Из этих условий принятия на службу казаков выходило, что почти все финансовое бремя несли станичные атаманы, а не командир Азиатской конной дивизии. Это тем более любопытная деталь, поскольку многие станицы и поселки забайкальского казачества находились в «красной зоне».

Забегая вперед, можно сказать, что когда унгерновская дивизия пошла в поход в Халху, условия добровольного наемничества (на бумаге, разумеется) заметно изменились. Теперь доброволец давал подписку, что он будет сражаться в Монголии и за ее пределами, где будет приказано. Подъемные при поступлении на службу должны были выдаваться в размере 60 рублей золотом. Всаднику полагалось месячное жалованье 15 рублей в месяц, офицеру, в зависимости от его звания и занимаемой должности — от 25 до 30 золотых рублей в месяц.

Однако проза жизни оказалась иной. Дивизионная казна обычно пустовала, и добровольцу-казаку не приходилось рассчитывать на обещанное жалованье золотом. Он и «за границей» продолжал получать в месяц все те же 7 рублей 50 копеек. Получал он эти деньги, разумеется, не своевременно. Так что ему во многих случаях следовало рассчитывать только на участие в реквизициях. Или, говоря проще, в грабеже «взятых» населенных пунктов. Что постоянно и делалось.

Азиатской конной дивизии приходилось участвовать в операциях против забайкальских партизан. В хо-

де таких действий «партизанские» селения подвергались полному опустошению. Однако такое не смущало атамана Семенова. Он считал унгерновскую дивизию одной из самых боеспособных в созданной им армии. На одном из банкетов в Даурии атаман заявил:

— Земля держится на трех китах, а народная власть в Сибири — на Забайкальских казаках, на Первой маньчжурской дивизии и Азиатской конной дивизии барона Унгерна-Штернберга.

Под народной властью в Сибири белоказачий атаман, разумеется, понимал только власть свою самоличную. И никакую другую...

Пока каппелевцы держали фронт в Забайкалье, а большая часть атаманского корпуса бездействовала, отсиживаясь в Чите и на железнодорожных станциях, в семеновском стане началась очередная смута. Генерал Лохвицкий, командующий Дальне-Восточной Русской армией, решил навести законный порядок в своих тылах. И атаману Семенову пришлось с ним согласиться, поскольку читинское правительство было засыпано сотнями и сотнями жалоб. И особенно на барона Унгерна-Штернберга.

На стол командующего белой армией лег пространный материал под названием «Доклад об убийствах, расстрелах и других преступлениях, чинимых в Даурии генералом Унгерном и его подчиненными». Среди них была, например, «Жалоба госпожи Теребейниной об убийстве ее мужа, поручика Теребейнина, по приказу Унгерна».

Но это было еще не самое главное. Каппелевцев глубоко возмутило то, что диктатор со станции Даурия бросил откровенно зловещую тень на благородство Белой Идеи, за которую десятки тысяч людей погибали на фронтах Гражданской войны в России. Возмущало и то, что эстляндский барон до сего дня сумел избежать военно-полевого суда и бесспорной, по мнению каппелевцев, смертной казни за совершенные зверства по отношению зачастую к своим же соратникам.

На стол генерала Лохвицкого легла не одна доклад-

ная записка о кровавых зверствах, совершенных и совершаемых на пограничной железнодорожной станции. Понимал это или не понимал атаман Семенов, но Даурия становилась зловещим символом далеко за пределами Забайкалья. Один из каппелевских офицеров прямо писал генералу Лохвицкому:

«Знаменитый Унгерн, сумасшедший барон, давно был бы повешен, если бы не японцы...»

Лохвицкий твердой рукой провел инспекцию забайкальских тюрем. Посланный им генерал Молчанов освободил в печально известной нерчинской тюрьме почти всех заключенных, а в страшной даурской гауптвахте вообще всех. Впервые за долгие месяцы даурские застенки «поразило» запустением, как эпидемией чумы. Начальнику унгерновского узилища австрийскому полковнику Лауренцу, по прозвищу Лауренц, пришлось спешно бежать... в Европу, в родную Австрию. Куда он, впрочем, звал и своего покровителя барона Унгерна:

— Немецкому барону не стоит обитать в этой степи. Он должен жить в цивилизованном мире. Я приглашаю вас, господин генерал, в Австрию, в свой родительский дом.

— Весьма благодарен за приглашение, полковник Лауренц. Но принять его не могу.

— Почему, господин барон? Ведь моя Австрия та же Германия. А Вена — лучше Парижа: опера, кафе, аристократическое общество.

— В Австрии нет самого главного для меня.

— Чего же?

— Там нет войны, степей и духов Востока...

Командир Азиатской конной дивизии генерал-майор фон Унгерн крепко «обиделся» на самоуправство каппелевского генерала Молчанова. В Даурии у двух белых генералов в присутствии свидетелей состоялся не самый дружеский разговор:

— Почему вы приказали выпустить из даурской гауптвахты всех заключенных? Да еще именем командующего армией приказываете ее совсем закрыть?

— Потому что генерал Лохвицкий, между прочим наш с вами командующий, возмущен тюремным беззаконием на территории вашей дивизии.

— Беззакония в зоне ответственности моей дивизии нет, не было и не будет, господин Молчанов.

— А списки незаконно расстрелянных без суда? А жалобы офицерских жен? А надписи на стенах камер вашей гауптвахты?

— С большевиками и им сочувствующими у меня всегда короткий разговор. И атаман Семенов об этом прекрасно осведомлен. Остальных я воспитываю поркой. Но заметьте, березовая палка гуманнее казачьей нагайки.

— Тогда откуда у вас в камерах такие заключенные, как паровозные бригады в полном составе, пастухи с китайской территории, харбинские купцы и прочие невоенные люди? Это же не красные партизаны из тайги.

— Эти люди не подчинялись моим требованиям. И потому я приказывал брать их под арест. Для их же личного блага. В противном случае их могли лишить жизни мои конники.

— Но ни один из них не был отдан вами под суд.

— Зачем эти бумажные проволочки? Сейчас идет война с большевиками и весь закон должен заключаться в словах командного состава.

— Я вам повторяю, господин барон. Все, что творилось вами на станции Даурия, есть беззаконие в условиях военного времени. И генерал Лохвицкий приказал мне лично это зло пресечь.

— И что тогда ждет меня, как командира Азиатской конной дивизии?

— Не скрою, барон: наши судебные чиновники готовят на вас уголовное дело.

— Что тогда мне делать? Бросить дивизию? Уехать на родину, в Австрию?

— Не советую. На КВЖД, в городе Харбине генерал Хорват печется о соблюдении законности. Как российской, так и китайской. Он вам не позволит бежать через Маньчжурию...

Действительно, читинские судебные чиновники собрали целое дело по обвинению генерал-майора Унгерна в правонарушениях, прежде всего тяжелых, связанных с «лишением жизни». Однако атаман Семенов не дал делу хода. Да и не мог дать в той ситуации. Документы, подготовленные для начала судебного процесса, «легли под сукно».

Тогда возмущенный происходящим командующий Дальне-Восточной Русской армией генерал Лохвицкий решил напрямую подчинить себе Азиатскую конную дивизию, желая отправить ее с тыловой железнодорожной станции на фронт против красных партизан. От такого подчинения барон Унгерн отказался наотрез. По такому поводу у него состоялась беседа по телеграфу с Читой, с атаманом Семеновым:

— Докладываю. Лохвицкий требует прямого подчинения дивизии лично ему, как командарму.

— Такое пожелание он высказал и мне, как главнокомандующему.

— Что вы ответили Лохвицкому?

— Я ему отказал. Азиатская конная дивизия будет и дальше подчиняться только лично мне, как атаману.

— Какие распоряжения будут мне?

— Завтра снимаете дивизию с квартир и в полном составе следуете к Акше. Линию монгольской границы не пересекать.

— Мои дальнейшие действия?

— Все последующие распоряжения получите в Акше лично от меня. Никаких приказов Лохвицкого впредь не исполнять.

— Вас понял. Приступаю к выполнению задачи...

Генерал Лохвицкий, человек настойчивый, решил еще раз убедить барона Унгерна подчиниться его требованиям. В Даурию из штаба командующего белой армией был послан капитан Никитин, уже не раз бывавший здесь в служебных командировках. Когда в августовский день он сошел с поезда, то поразился увиденным: на станции не было ни одного военного патруля, а кабинет коменданта станции был закрыт на висячий замок.

Капитан-каппелевец поспешил в даурский военный городок. Его казармы, конюшни и коновязи были пусты, двери распахнуты настежь. У штабного дома стояло несколько оседланных коней. От всей Азиатской дивизии были в Даурии только генерал-майор Унгерн, его адъютант и нескольких бурят-конвойцев. Представившись командиру дивизии, капитан Никитин спросил:

— Позвольте спросить, господин барон. Где ваши полки? Почему казармы так спешно оставлены?

Ничего не говоря, генерал Унгерн взял посланца командующего за рукав выцветшей и во многих местах заштопанной защитной офицерской гимнастерки и подвел к открытому окну:

— Вы видите, капитан, вон ту сопку, что едва просматривается нами из окна?

— Вижу, господин барон.

— Это направление, куда ушла Азиатская конная дивизия.

— Если не ошибаюсь, по карте там Акша?

— Угадали, там действительно Акша. Сейчас я выезжаю туда из Даурии с моими последними бурятскими солдатами.

— Что мне передать в таком случае командующему, господин барон?

— Будьте любезны передать генералу Лохвицкому, что если он вздумает догонять мою дивизию, то пусть скачет из Читы к Акше. Но застанет ли он меня там — сказать вам сегодня, капитан, я просто затрудняюсь...

Капитан Никитин оказался в полной растерянности. Он, фронтовой офицер, каппелевец, понял одно: генерал фон Унгерн оголяет тылы белогвардейцев на линии железнодорожной магистрали. И уходит из Даурии без приказа. Никитин спросил:

— Господин барон. А кто же будет защищать Даурию? Какой гарнизон?

— Я пока оставляю здесь китайскую сотню подпоручика Гущина. И японскую сотню числом в 70 человек. Здесь пока еще находится часть дивизионного обоза: 189 подвод с возчиками.

— Хорошо, я доложу об этом генералу Лохвицкому. А кого оставляете в Даурии за себя, смею спросить?

— Известного вам полковника Сипайло. При нем будет находиться комендантская команда.

— Но это же человек-зверь. Разве можно на него положиться?

— Почему бы нет? Вполне можно. А что говорят о нем в штабе генерала Лохвицкого?

— Говорят, что в этом вашем человеке совмещаются садизм и ложь, зверство и клевета, человеконенавистничество и лесть, подлость и хитрость, кровожадность и трусость...

— Можете не продолжать, капитан. Вы храбрый офицер, из фронтовых. По орденскому Георгию вижу. За такие слова другой был бы уже арестован и наказан.

— Вы считаете, господин барон, что такая характеристика не для Сипайло?

— Для меня полковник Леонид Сипайло — образцовый начальник дивизионной контрразведки. Не вам обсуждать моих помощников.

— Понял. Что прикажете еще доложить моему начальству?

— Когда моя дивизия займет Акшу, китайская и японская сотни с обозом уйдут из Даурии. Такой приказ Сипайло уже отдан мною лично.

— А что будет с Даурией? Со станцией, военным городком?

— Генерал Лохвицкий и атаман Семенов могут взять ее под свою охрану. Военный городок передается в полной сохранности, но без запасов провианта и фуража. Мне здесь делать больше нечего. Мой адъютант есаул Макеев проводит вас до станции. Передайте генералу Лохвицкому все, что вы здесь видели и слышали.

— Будет передано.

— И скажите еще Лохвицкому, что не ему командовать мной в восточных делах...

К концу августа унгерновская конная дивизия в полном боевом составе сосредоточилась в ближайших окрестностях Акши. Это был небольшой степной город

на южной окраине забайкальских степей. От монгольской границы — всего пятьдесят верст, от Даурии — триста верст. Там барон окончательно понял, что атаман Семенов решил приступить к реализации химерного плана создания Великой Монголии.

К этому Семенова подталкивала неблагоприятная для него ситуация, которая складывалась в Китае. Могущество генеральского клуба «Аньфу» в середине 1920 года катилось к закату. Он вступил в борьбу с чжилийским генералитетом, который претендовал, и не без оснований, на первые роли в Китайской республике. Аньфуисты были склонны побороться с чжилийцами, но на сторону последних стал могущественный, обладавший немалой собственной силой Чжан Цзолинь, генерал-инспектор Маньчжурии. Фактически же он был полновластным хозяином большей части ее территории.

Чжан Цзолинь мечтал о создании собственного государства. По его замыслам в него должны были войти собственно Маньчжурия и обе Монголии — Внутренняя и Халха. Однако Чжан Цзолинь, чтобы не подвергать себя лично большой опасности, не стремился формально стать главой новой страны на Дальнем Востоке. Он готов был реанимировать императорскую династию Цинь, сделав наследника Пу И номинальным правителем. Сам же при этом он фактически оставался хозяином положения. И подписанные императором указы исполнялись бы только после личного распоряжения Чжан Цзолиня.

В Токио пришлось выбирать между клубом «Аньфу» и Чжан Цзолинем, который все больше склонялся к сотрудничеству со Страной восходящего солнца. Японцы приняли его сторону, реально надеясь (как показали последующие события) утвердиться на этом огромном обломке Поднебесной империи маньчжурской династии Цинь.

Атаман Семенов, внимательно следивший из Читы за событиями по ту сторону пограничного кордона, прокомментировал происходящие в Маньчжурии события так:

— Японцы забывают сказку про свирепого маньчжурского тигра, который не потерпел над собой хозяина-человека. Он сожрал его после того, как отъелся и отоспался...

Иносказательно высказался по такому поводу и барон Унгерн фон Штернберг, который тоже следил самым заинтересованным образом за маньчжурскими делами:

— Похоже, что японцы уготовили мне с атаманом печальную участь изгнанников в монгольские степи. Но двоим в Халхе будет тесновато...

Семенов уходить из Забайкалья в Маньчжурию, как это было два года тому назад, не собирался. Его «звали» просторы Халхи, ведь не зря же он так пекся о получении титула цин-вана. Но атаман как-то совсем забыл, что этот титул ему присвоили не халхинские князья, а племенные вожди Внутренней Монголии, давно бывшей лишь частью одной из китайских провинций.

Унгерн, отсылая обратно в Читу капитана Никитина, не сказал ему, что намерен задержаться в опустевшей Даурии на несколько недель. Причиной тому был станционный телеграфный аппарат, который стал единственным источником получения достоверной информации о ходе Гражданской войны в Забайкалье и «внешнеполитических» событиях в маньчжурских городах Мукдене и Харбине.

За эти несколько недель в сосредоточенной в Акше и ее степных окрестностях Азиатской конной дивизии «расцвело» дезертирство. Бежали по домам не только буряты и монголы, но даже русские казаки. Когда барон Унгерн наконец-то прискакал в Акшу, то после выслушанного доклада полковника Шадрина о состоянии дивизии на сегодняшний день «впал в бешенство»:

— Что такое! Две сотни всадников-инородцев и казаков разбежались с войны по домам? Почему силой не остановили дезертиров? Почему ни одного не расстреляли перед строем?

— Позвольте объяснить, господин барон. Дезертиры уходили по ночам, с оружием. Окажи они сопротивление, мы могли потерять немало верных всадников.

— Не могу вас похвалить за такое решение, полковник Шадрин. Где больше всего набирается дезертиров?

— В сотне, которой командует штабс-капитан Рухлядев. Почти четыре десятка бурятских солдат.

— Сколько в этой сотне русских офицеров?

— Двое. Сотенный командир штабс-капитан Рухлядев и казачий хорунжий Ефимов. В дивизии с весны прошлого года.

— Тогда вот мой приказ: сегодня же обоих расстрелять перед строем. Оба они оказались плохими офицерами. И им не место среди нас.

— Но смею заметить, господин барон, что их казнь может повлиять на самочувствие многих дивизионных начальников.

— У Фридриха Великого и Николая Первого офицеры палочной дисциплины не боялись.

— Опять же, смею заметить, господин барон, в прусской армии палками наказывали только нижних чинов.

— Правильно. Поэтому я и приказываю офицеров за нерадение к службе расстреливать, а не применять к ним меры физические. Вы что, разницы не понимаете...

Сотенные офицеры были расстреляны в тот же день перед строем. Их обвинили в том, что именно они подбивали своих подчиненных — солдат-бурят к побегу по домам. Приговоренные к смертной казни, воевавшие с 14-го года, держались мужественно, зная, что их участь решена окончательно и бесповоротно.

Один из офицеров, штабс-капитан Рухлядев сумел передать через своих полковых друзей прощальный подарок любимой жене — обручальное золотое кольцо. Оно было завернуто в клочок бумаги, на котором офицер написал чернильным карандашом всего четыре слова:

«Погибаю ни за что».

...В Акше Унгерн так и не получил никаких приказаний от атамана Семенова. Тот, сидя в Чите, словно забыл на целый месяц о существовании Азиатской конной дивизии. А та во главе с белым бароном оказалась в окружении. На брошенной станции Даурия обосновались каппелевцы, уже давно обещавшие повесить фон Унгерна за все, им здесь содеянное. К тому же к Даурии приближался с севера крупный партизанский отряд неустрашимого Лебедева. И он тоже пощады белому барону давать не собирался, помня о разоренных «азиатами» забайкальских поселениях.

Но это было еще не все. В Маньчжурии китайские власти, словно по чьей-то подсказке, затеяли шумную «возню» вокруг реквизиций, проводимых Унгерном и Семеновым на железной дороге. Естественно, что большая часть такой военной «добычи» попадала к бесконтрольному даурскому коменданту.

Унгерн начал метаться по югу Забайкалья. Азиатская конная дивизия дошла до озера Долон-Нор и повернула обратно, к Акше. В эти дни в Забайкалье произошли важные события, о которых барон Унгерн-Штернберг узнал с большим запозданием. Атаман Семенов подписал с «буферной» Дальневосточной республикой мирное соглашение. Он передал гражданскую власть в Забайкалье Народному Собранию и перенес свою штаб-квартиру из Читы в Даурию. Переговоры семеновцев с делегацией ДВР проходили на железнодорожных станциях Гонгота и Хабибулак.

Когда семеновский гонец принес новость в трудно отысканную степную ставку барона, Унгерн-Штернберг не сдержал своих чувств:

— Наконец-то! Теперь у атамана есть все, чтобы заняться подготовкой военной экспедиции в Халху...

Однако ожидание барона не сбылось. Атаман Семенов продолжал «не помнить» о столь бережно опекаемой им Азиатской конной дивизии. Никаких приказов за много недель! Унгерн понимал всю опасность сложившейся ситуации: полное бездействие, если не считать конных переходов, расхолаживает бойцов дивизии. Если опять вспыхнет эпидемия дезертирства, то дело будет похуже мятежа харачинского полка в Даурии. Там был броненосец «Грозный» с его пушками,

а здесь кругом степи да глухие леса вокруг многочисленных озер. Разбежаться могла не только конная сотня, но и большая часть дивизии.

Наконец, окопавшийся в Даурии атаман Семенов прислал к Унгерну своего вестника. Но без приказа как действовать дальше. Только для того, чтобы проинформировать дивизионного командира о китайских делах.

— Господин барон. Григорий Михайлович решил посвятить вас в последние китайские новости?

— Что там, в Китае? Опять война между генералами?

— Да, они дерутся между собой. Чжилийский генерал У Пейфу разгромил аньфуистов.

— Но у тех же целая армия? Сегодня поражение, а завтра они разобьют этого У Пейфу.

— Уже не разобьют. Маньчжурский генерал-инспектор Чжан Цзолинь нанес аньфуистам неожиданный удар в спину, и те о себе больше не заявляют.

— Теперь мне ситуация в землях севернее Пекина ясна. А что там, в Даурии, Григорий Михайлович?

— Атаман женился.

— На ком? На этой Машке, которая деньгами из его кармана расплачивалась в Чите за карточные долги понравившихся ей офицеров?

— Нет, атаманской женой стала некая Терсицкая. Красавица, оренбургская казачка. Ей всего семнадцать лет. Отступала со своим двоюродным братом вместе с каппелевцами через всю Сибирь. Последнее время служила в походной канцелярии атамана.

— Значит, этот брак политического расчета не имеет? Что по такому поводу говорят ваши штабные офицеры?

— Что говорят? Что наш Григорий Михайлович влюбился как казачонок в эту Терсицкую.

— И что, новобрачная вошла в роль читинской Машки? Или еще нет?

— Вошла сразу. Но обратите внимание — в полном бескорыстии. Просит у мужа больших денег и ни одного рубля не кладет в свой кошелек.

— Удивительно. Для кого же она просит деньги? Ведь золотишка у нашего атамана не мерено. Шутка ли держать в Чите несколько вагонов из золотых эшелонов, что адмирал Колчак отправлял Антанте через Владивосток.

— Об этом в атаманском штабе предпочитают не говорить. Опасно, знаете ли. А Терсицкая просит деньги у мужа для атамана Дутова.

— Для генерал-лейтенанта Дутова? Что сейчас в Синьцзяне?

— Да, для него и тех оренбургских, сибирских и семиреченских казаков, что сейчас находятся в китайском Туркестане, в эмиграции.

— Его адмирал Колчак назначил походным атаманом всех казачьих войск России.

— Ну и что из этого. Атаман Семенов его не признал, как и самого Колчака.

— И много Терсицкая запросила денег для дутовцев?

— Говорят, что сто тысяч рублей золотом. Огромная сумма.

— И что же атаман? Расщедрился. Ведь он денег не привык бросать на ветер, да еще золотых.

— Так-то оно действительно так. Только золотых рублей в монетах для генерала Дутова и его казаков-эмигрантов все же дал жене безропотно.

— Деньги уже отправлены?

— Отправлены с надежной охраной в кашгарский Суйдун. Там сейчас штаб-квартира атамана Дутова...

Спустя полмесяца после свадьбы атаман Семенов дал знать о себе: генерал-майор Унгерн приглашался для секретного разговора, но не в Даурию, а на станцию Оловянную. То есть подальше от глаз японских советников, которые теперь больше интересовались личностью Чжан Цзолиня, чем атамана Семенова с его сумасбродными панмонгольскими идеями. И, естественно, заботившихся теперь об интересах маньчжурского генерал-инспектора, который не раз публично заявлял о своем желании дружить с империей на Японских ост-

ровах, уже державшей в Маньчжурии (пока преимущественно в ее южной части) тысячи своих солдат и офицеров.

На встречу в Оловянной барон Унгерн-Штернберг привез собственный план широкомасштабной наступательной операции из Акши в направлении столицы красной Дальневосточной республики — Верхнеудинска. Правда, соображения носили общий, схематичный характер. И были изложены не на бумаге, а только в доверительном разговоре. Атаман Семенов сдержанно слушал предлагаемый план операции:

— Моя Азиатская конная дивизия, подкрепленная пехотой каппелевцев и артиллерией, пройдет через перевалы Яблонового хребта в направлении Кяхты и Троицкосавска. А затем, разгромив здесь силы большевиков, устремится на штурм Верхнеудинска.

— Хорошо. Дивизия возьмет Верхнеудинск. Что дальше?

— Дальше я продолжу наступление на запад. Дивизия пойдет вдоль южного берега Байкала.

— План, скажу прямо, рискован.

— Почему, Григорий Михайлович.

— Под Иркутском вас будут поджидать полки и дивизии московской Красной Армии.

— Ну и что? Ведь если не сегодня, то завтра нам обязательно придется драться с ней.

— Время это пока не подошло, Роман Федорович. Азиатской дивизии надо решать другую задачу.

— Какую?

— Дело в том, что японцев и известного тебе Чжан Цзолиня беспокоит мысль о скором вторжении большевиков в Халху.

— Вполне трезвая мысль.

— Вот отсюда и исходит задача Азиатской конной дивизии. Надо оттянуть силы красных подальше от монгольской границы. И при этом поступить по-военному хитро, чтобы не нарушить подписанные мною с Дальневосточной республикой на станции Гонгота соглашения.

— Значит, моим конникам придется заняться большой политикой?

— А что делать, барон? Так просят наши с тобой японские советники. Просят от себя и за Чжан Цзолиня. С ними во взглядах мне расходиться не приходится. Не те времена, дорогой Роман Федорович.

— Но времена склонны к переменам, Григорий Михайлович.

— В обозримом будущем перемен для нас на Востоке не ожидается. Кстати, ты знаешь, как ныне в Халхе называют всяких китайцев?

— Нет, не знаю.

— Гаминами.

— Но это же в переводе означает «революционеры»?

— Точно так. Загадка здешних степей: монгольский пастух называет китайского солдата, ограбившего его, не иначе как революционер. Гамин...

Речь шла об отвлекающем рейде Азиатской конной дивизии в монгольском приграничье. При этом было неоспоримым фактом, что под знаменами барона Унгерна сражались то ли пятьдесят, то ли семьдесят японских военнослужащих различного ранга — от рядовых до младших офицеров. То есть «японский след» в последующих действиях семеновского генерала присутствует со всей определенностью.

Когда в далекой Халхе, затерявшейся где-то в азиатских степях и пустыне Гоби, начались удивительные события, европейская и американская пресса заинтересовалась личностью немецкого барона из старой России. И попыталась, естественно, разузнать, при чем здесь японские солдаты и офицеры, оказавшиеся среди бурятских и монгольских солдат и русских казаков Унгерна фон Штернберга, ставшего по воле атамана Семенова уже генерал-лейтенантом.

На сей счет были журналистами из держав Антанты запрошены официальные представители Токио в Чите и Владивостоке. Состоялась, среди прочих, известная беседа журналиста Роберта Эйхе с японским полковником Исомэ:

— Господин полковник. Что из себя представляет известная вам Азиатская конная дивизия барона Унгерна?

— Не надо называть ее дивизией, господин Эйхе. Это шайка степных разбойников неизвестных национальностей и происхождения.

— Позвольте задать вам еще один вопрос относительно войны в этой Монголии? Он очень интересует читателей моей газеты.

— Пожалуйста, господин Эйхе.

— В частях генерала Унгерна находятся японские военные. Несколько десятков солдат. Это факт, и его отрицать нельзя. Как они оказались в этой, говоря вашими словами, степной разбойной шайке?

— Подданные моего императора находятся там только по собственной воле. Из-за этого они считаются досрочно уволенными из рядов императорской армии, которую я имею честь представлять перед вами.

— Понятно. Но в штабе генерала Унгерна есть много японских офицеров. Как вы, господин полковник, прокомментируете этот факт.

— В воинских уставах императорской армии эталоном поведения нижних чинов является наивысшая степень послушания старшему по званию. Это их кодекс чести.

— А какое отношение это имеет к тем уволенным из вашей армии рядовым и офицерам, которые теперь воюют за Унгерна?

— Прямое, господин Эйхе. Солдат должен следовать за своим офицером как тень за предметом и эхо за звуком.

— Теперь понятно, господин Исомэ. Скажите, а присутствие японских военнослужащих, пусть и бывших, не вредит самому барону?

— Ну, что вы! Даже наоборот. Присутствие доблестных японских солдат и офицеров-самураев только повышает авторитет русского генерала в глазах монгольских князей.

— А как ваше правительство относится к этой

шайке, которая воюет то с большевиками, то с китайцами?

— Мое правительство шайки генерала Унгерна просто не замечает. Об этом можно прямо сказать на страницах вашей газеты...

Когда же подобные вопросы на станции Даурия иностранными журналистами задавались атаману Семенову, главнокомандующему белой Дальне-Восточной Русской армии, тот отвечал так:

— Азиатской конной дивизии у меня больше нет.

— Как нет, господин атаман? Целой дивизии нет?!

— А так нет, и все тебе. Она пропала. И где находится генерал Унгерн со своими азиатами — я лично не знаю.

— Тогда вы можете сказать, что затеял генерал Унгерн?

— Он, как мне доложила контрразведка, решил втянуть меня в большую войну.

— В большую войну? С кем именно?

— С известной вам Дальневосточной республикой. Ее правительство красное, и оно поспешит разорвать со мной заключенные ранее мирные соглашения. Такое ожидается если не сегодня, то завтра.

— А вы, господин атаман, намерены искать пропавшую у вас конную дивизию?

— Где искать? В монгольских пустынях и степях? Где и телеграфа-то нет. Да это прямое сумасшествие, господа корреспонденты...

Досужливые иностранные журналисты пробовали осаждать с подобными вопросами и нового командующего Дальне-Восточной Русской армии генерала Вержбицкого. Но тот со всей вежливостью отказывался за неимением свободного времени от хотя бы минутного интервью. Однако каждый раз начальник армейского штаба, извинившись за своего командующего, охотно давал корреспондентам ознакомиться с приказом по армии, подписанным генералом Вержбицким:

«Начальник Партизанского отряда генерал-майор Унгерн, не соглашаясь с политикой последних дней

атамана Семенова, самовольно ушел с отрядом к границам Монголии, в район юго-западнее города Акши. Почему генерал-майора Унгерна и его отряд исключить из состава вверенной мне армии».

Приказ за №463 от 29 сентября 1920 года был объявлен по всем войскам белой Дальне-Восточной армии. Сам Унгерн узнал о нем гораздо позднее. И высказал при своих штабистах только одно-единственное замечание:

— Нельзя Азиатскую конную дивизию называть партизанским отрядом.

— Но ведь был же на сей счет приказ главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины?

— Был, еще в марте этого года. Но атаман Семенов, при всем моем уважении к нему, не понимает, что партизанскому отряду было не взять Ургу и Халху. А вот дивизия такую задачу решила.

— Тогда что нам ответить на этот приказ, Роман Федорович?

— А ничего. Мы не подчинялись генералу Вержбицкому еще до этого глупого приказа. Теперь над нами нет и атамана Семенова.

— А если он начнет присылать нам свои распоряжения?

— Он этого не сделает.

— Почему вы так считаете?

— Потому что Семенов не из глупых людей. И хорошо знает народную пословицу о том, что с возу упало, то пропало...

И все тут. В списках белой армии Азиатская конная дивизия больше не числилась даже под названием отдельно действующего партизанского отряда. Она действительно «пропала» для всех за пределами Халхи. Но только не для самой Халхи.

Так Роман Федорович Унгерн фон Штернберг самостоятельно вышел на столбовую дорогу войны, которая вписала имя потомка эстляндских рыцарей и баронов в историческую память прежде всего современной Монголии. Потом уж его стали вспоминать советские историки, но почти всегда, единодушно, за «кровавый почерк» в Забайкальском крае во время Гражданской войны. А о его военных и иных делах на земле Внешней Монголии — Халхе — Монгольской Народной Республики российские историки и исследователи стали говорить только начиная с середины 90-х годов прошлого столетия.

Прямо скажем, у барона Унгерна в российской истории с самого начала была незавидная судьба. Нет, его не забыли. Но как вспоминали!

Что же хотел совершить белый генерал Унгерн фон Штернберг, потомок немецких рыцарей-крестоносцев, в Монголии, в почти неведомых миру степях и песках Центральной Азии? Это вопрос вопросов для многих современных исследователей жизни некоронованного императора пустыни. Один из таких историков — М. И. Серебряников в своей книге «Великий отход» писал:

«В нем (Унгерне. — А.Ш.)... жила вера в сверхъестественное, потустороннее; он как бы принадлежал минувшим векам: был суеверен, всегда общался с ламами, ворожеями и гадателями, которые сопутствовали ему в его походах во время Гражданской войны...

Барон был своеобразным романтиком, жил во власти каких-то отвлеченных идей. Фантастической мечтой его было восстановление павших монархий мира: он хотел вернуть Ургинскому Богдо-гэгену его царственный трон в Монголии, восстановить династию Цинов в Китае, Романовых в России, Гогенцоллернов — в Германии. В этом смысле он безнадежно плыл против течения. Выступи он на много лет позже — он, вероятно, имел бы больше шансов на осуществление свой политической программы.

Унгерн был злейшим врагом коммунистов и социалистов и считал, что Запад-Европа одержим безумием революции и нравственно находится в глубочайшем падении, растлеваясь сверху донизу. Слова «большевик» и «комиссар» в устах Унгерна звучали всегда гневно и сопровождались обычно словом «повесить».

В первых двух словах для него заключалась причина всех бед и зол, с уничтожением которой должны наступить на земле всеобщий мир и всеобщее благоденствие.

Барон мечтал о рождении нового Аттилы, который соберет азиатские полчища и вновь, подобно Божьему Бичу, вразумит и просветлит растленную Европу. Вероятно, барон и готовил себя к роли такого Аттилы...»

Хотел ли барон Унгерн восстановить в России монархию в лице низложенной Февральской революцией 1917 года династии Романовых? Бесспорно. Тому есть не только словесные, но и «материальные» доказательства в виде знамени Азиатской конной дивизии, изготовленного, вероятнее всего, по эскизу самого Унгерна фон Штернберга.

Похожее знамя, которое приписывается унгерновскому войску, ныне хранится в Обществе русских ветеранов Великой войны в американском городе Сан-Франциско. Оно изготовлено из желтого шелка и обшито по краям белой и черной материей. Изображения нанесены черным и красным цветом. На лицевой стороне стяга под традиционным для русских знамен образом Спаса Нерукотворного идет надпись славянскими буквами: « С нами Бог». На оборотной стороне — под российской императорской короной с двумя 12-лучевыми звездами по бокам находится вензель «М. II». Под вензелем стоит дата: «1921».

Что означает вензель «М. II»? Смысл его понять несложно. Император Николай II, отказавшись от мысли передать всероссийский престол наследнику цесаревичу Алексею, передал его своему брату Михаилу. Но тот не принял такой «подарок судьбы». И в истории государства Российского не появился второй Михаил Романов, основатель собственной венценосной ветви династии.

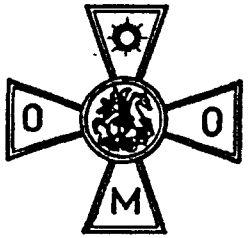
Хотел ли Унгерн стать вторым Аттилой, который в Древнем Риме получил от христиан прозвище Божьего Бича? Вполне возможно, что да. Он верил, что ветер

из Азии «очистит» Запад-Европу от скверны «левых» идей. Однако в своем исходе из Монголии в Россию потомок эстляндских баронов не дошел даже до берегов Байкальского моря.

Но это будет несколько позже в том же 1920 году. А пока Азиатская конная дивизия шла походом на столицу Халхи Ургу, в которой сидел китайский гарнизон, численно превосходивший унгерновское войско больше чем в двадцать раз! Разве можно было при таком соотношении сил верить в военную победу?

Оказывается, можно. Лучший пример тому генерал-лейтенант Роман Федорович Унгерн фон Штернберг. К тому времени барон давно уже стал мистиком и верил в «птицу удачи» как никто другой.

Унгерн верил в то, что спасение миру придет из таинственных стран Агарти и Шамбала, «находящихся где-то в Тибете». Об этом еще на заре XX столетия какому офицеру-хорунжему поведали в монастырях-дацанах ученые ламы. Доказательством тому были древние книги, которые они раскрывали перед таким непонятным для них в своем стремлении познать тайны буддизма русским военным человеком.

Глава восьмая

ВОЙНА В МОНГОЛИИ ПРОТИВ БЫВШЕЙ ИМПЕРИИ ЦИНЬ

Войско барона Унгерна называли то белой армией, то Азиатской конной дивизией, то отдельным семеновским партизанским отрядом, то просто шайкой степных разбойников без роду и племени. Какие же силы реально имел этот белый генерал, облаченный в монгольский шелковый халат, с золототканными погонами царских времен на плечах, с орденом великомученика и победоносца Святого Георгия на груди и древним буддистским манускриптом в кармане видавшего виды желтого халата?

Правда, халат он носил сперва из красно-вишневого шелка. Это был традиционный халат простых монголов. Желтого цвета одеяние степных жителей Унгерн будет носить только тогда, когда монгольские князья поднесут ему титул «вана». Однако погоны останутся прежние: золотые, с шифровкой «А.С.» — «Атаман Семенов». В такой униформе генерал с круглой монгольской шапочкой на голове был виден своему войску издалека. Роман Федорович наставлял полковых командиров:

— Азиаты — ваши бойцы — должны не только знать и помнить своих офицеров, но еще и видеть их

издалека. Тогда и порядка будет больше в полках. Даже в обозе...

На начало похода на Ургу Азиатская конная дивизия состояла из трех конных полков — Монголо-Бурятского, Татарского и имени «атамана Анненкова». Каждый полк имел тотемный знак, нарисованный бароном Унгерном собственноручно. Название каждого полка ни с чем не говорило: они формировались смешанно: буряты и русские казаки, монголы из самых различных племен (преимущественно Внутренней Монголии и восточной Халхи), китайцы-хунхузы и всевозможные авантюристы, которых Гражданская война «вытолкала» в Забайкалье. Можно сказать так: кто только не воевал под знаменами белого барона.

Каждый из трех названных полков состоял из 150–200 сабель. По численности людей все вместе унгерновские полки тогда равнялись немногим больше половины одного полка старой русской армии образца 1914 года: лейб-гвардии, драгунского, уланского, гусарского или шестисотенного казачьего. Впрочем, и кавалерийские полки Красной Армии к концу Гражданской войны были примерно такой же численности. Война истощила людские ресурсы России, хотя об этом долгое время отечественные исследователи предпочитали молчать.

Помимо отдельных полков в состав Азиатской дивизии входили Даурский конный отряд с пулеметной командой (самая надежная часть Унгерна) и две конно-артиллерийские батареи неполного состава. Артиллерийские батареи были укомплектованы почти исключительно русскими офицерами, казаками и солдатами.

Длительное пребывание диктатором на станции Маньчжурия позволило семеновскому генералу «технически» обустроить свою конную дивизию. У него появилось несколько грузовых и легковых автомобилей, изъятых из колчаковских грузов от Антанты. Из автомашин составили небольшую, маневренную транспортную роту.

Имелась в Азиатской конной и своя авиация — целых пять «разномастных» аэропланов с опытными летчиками. Благо полевым аэродромом могла стать любая ровная площадка в бескрайних степях. Проблема была только с горючим, бочки с ним возили на верблюдах. Поэтому белые воздухоплаватели летали крайне редко и в боевых действиях, по сути дела, не участвовали.

Обоз дивизия имела для степных условий хорошо устроенный. Над обозом начальствовал исполнительный человек — В. К. Рерих. Российской истории эта фамилия говорила о многом. Унгерновец был братом знаменитого русского художника Николая Рериха, большую часть своего творчества посвятившего живописанию Тибета и Гималаев. Он тоже, как и Унгерн, верил в существование таинственных стран Агарти и Шамбала и до конца своей жизни искал встречи с ними, поселившись в предгорьях индийских Гималаев. Но увидеть их смог только на своих удивительных живописных полотнах...

По меркам Гражданской войны белый барон имел крайне малые войска, но для условий Забайкалья это были серьезные силы. Поэтому правительство Дальневосточной республики и командование ее Народно-революционной армии всерьез встревожилось появлением в районе города Акши более чем тысячной белой группировки. На акшинское направление стали стягиваться красноармейские полки и эскадроны, батареи и партизаны, отряды революционных матросов и мадьяр-интернационалистов.

Приказ из Верхнеудинска, дублировавший в таких случаях телеграфный приказ из Москвы, гласил:

«Белобандитов генерала-семеновца барона Унгерна ликвидировать в кратчайшие сроки. Об исполнении доложить немедленно. С революционным приветом председатель реввоенсовета республики товарищ Троцкий».

Унгерн не сразу решился перейти монгольскую границу. На первых порах он нанес несколько поражений отдельным небольшим отрядам красных. Те отступали

в полной уверенности, что если не сегодня вечером, то завтра утром им придет такая помощь, что «белякам» некуда будет бежать. Но те занимали селение за селением: Нарсун, Мангут, Кыра... Азиатская конная дивизия двигалась в общем направлении на Троицкосавск, хотя барон никаких стрел на штабной карте не чертил. Да и приказов письменных не издавал.

Сразу же возникли трудности с провиантом, вернее — с хлебом. У немногочисленного местного населения его «реквизировали» мало. Мука становилась, как говорится, на вес золота: люди не могли питаться только одним мясом. У села Кыра случилась непоправимая беда. Весть о ней привез Унгерну его адъютант Бурдуковский:

— Беда, господин барон. Большое несчастье.

— Что случилось, Бурдуковский? Красные подходят?

— Нет, хуже. Обозники, перевозившие муку через вон ту речку, подмочили весь дивизионный запас. Теперь хоть выброси...

Барон, как свидетельствовали очевидцы той сцены, «совсем озверел». Он стал избивать ташуром — бамбуковой рукояткой плетки вестового, в страшной ярости крича:

— Негодяи! Лишить всю дивизию запаса муки! Оставить людей без хлеба!..

Успокоившись через минуту-другую, барон Унгерн угрюмо приказал начальнику дивизионного штаба:

— Передай сейчас же приказ Сипайло. Пусть китайцы выпорют палками офицера, отвечавшего за муку. А потом пусть его утопят в речке на том же самом месте.

Приказ был выполнен в точности. В те дни унгерновцы боев не вели, но это была не последняя смерть. «Человек-зверь» Сипайло приказал своим экзекуторам расстрелять в селении Алтен местного священника. Начальнику унгерновской разведки и будущему коменданту монгольской столицы Урги показалось, что батюшка как-то неодобрительно смотрит на «азиатов»,

которые занимались реквизицией всего им нужного в его простом деревенском доме. Такого главный баронский палач стерпеть не смог:

— Взять попа. Расстрелять у амбара одним патроном. Не получится — выпорю самолично...

Сипайло, его напарник и «соперник» в исполнении наказаний баронский адъютант Бурдуковский, другие экзекуторы рангом поменьше являлись исполнителями прежде всего воли Унгерна-Штернберга. Хотя они и «самовольничали» в своем желании властвовать над жизнями не только мирных поселян, но и «азиатов». Еще в Даурии ее комендант так наставлял своих официальных палачей:

— Неумолимость есть одна из сильных сторон борцов с большевиками. Они тоже не страдают отсутствием неумолимости. Только попробуй попади к ним в плен...

— Я знаю, что некоторые из моих единомышленников не любят меня за строгость и даже, быть может, жестокость, не понимая того, что мы боремся не с политической организацией, а с сектой разрушителей всей современной культуры...

— Разве итальянцы не казнят членов «Черной руки»? Разве американцы не убивают электричеством анархистов-бомбометателей? А Италия и Америка называют себя цивилизованными странами, не в пример нашей России-матушке...

— По всему миру идет война против красной заразы. Почему же мне не может быть позволено освободить мир от тех, кто убивает душу народа? Не важно какого: русского, китайского или монгольского...

— Против большевиков я знаю только одно средство — смерть и еще раз смерть!...

По степной дороге Троицкосавск — Хайлар унгерновские конники захватили богатую и совершенно неожиданную для себя добычу. Это была, как потом писали белые мемуаристы, «черная телега», на которой везли груз золота. Тогда решили, что это золото китайцы везли в подарок монгольским князьям, чтобы заручиться их поддержкой.

Несколько позднее появилась другая версия о происхождении и предназначении «черной телеги». Якобы, это была часть золотого запаса адмирала Колчака, который отсылался в Маньчжурию, в один из банков, в городах Харбине или Мукдене. Когда генералу Унгерну доложили о золотом грузе, он приказал:

— Все золото на ночь в мою палатку.

Приказание было исполнено без промедления. Груз «презренного металла» в походную палатку барона, а телега с упряжкой — в распоряжение начальника дивизионного обоза Рериха. Утром следующего дня начальник штаба подполковник Владимир Акцинов осмелился спросить барона:

— Что будем делать с китайским золотом, Роман Федорович? Может, поделить его на жалованье солдатам? Ведь они его давно не получали.

— Золота больше нет, Акцинов.

— А куда ж оно за ночь делось, осмелюсь спросить?

— Я приказал своим монголам спрятать его подальше от людских глаз. Они и схоронили его вьюками в тайнике.

— Не опасно ли? Ведь сбегут от нас и воспользуются золотишком.

— Не сбегут. Монголы мне верные. А из наших только я знаю место тайника. Так надежнее будет. Придет время, и это китайское золото сослужит нашему делу и России хорошую службу.

— Дай Бог, чтобы земля его сохранила...

Так родилась легенда об унгерновском золотом кладе на юге Забайкальского края. Золото породило много самых фантастических слухов. Тайник усиленно искали в 20-х годах, ищут и по сей день. Ищут по той причине, что «черная телега» была на самом деле. Вопрос только в том, где искать этот таинственный клад. Роман Федорович хоть и увлекался в детстве чтением книги «Остров сокровищ», однако карты с крестиком на месте зарытия сокровища не составлял. По всей видимости, надеялся на память своих телохранителей-монголов...

С каждым днем у Акши противника становилось все больше и больше. У красных имелся полный перевес в артиллерии и пулеметах, снарядах и патронах. Это превосходство в силах особенно обозначилось тогда, когда к месту боев подоспел испытанный в жарких делах с колчаковцами и прочими «белобандитами» Таежный партизанский полк бывшего идейного анархиста Нестора Каландарашвили.

Именно партизаны Каландарашвили нанесли унгерновцам самый чувствительный удар. Теперь Азиатская конная дивизия теснилась красными со всех сторон. Смертельная петля окружения грозила вот-вот затянуться на узел. Прорваться к железнодорожной линии и дальше к Даурии, где атаман Семенов сосредоточил свои главные силы, барон уже не мог. Да и стоило ли пробиваться туда? Оставалось только одно: собрать все силы в кулак и, не считаясь с потерями, уходить через границу в степи Халхи. Барон объявил командирам:

— Прорываться будем с ходу. Одной колонной на юг. Не считаться с потерями. Если надо — кидаться в шашки.

— Может быть, обманем еще раз красных? Сделаем маневр?

— Маневрировать поздно. Раненых у нас столько, что скоро с их пехотой начнем играть в догонялки. А у нас патроны кончаются...

О жестокости боя на прорыв говорит хотя бы такой факт. Вырвалось из кольца всего около восьми сотен конников. Дивизия лишилась почти всего обоза с запасами провианта, фуража (овса и ячменя) и боеприпасов. Батарейцы потеряли четыре пушки, ставшие вместе с зарядными ящиками боевыми трофеями красных войск.

Казакам-артиллеристам спасти удалось только три орудия с минимумом снарядов к ним. Это были горные пушки образца 1877 года, переданные унгерновцам в свое время по приказу атамана Семенова из читинского артиллерийского склада. Так артиллерийский залп

Азиатской конной дивизии уменьшился более чем вдвое. Теперь ни о какой контрбатарейной борьбе с красными и думать не приходилось.

Когда об утрате доложили Унгерну, то он, на удивление всем, не вспылил. Хотя желваки и ходили у него на лице от бессильной ярости. Тронув коня, он только сказал командирам батарей капитанам Дмитриеву и Попову:

— Новые пушки получите в Халхе. Их нам подарят китайцы...

Советские газеты, как по чьей-то команде свыше, дружно дали первополосные материалы о тех событиях. Писалось, что белый барон разбит наголову, только одних пленных взято 700 человек и даже больше. Но если брать эту цифру за искомую, то получалось, что Азиатская конная дивизия была почти полностью уничтожена. Это дало повод репортерам не объяснять читателям то, куда же девался сам белый генерал. И вообще, что осталось от этого белого войска в наличии.

Однако Азиатская конная дивизия продолжала существовать как реальная военная сила. Она попала в кольцо и вырвалась из него. При этом понесла тяжелые потери в людях, лошадях и дивизионном имуществе. Но все же в первых числах октября 1920 года конное войско барона Унгерна оторвалось от преследователей и пропало в просторах монгольских степей. Последний раз красные видели «хвост» близ пограничной станицы Кыринской. Отрезать арьергард белых не удалось.

Унгерновская дивизия ушла в Халху. Для чего? Тогда еще не все понимали одну простую истину: барон Унгерн фон Штернберг шел в Монголию, чтобы воевать там. Так началась монгольская эпопея семеновского генерала. Красные войска силой «проложили» ему путь в степи для освобождения Халхи от китайских завоевателей. Обратная дорога в Забайкалье для унгерновцев в те последние дни уходящего 20-го года была надежно заблокирована превосходящими силами. Уже на той стороне границы барон сказал своему заместителю полковнику Шадрину:

— Путь в Россию нам, полковник, заказан. Анархист Каландарашвили и большевики постарались.

— Пускай стараются сегодня, господин барон. А завтра мы вернемся в Забайкалье.

— И завтра нам путь в Забайкалье заказан.

— Тогда куда идет так спешно наша дивизия, позвольте спросить, Роман Федорович?

— Я начинаю поход на Ургу. И объявляю войну в монгольских степях бывшей китайской империи Цинь.

— С одной дивизией?

— С одной-единственной. И с теми воинами монгольского народа, которые завтра встанут под мои знамена. Верь мне, Шадрин, мы выбьем китайцев из Урги и остальной Халхи.

— Дай Бог, Роман Федорович.

— Бог даст победу. Нам с тобой в этой бренной жизни только и осталось, что жить степной войной.

— И войной с большевиками, смею сказать...

Унгерн, с этим соглашаются многие исследователи, знал ситуацию в Халхе, сложившуюся после того, как китайское войско заняло столичную Ургу и фактически лишило власти Богдо-гэгена. Оказалось, что должниками за много лет китайской администрации оказались не только араты — простые монголы-пастухи, но и степные князья, владельцы несчитанных стад. Последние брали денежные кредиты под непонятные для них проценты в ургинском отделении Дайцинского банка. И тоже оказались в неоплатных должниках у китайских банкиров.

Чтобы понять размеры требуемого долга, можно привести только один пример. С населения Кобдского округа китайцы требовали ни много ни мало 55 тысяч верблюдов, 75 тысяч лошадей, 400 тысяч голов крупного рогатого скота и 500 тысяч баранов. Но такого количества парнокопытной живности жители округа никогда не имели и не могли иметь. А отдать все стада было равносильно голодной смерти. Это понимали в каждой пастушечьей юрте.

На монгольское население тяжелым бременем легло и обеспечение провиантом китайских войск, разместившихся в Халхе. Араты сами бедствовали, и потому поставки продовольствия в гарнизоны китайцев часто срывались. Это стало причиной повального мародерства и грабежей местного населения.

В довершение ко всему китайские солдаты свое мизерное жалованье получали нерегулярно, что тоже толкало их к грабежу. Дело доходило до того, что в сентябре 1920 года ургинский гарнизон хотел взбунтоваться из-за того, что ему уже несколько месяцев не выплачивали положенного жалованья. Городу реально грозил повальный грабеж. Китайские купцы и русская колония «сбросились» и собрали для пропитания гарнизонным солдатам 800 баранов и деньги в размере 16 тысяч золотом. Поэтому солдатский бунт не состоялся, и ургинцы смогли избежать погрома и разорения.

Люди, посещавшие в то время столицу Халхи, давали китайским солдатам самую нелестную характеристику. Таких свидетельств немало. Так, Д. П. Паршин писал о них:

«Китайская солдатня являлась людскими подонками, отбросами, способными на всякое насилие, для которой честь, совесть, жалость были только пустые звуки, и от этой солдатни, если она почувствует в себе силу, или при каком-либо эксцессе, нельзя было ждать чего-либо путного, хорошего, ибо громадное большинство солдат вербуется из людей или бездомных, или лентяев, или тех, которые у себя дома уже не находили ни дела, ни места и стояли на плохой дороге, зачислясь в разряд отпетых людей, обреченных на хунхузничество».

Как же оценивали современники начавшийся поход малой белой рати на освобождение столичного города Урги от китайцев? Как ни парадоксально, в темных красках даже со стороны недоброжелателей и явных врагов Советской России. Считалось, что армия, сформированная из люмпенов, не могла иметь хорошей боевой выучки. Что в действительности и было.

Журналист Альфред Хейдок писал: *«За ним (Унгерном. — А.Ш.) шли авантюристы в душе, люди, потерявшие представление о границах государств, не желавшие знать пределов. Они шли, пожирая пространства Азии, впитывая в себя ветры Гоби, Памира и Такла-Макана, несущие великое беззаконие и дерзновенную отвагу древних завоевателей...»*

Какая патетика в этих словах. Какой исторический мираж. Авантюристы из России, вставшие на тропу чингисхановских воинов-завоевателей.

Колчаковский офицер Борис Волков, волей военной судьбы лично знакомый с бароном Унгерном, оставил после себя мемуары. Они назывались «Из записной книжки белогвардейца». Писатель Леонид Юзефович приводит в своей книге из волковских воспоминаний ряд интересных выдержек. Вот одна из них:

«За ним (то есть генералом Унгерном-Штернбергом. — *А.Ш.*) *идут или уголовные преступники типа Сипайло, Бурдуковского, Хоботова, которым ни при одной власти нельзя ждать пощады, или опустившиеся безвольные субъекты типа полковника Лихачева, которых пугает, с одной стороны, кровавая расправа при неудачной попытке к бегству, с другой — сотни верст степи, сорокаградусный мороз с риском не встретить ни одной юрты, ибо кочевники забираются зимой в такие пади, куда и ворон костей не заносит...»*

Истинным вдохновителем похода унгерновского войска в Халху многими считается не кто иной, как атаман Семенов. Однако это только исторические и иные изыскания, не подтвержденные ни одной документальной строкой. Позднее Семенов говорил:

— Разве можно было в конце 20-го года управлять этим сумасшедшим бароном?

— Кого он слушал, этот Унгерн? Только себя.

— Кому подчинялся барон? Только своему помутившемуся воображению несостоявшегося самодержца пустыни...

— А кто его понимал в той степной войне вокруг Урги? Его даже японцы не понимали. Не только я...

Другая часть исследователей считает, что дирижировали белым бароном именно японцы. И, разумеется, их разведка. Таково было мнение официальной советской историографии. Еще бы — белый генерал и самураи-милитаристы, размахивающие мечами у дальневосточных границ РСФСР. Что ж, в этом кроется известная доля исторической правды. Но не вся.

В дивизионном штабе у барона «проживал» японский капитан Судзуки. Он исполнял одновременно две должности. Официально значился командиром отдельной «японской сотни» и военным советником по совместительству. Неофициально — представлял разведку императорской армии. Вернее — разведку Генерального штаба империи на островах.

В Монголии капитан Судзуки долго «не продержался». Барон его просто выгнал из дивизии за неумелые и назойливые советы по военным делам. Японскому разведчику пришлось спешно убыть из Халхи в Маньчжурию.

Там достаточно опытный специалист «плаща и кинжала» не потерялся. Его начальники поспешили представить капитана Судзуки самому маньчжурскому генерал-инспектору Чжан Цзолиню, некоронованному правителю всего северо-востока Китая. Тот был откровенен в разговоре с японским разведчиком, вернувшимся на днях из Внешней Монголии с самой конфиденциальной информацией:

— Капитан, я хотел бы услышать от вас правду.

— Господин генерал. Я знаю отношение моего командования к вам и потому готов искренне ответить на любой вопрос.

— Меня интересует личность и планы барона Унгерна, недавнего вашего хозяина.

— Смею заметить, он был только моим военным начальником. И не больше. А я — его военным советником.

— Пусть будет так. Вы должны знать, что и я готовлюсь к завоеванию Халхи. Может ли на этом пути мне помешать генерал Унгерн с его конницей?

— Скорее наоборот, господин Чжан Цзолинь.

— Интересное мнение. Разъясните мне вашу мысль поподробнее.

— Барон Унгерн облегчит вам завоевание Халхи.

— Каким образом?

— Город Ургу его дивизии не взять. Можете в том не сомневаться. Но он прикроет победный поход ваших войск на ту же Ургу с севера от большевиков и собираемых ими красных монгол.

— А что, теперь в Халхе есть и красные монголы?

— Есть, пока мало. Но благодаря заботам известного вам коммунистического Коминтерна их, вне всякого сомнения, скоро будет больше.

— Какие советы вы давали русскому барону?

— Я не раз советовал ему отказаться от похода на Ургу и пойти войной в оставленное им советское Забайкалье. А там захватить важный город Троицкосавск на земле бурятов и перерезать для красных войск Кяхтинский тракт.

— Это та дорога, что ведет из России к столице монголов?

— Именно она.

— Дельный совет в мою пользу. И как реагировал на ваши слова этот безумный генерал?

— После каждого такого совета барон становился задумчив.

— Надеюсь, что вы, капитан Судзуки, бросили зерна риса на хорошо прогретую почву.

— Весьма благодарен за оценку моих скромных трудов военного советника.

— Мой адъютант ждет вас за дверью, чтобы отблагодарить доблестного японского офицера достойным весом серебряной монеты. Разумеется, китайской...

Японский советник Судзуки в беседе с Чжан Цзолинем не «открылся» только в одном. Уж кому-кому, а ему было достоверно известно то, что Унгерн из Даурии поддерживал в своих стремлениях познать буддистскую «карму» связь с не одним князем Халхи. Японцу было известно и то, что в восточной части современной Монголии уже весной 1920 года против ки-

тайских войск генерала Сюй Шучжэна, низложившего Живого Будду в лице Богдо-гэгена, действовали небольшие повстанческие отряды. Во главе их стояли местные князья, наиболее влиятельным из которых был ван Лувсан-Цэвен.

Именно князь Лувсан-Цэвен, превративший своих слуг и пастухов в партизаны, обратился к белому командованию с просьбой оказать монголам помощь в войне против китайцев. Получив устное послание, атаман Семенов долго колебался с ответом. Но, взвесив все «за» и «против», отказался, поскольку его тылы и личные сбережения в банках Харбина находились на маньчжурской территории. Военный диктатор с железнодорожной станции Даурия княжескому посланцу ответил сразу и без колебаний:

— Передай вану Лувсан-Цэвену, что я помогу ему и монголам постоять за Богдо-гэгена.

— Тогда, господин генерал, когда ваших конников можно ожидать в Халхе?

— Сказать определенно не могу. Передай, что еще не ляжет снег в здешних местах, как я начну войну с китайцами в монгольских степях...

Уже будучи в плену, генерал Унгерн на допросах будет порой отвечать на некоторые вопросы лаконично и немногословно. Одним из таких вопросов следователей будет следующий:

— Скажите, каковы были причины вашего военного похода от Акши в Монголию?

— Монгольский поход был случайностью.

Один из подчиненных генерал-лейтенанта семеновской армии, участник победного похода на Ургу, по-своему объяснил причины «набега» конной дивизии на пределы Халхи:

— Это были метания затравленного зверя.

— А кого вы понимаете под затравленным зверем? Дивизию или Унгерна?

— Разумеется барона!..

Разгром Азиатской конной дивизии на юге современной Бурятии стал прологом поражения семенов-

ских войск и каппелевцев в Забайкалье и их исхода на территорию соседней Маньчжурии. В ходе боев за Читу атаману удалось спастись только благодаря аэроплану, хотя созданная им армия еще продолжала оборонять город. Последними под натиском превосходящих сил противника отступали мужественно сражавшиеся каппелевцы. Но удержать за собой даже такой кусочек забайкальской земли, как приграничную станцию Даурия, они не смогли.

Символичными были названия бронепоездов побежденных и победителей в схватке за обладание Забайкальем. Красные броневые единицы назывались так: «Ленин» и «Коммунист», «Борец за свободу» и «Защитник трудового народа», «Красный орел» и «Красный сокол», «Стерегущий». Бронепоезда белых носили иные названия: «Атаман» и «Генерал Каппель», «Семеновец», «Отважный» и «Справедливый», «Всадник» и «Повелитель», «Грозный» и «Резвый».

О конном войске барона Унгерна-Штернберга в белом, да и красном стане пока ходили одни слухи: на страницах газет, в военных штабах и даже в оперативных сводках. Одни видели его спасшимся, другие — уничтоженным...

Вне всякого сомнения, барон Унгерн еще с времен своей службы в чине хорунжего Забайкальского казачьего войска хорошо знал места северной и восточной части Халхи. Поэтому он порой не прибегал к услугам проводников. Свою дивизию белый генерал уверенно вел на юг вдоль берега реки Онон, вверх по ее течению.

На берегах Онона его и поджидали князья Лувсан-Цэвен и Дугор-Мерен со своими партизанскими отрядами степных всадников. Большими по численности эти отряды не были. Два монгольских князя на военном совете дали Унгерну фон Штернбергу немало полезных советов:

— Господин генерал. До Урги еще далеко, и за это время мы сможем поднять пламя войны против китайцев по всей степи нашей Халхи.

— Каким способом мы можем это сделать, уважаемые Лувсан-Цэвен и Дугор-Мерен?

— Надо разослать по кочевьям наших людей, которые будут сопровождать ваших.

— Каких моих людей?

— Бурят и монголов-баргуд. Обязательно исповедующих монгольскую веру, буддистов.

— Хорошо, таких людей у меня много, и я вам их дам.

— Наши посланцы будут говорить в кочевьях зажигательные речи и призывать монгольские роды к восстанию против китайцев. Ненависть к ним питают прежде всего пастухи и их ваны.

— Что еще будут говорить посланцы обитателям кочевий?

— О тебе, господин генерал.

— А что можно рассказать обо мне простому пастуху?

— Сказать о тебе можно очень многое.

— Что, к примеру?

— Что неожиданно явившийся с севера русский генерал состоит в самом близком родстве с самим Цаган-Хаганом. С Русским Царем. Вы его называете Николаем Вторым.

— Но его уже нет в живых. Большевики расстреляли его и его семью и тела убитых не найдены.

— Ну и что. Смерть для буддиста значит мало. Дух переселяется в нового человека. Наши посланцы так и скажут в степи: дух Цаган-Хагана переселился в русского генерала.

— А как в кочевьях будут разъяснять цель похода моего войска на Ургу, которая сейчас в руках китайского генерала Сюй Шучжэна?

— Посланцы будут говорить, что родственник Русского Царя пришел к нам, чтобы жестоко покарать гаминов-китайцев, которые так зло обошлись с нашим Живым Буддой, с Богдо-гэгеном.

— И еще пусть говорят, что я буддист по вере и духу. И что сражаться с китайскими солдатами мои воины будут до победного конца...

Унгерн оказался тем военачальником, который мог в степи воевать и пускаться на разные военные хитрости, большие и малые. При этом он знал, что платные шпионы китайцев из числа местных жителей следят за передвижениями Азиатской конной дивизии. Да иного на той войне быть не могло: не все монголы ненавидели завоевателей-иноземцев, к тому же щедро расплачивавшихся за шпионские услуги почитаемым в степях серебром.

Барон приказал своему ближайшему помощнику и давнему знакомцу генералу Резухину сотням передвигаться по Монголии только по два всадника в ряд. Издалека казалось, что идет бесчисленная вереница конницы. Простые монголы арифметикой не занимались, азов ее не знали и сосчитать людей барона не могли.

Чтобы ускорить передвижение по степному бездорожью оставшихся в дивизии трех орудий, пушки запрягли в бычьи упряжки. Для каждого пулемета — «максима», «шоша» или «кольта» были придуманы легкие повозки, напоминавшие знаменитые тачанки Гражданской войны, получившие боевое (и массовое) применение впервые в «вольной крестьянской» повстанческой армии батьки Махно.

В дивизии оказалось небольшое число лишних кавалерийских карабинов. Их раздали казакам, те получили право лично вооружать каждого монгола, кто пожелает стать под знамена Цаган-Хагана. Но пока монгольских добровольцев в дивизии набиралось не более двух сотен. Все они прибыли со своими конями, многие имели и сменных.

По дороге Унгерн отправил часть своих казаков-бурят собирать на кочевьях восточной части Халхи племенные ополчения. Для штурма Урги требовалась не одна тысяча бойцов, а их пока не было. Но князья Лувсан-Цэвен и Дугор-Мерен каждый день успокаивали белого генерала:

— Когда подойдем к Урге, под твоими знаменами будут тысячи монгольских всадников...

На берегах Керулена барон окончательно «породнился» с Халхой. Он официально признал себя ее подданным, стал постоянно носить монгольские халат, круглую шапочку. Кавалерийские сапоги сменил на ичиги. Роман Федорович в таком одеянии часто посещал окрестные монастыри-дацаны, неизменно вызывая у лам уважение своими знаниями буддистской религии.

Но время не ждало. Унгерн торопился к столице Халхи. Надвигалась суровая степная зима, а его дивизия не имела ни теплой одежды, ни надежного крова. К тому же могли начаться болезни, поскольку от быстрых марш-бросков по степи выматывались и люди, и лошади. Внезапность нападения могла ошеломить китайцев, готовивших сейчас Ургу к защите. Роман Федорович говорил:

— Самое главное — не дать китайцам укрепиться к нашему приходу. А то нароют окопов и волчьих ям, чтобы лошади ноги ломали...

Когда начались первые бои унгерновцев с мелкими китайскими отрядами, встречавшимися по пути, сообщения об этом пришли в Пекин из Маньчжурии. Только тогда всем стало ясно, что это «всплыла» из небытия Азиатская конная дивизия семеновских войск. И что во главе ее стоит не кто иной, как сам «кровавый» комендант станции Даурия. Имя генерала Унгерна-Штернберга вновь замелькало на газетных страницах.

Белый барон решил воевать под монгольской столицей по-европейски, выказывая манеры цивилизованного военного вождя. Он послал с одетым по такому случаю в парадный офицерский мундир сотенным командиром китайскому командованию ультиматум. В нем после привычных восточных предисловий говорилось:

«...Я, генерал русского царя барон Унгерн фон Штернберг, требую впустить мое войско в Ургу без сопротивления. Моя Азиатская конная дивизия должна отдохнуть в этом городе перед походом на север, к городу красных Троицкосавску, стоящему на монгольской границе...»

Отправляя в сопровождении небольшого казачьего конвоя посланца в Ургу, барон сказал офицеру такое напутственное слово:

— Можешь не упорствовать при предъявлении китайцам ультиматума. Но, предъявив его, мы, как говорят японцы, сохраним свое лицо на этой войне...

Впрочем, Унгерн знал содержание еще не полученного ответа. Китайские генералы со всей вежливостью ответили парламентеру, полюбовавшись перед этим его мундиром при всех медалях:

— Передайте вашему генералу, что мы вынуждены отказать ему в нашем гостеприимстве.

— Почему, позвольте узнать?

— Урга переполнена китайскими войсками. Здесь такая скученность военных людей, что мы давно опасаемся возникновения в городе эпидемии...

Унгерн лично провел рекогносцировку монгольской столицы, переодевшись по такому случаю в платье простого степняка. Собственно говоря, Ургу можно было с натяжкой назвать городом. Она состояла из нескольких хаотично разбросанных в степи поселений, стоявших поблизости друг от друга.

Столица Халхи (или Внешней Монголии) имела несколько названий. Ургой ее называли русские — от монгольского слова «орго» — то есть «Ставка». Местные жители город называли Их-Хурэ («Большой Монастырь»). Столица Халхи только в 1911 году получила свое официальное название Нийслэл-Хурэ, то есть «столица-монастырь». Через тринадцать лет город получит свое последнее название — Улан-Батор.

Из нескольких самостоятельных поселков — частей Урги больше всего напоминал городское поселение Маймачен, или, как он назывался тогда, Китайский Маймачен. Все остальные поселки напоминали кочевые стойбища, настолько много в них было не кирпичных домов, а обыкновенных юрт. И столь же много было различного скота. В Урге располагалось необычайное множество буддистских монастырей.

Маймачен являлся китайским пригородом столицы Халхи. Он имел, в отличие от других столичных поселений, плотную, пусть и неправильную застройку. Маймачен многим напоминал запущенную средневековую крепость. В окружавшей его со всех сторон крепостной стене с несколькими воротами зияло немало больших и малых проломов. С наступлением темноты ворота запирались стражей по сигналу чугунного колокола, который звонил с высоты кирпичной сторожевой башни.

В Маймачене располагалась резиденция пекинского наместника Халхи, банки, конторы и торговые склады крупных торговых фирм, ремесленные мастерские, ресторанчики... Маймачен населялся исключительно китайцами: купцами, мелкими торговцами, ремесленниками, чиновниками. Здесь же в казармах располагалась большая часть гарнизона Урги. Поэтому Унгерн и решил штурмовать именно эту, ключевую часть монгольской столицы.

Здесь следует высказать барону, как профессиональному военному, упрек в его тактических познаниях. Или подтвердить то, что в Павловском училище он мало чему научился. Готовясь штурмовать Китайский Маймачен, генерал не составил даже схематически план атаки, за что, собственно говоря, и поплатился уже утром следующего дня.

Вся организация штурма заключалась в непродолжительной беседе Унгерна-Штернберга с подчиненным ему генералом Резухиным:

— Сегодня вечером берешь три казачьи сотни и занимаешь вон ту горку восточнее Маймачена.

— А что делать с китайцами, если они покажутся вблизи?

— Затеешь с ними перестрелку. Но патроны береги, их у нас осталось совсем мало.

— А вы, господин барон, где будете в это время?

— Я возьму остальные шесть наших конных сотен и подойду к тебе с артиллерией в следующую ночь.

— Когда будем брать Ургу?

— Пока не решил. Но, наверное, дня через два. Князья обещали прислать еще сотню-другую своих конников...

— А чем будем их вооружать?

— Нечем. Винтовок лишних больше нет. Вот только если отобьем у китайцев их ружья.

— А пока на что будут пригодны княжеские цэрики?

— Будут для вида исполнять роль резервной конницы. Пускай китайские генералы посмотрят в бинокли.

— И что из этого будет?

— А то, что китайским солдатам от конной черноты на снежном поле страшно будет...

Генерал Резухин беспрепятственно занял высоты перед Маймаченом. Китайцы затеяли с ним при свете дня вялую перестрелку, которая под вечер затихла. В ожидании рассвета и в поисках, где можно преклонить голову, резухинские казаки разбрелись по ближайшим сопкам. Сам барон привел к месту остальную часть Азиатской дивизии только следующей ночью.

Чтобы еще раз засвидетельствовать перед подчиненными свою личную храбрость, Унгерн в одиночку на подаренной атаманом Семеновым белой кобыле по кличке Машка отправился на разведку. Он так и сказал Резухину:

— Съезжу посмотреть, что там делают китайцы. Если будет надо — возьму языка. Вместе допросим...

Самонадеянность барона чуть не стоила ему жизни. Он, держа путь на огни Маймачена, сразу же заблудился в безлунной промозглой ночи среди невысоких сопок, так похожих даже при дневном свете друг на друга. Сам того не подозревая, всадник выехал к линии передовых сторожевых постов неприятеля. Но они прозевали появление одинокого конника. Генерал Унгерн подъехал к крепостной стене, поехал вдоль нее и вскоре оказался перед такой большой, никем не охраняемой дырой, что смог спокойно въехать через пролом в сам город. Долго ли он пробыл в Китайском Маймачене, не известно.

На обратном пути, двигаясь, по сути, наугад, Унгерн наехал на китайского часового, дремавшего у подножия одной из сопок. Встреча для обеих сторон была совершенно неожиданной. Первым опомнился пехотинец-китаец. Он вскинул винтовку, прицелился в силуэт всадника и потребовал пароля. Барон молча дал шпоры лошади и счастливо ускакал. Часовой, однако, успел несколько раз выстрелить вдогонку. Унгерн на скаку только крикнул в ночь:

— Выпороть бы тебя за такую стрельбу!..

С большим трудом, по огню нескольких костерков, командир Азиатской дивизии нашел расположение казачьих сотен генерала Резухина. Тот учтиво упрекнул барона за легкомысленную поездку к Маймаченской крепости:

— Роман Федорович, разве можно так поступать? Ведь шальная пуля могла оставить нас без вашей головы.

— Пустое, Резухин. Захотелось поиграть со смертью в прятки. Как на Восточном фронте.

— Все равно так не надо делать. Китаец тоже может метко стрелять. В другой раз лично пошлю вслед за вами полусотню казаков-конвойцев.

— Опять пустое. Разве конвоец убережет меня или тебя от пули, посланницы нашей судьбы...

Ночное происшествие наделало шуму не только в китайском гарнизоне Урги, но и в Азиатской конной дивизии. Казаки и офицеры по такому поводу поговаривали:

— И зачем только надо было барону лезть ночью к маймаченской стене?..

— Чтобы храбрость свою показать...

— Какая в этом храбрость? Набрался, наверное, опять опиума китайского или кокаина...

На рассвете следующего дня унгерновское войско подверглось неожиданной и внезапной атаке. Ургинский 12-тысячный гарнизон и его военачальники действовали гораздо более тактически грамотно, чем белый барон. В предрассветной темноте китайская

пехота смогла скрытно подобраться к стану противника аж с трех сторон. По условному сигналу — нескольким ружейным выстрелам — китайцы ринулись в атаку. Однако победы решающей они не одержали. Главные силы унгерновской дивизии отступили без заметных потерь в людях. Преследования организовано не было.

Но в то утро барон лишился почти всех остатков своей дивизионной артиллерии. Китайская пехота к своей великой радости захватила три пушки, безмолвно стоявшие на вершинах сопок. Отступившие смогли увезти с собой только одно-единственное оружие, и то успев заменить в орудийной упряжке быков на лошадей. Войско эстляндского барона могло оказаться уже в самом начале войны в Халхе вообще без одного орудийного ствола.

Генерал Резухин, когда Азиатская дивизия отступила от Урги верст на пятьдесят, спросил своего начальника:

— Когда будем пороть бамбуком наших негодяев-пушкарей? Сегодня вечером или завтра утром?

— Пороть их не за что, Резухин.

— Но ведь они сумели угнать от Маймачена одну-единственную пушку. У нас в дивизии теперь не батарея, а конно-бычий артиллерийский взвод.

— Пороть, наверное, меня надо. Жаль, что баронов в прошлом не пороли, а то среди них был бы воинский порядок. Проглядели мы с тобой китайцев.

— Точно, проглядели. Теперь умнее будем. Но все равно: китайцы не читинские партизаны...

Все же в тот день барону Унгерну пришлось отдать приказ о порке своим экзекуторам. Дивизионный штаб и один из полков разместились в поселке Мандал, в котором проживали семьи русских колонистов. Унгерновцы были встречены там без особых проявлений радости и гостеприимства. Белый барон пришел в ярость, которая, после бегства от Китайского Маймачена, в нем копилась. Он ее и излил на мужскую половину жителей Мандала...

Отдохнув четыре дня, Азиатская конная дивизия вновь двинулась к Урге. За эти дни генерал Унгерн послал в монгольскую столицу многих разведчиков из числа монгольских воинов-добровольцев и переодетых казаков-бурят. Теперь он знал о китайском гарнизоне достаточно. Резухин докладывал ему о результатах разведывания сил неприятеля:

— Маймаченские трактирщики говорили, что у генерала Сюй Шучхена в Урге целая армия.

— Что говорят наши разведчики?

— Если коротко, то так: многочисленна, прекрасно вооружена и экипирована.

— Артиллерии много в Урге?

— Не сосчитали. Но полевых пушек нет, одни горные орудия. Есть пулеметы и три трофейные пушки. Наши.

— Где штаб китайцев?

— В Маймачене большой кирпичный дом занимает. Полевых телефонов у китайцев много.

— А слабость ургинского гарнизона в чем увидели охотники?

— Слабость у китайцев есть. Как на войне без слабости. Кавалерии генерал Сюй Шучхен почти не имеет.

— Вот это хорошо. Значит, в случае чего не смогут китайцы гоняться за Азиатской дивизией по степи.

— Не смогут. Ни догнать, ни обойти, ни перегнать.

— Прекрасно, Резухин. Будем считать, что степи Халхи у бывшей империи Цинь мы с тобой уже отвоевали...

2 ноября 1920 года Азиатская конная дивизия вновь подошла к Урге. Барон задумчиво посматривал на оборванных и полуголодных всадников, сидевших на заметно отощавших конях. Вся огневая мощь дивизии теперь состояла из одной пушки и одного пулеметного взвода. Патронташи казаков были полупусты. Вглядываясь в лица своих «азиатов», Унгерн фон Штернберг понимал отчетливо одно:

— Драться будут. Только бы им подобраться к ургинскому гарнизону. Даст Бог удачу — повезет сегодня. Не даст — ускачем опять в степь...

Направление штурма монгольской столицы теперь менялось. Хорошо укрепленный Маймачен оставался в стороне. Удар теперь наносился на северо-восток. Однако китайцы были начеку и первый приступ успешно отбили сильным огнем. Тогда Унгерн приказал конным сотням отойти на исходные позиции и там дожидаться темноты. Ночью барон лично повел казаков по руслу речки Сельбы, которое выводило атакующих почти к центральным кварталам Урги.

Бывший «павлон» с баронским титулом опять не взял в расчет опытность и тактическую грамотность генералов Сюй Шучжэна. Они на всякий случай перекрыли устье Сельбы и береговые сопки линиями окопов. Боевое охранение в них не дремало. И когда передовая казачья сотня в ночи тихо подошла к окопам, оттуда раздались сотни ружейных выстрелов и застрочили пулеметы.

Казачьи сотни вмиг спешились, но оказалось, что выбраться из речной пади нелегко. «Азиаты» барона рвались к китайским окопам, но ноги скользили по глинистым откосам. Атакующие сотни сменялись одна за другой, но ворваться в окопы для рукопашной схватки все не удавалось.

Унгерн в том бою был, что говорится, на передовой линии. Его видели не только свои, но и китайцы. Он словно искал самые опасные места: без оружия, с неизменным монгольским ташуром — камышовой тростью в руке. Потом один из очевидцев напишет в своих воспоминаниях:

«...Наш барон полировал своим давно излюбленным ташуром спины солдат и офицеров, внедряя в них ужасную дисциплину времен Тамерлана».

Успех казачьих сотен на берегах реки Сельбы мог случиться в первый день штурма. Но здесь не хватало не «бога войны» — артиллерии, а пулеметов. В дивизии исправными осталось всего два «кольта» с ограниченным запасом патронов. Барону пришлось поразмышлять над тем, кому из офицеров вверить эти два бесценных, последних пулемета. Выбор пал на совсем юного прапорщика Козырева:

— Прапорщик. Бери в команду эти два наших «кольта». Других у дивизии на сегодняшний бой нет. Но смотри у меня! Если ранят тебя и ты потеряешь пулеметы, повешу как собаку!

Козыреву в том бою не повезло. Сперва он со своими солдатами отразил наскок толпы китайских пехотинцев, атаковавших его «пулеметную горку». Те так и не смогли отбить у русских хотя бы один из «кольтов». Но вскоре шальная пуля ранила прапорщика в живот. Подскакавший барон, находившийся в ту минуту неподалеку, с седла всмотрелся в посеревшее лицо офицера и, не проронив ни слова, медленно поехал прочь.

Штурм Урги продолжался и на другой день, и на третий. К исходу 4 ноября унгерновцы все же выбили китайцев из их земляных укреплений и отбросили к каменным стенам буддистского монастыря Да-Хурэ. Обычно сдержанный барон ликовал, то и дело показывая камышовой тростью генералу Резухину на недалекий монастырь:

— Смотри, как мои азиаты погнали китайцев. Только для такой толпы буддистский храм маловат. Сами бегут в ловушку...

Атакующим казакам и бурятам под вечер взять монастырь Да-Хурэ не удалось. За ночь китайцы перебросили сюда из Маймачена значительные силы и едва ли не всю свою артиллерию. Резервы же генерала Унгерна были уже исчерпаны, патронные двуколки почти пусты. Об этом знал Резухин, знали дивизионные полковники, но ни один из них не решался перечить барону. А тот в последний день штурма Урги, 5 ноября, все гнал и гнал конные сотни в атаку. Унгерновцы пытались ворваться в столицу Халхи то с одной, то с другой стороны.

Китайские генералы чувствовали, что они в эти дни «висели на волоске». Чтобы удержать Ургу, они пошли даже на такой шаг: из тюрем были освобождены мятежники-харачины, взятые в плен год назад вместе с главой марионеточного семеновского Даурского правительства Нэйсэ-гэгеном. Им раздали оружие и послали в бой. Однако харачины, видя, что нападавшие мо-

гут иметь успех, перебежали на сторону барона Унгерна. Тот, словно забыв прошлое, милостиво принял бывших воинов князя Фуршенги в ряды Азиатской конной дивизии.

Унгерн неистовствовал среди полков и сотен Азиатской дивизии. Но китайский Маймачен был словно заговорен для всех атак. После очередной неудачной атаки барона «прорвало»:

— Первого же пленного китайца ко мне!

Приказание командира дивизии незамедлительно передали по всей линии боя. И уже через час-другой перед генералом стоял связанный по рукам китайский пехотинец в разорванном синем халате. Перегнувшись через шею своей белой кобылы, Унгерн сперва нагнал немигающим взором страх на пленного, а потом грозно спросил его на ломаном китайском языке:

— Кто командует в Маймачене? Сюй Шучжэн?

— Нет, господин. Генерал Го Сунлин.

— Кто он здесь?

— Начальник китайского гарнизона, господин.

— А кто командует китайскими войсками во всей Халхе?

— Генерал Чен И. Он недавно прибыл из Пекина. Халху знает, так как уже был здесь правителем-амбанем. Но все говорят, что генерал Го Сунлин не ладит с генералом Чен И.

— Откуда твой начальник ургинского гарнизона знает действия против конницы?

— Го Сунлин — кавалерийский генерал, господин.

— Он был хунхузом в Маньчжурии?

— Не знаю, господин. Его генерал Сюй Шучжэн привез сюда из Пекина...

Несколько дней спустя, когда белое войско во второй раз откатится от столицы Халхи на север, китайский командующий в Урге скажет иностранным корреспондентам, оказавшимся по случаю в городе:

— Русский генерал сам упустил из рук свою победу. Еще два-три дня таких атак на моих солдат, и они бы могли не выдержать натиска...

Унгерн же то, что он выпускает победу из рук, не знал. Потери Азиатской конной дивизии были огромны: около 300 человек убитыми и ранеными, примерно треть бойцов. Патроны были на исходе. В последние дни ударили морозы, и раненые умирали в снегу. Кончалось продовольствие. Страшили потери в командном составе: многие офицеры пали смертью храбрых на ургинских сопках. Обещанное монгольскими князьями подкрепление не появлялось.

Барон гнал к степным ванам гонца за гонцом. Он неистовствовал, слыша раз за разом вежливые ответы, что князья собирают конных воинов с дальних кочевий, но на это надо много-много дней:

— Какие хитрецы. Думают только об одном, чтобы прийти во взятую нами Ургу на все готовенькое...

Видя бесплодность атак на китайские окопы с удобно расположенными на вершинах сопок пулеметными гнездами, барон заколебался. Такая знакомая Урга лежала перед ним как на ладони. За широким оврагом реки Сельбы маячил круглый, обитый листами меди купол главного храма столицы Майдари-сум, что в переводе означало «владыка будущего», «буддийский мессия». Хорошо был виден Шаро-Ордо с его золоченой крышей — Златоверхий дворец Богдо-гэгена. За ним, на берегах речки Толы угадывались еще два дворца Богдо-гэгена — Зимний и Летний. И всюду юрты, юрты и юрты...

Вечером 5 ноября Унгерн фон Штернберг собрал на батарее, состоявшей всего из одной пушки, начальственный состав дивизии. Старшие офицеры были подавлены неудачным многодневным штурмом Урги, и потому редко кто осмеливался смотреть в глаза мрачному барону, готовому сорвать свой гнев на любом из них:

— Я решил завтра не возобновлять штурм Урги. Потери вам известны. Патроны на исходе, из провианта есть только скот на мясные порции людям. Ночью начнем отход. Вопросы есть?

— Да, господин генерал. Чем мы будем прикрываться от китайцев, когда они начнут нас преследовать?

— Китайцы напуганы штурмом, и далеко от Урги в степь заходить не будут. И у них нет конницы.

— Куда пойдет дивизия на этот раз?

— Я решил под надежной охраной увезти раненых на восток от Урги, на берега Керулена.

— А чем эти места лучше для нас, чем северное приграничье?

— Берега Керулена — святые места для любого монгола. Семь столетий назад там начинала создаваться империя Чингисхана, потрясшего мир...

Все же самонадеянный барон решил поостеречься китайцев. Он оставил в качестве сторожевого заслона небольшой отряд вблизи Урги. А сама дивизия, как было решено, двинулась на восход солнца, к Керулену. Полки и сотни, обремененные большим числом раненых, двигались по зимней степи неспешно: со скоростью верблюжьего торгового каравана, а то и еще медленнее. От Урги отходил на берега священной для монголов реки и отряд конников из молодых пастухов-аратов князя Лувсан-Цэвена, союзника генерала Унгерна фон Штернберга.

Расположив свою ставку на берегах Керулена, покрытых смерзшейся пожелтевшей степной травой, Унгерн начал обустраиваться в здешних местах. Но начал это дело... с засылки шпионов в Ургу с ее многотысячным китайским гарнизоном. Разведку обычно вели цэрики или казаки-буряты, переодетые в монгольское платье.

— Мне надо знать все о жизни в Урге, о силах китайцев и их намерениях относительно меня.

— Мы возьмем языков из китайских солдат, бросим их связанными на коней, и через день они будут стоять перед тобой, господин ван (генерал).

— Не надо пленных. Исчезновение хотя бы одного китайского солдата может наделать много шума.

— Тогда как нам, господин ван, выполнить твою волю?

— Как говорят русские, проще пареной репы. Возьмите несколько баранов для продажи и посетите с ними главный ургинский базар — Захадыр.

— Знаем такой. Будем там твоими ушами и глазами, господин генерал.

— Мне важно знать, что делается и что говорится во дворцах Богдо-гэгена и пекинского наместника.

— Что мы должны говорить ургинцам?

— Говорите в дацанах и на рынках, что я, ваш бог войны, заговорен от пуль и потому бессмертен. И не боюсь китайцев. Это они меня боятся.

— О! Мы об этом чуде знаем. Ламы говорят о том всюду...

Роман Федорович знал особенности любой страны Востока, а уж Монголии тем более. Действительно, на знаменитом даже за пределами Халхи базаре Захадыр бился пульс столичной жизни. Любые новости, в том числе державшиеся под строгим секретом, стекались именно сюда. И отсюда растекались по городским кварталам, монастырям, во дворцы Богдо-гэгена и штаб-квартиру китайского командования. Теперь к этому потоку самой различной информации добавился еще один. Он был незаметен, поскольку уходил в юрту семеновского генерала, поставленную для него на высоком берегу Керулена.

С берегов Керулена, становясь все больше и больше мистиком, Унгерн фон Штернберг посылал доверенных людей не только на ургинский Захадыр. У него были налажены связи с ламами-богословами Гандан-Тэгчинлина — крупнейшего столичного монастыря. (В переводе с монгольского языка его название означало «Большая Колесница Совершенной Радости».) Но здесь барона интересовали не буддистские теологи с их тибетскими учеными степенями, а астрологи и гадатели-изрухайчи:

— Посетишь Гандан. Смотри, чтобы китайские шпионы за тобой не увязались. Спросишь ламу такого-то. Пусть повелит своим астрологам указать мне новый путь Азиатской дивизии...

— Поклонишься от меня вот этим подарком гадателю-изрухайчи. Пусть скажет тебе мою судьбу, если я вновь пойду походом на Ургу...

— Попросишь главного ламу Гайдана замолвить за меня слово перед Буддой. Я буду у него в большом долгу за это...

Собираясь с силами на берегах Керулена, Унгерн ясно понимал, что его планы создания мифической Великой Монголии ничего не стоят, если на его сторону не встанет Живой Будда. То есть почитаемый всеми монгольскими племена Богдо-гэген, находившийся сейчас в своем златоверхом дворце Шаро-Ордо под бдительным присмотром китайских солдат. Это был домашний арест, на иное китайцы в Халхе, чувствуя себя неуютно, пойти не могли.

Барон решил во что бы то ни стало заполучить Богдо-гэгена с его российскими корнями в свои союзники. Или лучше — в духовные покровители, одобряющего начавшуюся войну в Халхе против пекинских войск. Через своих ургинских разведчиков, во главе которых стоял бурят Джамбалон, белому генералу удалось переправить во дворец Богдо-гэгена личное послание. Письмо в руки адресата попало через верных ему лам. В нем говорилось следующее:

«Я, барон Унгерн фон Штернберг, родственник русского царя, ставлю целью, исходя из традиционной дружбы России и Монголии, оказать помощь Богдо-Хану в освобождении Монголии от китайского ига и восстановлении прежней власти. Прошу согласия на вступление моих войск в Ургу».

Богдо-гэген отправил на берега Керулена собственного посланца-ламу. Живой Будда просил передать русскому генералу всего несколько слов:

— Небо одобряет ваши помыслы. Халха ждет от вас своего освобождения.

Унгерн беседовал с немногословным посланцем Богдо-гэгена не с глазу на глаз. На прием в юрте генерала были приглашены князья-союзники Лувсан-Цэвен и Дугор-Мерен. Поэтому вскоре вся монгольская степь знала, что войну родственника Белого Царя одобряет сам ургинский Живой Будда.

Пекинский наместник генерал Сюй Шучжэн,

по кличке «маленький Сюй», в конце своего пребывания в Урге не мог не видеть опасности. Присутствие на территории новой китайской провинции войска, пришедшего из охваченной войны России, очень беспокоило его. То, что два штурма столицы Халхи были отбиты, еще ни о чем не говорило. Мог последовать новый приступ Урги.

Сменивший Сюй Шучжэна генерал Чен И примерно знал численность полков барона. Но их малочисленность не успокаивала: вездесущие шпионы за серебро доносили, что с монгольских кочевий к Унгерну начали съезжаться степные воины. Пусть их было пока совсем немного, но местные князья все больше склонялись на сторону врагов. И неясной оставалась позиция Богдо-гэгена, сидевшего взаперти в своем желтом дворце.

«Маленький Сюй», так умело расставивший китайские гарнизоны по всем маленьким монгольским городкам, продержаться в кресле наместника Халки долго не сумел. Слишком много жалоб шло на него из Урги в столичный Пекин. Так, он оскорбил монголов Халки тем, что заставил Джэмбцуна Дамбу-хутухту в главном ургинском монастыре Их-Хурэ трижды поклониться портрету китайского президента Сюй Шичана. Перед самым своим отъездом в Пекин генерал Сюй Шучжэн приказал арестовать героев борьбы с китайскими войсками в 1912 году Хатан-Батора Максаржава и Манлай-Батора Дамдинсурэна. Последний умер в тюрьме из-за жестокого обращения.

Генерала-завоевателя с соблюдением всех мер приличия заменили генералом-дипломатом Чен И, служившим еще при императорском дворе Циней и до этого неоднократно бывавшим во Внешней Монголии.

Как военачальник, Чен И ничего не значил. Китайскими войсками командовал за него кавалерийский генерал Го Сунлин, главный герой отражения двух штурмов монгольской столицы унгерновцами. Барон специально засылал в Ургу разведчиков, чтобы те собрали сведения об этом генерале, командовавшем гарнизоном:

— Каков он из себя, этот генерал Го Сунлин?

— Рыжий детина с замашками хунхуза.

— Однако этот рыжий хунхуз уже дважды защитил Ургу. Знает он европейское военное дело?

— Скорее всего, нет.

— Почему так считаете?

— При нем нет никаких советников, даже японских. Он говорит всем, что стал генералом, воюя сам по себе.

— Похвально. А что же все-таки в нем есть европейского?

— Пожалуй, только одно — он регулярно ходит на званые обеды, которые устраивает русская ургинская колония.

— И как там себя ведет?

— Просто удивительно. Приезжает на коляске под охраной сильного конвоя. Одет в парадный мундир с орденами, кепи с белым султаном и в перчатки на два-три размера больше, чем нужно. Садится в центр стола, долго сидит, обливается потом. Вилкой и ножом пользоваться не умеет.

— Пьет много?

— Генерал Го Сунлин утверждает, что он трезвенник. Но в конце каждого обеда обычно пьет ликеры, запивая их кофе.

— Что обо мне говорит пекинский генерал?

— Он говорит, что вы страшный противник республиканского Китая.

— Пусть так говорит и дальше. Нам только лучше. Большая в Урге русская колония?

— Была три тысячи человек. После Колчака за счет беженцев удвоилась или даже утроилась...

То, что местом собирания сил семеновский военачальник выбрал именно берега Керулена, особо чтимой монголами реки, свидетельствовало прежде всего о знании не столько истории народа Халхи, сколько его психологии и нравственной устойчивости. Уже потом исследователи скажут, что белый генерал ошибок в Монголии совершил не так уж и много. Именно здесь

монголы и назвали Унгерна фон Штернберга Богом войны.

Азиатская конная дивизия местом своего квартирования и «кормления» избрала один из четырех восточных аймаков (провинций) Халхи — Цеценхановский. Сюда войско барона пригласили местные владельцы-ваны, здесь русских белогвардейцев-освободителей действительно ждали с гостеприимством. Свою штабквартиру Унгерн расположил в долине Терельджин-Гол, где протекал Керулен.

Сюда к нему стекались сведения, которые позволяли определиться в будущих действиях на территории Внешней Монголии, в войне против китайской экспедиционной армии в этих степях. Вести радовали:

— Местные князья прислали в дар вот эти табуны лошадей. Отары овец пригонят к вечеру.

— Прекрасно. Баранов резать, казаков и цэриков кормить досыта. Забракованных коней у них заменить...

— Цецен-хан прислал в дар шестьсот теплых войлочных палаток-майханов и перевязочный материал для раненых.

— Пошлите офицера в полной парадной форме к цецен-хану. Пусть передаст мою благодарность. И отошлите подарок — саблю, кортик, кинжал, но обязательно с позолоченной рукояткой. Палатки сегодня же распределить по сотням...

— Китайцы продолжают осквернять буддистские монастыри. Они не уважают здешних лам.

— И что в ответ буддистские ламы?

— После того как убили настоятеля монастыря Шадоблин, местные ламы всюду говорят, что родственник Белого Царя ведет против китайцев священную войну...

— Прибыли новые отряды воинов от князей.

— Большие?

— Нет, всего по десятку-другому всадников.

— Чем вооружены?

— Плохо у них с оружием. Винтовки только у немногих, да и то старые. Наши берданки прошлого века.

— Ничего, ружья добудут сами в бою с китайцами. Цэриков распределять по полкам...

— Прибыло новое пополнение. Сейчас монголов кормят, а потом распределим, кого куда.

— Какой князь прислал помощь?

— Не от князя они. Простые пастухи-араты, ограбленные китайцами. И нищие монахи.

— Это просто прекрасно. Так мы священную войну против китайцев превратим в народную войну монголов против Пекина...

— Пришел тибетский лама с важной вестью, господин барон.

— С какой?

— В Тибете, в ее столице городе Лхасе сам Далай-Лама Тринадцатый объявил русского генерала Унгерна борцом за буддистскую веру.

— Правильно объявил. Наше дело такое и есть.

— Тибетский лама еще сказал, что к русскому генералу через несколько дней прибудет семьдесят всадников из Тибета. Это гвардейцы-телохранители Далай-Ламы.

— Подарка из Лхасы лучше быть не может. Начальнику штаба оформить их как отдельную тибетскую сотню.

— В какой полк передать тибетских гвардейцев?

— Ни в какой. Тибетская сотня будет подчиняться лично мне. А ламу из Лхасы приглашаю сегодня вечером за свой стол. Мне он должен рассказать многое...

— Прибыл почтальон из Харбина. Привез кипу тамошних газет. Прикажете их вам принести?

— Не надо. У меня и без чтения харбинских газет времени мало. Что пишут сегодня о нас эмигрантские корреспонденты?

— О том, что Русская армия генерал-лейтенанта барона Петра Николаевича Врангеля отплыла из Севастополя в Турцию.

— При чем здесь барон Врангель?

— Харбинцы пишут в своих газетах, что теперь барон Унгерн последняя надежда Белого движения...

Пристрастие к буддизму, познание духовных основ этой восточной религии, с которой Китай безуспешно боролся «на крыше мира» — в Тибете, и в последующем позволило Унгерну выбрать правильную тактику священной войны против китайцев. Он взял на вооружение в борьбе с ними... удивительное пристрастие монголов к легендам. И такое случайной находкой назвать было никак нельзя. Легендарность определяла духовный мир степного народа.

Трудно сказать, знал или не знал барон Унгерн-Штернберг следующий исторический факт. Бурятский врач, в совершенстве владевший познаниями в тибетской медицине, Бадмаев, в последующем близкий друг известного Григория Распутина, в свое время написал императору Александру III письмо. Оно дошло до всероссийского государя и вызвало у него немалый интерес. Отец императора Николая II в конце своей жизни понял, что геополитические интересы России лежат на Востоке.

Бадмаев, объявившись в городе на Неве, знал достаточно много о размышлениях Александра III на тему, куда дальше идти Российской империи по географической карте. Поэтому его письмо, положенное на стол в рабочем кабинете государя в Зимнем дворце, вызвало у получателя несомненный интерес. Среди прочего Бадмаев писал:

«Легенды в Монголии значат больше, чем действительность. Я советую Вам, Ваше Императорское Величество, опереться на них в Вашей восточной политике...»

Приобрести «легендарное лицо» среди сынов степей белому генералу Унгерну фон Штернбергу помог один из самых приближенных к нему людей бурят Джамбалон. Джамбалон был известен своей образованностью, после взятия Урги получил княжеский титул вана. У Унгерна он командовал бурятским отрядом, составленным из эмигрантов, бежавших из Забайкальского края от преследований красных и теперь кочевавших со своими стадами на берегах Керулена.

— Господин генерал. Сам Тогтогун прислал к нам своего родича Найданжава в союзники. Несколько сотен всадников наберется.

— Я буду рад видеть партизана Найданжава с его воинами у себя в дивизии. А почему ты, Джамбалон, сказал «сам Тогтогун»?

— Потому что у монголов нет более авторитетной личности, чем этот князь.

— Но ведь он старый и к тому же безнадежно больной человек.

— Тогтогун в степи человек-легенда. Ему поклоняются даже ламы из дацанов.

— А почему его монголы сделали легендарным?

— Он первым бросил вызов Пекину, обнажив против китайцев свою саблю. Воевал долго и славно.

— Знаю. Этого вана китайцы так и не смогли захватить в плен. Хотя не раз щипали его бессчетные стада.

— Китайцы не смогли даже взять его в плен за неслыханные наградные деньги.

— И много за голову князя давал императорский двор Пекина?

— Китайцы обещали тем, кто схватит и доставит им Тогтогуна живым, золота столько, сколько весит тело вана. А за мертвого обещали такой же вес, но уже серебром.

— Где теперь кочует этот старый князь?

— Теперь кочует прямо под Ургой.

— Китайцы не трогают своего непобедимого врага?

— Нет. И Тогтогун, и китайский наместник Чен И теперь играют друг с другом в политику. И при этом стараются не обидеть ни себя, ни другого.

— И как у них это получается, Джамбалон?

— Очень просто. Китайцы не трогают стад князя. А тот не прислал к тебе ни одного всадника даже из числа простых пастухов.

— Но благословил же он своего родича Найданжава на священную войну под моими знаменами? Ведь так?

— Хитрый, как степная лиса, ван Тогтогун сделал это из личных политических расчетов. И не больше. Здесь обманываться не надо.

— Хорошо, пусть будет так. Будущее покажет. Но я чувствую, что ты, Джамбалон, к чему-то все время клонишь, рассказывая мне об этом князе Тогтогуне. Говори теперь прямо.

— Надо сделать белого генерала легендарной личностью среди монгольского народа. Для этого есть удачный повод.

— Какой повод?

— Повод лучше не придумаешь. У монгол есть святое предсказание, что в год белой курицы, то есть в следующий, 1921 год после великой междоусобицы к ним в степи явится непобедимый белый богатырь-батор. И возродит правление монгольского царя-хагана. То есть сегодняшнего Богдо-гэгена, сидящего под арестом у китайцев в Урге.

— Джамбалон. Я, пожалуй, соглашусь стать для сынов Халхи белым батором.

— Это будет сделать просто.

— Каким образом?

— По степным кочевьям пойдет слух о появлении на берегах Керулена белого батора. Да еще с храбрым конным войском. А год белой курицы наступает уже через месяц.

— Это совсем хорошо. Пора кончать войну с китайцами победой под Ургой. Победим — дам тебе титул монгольского вана.

— Победа вашего оружия, господин барон, непременно будет. За нее ламы молятся во всех дацанах. Даже в ургинских монастырях.

— А ты сам, Джамбалон, как говорят бурятские всадники, восточных царских кровей?

— Да, моя родословная идет от древних бурятских царей.

— Но таких царей не было никогда в Сибири.

— Это в русских книгах не было. А в бурятских легендах — были...

Стан Азиатской конной дивизии на берегах Керулена, не столь далекий от границы с Советской Россией, довольно скоро приобрел притягательную силу. Сюда

стали стекаться то в одиночку, то целыми семьями беженцы, которые спасались от красного террора в Забайкалье и южных сибирских окраинах. Приходили не только люди военные, но и гражданские, никогда не державшие в руках оружия и в Гражданской войне на стороне колчаковцев и атамана Семенова не участвовавшие.

Генерал Унгерн быстро разобрался в помыслах таких беженцев, выбравших для себя на всю оставшуюся жизнь эмигрантскую судьбу. Большая часть из них не помышляла воевать дальше, а мечтала лишь о том, чтобы через унгерновский лагерь добраться до китайской Маньчжурии, в которой проживали уже десятки тысяч русских людей. Там можно было как-то сносно устроить новую жизнь без страха перед большевиками.

Барон решил сразу же развеять такие мечты тех, кто становился в ряды Азиатской конной дивизии. Он приказал по полкам и сотням объявить следующее:

— Азиатская конная дивизия в Маньчжурию отходить не будет. Моя цель — поход на освобождение Урги и монгольского народа от власти китайцев-гаминов...

Однако это далеко не всегда действовало на сознание беженцев из советской Сибири и земель Забайкалья. Придя в дружеском воинском стане в себя от пережитых тревог и волнений, немало людей на свой страх и риск уходили с берегов Керулена на восток, туда, где беглецам грезилась Маньчжурия с ее мирной жизнью. Однако до китайской границы через степь добирались буквально единицы. Беглых из белого стана барон Унгерн-Штернберг приказывал ловить и жестоко наказывать:

— Каждого пойманного военного беглеца производить в рядовые...

— Дезертиров отдавать в руки палачей-хунхузов без промедления и без жалости. Пороть только принародно...

— Тех закононарушителей, кто выживет после порки бамбуком, ставить в строй...

На Керулене Унгерн фон Штернберг, по сути дела, окончательно порвал связи с атаманом Семеновым как подчиненный с начальником. Он понял, что белоказачий генерал после бегства из осажденной Читы открытой войны с большевиками стал явно избегать.

Однажды в унгерновскую ставку через красные заслоны пробился из Забайкальского края долго партизанивший там отряд войскового старшины Архипова. Отряд был по меркам тех дней не маленький, в девяносто казачьих шашек. Командир Азиатской конной дивизии принял пополнение не без восторга: Архипов был известен в семеновской армии как храбрый и боевой офицер. В день прибытия Унгерн имел беседу с хорошо знакомым ему по забайкальским делам войсковым старшиной:

— Как пробивались к нам через границу?

— Да как, господин генерал. Бросились в шашки на пулеметы, положили половину казаков, но заслон смяли и многих порубили.

— А почему атаковал конной лавой пулеметы?

— Иной возможности не было. Перекрыли брод чуть ли не батальоном пехоты, а у моих казаков и патронов который день уже не было. Расстреляли все в партизанстве.

— Старшина, а почему ты прорывался в Халху, а не в Маньчжурию к атаману Семенову?

— А что к Семенову сегодня идти-то. Он с большевиками который уже месяц не воюет. Укатил в Маньчжурию не один вагон с золотишком адмирала и теперь жирует себе в Харбине. Наслышаны мы о том.

— А ты, Архипов, с большевиками будешь воевать до конца? Или нет, куда кривая выведет?

— А как с ними не биться до последнего? Могу рассказать, что они от моей семьи оставили.

— Не надо, сам все знаю. А что за штатский среди твоих партизан затесался?

— Доктор Клингенберг. Сам из немцев, отступал с колчаковцами из Перми. Потом пристал к нам. Врачевание знает, и я к нему пулевую рану залечивать приходил.

— Пришли-ка этого Клингенберга ко мне. Найду ему место в дивизионном лазарете...

Собираясь с силами, Унгерн вспомнил о том, что в северных лесных монгольских аймаках есть немало русских деревень и хуторов. Там проживали не только недавние беглецы из России, но и те, кто пришел в Халху еще в царское время. Знал он и то, что там действовали небольшие отряды русских партизан, воевавших с китайцами. Одним из них командовал бывший колчаковский офицер Дмитрий Алешин. А биться с китайцами насмерть причины у русских колонистов были самые веские.

Появление войск белого генерала в Халхе дало повод китайским оккупационным властям начать войну против русских поселений на монгольской земле. Сжигались деревни и торговые фактории, люди избивались, а их имущество разграбливалось. Особенно печальной оказалась участь русских поселенцев, проживавших вдоль Кяхтинского тракта.

Пекинское правительство видело в остатках белогвардейских войск, отступивших на территорию Китая в Маньчжурии и Синьцзяне, опасность. Поэтому оно смотрело сквозь пальцы, как красные отряды в китайском Туркестане, да и в других местах, переходили линию границы с целью уничтожения интернированных и обезоруженных в приграничье белых войск.

Отношение к барону Унгерну было у официального, республиканского Пекина однозначное. Во-первых, он объявил войну китайцам в одной из их провинций, пусть и населенных монголами. Во-вторых, он мог опереться на русских, проживавших в Маньчжурии, и тем самым расширить зону войны. И, в-третьих, он вознамерился восстановить на востоке маньчжурскую императорскую династию Цинь и низвергнуть республиканский строй в Китае.

Поэтому китайским войскам приказывалось уничтожить русские поселения в Халхе самым безжалостным образом. Однако даже в такой ситуации русские колонисты по многим причинам не хотели идти служить белому барону. Был случай, когда жители поселка Мандал (находившегося северо-восточнее Урги) отказались выставить назначенное число солдат в Азиатскую дивизию. В ответ по личному приказу Унгерна поселок был сожжен дотла, а все его население от мала до велика вырезано.

Ужасающее впечатление на русских колонистов и степной народ произвел рассказ о казни некоего Чернова. Он был выпускником Владивостокской консульской школы и выполнял при бароне роль порученца. Когда после неудачного штурма Урги в Азиатской конной дивизии оказалось много тяжелораненых, Унгерн решил отправить их в Акшинский госпиталь, думая, что этот городок все еще находится в нейтральной зоне между семеновцами и «буферной» Дальневосточной республикой.

Не дойдя до границы сотню верст, командовавший санитарным обозом Чернов узнал, что атаман Семенов бежал из Даурии, а над Акшей развевается красный флаг. Тогда Чернов приказал обозу повернуть в сторону Маньчжурии, это был путь примерно в пятьсот верст по зимней степи. Тяжелораненые, разумеется, такую дорогу просто бы не выдержали. Тогда бароновский порученец приказал дать им яд.

Унгерн, узнав об этом, пришел в ярость. Он приказал Чернова хитростью возвратить в лагерь. Экзекуторы-хунхузы превратили березовыми палками его тело в кровавое месиво. А потом, еще живого, отравителя сожгли на костре.

Все это было сделано по приказу барона. Весь его путь по Забайкалью и Монголии свидетельствовал об одном: прежде всего он бывал смертельно жесток со своими людьми.

Казнь Чернова потрясла воображение монголов, проживавших на востоке Халхи, до такой степени, что местные ламы объявили барона Унгерна-Штернберга, родственника Белого Царя, воплощением Махагалы. В буддистской мифологии это было гневное шестирукое божество, хранитель буддистской веры, устрашающий

и беспощадный. Махагала изображался в диадеме из пяти черепов, с ожерельем из отрубленных голов, с палицей из человеческих костей в одной руке и с чашей из черепа — в другой. Махагала всегда побеждал злых духов, питаясь их мясом и напиваясь их кровью.

Думается, что простые монголы из кочевий боготворили жестокость новоявленного Махагалы и родственника Белого Царя, ставшего в их степях Богом Войны. И было от чего. Барон в первое время своего обитания в Халхе безжалостно пресекал все попытки грабежа местных кочевников...

Как ни старались генерал фон Унгерн и его союзники из числа монгольских князей, воинская сила собиралась медленно. К началу декабря 1920 года Азиатская конная дивизия, понесшая большие потери при штурме Урги, насчитывала, по разным подсчетам, от тысячи до 1200 всадников, включая «интендантских, обозных и прочих бойцов». Сам барон численности дивизии просто не знал:

— Мне важно число сотен. Она боевая единица в планах любого генерала, даже китайского...

Отдыхая на керуленских берегах после ургинских приступов, дивизия быстро оправилась. Но бездействие, если не считать небольших стычек с мелкими китайскими гарнизонными отрядами, давало о себе знать с самой нежелательной стороны. Стала падать дисциплина, кунцы все чаще привозили спиртное, обычно самогон.

Тогда генерал Унгерн издал приказ о полном запрещении спиртных напитков. Сам он уже давно был трезвенником. О его буйном прошлом напоминал лишь белесый сабельный шрам на голове. Но одно дело было издать запретительный приказ, другое дело заставить «азиатов» его исполнять.

Борьба с пьянством на Керулене привела к расформированию одного из трех конных полков дивизии — «имени атамана Анненкова». Командир полка полковник Лихачев решил с частью офицеров «справить поминки по алкоголю». Под утро участники дружеской

попойки заснули, а тут пришел приказ Анненскому полку выступать. Лихачев едва взобрался в седло и скомандовал:

— Полк! За мной марш!

Анненковцы поскакали, но поскольку полк не управлялся, смешали строй. В таком виде полк и «нарвался» на самого дивизионного командира. Придя в страшный гнев от вида перемешавшихся сотен, Унгерн приказал Лихачеву и всем офицерам полка спешиться и продолжить путь по степи пешим порядком. Такое наказание провинившихся считалось в дивизии случаем редкостным.

Офицеры шли за конниками два перехода по степи. После чего смертельно уставший полковник Лихачев подошел к генералу Резухину, оказавшемуся поблизости, и сказал:

— Ваше превосходительство. Я больше не могу, если мне еще прикажут идти дальше пешком, я застрелюсь!

Резухин поскакал в голову походной колонны, где находился барон, и заступился перед ним за офицеров Анненковского полка. Унгерн приказ отправить полковника Лихачева в обоз, а его конную часть расформировать. Люди были влиты в Татарский полк.

В другом случае попавшихся ему на глаза двух пьяных офицеров Унгерн приказал раздеть догола, привязать к лошадям и на веревке перетащить через реку с ее ледяной осенней водой. Всю ночь наказуемые в «костюме Адама» провели на противоположном от лагеря берегу...

Азиатская конная дивизия в третий раз подступила к монгольской столице. Кавалерийский генерал Го Сунлин, уверовав в силу ургинского гарнизона, даже не попытался помешать приближению противника. Он решил действовать иным путем, скорее всего по совету опытного дипломата Чен И, который слыл знатоком дворцовых интриг.

Когда унгерновская дивизия находилась еще на марше по Калганскому тракту, случилось следующее.

На казачий дозорный отряд, шедший впереди, наскочил одинокий всадник. Его, естественно, задержали. Он назвался хорунжим Немчиновым и потребовал, чтобы его немедленно проводили к генералу. Что и было сделано без промедления:

— Господин генерал. Хорунжий Немчинов.

— Как вы оказались здесь, хорунжий? И куда неслись по тракту как угорелый?

— Ваше превосходительство. Делайте со мной что хотите. Вот цианистый калий и деньги, две тысячи рублей. Китайцы дали их мне, чтобы я вас застрелил или отравил.

— От кого вы это получили?

— От людей генерала Го Сунлина, начальника ургинского гарнизона.

— Будете воевать с китайцами? С большевиками?

— Буду, господин генерал.

— Тогда деньги, хорунжий, оставьте при себе. А ампулу с ядом я беру на память...

Китайскую ампулу с цианистым калием, одним из самых быстродействующих ядов, Роман Федорович носил в кармане халата почти до дня пленения. Иногда знающие об ампуле сподвижники барона спрашивали его:

— Вы все носите в кармане цианий?

— Ношу. Вот, смотрите.

— А зачем, позвольте узнать?

— Объясняю. В плен ни к китайцам, ни к красным я попадать не собираюсь. Они меня не пощадят...

К Урге Азиатская конная дивизия, пройдя походным маршем пол-Монголии, подступила в декабре 1920 года. Однако готовиться к скорому штурму укрепленного города белый генерал не стал. Он приказал разбить походный лагерь вблизи Налайхайских угольных копей под склонами горы Богдо-ула. Тем самым надежно перекрывался Калганский тракт, который вел в столицу с востока.

Хотя китайский гарнизон не «вылезал» из Урги, унгерновцам все же в это дни пришлось сразиться с противником. У поселка Баянгол они разгромили оказавшийся по неизвестной причине у них на пути «китайский отряд из двух полков численностью в 2 тысячи человек». Об этом в штаб советской 5-й армии донес из Урги военный разведчик.

К столице Халхи генерала Унгерн привел не только своих «азиатов», но и отряды союзников, число которых заметно увеличилось. Это были все тот же Лувсан-Цэвен из пограничного хошуна Санбэйсэ, князь из внутренней Монголии Найден-гун, бурят, бывший есаул Забайкальского казачьего войска Джамбалон и Батор Гун Чжамцу. Все они имели собственные добровольческие отряды всадников.

По прибытии под Ургу генерал сразу же заслал в город большое число разведчиков и «купил» немало новых осведомителей. Уже в ближайшие дни они принесли немало интересной и полезной информации:

— Где сейчас находится Дамба-хутухта?

— Он все еще под арестом у китайцев.

— Кто его охраняет в монастыре? Монгольские цэрики из гвардии телохранителей?

— Нет. Китайский генерал Го Сунлин ставит в караулы только своих солдат и лично инструктирует. Он сам их отбирает.

— Похвально, что он не лентяй. Можно ли к хутухте добраться через его приближенных — князей?

— Нет, нельзя. Князья Пунцагдорж, Цэцэн-ван Гомбосурэн, Эрдэни-ван Намсрай, многие другие тоже брошены китайцами в городскую тюрьму.

— Значит, Го Сунлин провел за это время много арестов? Кто еще взят под стражу?

— Много людей арестовано. Особенно русских и китайских купцов и лавочников.

— Почему купцов? Ведь эти люди стараются не ссорится ни с какими властями.

— Китайские генералы арестовывают их с той целью, чтобы те откупались. Дают большую взятку серебряной монетой и получают свободу.

— А почему тогда от Го Сунлина не откупаются

монгольские князья? Ведь они самые богатые люди в степи.

— Они беднее ургинских купцов и лавочников. Стад в степи много, а серебра в кошельках мало. Го Сунлину и Чен И баранов не надо...

Новый подход Азиатской конной дивизии к Урге обещал еще более тяжкую жизнь, чем в первый раз. Причина крылась в том, что унгерновцы не имели сколько-нибудь больших запасов муки и соли. От чисто мясной пищи страдали даже монгольские добровольцы. Барон Унгерн вышел из положения, вызвав к себе хорунжего Хоботова, ставшего в самом скором времени полковником:

— Хоботов, я тебя знаю еще урядником. Ты человек храбрый.

— Премного благодарен, господин генерал, за такие слова.

— Я их сказал не для красного словца. Тебе будет задание срочное и важное.

— Готов исполнить. Жду приказания.

— Возьмешь полусотню забайкальских казаков или бурят на твое усмотрение. И обязательно проводников из пастухов. Выйдешь на тракт Урга — Калган и сядешь там в засаде.

— Задачу понял. А кого мне поджидать на тракте, осмелюсь спросить?

— Будешь задерживать китайские караваны, которые идут в Ургу и Маймачен. Если надо — применяй оружие, разрешаю. Все жизненно важное для дивизии будешь привозить сюда, в походный лагерь. Скажи мне, что ты должен отбивать у китайцев на тракте?

— Патроны, муку, соль.

— Патроны у нас по нескольку десятков на бойца пока есть. А вот мука и соль уже кончились.

— Понял задачу, господин генерал.

— Поспешай, Хоботов. Ты у меня на примете. Последние дни, считай, носишь погоны хорунжего...

Хоботов действительно постарался, сделав с лихой казачьей полусотней непроходимым для китайцев

оживленный тракт Урга — Калган. О числе захваченных купеческих караванов история умалчивает. Но все их грузы доставлялись в ставку барона без промедления. Уже через несколько дней «азиаты» не испытывали голода, поскольку у них появилось достаточно провианта, прежде всего муки и риса. С прибытием очередного «трофейного» каравана Роман Федорович только приговаривал:

— Какой молодец этот Хоботов. Быть ему в полковниках. Всю дивизию накормил...

В полках, обозе и особенно в санитарном отряде тоже хвалили хорунжего Хоботова. Только несколько иначе:

— Какой молодец наш барон. Найти в единый раз офицера — казака для такого дела и накормить войско? Ну разве это не молодечество?

Штурмовать Ургу войском в тысячу с небольшим людей даже сам барон считал чистым безумием. Хотя к тому времени монгольской конницы у него набиралось за две тысячи. В городе располагалась неприятельская армия численностью около 12 тысяч человек, преимущественно пехоты, одетой теперь в новенькие мундиры, сшитые на европейский — английский манер. Имелось много пулеметов и орудий немецкого производства, крупповских. Из китайцев ургинского Маймачена генерал Го Сунлин создал ополчение в две с лишним тысячи человек, теперь войск он имел под рукой до 15 тысяч.

Говоря иначе, ургинский гарнизон численно превосходил силы белого барона раз в тринадцать — пятнадцать (если не учитывать союзников-монголов). Почти не уступал Унгерн неприятелю лишь в одном — в численности кавалерии. Пехоты у «азиатов» вообще не было. Оказавшись в Халхе, они все сели на коней, которых здесь хватило бы и на все полчища Чингисхана. Но генерал по Русскому фронту мировой войны воочию знал, чего стоит спешенный казак в полевом бою.

Впрочем, «уступка» Го Сунлина в коннице была только номинальной. Ургинский гарнизон насчитывал

три тысячи кавалеристов-китайцев. Но по своей выучке они, разумеется, сильно уступали таким наездникам, которыми являлись казаки-забайкальцы, буряты и монголы. К тому же за все время боевых столкновений «азиатов» с китайцами конница последних ничем себя не проявила.

Все это Унгерн-Штернберг знал от своих разведчиков, которые под видом то пастухов, то купцов, то бродячих лам легко и беспрепятственно проникали в Ургу. Он решил нанести удар с иной стороны, не бросая свои полки и сотни на штурм вражеских окопов, пулеметных точек и батарей горных пушек.

В ситуации на войне в Халхе время играло только на барона Унгерна фон Штернберга. К нему продолжали прибывать, теперь в Налайху, монгольские добровольцы. В степи усиливалось возмущение против китайских гарнизонов, которые вели себя как оккупанты. Князья-ваны без лишних напоминаний присылали провиант, но сами пока не спешили стать со своими отрядами телохранителей под знамена Бога Войны. Они выжидали, и барон отлично это понимал. Он посмеивался:

— Вот возьму Ургу, тогда и сбегутся ко мне все халхинские князья с поклонами и поздравлениями...

— В степи теперь на самых дальних кочевьях знают, что только я сегодня защитник Желтой веры в Халхе. И никто другой...

Только самым проверенным лицам, генералу Резухину и бурятскому офицеру Джамбалону, барон доверил свой план взятия монгольской столицы. План можно было считать образцом военной хитрости:

— Надо сперва выкрасть у китайцев Богдо-гэгена.

— А что это нам даст?

— Богдо-гэген окажется в нашем стане. Он всеми почитаем, его слово здесь закон. Вся Халха будет на нашей стороне: от первого вана до последнего нищего пастуха, не говоря уже о ламах. А их здесь едва ли не половина мужского населения. Вот что такое Богдо-гэген.

— А как же штурм?

— Брать Ургу силой оружия будем тогда, когда вся степь встанет за нас и против китайцев.

— Роман Федорович. Да вы стратег войны в Азии!

— Чтобы им стать, надо изучать буддизм почти двадцать лет.

— А не много ли?

— Резухин. Тебе и я, и Джамбалон могут сказать, что кавалерийским наскоком монгольские степи с их буддистским народом никому не взять.

— Я знаю. Азия — дело тонкое...

Богдо-гэген, внезапно арестованный по приказу пекинского наместника Чен И, теперь содержался рядом с его резиденцией в огромном пустом доме. Собственно говоря, монгольский владыка с мирским именем Джебцзун-Дамба-хутухта нужен был китайцам как «ценный» заложник: убивать его они не собирались.

Арест Богдо-гэгена, по мнению Чень И и генерала Го Сунлина, должен был убедить упавший духом китайский гарнизон в том, что перед военной силой пасует даже Божество. Однако результаты ареста Богдо-гэгена оказались для его инициаторов прямо противоположны. Монголы были не столько напуганы, сколько потрясены и возмущены случившимся. А китайских солдат и горожан охватил суеверный страх. Они шептались, что такое кощунство, как арест их руками Живого Будды, неотвратимо несет небесное возмездие. Веру их подкрепляли ламы — гадатели и прорицатели:

— Небо не прощает насилия над Живым Буддой даже генералам из Пекина. А вы только пыль под их белыми тапочками...

Главная ошибка наместника Чень И и начальника ургинского гарнизона Го Сунлина состояла в том, что с Живым Буддой нельзя было поступать как с простым человеком. Арестованный Богдо-гэген был отрезан от всего мира, ему запрещали общаться даже с ламами. Китайцы надеялись таким образом оборвать все его связи с мятежными князьями и, возможно, с русским генералом. В остальном Богдо-гэгена сильно не ограни-

чивали. Любимое им шампанское приносили из Златоверхого дворца по первому желанию.

Поэтому барон Унгерн ясно осознавал, какую выгоду приносит ему арест Богдо-гэгена, последнего хутухты Халки. Теперь уже не китайцы, а он стал избегать открытых столкновений со стрельбой и гибелью людей. Расположив на вершине горы Богдо-ула, которая господствовала над Ургой, бдительные дозоры, командир Азиатской конной дивизии знал о всех передвижениях гарнизонных войск.

Унгерн сделал даже больше, чем просто организовал дозорную службу на высоте. Гора Богдо-ул являлась одной из главных монгольских святынь. Поэтому он подкрепил казачьи дозоры, расположив на вершине часть своих туземных сотен. Цэрики знали, что им придется защищать, нападая на них китайские солдаты. На обратной стороне горы находился особо почитаемый монастырь Маньчжушри-хийд. К тому же Богдо-ула была связана с именем Чингисхана, с его памятью.

Еще не начав обстреливать Ургу из единственного орудия и не посылая в атаку конные сотни, белый генерал одержал в войне над китайцами большую победу. Но здесь следует оговориться — в какой войне. Победа была одержана в деле подрыва морального духа и стойкости китайских войск, стоявших гарнизонами в Урге и монгольских городках.

Унгерн хорошо знал китайского солдата. Он присматривался к китайцам, которые сотнями служили в семеновском Особом Маньчжурском отряде, к тем хунхузам, что служили в его Азиатской конной дивизии. Знал он и солдат республиканского Китая, которых монголы называли «гаминами». И к тому же барон не зря считался большим знатоком именно «дальневосточного» Востока: ему были ведомы привычки, суеверия и быт китайского военного человека.

Не торопясь сразиться с генералом Го Сунлином под стенами Урги, Унгерн фон Штернберг объявил его официальному начальнику — пекинскому наместнику Чен И настоящую психологическую войну, которую успешно вел на протяжении двух месяцев, пока стоял на Калганском тракте. Оружие потомок немецких рыцарей-крестоносцев выбрал самое действенное и эффективное — слух и еще раз слух.

В город, вернее на его многочисленные и шумные базары, засылались не только разведчики. Унгерн отправлял в Ургу проверенных монголов специально для распространения слухов. Союзником его в ведении психологической войны против китайцев стали столичные ламы. Запретив богослужения в храмах Урги, китайцы сами сделали многочисленное ламство союзником своего смертельного врага. Об этом Роман Федорович только мог мечтать.

Журналист и этнограф Дмитрий Паршин, автор книги «Барон Унгерн. Урга и Алтан-Булак. Записки очевидца тревожных времен во Внешней (Халха) Монголии», так описывает атмосферу в монгольской столице:

«Монголы рассказывали китайским купцам всякие небылицы про барона и казаков, особенно про башкир-мусульман, а купцы с прикрасами передавали солдатам. Многие солдаты были охотники до гаданий и обращались к ламам-гадателям, а те этим пользовались и запугивали их карами Богдо, который всемогущ...»

Башкирами-мусульманами в Азиатской дивизии были оренбургские казаки, отступившие на Восток в составе колчаковских войск. Вообще в Оренбургском казачьем войске служило немало башкир, особенно в 3-м Уфимско-Самарском полку, который формировался на юге современной Башкирии.

Обычно лично наставляя монголов-лазутчиков, генерал Унгерн-Штернберг говорил им следующее:

— Китайцы есть враги священного Богдо-гэгена-кутухты, буддизма и сынов Халхи. Чтобы их победить завтра, нужно сегодня запугать солдат из Китая.

— Скажи, как это сделать, господин? Мы все исполним, как прикажешь.

— Надо на всех ургинских базарах говорить по секрету, что ко мне идут бессчетные подкрепления.

— Откуда идут?

— От атамана Семенова, японцев, каппелевцев из Приморья, от предводителей маньчжурских хунхузов. Под мое командование собирается всенародное монгольское конное ополчение.

— А поверят ли в это китайцы?

— Обязательно поверят. Только слух не должен ничего говорить точно.

— А если нас спросят, идут к белому вану японские войска, то чем можно это подтвердить?

— Вопрос надо подтвердить ответным вопросом.

— Каким?

— Надо спросить спрашивающего: почему белый ван второй месяц стоит перед городом и не штурмует его? А потому, что ждет со дня на день сильной поддержки...

Такие «новости» регулярно проникали в Ургу. Поскольку Азиатская конная дивизия стояла на виду у города, это подтверждало распускаемые слухи. Принесенные с базаров, они еще больше плодились в Китайском Маймачене, проникая оттуда в гарнизонные казармы, в полковые и гарнизонный штабы. Наместник Чен И бороться против слухов не мог, хотя и пытался опровергать их своей официальной информацией. Но такие действия граничили с начальственной наивностью.

Действительно, что значило для простого безграмотного горожанина официальное объявление, за подписью наместника, на одной из центральной улиц Урги? А слухи «ходили» из угла в угол любого ургинского базара с рассвета и до захода солнца. Грамотных людей даже в монгольской столице было на тысячу человек от одного до пяти. Не случайно вплоть до начала 30-х годов в министерствах уже не богдо-гэгеновской Монголии говорили откровенно:

— Самый дефицитный работник у нас — грамотный писец. Остальных чиновников — хоть отбавляй...

Не менее действенными на психику китайских солдат были слухи о самом бароне, его таинственности и,

если так можно выразиться, чародействе. Об одном из таких слухов рассказывает тот же Дмитрий Паршин:

«Однажды в яркий солнечный день Унгерн в монгольском одеянии, как всегда, в красно-вишневом халате, на своей быстроногой белой кобыле средним аллюром спокойно проехал по главной дороге на Половинку (один из ургинских городских кварталов. — *А.Ш.*), *к дому, где проживал Чен И. Въехав во двор, барон не спеша слез с лошади, подозвал рукой одного из слуг, которые в качестве охраны постоянно находились во дворе, приказал ему за повод держать коня, а сам обошел вокруг дома, вернулся и, подтянув подпруги у седла, сел верхом и не торопясь выехал со двора.*

На обратном пути, проезжая мимо тюрьмы, он заметил часового, спавшего у ворот. Такое нарушение дисциплины возмутило барона. Он слез с коня, наградил спящего часового несколькими ударами ташура, то есть камышовым чернем плети. Спросонья часовой ничего не мог понять, а Унгерн — он знал немного по-китайски — пояснил ему, что на карауле спать нельзя и что за такое нарушение дисциплины он, барон Унгерн, самолично его наказал. Затем, так же не торопясь, он поехал дальше. Перепуганный часовой поднял тревогу, но Унгерн был уже далеко...»

Слух обрел свою достоверность благодаря тому, что после его «рождения» в унгерновской ставке «свидетелями» случившегося объявили себя заключенные ургинской тюрьмы, наблюдавшие за этой сценой сквозь щели тюремной ограды, китайские торговцы и покупатели-монголы.

Готовясь к штурму Урги, Унгерн усилил психологическое давление на неприятеля. Сделал он это так, как китайское командование не могло и ожидать. Используя последние остатки драгоценного авиационного горючего, в воздух несколько раз поднимались аэропланы. Они разбрасывали над городом листовки с воззванием к жителям сохранять спокойствие и не опасаться атакующих столицу Халхи войск.

Слухи и листовки сделали нужное дело. Лояльные Пекину монгольские князья и ламы совершенно неожиданно для Чен И стали требовать сдачи Урги, обещая китайским войскам беспрепятственный и «спокойный» уход на родину. Но генерал Го Сунлин и слышать не хотел о таком «позоре». Несколько наиболее ретивых лам были побиты бамбуковыми палками, чтобы «другим неповадно было».

Наместник Чен И, как опытный дипломат, располагал в Урге собственным «штатом» платных и реже добровольных шпионов. Разумеется, все городские слухи в тот же день «доносились» до его уха. Так что пекинскому главноуправляющему Халхой было от чего хвататься за голову. Он чувствовал, что монгольская земля уходит у него из-под ног.

Слухи оказали сильное деморализующее воздействие не только на китайский гарнизон, но и на его начальника кавалерийского генерала Го Сунлина. При многократном превосходстве в силах он ни разу не отважился на вылазку из Урги. А ведь он видел костры своего противника на вершине горы Богдо-ул каждую ночь. И скоро доподлинно узнал, где находится главный стан войска белого генерала.

После того как брожение умов монголов, китайцев, да и русской колонии, в Урге достигло своего апогея, Унгерн фон Штернберг осуществил главную операцию. Перед тем как начать новый штурм столицы Халхи, белый генерал, он же Бог Войны для монголов, выкрал из китайского стана самого Богдо-гэгена — Живого Будду.

Дело обстояло так. Наместник Чен И и китайские генералы в конце концов убедились в ошибке, которая заключалась в аресте Богдо-гэгена. И попытались хотя бы частично исправить ее. Богдо-гэгену разрешили поселиться в своем Зеленом дворце на берегу реки Толы и даже вернули часть многочисленной свиты.

Однако это совсем не означало, что монгольское Живой Будда получил личную свободу. Если раньше дворцовая стража состояла из цэриков-монголов, то те-

перь все выходы и входы Зеленого дворца охраняли специально отобранные китайские солдаты. Они несли круглосуточную охрану под присмотром офицеров из числа доверенных лиц генерала Го Сунлина.

Охрана относительно небольшого по размерам дворца, возвышавшегося над речкой, состояла из 350 китайских солдат и офицеров. Они имели несколько пулеметов и телефонную связь с гарнизонным штабом. Местность вокруг Зеленого дворца была открытая, и любой человек, приближавшийся к нему, будь то конный или пеший, хорошо просматривался часовыми.

План похищения Богдо-гэгена разработал барон Унгерн не лично, а в соавторстве с верным ему бурятом Джамбалоном. Если белый генерал разработал детально операцию, то его доверенное лицо нашло главного исполнителя.

— Господин генерал, я нашел человека, способного похитить у китайцев хутухту.

— Кто он, этот завтрашний герой Халхи?

— Бурят Тубанов.

— Не из моих ли конников?

— К сожалению, нет. Коренной ургинец. Сын самой известной в городе портнихи, большой мастерицы шить праздничные монгольские халаты.

— Какой он этот твой Тубанов?

— Худой человек.

— Что значит худой?

— А то, что этот ургинец отчаянный парень, заядлый игрок, готовый пойти на самое рискованное дело.

— Ради денег конечно?

— Да. У Тубанова много долгов, за которые надо расплачиваться, чтобы не оказаться в ургинской тюрьме.

— Но он же будет воровать у китайцев Богдо-гэгена не один. Ему нужны помощники.

— Верно, господин генерал. Я и помощников ему нашел надежных. И в городе, и у нас в дивизии.

— Кто именно?

— В Урге близ базара Захадыра есть квартал, где проживают только тибетцы. Монголы называют их тубуты. Это фанатично настроенные ламаиты. К тому же китайцы нанесли большой урон им как самым богатым ростовщикам. Так что тубутам есть за что отомстить.

— Но им тоже придется заплатить?

— Конечно. И хорошо заплатить. Но лучших исполнителей в Урге мы все равно не найдем. Ургинские тибетцы сплочены родственными связями и связаны круговой порукой. Более надежных заговорщиков мы не найдем. Да хутухта очень доверяет тубутам.

— Согласен с твоим выбором. А кого будем, Джамбалон, посылать на операцию из дивизии?

— Я уже нашел несколько человек из тибетской сотни и своих родичей-бурят.

— Тогда последнее. Пригласи-ка ко мне на беседу этого Тубанова. Хочу посмотреть на него. Если понравится, то расплачусь с ним сразу...

Ургинский «хулиган» Тубанов беспрепятственно побывал в лагере Азиатской конной дивизии несколько раз. С одной стороны, на него можно было положиться в готовящемся опасном предприятии. С другой стороны, внешность Тубанова производила не самое благоприятное впечатление.

Это был плотный, коренастый парень, одетый в замасленный шелковый халат, с отталкивающей физиономией, волчьими глазами и «зубами лопатой» под толстыми, как у негра, губами. Как писал один белый мемуарист, «все в нем носило характер преступности и решительности, наглости и отваги». Однако Джамбалон ручался за него перед бароном. Поскольку время торопило, тот не стал искать второй вариант главного исполнителя похищения Живого Будды:

— Ты можешь освободить Богдо-гэгена из Зеленого дворца?

— Могу, господин.

— Сколько у тебя готовых людей в Урге?

— Шестьдесят человек. Оружие есть у каждого.

Всем обещана хорошая плата. Мой сородич Джамбалон, что служит у тебя, даст мне еще людей.

— Ты знаешь, как надо обращаться с хутухтой?

— Знаю, господин. Мы его должны вынести из дворца так, чтобы ни одна нога Живого Будды не коснулась земли.

— Хорошо. Вот тебе полная плата за дело серебряной монетой. Столько, сколько обещал Джамбалон. Возьми на столе кожаный мешочек.

— Благодарю, господин. Ты щедр, как настоящий Бог Войны.

— Но предупреждаю сразу. Если не исполнишь мою волю, с тобой познакомятся мои палачи-хунхузы. Попадешься в руки людей Чен И, тебя ожидают не палки, а смерть.

— Меня можно не пугать, господин. С китайскими палачами я знаком по ургинской тюрьме.

— Есть ли у тебя просьбы по делу?

— Есть, господин. Одна большая просьба.

— Какая?

— Богдо-гэген и его приближенные ламы должны знать, что будет похищение. Иначе во дворце поднимется шум.

— Об этом уже позаботился твой сородич Джамбалон. Он передал хутухте, что все происходит по поручению самого Далай-Ламы.

Похищение Джебцзун-Дамбы-хутухты шло следующим образом. Люди Тубанова — табуты, тибетцы и буряты, отобранные Джамбалоном, ночью укрылись на горе Богдо-ул, на опушке священного и заповедного для буддистов горного леса. Другая часть участников операции, в основном тибетцы, переодевшись ламами, но имея под халатами короткие кавалерийские карабины и холодное оружие, с молитвами приблизилась к Священным воротам Зеленого дворца Богдо-гэгена.

Китайские солдаты, стоявшие на страже входа во дворец, не обратили внимания на смиренно идущих лам, которые приходили к жилищу Живого Будды буд-

дистов ежедневно. Те, не вызывая подозрения у охранников, спокойно вошли во дворец и разошлись по двору, как бы случайно оказываясь рядом с часовыми. Был морозный, ветреный день 31 января 1920 года.

Богдо-гэген был в волнении. Он ожидал похищения вместе со своей супругой Дондогулам. Рядом находилось несколько вооруженных лам из числа особо приближенных лиц, готовых умереть за Живого Будду в случае провала его побега из Зеленого дворца.

По условному сигналу тибетцы и буряты набросились на китайских охранников и перебили их всех до одного. Часовых уложили на землю без единого выстрела и криков, действуя только ножами. Так была ликвидирована внутренняя дворцовая охрана, которая «проспала» свои жизни. В это время табуты и другие люди Тубанова спустились с горы Богдо-ул и образовали на ее лесном склоне и заснеженной степи цепочку парами, которая головой подобралась почти к самому Зеленому дворцу.

После этого похитители, захватившие без шума дворец, приступили к самой важной части операции. Они бережно подхватили на руки Богдо-гэгена и его супругу и побежали по занесенным снегом степным прогалинам к горе. Одновременно часть похитителей открыла из дворца стрельбу по внешней охране жилища Живого Будды. Первый залп с близкого расстояния скосил цепь часовых. От неожиданности китайские солдаты бежали прочь от Зеленого дворца в сторону близкого города, не помышляя даже об ответной стрельбе.

Пока велась пальба, люди Тубанова, стоявшие цепочкой в степи, парами подхватывали драгоценную ношу — Богдо-гэгена и его жену и бежали по снегу изо всех сил к следующим двум парам носильщиков. По льду носильщики перебежали замерзшую речку, быстро выбравшись на ее пологий берег. Священная гора Богдо-ул становилась все ближе и ближе.

Тем временем та часть дворцовой стражи, что уцелела, опомнилась и залегла, начав обстреливать из винтовок Зеленый дворец. На помощь охранникам из ближайших городских кварталов уже спешили караулы китайцев — пехотинцев и ополченцев Маймачена. Тибетцы, засевшие за дворцовой оградой, превратились в настоящих смертников.

Но бой еще не разгорелся, как живой конвейер похитителей успешно сделал свое дело. Последние пары носильщиков исчезли в небольшом заповедном лесу на горе Бегдо-ула и священная ноша — сам хутухта и его жена — исчезла для посторонних глаз за крепкими каменными стенами местного монастыря Маньчжушрихийд. Многочисленные китайские часовые из Урги, не имевшие биноклей, этого просто не видели. Расстояние между ними и местом событий, то есть людской цепочкой, составляло четыре версты.

Когда за Богдо-гэгеном закрылись монастырские ворота, последняя пара носильщиков, пятясь в земном поклоне от монастыря заспешила вниз с горы. А вверх уже поднималась команда казаков-забайкальцев, чтобы взять на себя охрану убежища Джебцзуна Дамбы-хутухты, «чудом» вырвавшегося из китайского плена. Руководивший операцией Тубанов приказал давно уже готовому вестнику скакать к русскому генералу. Коня было приказано не жалеть.

Тибетец на взмыленной лошади ворвался в походный лагерь Азиатской конной дивизии с победными криками, немало переполошив тем людей. Он подскакал к заметной юрте Романа Федоровича Унгерна и с поклоном протянул ему записку от Тубанова. В ней была только одна фраза:

«Я захватил Богдо-гэгена из дворца и унес на Богдо-ул».

Барон Унгерн-Штернберг, с раннего утра томившийся в ожидании новостей, как рассказывал очевидец, громко крикнул всем, оказавшимся поблизости:

— Теперь Урга наша! Теперь — наша!..

Новость в единый миг облетела юрты и палатки офицеров, казаков, бурят, монголов и других «инородцев». Всюду раздавалось победное и громогласное:

— Ура! Ура! Ура-а-а!..

Тубанов стал после совершенного подвига едва ли не национальным героем Монголии. Он получил от генерала Унгерна офицерский чин казачьего хорунжего и через некоторое время стал командовать в Азиатской конной дивизии сотней, составленной преимущественно из бурят. Однако жизнь он кончил плачевно: после разгрома белых недолгое время скрывался в Урге, но был схвачен в 1922 году. Его поспешили расстрелять, несмотря на личное заступничество Богдо-гэгена.

Тем из тибетцев, что засели в Зимнем дворце после похищения Живого Будды, откровенно повезло. Окруженные со всех сторон, они с наступлением темноты вырвались в поле и сумели укрыться в ближайшем каменном монастыре, отстоявшем от дворца версты на две. За его крепкими стенами тибетцы держались трое суток, пока китайские войска не были выбиты из Урги...

Унгерна подталкивали на скорый штурм столицы Халхи не только успешно проведенная операция по похищению Богдо-гэгена и последующий суеверный страх и мистическое отчаяние, охватившие нижних чинов 15-тысячного ургинского гарнизона. В Азиатской дивизии опять кончались последние запасы муки. Подвоза ее не было. Тракт Урга — Калган опустел, и людям хорунжего Хоботова там уже нечего было искать. Китайские купцы перестали посылать караваны в Халху, охваченную войной.

Тысяча с лишним человек «азиатов» питались теперь одним мясом — кониной и бараниной. Кончалась и соль: ее разводили в воде, где затем мочили сваренное в пресной воде мясо. Считалось, что так соль можно было экономить. От плохого питания люди болели, страдая выпадением прямой кишки. Барон только мрачнел, когда начальник санитарной части дивизии докладывал ему о числе больных в лазарете.

Ударившие сильные холода привели к появлению большого числа обмороженных. Позже, когда Урга будет взята, в местном госпитале сотням унгерновцев придется ампутировать пальцы рук и ног.

Обувь «азиатов» давно износилась и превратилась в лохмотья. Многие ходили в так называемых «вечных сапогах»: ногу плотно обтягивали теплой, только что снятой овечьей или звериной шкурой, которую быстро сшивали под вид сапога. Застывая, шкура принимала форму сапога и на ноге сидела мертво, не снимаясь порой месяцами.

Роман Федорович потом говорил:

— Перед вторым штурмом Урги моя дивизия окончательно обнищала...

— Таких оборванцев не знала еще ни одна армия. Даже в восточных странах, исключая разве что империю на Японских островах...

От генерала до последнего обозника в Азиатской дивизии все понимали, что жизнь для них будет только в Урге. Все Забайкалье теперь находилось в руках красных. Границу Халхи с Маньчжурией стерегли значительные китайские войска под командованием генерала Чжан Кунью. Поэтому прорываться к Харбину реально было невозможно. Да и кто в Маньчжурии мог ждать унгерновцев, людей отверженных даже в собственном стане?

В ходе штурма барон Унгерн мог получить помощь от русских колонистов, в рядах которых было небольшое число колчаковских офицеров, пробравшихся сюда из Сибири. Они создали отряд самообороны, имея, правда, на вооружении почти одни револьверы и холодное оружие. Население, опасаясь погромов со стороны китайских солдат, вооружалось дубинками и прочим подобным оружием. Большинство усадеб русских, особенно в Консульском поселке, превращались по ночам в импровизированные крепости. Спокойно спать их обитателям не приходилось.

Сразу же после похищения Богдо-гэгена в китайском командовании начались серьезные распри между наместником Чен И и комендантом столичного гарнизона генералом Го Сунлином. Утром 1 февраля между ними произошел окончательный разрыв: долго колебавшийся генерал Чу Лицзян принял сторону предста-

вителя пекинского правительства. Помирить генералов в окруженной с трех сторон столице Халхи не смог никто.

Тогда Го Сунлин, оскорбившись, сел в автомобиль и под конвоем своих кавалеристов убыл из Урги в Китай по Калганскому тракту. Он самовольно увел с собой из Монголии всю трехтысячную китайскую конницу. Пусть и плохую, но все же кавалерию, которая могла действовать в степи. Помешать ее уходу никто не решился, даже самонадеянный Чен И. Он решил отбиться от белогвардейцев и их союзников-монголов одной пехотой, пушками и пулеметами. А там, как думал наместник Халхи, подоспеет помощь из Пекина:

— Республиканский Китай не захочет терять целую провинцию. Неужели Чжан Цзолинь еще не получил приказа выступить в поход? Вне всякого сомнения получил...

Может быть, так бы и случилось. Но предводитель конного войска, осадившего Ургу, решил не затягивать штурма. Все по той же причине: время работало против барона и его вконец оголодавших «азиатов».

...Унгерн сидел в своей юрте в окружении ближайших сподвижников, изучая план столицы. Решался важный вопрос: с какой стороны начинать штурмовать город. Вошедший в юрту дежурный по дивизии доложил:

— Из Урги по Калганской дороге вышла кавалерия китайцев и двигается в нашу сторону.

— Много?

— Тыщи три. Впереди дымит автомобиль. Окружен конвоем. Поднимать полки по тревоге?

— Что говорят монгольские лазутчики?

— Они принесли весть, что кавалерийский генерал Го Сунлин окончательно разругался с наместником.

— Значит, верно, что этот генерал со своей кавалерией уходит из Урги в Китай. Приказываю: дивизии в бой с китайской конницей не ввязываться и пропустить ее по Калганскому тракту в сторону Маньчжурии.

— А если китайцы нападут на наш стан, что тогда делать?

— Не нападут. Но на всякий случай возьмите дорогу под прицел пулеметов...

Китайскую кавалерию по Калганскому тракту белые пропустили беспрепятственно. За ними в степь был послан усиленный дозор из монгольских всадников: кабы чего не случилось. Такая мера предосторожности излишней никому не казалась: Восток возвел коварство в ранг несомненного достоинства любого военачальника.

В совещании, которое проходило в унгерновской юрте, участвовали только самые доверенные лица: генерал Борис Резухин, которого прозвали «бледной копией барона», и союзные монгольские князья. Из офицеров — начальник штаба дивизии Ивановский, Джамбалон, командовавший бурятской конницей, полковники Лихачев и Хоботов (он уже сменил погоны), войсковые старшины Архипов и Тапхаев, подполковник Вольфович, еще несколько офицеров. Оказавшись в красном плену, барон на допросах дал каждому характеристику, которая начиналась со слова «храбрый»:

— Резухин — человек лично храбрый. Полковник Хоботов — храбрец, дай Бог каждому. Джамбалон поразил своей храбростью не только меня одного...

План нового штурма Урги был прост. Часть сил в пешем строю должна была атаковать позиции противника на окраине. Удар наносился по Маймачену. Здесь командовал сам Унгерн. Главные же силы Азиатской дивизии в конном строю под командованием генерала Резухина атаковали китайский гарнизон через южные ворота Маймачена. Барон сказал на военном совете:

— У тебя будет почти вся дивизия. Ты должен сделать то, что мне не удалось сделать три месяца назад, — взять Ургу кавалерийским налетом...

Позже Унгерн говорил о Резухине, который стал главной действующей фигурой в победной атаке на столицу Халхи:

— Резухин делал все, что ему прикажут. Он человек послушный. Если передо мной азиаты трепещут, то его они просто боятся...

Перед штурмом Урги белый генерал пошел на военную хитрость. В ночь перед приступом он приказал разложить на склонах священной для монголов горы Богдо-ул многочисленные костры. Из этого в столичном гарнизоне решили, что к неприятелю подошло сильное подкрепление. В своих воспоминаниях Паршин писал:

«Эти горящие на большой высоте гигантские костры ярко пламенеют на темном фоне неба, а их красивые, зловещие отблески на снежном покрове священной горы настраивают панически китайских солдат, которые везде и всюду видят демонов и всякую нечисть».

Город затаился, ожидая каждый час начала штурма. Все пятьсот ургинских буддистских храмов безмолвствовали, поскольку китайские власти запретили любые богослужения. Были закрыты лавки и харчевни. Городские улицы поражали своей безлюдностью, хотя в ту ночь никто не спал.

Среди монгольского населения Урги ходили разговоры, «заползая» и в казармы солдат, и в китайские кварталы города:

— Русский князь приносит жертвы духам — хозяевам горы Богдо-ул...

— Солдаты Бога Войны и ламы молятся на горе о том, чтобы всякие беды пришли к оскорбителям Богдо-гэгена...

— Если князь нападет на Ургу, то вся Халха будет молиться за его победу...

— Всюду говорят, что бежавший из-под ареста хутухта благословляет на войну с китайцами русского генерала...

— Духи горы Богдо-ул одержат победу, и Джебцзун-Дамба-хутухта снова вернется к нам, в Ургу...

На рассвете 2 февраля 1920 года унгерновцы начали штурм Маймачена с его восточной стороны, это был от-

влекающий удар. Две сотни башкир и несколько десятков казаков-забайкальцев в пешем строю двинулись в атаку. Каждый из них имел не более десяти патронов, и потому вся надежда была на то, чтобы схватиться с китайцами в рукопашной на шашках. Такого числа патронов могло хватить разве что на полчаса огневого боя, да и то с трудом.

Тем временем основные силы в конном строю ворвались в Маймачен с противоположной стороны. Но узкие улочки китайских торговых кварталов не давали развернуться коннице, тогда генерал Резухин приказал всадникам спешиться и пробиваться к центру Маймачена.

Продолжительных, многодневных уличных боев, как ожидалось, не случилось. Чен И, бросив свою сражавшуюся пехоту, с небольшим числом солдат в числе первых бежал из монгольской столицы в сторону китайского города Калгана (ныне Чжанцзякоу). Штурм Урги же разворачивался следующим образом.

Бой шел в самом Маймачене, который отделяли от собственно Урги четыре версты. Поскольку начальник гарнизона бежал, то руководство обороной попытались взять на себя несколько старших офицеров, которые с большой группой солдат засели в штабе.

Хотя оборонявшихся китайцев здесь было гораздо больше, чем нападавших, они, словно забыв о возможности вырваться из Маймачена, не предприняли ни одной контратаки, думая отсидеться в домах. Надежда состояла в следующем: русские и монголы быстро расстреляют свои патроны, а тем временем из близкой Урги подойдет солидная помощь, которая и решит исход боя.

Другие группы китайских солдат и местных ополченцев засели в «кумирнях», в том числе в главном маймаченском храме в честь Гэсэра, древнего монголо-тибетского божества, которое считалось покровителем китайцев-ханьцев. Когда спешившиеся бойцы Резухина пробивались к центральной площади Маймачена, с плоских крыш домов в них летели не только пули и гранаты, но стрелы. Как оказалось, часть ополченцев

за неимением огнестрельного оружия традиционно вооружилась луками.

Унгерновцы под ружейным огнем взламывали ворота «кумирен» и врывались внутрь с обнаженными шашками. Поскольку все китайские храмы были деревянными, их забрасывали гранатами или поджигали пучками сухой травы или хвороста. Люди в горячке боя забывали строжайший приказ барона:

— Храмов китайцев в бою не трогать! Не разрушать. Надо щадить чужие святыни...

Исход боя за Маймачен решился тогда, когда на помощь казакам и башкирам в него ворвались конные отряды монгольских князей. Сразу же началась повальная резня китайских солдат, разбегавшихся куда глаза глядят. Последний узел сопротивления — штаб — был подожжен, и его защитники погибли в огне.

После этого начался бой в самой Урге, куда первыми ворвались казачьи сотни Хоботова, Архипова и Парыгина, а затем и другие отряды. Особенно сильное сопротивление унгерновцы встретили в солдатских казармах, в которых засело восемь рот пехоты. Когда сопротивление и здесь было сломлено, китайские войска стали в панике и полном беспорядке оставлять Ургу.

Очевидцы тех событий потом вспоминали: *«Многие солдаты бежали без теплой одежды и обуви, без котомок. Люди, лошади, телеги — все было перемешано. Среди этого беспорядочного месива изредка виднелись обозы с оружием и провиантом...»*

Армия пекинского правительства уходила из столицы Халхи большей частью на север, по Кяхтинскому тракту, к границе с советской Дальневосточной республикой. Беглецов победители не преследовали, настолько они оказались измученными штурмом.

Ворвавшиеся в Ургу казаки первым делом освободили заключенных в городской тюрьме полуживых от холода и голода русских колонистов и беженцев, а также монголов. Таков был приказ самого Унгерна. Тюрьма представляла собой большой не отапливаемый барак, огражденный со всех сторон забором. Среди освобожденных оказалось немало бывших колчаковских офицеров, с которыми Роман Федорович в самые ближайшие дни счел нужным побеседовать лично. В ходе таких бесед и решалась дальнейшая судьба офицеров:

— Звание? Кем были в армии Верховного правителя России?

— Поручик военного времени. Командовал ротой уральских горных стрелков.

— Прекрасно. Я вам даю взвод монгольских цэриков. Будете не просто кавалеристом, а ездящей пехотой...

— У вас, капитан, святой Владимир с мечами. За что получили орден в мировую?

— За Луцкий прорыв, господин генерал.

— Похвально. Мне как раз не хватает старых фронтовиков. Даю вам сутки на прощание с женой. А потом прибыть в Бурятский полк полковника Хоботова...

Помимо гарнизонных казарм, китайцы оказали упорное сопротивление еще в Консульском поселке. Здесь пехотинцы попытались было задержать атакующих перед русским кладбищем на берегу оврага, но тщетно. Белогвардеец Б. Волков вспоминал о той схватке:

«Первым домом, захваченным солдатами Унгерна, был наш дом, бывшее консульство, и я до сих пор не могу забыть, как оборванные и полузамерзшие казаки, разбив прикладами окна, под пулеметным и ружейным огнем засевших во рву за домом китайцев, ворвались в него...»

В полдень 3 февраля генерал Резухин лично доложил командиру Азиатской конной дивизии:

— Господин барон. Урга взята азиатскими конниками штурмом. Бой за столицу Халхи решен в нашу пользу. Имею честь вас поздравить лично.

— Что китайский гарнизон?

— Китайские войска бегут на север. На юг ушли только немногие.

— К границе с Советами? Любопытно. Пусть бегут. А что в нашей Урге?

— В городе сейчас полная тишина.

— Поставил охрану из надежных людей у банков в Маймачене?

— Пока нет. Бой был, Роман Федорович.

— Поставь немедленно! Или наши азиаты все китайское серебро растащат по своим вьюкам. Содержать дивизию будет не на что.

Генерал-лейтенант Унгерн фон Штернберг мог чувствовать себя в тот морозный февральский день полным победителем. Наконец-то столица Халхи пала перед его азиатами. Он приказал начальнику дивизионного штаба полковнику Ивановскому:

— Моя ставка в Маймачене. Комендантом города назначаю полковника Сипайло.

Торжественный въезд потомка эстляндских рыцарей-крестоносцев в притихшую столицу Халхи ознаменовался первой в ее трехсотлетней истории публичной казнью. Барон по дороге заметил, как две монголки грабили брошенную хозяевами китайскую лавку, таща оттуда куски разноцветной ткани. Барон повелел своим конвойцам:

— Взять их. Повесить обеих вон на тех базарных воротах. И обмотать ворованной материей. Трупы не снимать несколько дней...

Когда его приказание было исполнено, Унгерн сказал контрразведчику Сипайло, превратившемуся по совместительству в столичного коменданта:

— Я железной рукой наведу порядок в Урге. Ее жители сегодня же должны знать о мною сказанном...

Когда стихли последние, одиночные выстрелы, барон приказал считать трофеи. Они оказались для его дивизии действительно огромны: полтора десятка орудий, пулеметы, свыше четырех тысяч винтовок самых различных систем, гарнизонные склады с провиантом, фуражом, различным военным имуществом. В плен попало около 200 китайских солдат. Убитых не подсчитывали.

Однако цифры взятых трофеев барона Унгерна не очень порадовали. Надежды на то, чтобы пополнить запас патронов, мало оправдались. Снарядов у китайцев тоже не оказалось, они неразумно для военного време-

ни расстреляли почти весь свой боезапас. На провиантских складах мука оказалась в основном гороховая.

В подвалах двух маймаченских банков — Китайского и Пограничного — нашлось серебряной монеты на сумму примерно 200 тысяч рублей (по другим данным — на 400 тысяч мексиканских долларов), неизвестное по количеству и весу золото в слитках.

К этим серебряным и золотым трофеям следует добавить имущество китайских частных фирм, которое оценивалось их владельцами (естественно, преувеличенно) на 30 миллионов долларов. В эту сумму входили и стада, которые были реквизированы по повелению Чен И в счет давних долгов монголов, как пастухов-араптов, так и степных князей. В числе «законной» военной добычи оказались деньги и скот ряда фирм российского Центросоюза.

Свою действительно убедительную победу над китайской армией генерал фон Унгерн объяснял «тремя составляющими»:

во-первых, ко мне присоединились все монголы восточной части Халхи;

во-вторых, китайские войска по сравнению с моими азиатами показали малую боеспособность, а ведь их было раз в семь больше;

в-третьих, в ходе последнего штурма Урги мне сопутствовало военное счастье, боги не отвернулись от меня...

При этом Роман Федорович поскромничал, не упомянув собственные несомненные способности военачальника. Равно как и низкую дисциплину китайских солдат с их «худой» профессиональной выучкой...

Изгнание ненавистных «гаминов» из Урги столичные ламы отметили с большим торжеством, в присутствии множества горожан, одетых по такому случаю в праздничные шелковые халаты. Русский генерал, в отличие от китайских, богослужений в буддистских храмах не запрещал! В этом монголы видели «знак неба»:

«Перед заходом солнца из монастырских храмов Да-хурэ послышались густые звуки гигантских бого-

служебных труб, но теперь эти аккорды не нагоняли уныние, а возвещали о радости и торжестве жизни. После двухмесячного вынужденного молчания трели «башкуров» — храмовых кларнетов в морозном воздухе звучали громко и победно».

Командир Азиатской конной дивизии распоряжался в монгольской столице, как в собственном штабе. Его приказания исполнялись в точности и в установленный срок. В ином случае виновных ожидало самое непредсказуемое наказание, поскольку писаных законов потомок немецких рыцарей-крестоносцев в Халхе не признавал:

— Мародерствующих ургинцев арестовывать. Применять к ним публично самые крайние меры наказания...

— Приказываю уличным старостам и городским чиновникам очистить Ургу от куч мусора. Что это такое: улицы города не знают метлы еще со времен Чингисхана...

— Немедленно отремонтировать городскую электростанцию. Дать свет во дворцы Богдо-гэгена и в штаб дивизии...

— Пошлите наших техников на телефонную станцию в Урге. Пусть ее запустят любой ценой. Срок — два дня...

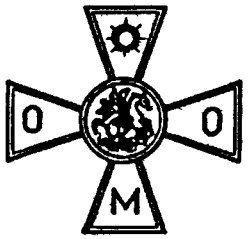
— Возобновить работу ургинских школ...

— Навести мосты через речки Толу и Орхон. А то лошади на переправах о подводные камни подковы сбивают. Где напасешься железа...

— Открыть ветеринарную лечебницу. Разрешаю дивизионным ветеринарам в ней работать. Чтоб монголы туда дорогу, как в свою юрту, знали...

— Объявите через глашатаев мой указ: женщины, вступающие в незаконную связь с солдатами и офицерами моей дивизии, будут наказываться поркой...

— Открыть газету. Возобновить работу городской типографии. «Ургинские известия» нам очень нужны. Чтобы во всем чувствовалось, что Урга есть столица независимой ни от кого Халхи...

Глава девятая

ТРИУМФ БАРОНА. ГАМИНЫ И ЧЖАН ЦЗОЛИНЬ

Свое пребывание в Урге барон Унгерн-Штернберг начал с приказов выпустить из тюрем всех монголов и ликвидировать местных революционеров и евреев. Мародеры, грабившие китайские лавки, расстреливались на месте или вешались. Еврейский погром в городе прошел в ночь на 5 февраля, когда были убиты около пятидесяти человек. В ходе наведения порядка кровавыми палачами заявили о себе Сипайло, его помощник капитан Безродный и унгерновский вестовой Бурдуковский.

Отношение Унгерна к монголам было самое дружественное. Поэтому не случайно выпущенные из тюрьмы князья Максаржав, Тогтого, Пунцагдорж и другие стали служить ему. Роман Федорович хотел видеть в лице степной аристократии свою социальную опору в Халхе не в будущем, а уже сейчас.

В первые дни после взятия монгольская столица являла собой достаточно странное для войны зрелище. Один из унгерновцев, находясь в эмиграции, красочно писал о тех днях, с явным преувеличением:

«Страшную картину представляла собой Урга после взятия ее Унгерном. Такими, наверное, должны бы-

ли быть города, взятые Пугачевым. Разграбленные китайские лавки зияли разбитыми дверьми и окнами, трупы гаминов-китайцев вперемежку с обезглавленными замученными евреями, их женами и детьми, пожирались дикими монгольскими собаками. Тела казненных не выдавались родственникам, а впоследствии выбрасывались на свалку на берегу речки Сельбы. Можно было видеть разжиревших собак, обгладывающих занесенную ими на улицы города руку или ногу казненного. В отдельных домах засели китайские солдаты и, не ожидая пощады, дорого продавали свою жизнь. Пьяные, дикого вида казаки в шелковых халатах поверх изодранного полушубка или шинели брали приступом эти дома или сжигали их вместе с засевшими там китайцами».

В городе свирепствовал комендант Сипайло. Выпускник томской классической гимназии, не воевавший ни дня на фронте, стал у атамана Семенова хозяином одного из самых страшных застенков — бадмаевского особняка в Чите. Сипайло вызывал такую всеобщую ненависть к своей личности, что Семенов даже отдал приказ тайно убить человека, которого он произвел в офицеры и который за считанные месяцы дослужился до чина полковника. Атаманского контрразведчика спасло то, что он бежал к барону Унгерну фон Штернбергу на станцию Даурия, записавшись добровольцем в Азиатскую конную дивизию.

Сипайло, не раз избиваемый публично бароном «за злодейства», был нужен Унгерну в качестве палача. Роман Федорович говорил так:

— Это мой Малюта Скуратов...

Сам полковник Леонид Сипайло, преданный барону больше чем собака, иллюзий в отношении своего будущего не строил:

— Мне скрыться негде. Если прогонит от себя дедушка (так он величал барона. — *А.Ш.*), одна дорога — пуля в лоб...

— Мне все едино, что у красных, что у китайцев, что у белых — петля. Пулю для меня точно пожалеют.

— Жить и дышать могу только при Романе Федоровиче...

Сипайло в Монголии стал называть себя не иначе как «известный душитель Урги и Забайкалья». С его именем связаны самые дикие злодеяния, творимые унгерновскими «азиатами» на станции Даурия и в Урге.

...Став фактическим военным диктатором Халхи, семеновский генерал-лейтенант оставался при том как бы в «политической тени». Для начала он созвал монгольских князей и особо почитаемых лам и объявил им о своем желании сделать следующее:

— Я ставлю целью своей жизни восстановление трех династий: русской, монгольской и китайской, циньской...

— В ближайшие дни я восстановлю автономное монгольское правительство, в котором готов занять пост военного министра...

— Нам с вами сегодня же необходимо выбрать счастливый день для восшествия на свой законный трон Богдо-хана, пригласив его с супругой в Ургу...

Известие о том, что хутухта возвращается в столицу, ургинцы встретили с большим ликованием. В конце февраля состоялась официальная коронация Богдогэгена, на которой барон Унгерн фон Штернберг присутствовал в качестве почетного гостя. Теперь вся высшая светская и религиозная власть во Внешней Монголии—Халхе сосредоточилась в руках одного человека — Богдо-хана Джебцзун-Дамба-хутухты.

На коронацию в Ургу съехались почти все князья Халхи вместе со своей многочисленной челядью и родней. В столицу прибыли тысячи лам из всех больших монастырей и совсем скромных дацанов Монголии. Это был действительно всенародный праздник.

Азиатская конная дивизия квартировала в Маймачене, в котором нашлось много брошенных китайцами жилых домов. К празднику барон приказал пошить в ургинских швальнях новую форму для своих конников. Она состояла из темно-синего тарлыка (монгольского полушубка, обшитого сверху материей) вместо

шинелей, фуражки с шелковым верхом и висевшего за плечами башлыка, внутри тоже шелкового.

Башлыки и донца фуражек отличались цветом материи. У татарской сотни они были зеленые, у тибетцев — желтые, у штаба — алые. Погоны различались друг от друга (по собственноручным рисункам Унгерна), но все знаки были изготовлены из белого металла — серебра.

Роман Федорович, как человек «сугубо военный», к форме одежды своих подчиненных в лучшие времена относился с известным пристрастием. Но таким «лучшим временем» были для него дни после взятия Урги. Больше возможностей навести хотя бы относительное единообразие формы у своих подчиненных генерал-лейтенант Унгерн не имел. Впрочем, такое положение сохранялось у белых и красных на протяжении всей Гражданской войны.

Известно, что барон сам рисовал образцы погон для нестроевых чинов своей дивизии. Интенданты имели красные погоны, ветеринары — синие, нижние чины мастерских — фиолетовые. Санитары, фельдшеры и нижние чины медицинской части носили синие погоны с красным крестом. На всех погонах стоял литер «Д», что означало «Даурия».

На примере отряда Чидорга Батора Пог Чжибхоланта (такую фамилию носил перешедший в монгольское подданство русский генерал-майор Левицкий) известен цвет погон конных полков Азиатской дивизии. Они были желтого цвета, окантовка и просветы — фиолетовые. Пуговица и «знак Чингисхана» на погонах изготовлялись из белого металла (серебра).

Собственно говоря, к коронации Богдо-хана приодеться успели только часть сотен Азиатской конной дивизии. Они и участвовали в торжественной церемонии. Приказы барона на этот счет гласили следующее:

— К трем часам ночи назначенным сотням подседлаться, надеть новую форму и быть при полном вооружении...

— Из Маймачена выступить походным порядком при оркестре...

— В Урге построиться шпалерами вдоль дороги от Святых ворот Зимнего дворца Богдо-гэгена и до главной кумирни — храма Майдари...

Унгерновцы выстроились вдоль дороги, по которой предстояло проехать торжественной церемонии, вместе с отрядами воинов монгольских князей. Есаул Макеев писал, что когда из дворца показались первые всадники — «конные вестники» — трубившие в трубы и раковины, «войска замерли, тысячи людей превратились в каменные изваяния».

За «конными вестниками» лошади не без труда везли колесницу в виде пирамиды из трех толстых, раскрашенных в разные цвета бревен. Пирамиду венчал шест с огромным монгольским флагом. Он ослепительно блестел на солнце золотом парчи.

Золотом блестела и эмблема независимости Халхи, установленная еще в 1911 году. Это был первый знак созданного двести лет назад Ундур-гэгеном Дзанабадзаром алфавита «Соембо» — старинный национальный символ монголов.

Так Монголия снова превратилась в независимое от Китая теократическое государство, каковым она была в 1911–1915 годах. И эту государственную независимость Халхе принес белый генерал-лейтенант Роман Федорович Унгерн фон Штернберг.

Было образовано монгольское правительство, председателем которого и министром внутренних дел стал один из самых влиятельных и богатых лам Джалханца-хутухта, близкий друг Богдо-хана. Военным министром стал князь Максаржав. Унгерну достался пост главнокомандующего вооруженными силами Автономной Монголии. Его заместителем и командующим монгольскими войсками стал Джамбалон.

Богдо-хан Джебцзун-Дамба-хутухта, в знак признательности, возвел всех офицеров Азиатской конной дивизии в ранг монгольских чиновников по прежней циньской системе из шести чиновничьих рангов. Те-

перь они могли носить специальные шапочки с шариками разных цветов в зависимости от рангов. Старшему полагался красный коралловый шарик, далее по нисходящей шарики красный с орнаментом, голубой прозрачный, синий непрозрачный, прозрачный бесцветный. Шапочку чиновника самого низшего ранга украшал белый фарфоровый шарик.

Разумеется, никто из русских офицеров к такому маскарадному одеянию всерьез не относился. Кроме одного-единственного человека — самого барона Унгерна.

Роман Федорович получил титулы цин-вана (ранее он был просто ваном) и ханский, который давался только чингизидам по крови. Теперь звание звучало так: «Возродивший государство великий батор, командующий». Генерал теперь имел право носить желтый халат-курму (или дэли), желтые сапоги, иметь того же священного цвета поводья на лошади, вдевать в шапочку трехочковое павлинье перо «отго» и ездить в зеленых носилках-паланкине.

Впрочем, прибалтийский барон и монгольский хан фон Унгерн-Штернберг не собирался полностью облачаться в одежду цин-вана. Он преобразил положенный ему шелковый халат священного желтого цвета в полурусский, полувосточный мундир и носил халат с генеральскими погонами, портупеей и орденом Святого Георгия. В таком одеянии образ «самодержца монгольских степей» донесла наиболее известная его фотография, сделанная незадолго до его расстрела в Новониколаевске.

Титул цин-вана получили еще четыре человека: генерал Резухин, бурят Джамбалон, командир монгольского отряда Найден-гун и князь восточной части Халхи Лувсан-Цэвен. Но в отличие от барона поводья на их лошадях были не желтого, а коричневого цвета. Резухин имел звание «Одобренного батора, командующего», Джамбалон — «Истинно усердного», а Лувсан-Цэрен, самый надежный для барона человек из монгольских князей — «Высочайше благословенного командующего».

В коронационной процессии генерал-лейтенант семеновской армии занимал особенное место, которое говорило всем и каждому о его значимости в случившемся торжестве. За пирамидой с флагом ехала позолоченная открытая коляска, дело рук китайских мастеров. В ней величественно сидел возвратившийся в столицу Богдо-гэген — Живой Будда. При подъезде коляски толпы народа опускались на одно колено.

По бокам коляски скакали монгольские князья в полном одеянии присужденных им рангов чиновников. За коляской ехал всего один-единственный всадник. Это был «возродивший государство великий батор, главнокомандующий» Роман Федорович Унгерн фон Штернберг. Барон был в одеянии цин-вана, которое отливало под солнечными лучами желтизной священного цвета. Это был его полный триумф — триумф рыцаря-крестоносца XX столетия: он, монархист-«интернационалист», возродил в Монголии монархию.

Перед коронованием Богдо-гэгена Унгерн-Штернберг сказал в своем окружении непривычно торжественные слова:

— Завтра будет восстановлена власть его святейшества Богдо-хана. Теперь на очереди восстановление монархий в России и Китае. Романовых и династии Цинь...

Непосредственную охрану личности Джебцзуна-Дамбы-хутухты в день его коронования несли цэрики-гвардейцы. Они были одеты в красные терлики и носили желтые нарукавные повязки с черной свастикой — священный знак «суувастик».

Свастика, тогда один из символов Востока, еще не стала символом фашизма. Она имела самое различное «хождение» в Гражданской войне в России. В 1918 году в войсках Юго-Восточного фронта она была введена, как нарукавная эмблема», В.И. Шориным, советским военным специалистом, полковником старой русской армии. Свастичный нарукавный знак носили красноармейцы калмыцких частей Отдельной 11-й армии. На их головных уборах вместо красной звезды красова-

лась голубая свастика. В Забайкалье у бурят, воевавших на стороне Советской власти, имелось красное знамя с черной свастикой...

Торжественное богослужение состоялось в храме Майдари. Затем светская часть коронации продолжилась в Шаро-Ордо — Златоверхом дворце. Праздник длился несколько дней. И все это время в многочисленных юртах на берегах реки Толы шли пиры. Самыми почетными гостями были унгерновцы, им в эти дни барон позволял все.

...Взятие Унгерном столичной Урги и коронация Богдо-хана не принесли мира на землю Халхи. Один из китайских генералов, бежавший на север к советской границе, — Чу Лицзян решил вернуть себе город. Унгерн ошибся, посчитав, что китайские войска навсегда покинут территорию Халхи. Они двинулись не в Маньчжурию, а обратно.

Первое донесение о том, что китайские войска от русской границы двинулись на Ургу, барону Унгерну-Штернбергу принес знакомый лама из дацана в Кяхтинском Маймачене. Он настолько спешил в монгольскую столицу с тревожной вестью, что загнал не одного степного коня.

Лама говорил с цин-ваном, спасителем Богдо-гэгега и дарителем государственной независимости Халхи, с искренним почтением:

— Господин великий батор. Солдаты-гамины идут на Ургу. Их много.

— Китайская армия идет на Ургу? Откуда?

— От русской границы. Из Кяхтинского Маймачена.

— Разве они не ушли в Маньчжурию через Забайкальский край? Ведь Чень И шел в Улясутай?

— Чен И в Китайском Маймачене вел переговоры с советскими начальниками. Но теперь о переговорах не может быть и речи.

— Почему?

— Китайские солдаты устроили в городе резню всех русских, там проживавших. Не пощадили ни детей, ни женщин, ни стариков. По слухам, убито было в один день до трехсот человек.

— Что же сказал по этому поводу Чен И?

— Он и генерал гаминов Чу Лицзян сказали, что это месть за убитых в Урге купцов и солдат.

— Значит, китайскими войсками, идущими к Урге, командует генерал Чу Лицзян?

— Он, господин цин-ван. Чен И в последний день уехал в Маньчжурию.

— А что говорят рядовые солдаты?

— Они говорят, что идут брать обратно Ургу потому, что тысячу верст по зимней степи, среди враждебных им монголов, к Улясутаю в голоде и холоде они не выдержат. И что в военной победе они смогут спасти свои жизни.

— Правильно говорят. Скажи, лама, чем генерал Чу Лицзян ободряет своих солдат?

— И генерал гаминов, и Чен И всюду говорят, что русских солдат, господин цин-ван, в Урге совсем мало. И что их можно взять голыми руками.

— Голыми руками. Пусть попробует это сделать хоть в степи, хоть под Ургой. Спасибо тебе за весть.

— Я лама. И потому верен Богдо-гэгену, нашему Живому Будде, и его командующему.

— Хорошо сказал. Иди. Твои дорожные расходы будут оплачены с лихвой. Мой адъютант наградит тебя китайским серебром за весть, принесенную вовремя...

Цин-ван Роман Федорович Унгерн фон Штернберг сразу же отправился в дом Живого Будды. Но Богдо-гэген уже знал о походе гаминов от русской границы на Ургу. Джебцзун-Дамба-хутухта понимал, что в случае победы китайцы уже не ограничатся в отношении его домашним арестом. Поэтому с тревогой спросил великого батора:

— Гамины генерала Чу Лицзяна хотят взять Ургу обратно. Можно отстоять независимость Халхи от Пекина? Скажи мне прямо, цин-ван?

— Можно, ваше величество.

— Сражаться будешь ты и верные мне ваны. Чем я могу помочь моим воинам кроме молитв?

— Надо объявить мобилизацию ваших подданных от 19 до 25 лет. Пастухи-араты от 25 до 45 лет должны составить отряды для охраны своих округов-хошунов.

— Но призвать пастухов под знамя войны быстро не удастся. Ты, цин-ван, должен это знать. Степь обширна.

— Об этом я знаю. Вся надежда на отряды ванов, чьи кочевья вблизи Урги.

— Хорошо. Сегодня же они получат мои указы пополнить твое доблестное войско...

Едва успел барон вернуться в Маймачен, в штаб дивизии, как прибыл новый вестник-лама. Но теперь — с пустынного юга Халхи. Он привез не менее тревожную весть из Кяхтинского Маймачена:

— К монастырю Чойри-Сумэ подошли пекинские войска. Они соединились там с конницей генерала Го Сунлина, бежавшего из Урги.

— Ивановский, расстояние от Урги до Чойри-Сумэ?

— Верст 250 по карте, Роман Федорович.

— Близко. Скажи мне, лама, китайцы скоро будут наступать от монастыря на Ургу или задержатся?

— Они имеют мало припасов, поэтому в поход выступят в ближайшие дни.

— У генерала Го Сунлина много конницы?

— Тысячи три совсем плохих всадников. Это те, что стояли в Урге и бежали от тебя, господин цин-ван.

— Как ведет себя местное население близ монастыря?

— Когда стали подходить первые отряды гаминов, пастухи угнали стада подальше в степь. Туда же отъехали их семьи.

— А что монастырские ламы?

— Они молятся за Богдо-гэгена и за твою новую победу над гаминами, господин цин-ван...

Как военачальник, семеновский генерал-лейтенант понял простую истину: противник брал его в кольцо. Если китайское командование в Халхе — Чу Лицзян

и Го Сунлин — смогут согласовать свои действия по времени и одновременно подойти к Урге, отстоять город будет трудно.

Сперва барон решил разбить китайские войска у монастыря Чойри-Сумэ. Он двинул против своего старого знакомого генерала Го Сунлина большую часть Азиатской конной дивизии и отряд князя Найден-гуна, состоявший из трех сотен монголов-чахар. Общее командование Унгерн возложил на себя.

Сражение в южных полупустынных степях Халхи состоялось в конце марта 1920 года, когда равнина на высотках начала покрываться молодой травой. Китайцы, вероятно, не ожидали внезапного появления близ Чойри-Сумэ больших сил неприятельской конницы, если за таковые можно было считать тысячу умелых всадников. Унгерн не стал маневрировать в степи, нанеся по войску генерала Го Сунлина удар в лоб, одновременно угрожая ему охватом с флангов.

«Поле смерти» под монастырем Чойри-Сумэ (по русски — Чойрын) вполне оправдало себя. Генерал Го Сунлин, как и в ургинском деле, сумел со своей кавалерией (которая в три раза превышала численность всей Азиатской конной дивизии) уйти в Китай почти беспрепятственно. Но вся пехота гаминов полегла под ударами сабель.

Трофеи в той степной баталии оказались велики — десять тысяч винтовок самых разных систем. Преобладали японские «арисаки». Унгерн стал обладателем огромного по меркам Халхи арсенала, если к числу этих трофеев добавить четыре тысячи винтовок, захваченных у китайцев при штурме Урги. Теперь вся Азиатская дивизия была вооружена новейшими системами ручного огнестрельного оружия. Барон распорядился часть винтовок передать монгольским войскам, которыми командовал бурят Джамбалон. Тот имел под своим командованием пять тысяч конных цэриков и очень нуждался в оружии. Прибывавшие княжеские рекруты его имели самое малое число.

Романа Федоровича беспокоило следующее: патронов в трофеях опять почти не оказалось. Выход из поло-

жения нашел русский инженер из Урги Лисовскии, который пришел на прием к Унгерну после битвы при Чойри-Сумэ:

— Господин генерал. Поговаривают, что ваши запасы патронов оставляют желать много лучшего.

— У меня их почти нет на сегодня.

— Тогда я предлагаю вам наладить патронное производство здесь, в Урге. Благо такие специалисты в русской колонии сегодня есть.

— На складе в Маймачене есть порох и пустые патронные гильзы. Но нет свинца и меди для отливки пуль. Металла в Халхе взять неоткуда.

— Верно, свинца и меди здесь не найдешь даже в лавках у китайцев. Но выход, господин генерал, есть.

— Какой?

— Можно отливать пули из стекла.

— Из стекла?! Но оно же колется при ударе.

— При выстреле из ружья стеклянная пуля летит не хуже свинцового заряда. Я это уже опробовал не раз на охоте на птицу.

— Но человек не птица.

— Ну и что. Он же не носит стальную кирасу. Литая из стекла пуля пробьет мундир китайского солдата не хуже, чем оперение дикой утки. Я за это ручаюсь своей головой.

— Хорошо, если головой. Денег на производство патронов со стеклянными пулями я дам. Но, смотри у меня, в случае чего — карать буду строго...

Инженер Лисовский сдержал свое слово. Импровизированный ургинский патронный завод заработал в самые ближайшие дни. Уже вскоре в полки Азиатской дивизии поступили первые партии, пусть и небольшие, ружейных патронов с пулями, отлитыми из синеватого стекла. Провели пристрелку. Барону доложили о том, что вести огонь такими патронами можно на предельную дальность стрельбы из винтовок и кавалерийских карабинов.

Теперь главным противником барона стал генерал Чу Лицзян. Он шел на Ургу по опустошенной во время

бегства местности: солдаты, не имея провианта, грабили тогда монгольские кочевья, поселения русских и даже своих, китайских колонистов. Это привело к тому, что монголы, ненавидевшие гаминов, вместе со стадами, бросая юрты, ушли из мест, по которым бушевала война. Часть из них бежала под защиту унгерновских войск. Роман Федорович не мог скрыть удовлетворения:

— Теперь в отрядах моих союзников-князей цэриков будет прибавляться с каждым днем. Пока я не разгромлю этого Чу Лицзяна...

Великий батор и командующий Унгерн фон Штернберг довел численность подчиненных ему войск примерно до пяти тысяч. Точной численности ни он, ни его штаб просто не знали. Когда на допросе в Иркутске спросили, сколько тогда под его знаменами имелось людей, Унгерн смог ответить только так:

— Знаю, что было 66 конных сотен. В Азиатской дивизии и отрядах монгольских князей людей по головам не считали.

— Почему не считали? Ведь это же были воинские силы.

— А как можно сосчитать в степи конников? Один приехал, другой уехал...

Если сам барон Унгерн не вел должной разведки за китайскими войсками, остававшимися в Халхе, то этого никак нельзя было сказать о заинтересованном красном командовании по ту сторону границы. Семеновский генерал не знал о китайцах многого из того, что знала советская военная разведка штаба 5-й армии. Она доносила в Читу, Иркутск и еще дальше, в Москву, телеграфной строкой следующее:

«Отступившие в беспорядке из Урги после разгрома белыми китайские войска остановились на реке Иро в 60—80 километрах южнее Маймачена. Командует ими генерал Чу Лицзян...»

«Другая группировка войск китайского правительства сосредоточилась в районе станции Ибицык. Провиант добывается грабежом трудового населения из числа монголов-аратов...»

«В 10 и 15 километрах от Ибицыка обнаружено два полка китайской кавалерии. Численность каждого по 1,5 тысячи человек. Полки расположились на отдых...»

«Один из полков кавалерии китайцев, стоящий у Ибицыка, днем раньше ночевал в улусе Кучеура. Там был атакован отрядом белого генерала барона Унгерна (500 русских казаков и 500 монголов при 4 орудиях) и после короткого боя разбит...»

«Дезорганизованная китайская армия прибыла в Ибицык в количестве 3 тысяч человек при 4 орудиях и 16 пулеметах. Запас боекомплектов к ним имеется...»

«Бурятская белая сотня Очирова совершила налет на русскую деревню Карнаковку (45 километров юго-восточнее Ибицыка) и выбила оттуда китайские подразделения...»

«Две сотни Унгерна — русская и монгольская — прибыли в район впадения реки Букулей в реку Иро...»

«В унгерновско-монгольских войсках много лам, которые ведут пропаганду войны против китайцев...»

Унгерновский штаб такой обстоятельной информации не имел. Его начальник полковник Ивановский говорил своим подчиненным:

— Роман Федорович сказал, что китайцы будут бежать от Урги по Улясутайскому тракту до самой Маньчжурии...

— У страха ноги на войне всегда велики...

— Степные ваны и их пастухи добьют китайцев, уцелевших после штурма Урги. Не нам же гоняться за гаминами по здешней степи...

Однако на деле получилось не совсем так. Пекинские генералы избавились от охватившей их паники намного раньше, чем беглецы достигли китайской границы. И Го Сунлин, и Чу Лицзян, приободрившись, удивились тому, что им пришлось спасаться от какого-то русского генерала, который имел войск в несколько раз меньше любого из них. Отряды монгольских «пастухов» почему-то в расчет не брали.

Здесь-то китайские генералы и просчитались. Они совсем не ожидали, что отряды монголов, прекрасно знавших родную степь, окажут им достойное сопротивление. И одним из «учителей» оказался Баир-гун, командир небольшого, плохо вооруженного отряда, действовавшего на севере Халхи. Столкнувшись с гаминами, бежавшими из Урги, Баир-гун послал гонца к великому батору и цин-вану Унгерну:

— Господин цин-ван. Мой начальник повелел сообщить вам о том, что в местности Богодур-Цаган-Тушету-усу появились отряды гаминов. Их много.

— Пешие или конные?

— Больше пешие. Конных солдат мало. Идут на юг от Маймачена. Медленно идут.

— Отряды китайцев большие?

— Больше войска Баир-гуна в несколько раз. Человек по двести, а то и триста.

— Что просил передать мне Баир-гун, верный слуга Богдо-гэгена?

— Он сказал, что не может сразиться с гаминами. У нас почти нет ружей. А у тех, кто их имеет, совсем мало патронов.

— Баир-гун должен хорошо знать китайцев. Пусть без боя заставляет их сдаваться в плен и складывать перед цэриками свои винтовки.

— Но как это сделать, господин цин-ван?

— На войне нужна военная хитрость. Пусть напишет китайским офицерам, которые командуют отрядами, грозное письмо от моего имени. Или они складывают оружие, или степь станет для них могилой.

— Будет исполнено, господин цин-ван. Ваш совет передам Баир-гуну слово в слово...

Предводитель отряда монгольских конников оказался прекрасным исполнителем совета великого батора. Он написал грозное письмо начальнику двух передовых отрядов гаминов полковнику Шэн Чэнцаю. Тот принял предложение «пойти в плен» и приказал своим солдатам сложить оружие. Его примеру последовали еще несколько командиров китайской пехоты, больше

всего боявшиеся в степной войне неизвестности. И одного имени русского генерала барона Унгерна. В общей сложности в плен Баир-гуну сдались больше тысячи человек солдат и офицеров.

На радостях от военной удачи Баир-гун послал нового гонца к цин-вану Унгерну. Но теперь уже не за советом, а с победной вестью:

— Баир-гун просит передать, что уже несколько отрядов гаминов испугались письма от вашего имени, господин цин-ван, и сложили оружие.

— Молодец, Баир-гун. Где винтовки и патроны китайцев?

— Они розданы всадникам. А большая часть погружена на верблюды, караван уже идет в Ургу.

— Хорошо. Много среди пленных офицеров?

— Почти столько же, сколько людей в отряде Баир-гуна.

— Как ведут себя пленные гамины?

— Большинство их после сдачи оружия разбежались по степи. У нас нет людей, чтобы их ловить повсюду.

— А те, что остались, как себя ведут?

— Они просятся в солдаты к Богдо-гэгену. Хотят служить в армии Халхи. И именно в нашем отряде.

— Передай своему начальнику, что я разрешаю китайцев-добровольцев принять в его отряд. Пусть вернет им винтовки. Но при этом присматривать за ними повнимательнее.

— Но ведь, господин цин-ван, они клянутся верно служить хутухте.

— Да они уже раз изменили клятве верными быть своему правительству в Пекине. Могут изменить и Богдо-хану...

Унгерн после блестящего разгрома войск генерала Го Сунлина поспешил к Урге, чтобы защитить ее от другого противника — Чу Лицзяна. Прибыв в столицу Халхи, барон застал ее в страшной панике: там уже знали подробности кровавых расправ китайцев с жителями Кяхтинского Маймачена. В храмах Урги служили молебны: ламы днями и ночами призывали силы небесные защитить Богдо-гэгена и его верноподданных. В городе под ружье встала почти вся мужская половина русской колонии. Во главе ополченцев были колчаковские офицеры.

Когда походная колонна Азиатской конной дивизии вошла в город, войск в нем, за исключением личной гвардии Богдо-гэгена уже не было. Отряды монголов и русских ополченцев-колонистов выступили навстречу авангарду генерала Чу Лицзяна, чтобы преградить ему путь до прихода Унгерна. Роман Федорович остановил своего коня у входа в дивизионный штаб лишь на несколько минут, вызвав к себе дежурного:

— Хорунжий, где все войска?

— Ушли навстречу генералу Чу Лицзяну, господин генерал.

— Почему не послали за мной?

— Как не послали? Послали несколько разъездов из халхинцев. Ни один из них пока не вернулся в Маймачен.

— Плохо ищут. По какой дороге наступают на Ургу китайцы?

— Цэрики от Богдо-хана сказывали, что идут гамины то ли по Кяхтинскому тракту, то ли по Улясутайскому. Точно не знали, господин барон.

— Выпороть бы тебя, хорунжий, вместе с ханскими цэриками за такую службу, да времени нет.

— Господин генерал...

— Молчи, если виновен. Всех, кто есть в штабе, — на коней. И догоняйте дивизию без промедления...

К начальным событиям — «боям отчаяния» — Азиатская конная дивизия не поспела. Случилась редкая ситуация: конное войско Унгерна-Штернберга «проскочило мимо» походной колонны китайцев. Когда ошибка стала ясна, барон погнал свои полки и сотни в обратную сторону, на отдаленные звуки ружейной пальбы и пушечных выстрелов.

На сей раз, не в пример защите Урги, китайские солдаты сражались на редкость упорно, словно в том

бою в чистом поле близ ургона Цаган-Цэген решался вопрос жизни и смерти. Роман Федорович скажет в тот день:

— В который раз уже вижу, что китайский солдат стоит выше своих офицеров. Даже тех, кто проходил стажировку в японской армии...

То сражение между унгерновцами и китайскими войсками генерала Чу Лицзяна в официальной монгольской, да и советской истории затерялось по «известным причинам». А зря. Ведь в 1921 году на территории Монголии впервые за последние двести лет (!) произошло такое крупное сражение: в нем участвовали с двух сторон более пятнадцати тысяч человек. Белоэмигрант Волков писал в своих мемуарах:

«И вот китайцы по пяти раз кряду бросаются в атаки, рядом с трупами китайских солдат находят тела их жен-монголок, сражавшихся бок о бок с мужьями. Монголы, в обычных условиях легко поддающиеся панике, разряжают, как на учении, винтовки. На русского всадника приходится иногда от десяти до пятнадцати китайцев...»

Почему солдаты ургинского гарнизона имели жен-монголок? Пекинские власти издавна запрещали китаянкам селиться в Застенном Китае, то есть за Великой Китайской стеной. Везде, в том числе и во Внешней Монголии, китайцы-поселенцы женились на местных женщинах. Дети от смешанных браков считались китайцами. Так Пекин проводил ассимиляцию туземного населения на окраинах государства: в Монголии, Тибете, Кашгаре, Джунгарии, других областях.

Генерал Чу Лицзян старался, как мог, чтобы вырвать победу и открыть себе дорогу на Ургу. Но когда в степи показалась голова походной колонны Азиатской конной дивизии, он понял, что победа уплывает из его рук и столицы Халхи ему не видать. А когда унгерновцы стали на ходу разворачиваться в широкую лаву, Чу Лицзян сказал окружавшим его офицерам:

— Я чувствую приближение смерти...

В поединке конного воина с пешим в рукопашной схватке верх одерживает, как правило, первый. Разве можно было в голой степи убежать пешему от конного преследователя? Азиаты барона Унгерна врубились в ряды китайской пехоты, и поле брани близ Цаган-Цэгена покрылось тысячами тел убитых. Генерал Чу Лицзян проиграл битву, как говорится, вчистую. Один из белых мемуаристов вспоминал спустя месяц:

«Большинство трупов предали земле, но еще до сих пор среди остатков брошенной амуниции валялось около полутора тысяч не погребенных со страшными ранами от сабельных ударов. Монголы старались объехать стороной это поле ужаса и смерти, и здесь было полное раздолье для волков и одичавших собак».

Унгерн фон Штернберг показал в тот день собственное бесстрашие. Бойцы его дивизии, монгольские цэрики и ургинские ополченцы видели великого батора в самом пекле схваток. Цаган-Цэген добавил к «мифу об Унгерне» немало фантастическо-мистических строк со слов участников того сражения:

— Великий батор самым первым поскакал в атаку на гаминов. Это видели все в тот день...

— Когда гамины издалека увидели всадника в желтом халате цин-вана, то они всей толпой стали стрелять в него. Целились изо всех сил...

— Стреляли залпами. И все мимо и мимо. А он с саблей налетел на них без единой царапины...

— После боя в седле, седельных сумах, сбруе, халате, сапогах и даже в шапочке цин-вана насчитали следы семидесяти пуль. А говорят, что и больше...

— И он за весь день не был даже легко ранен...

— Верно говорят ламы: наш цин-ван, бывший русским генералом, — монгольский Бог Войны...

— Цин-ван Унгерна великий Богдо-гэген называет своим первым полководцем...

Разрозненные бои в окрестностях Цаган-Цэгена шли три дня. Стороны то сходились, то расходились. На третьи сутки китайцы поняли, что окружены не только степью, но и неприятельскими конными отря-

дами. Генерал Чу Лицзян прислал парламентеров. В ходе недолгих переговоров китайцы согласились сложить оружие без каких-либо условий.

Такой ход переговоров усыпил бдительность Унгерна и его командиров. Ночью китайцы беспрепятственно ушли в направлении границы. На месте остался только один тысячный отряд, который и сдался в плен. Его солдаты рисковать жизнью не хотели, а служить за плату они могли кому угодно. Барон начал преследование беглецов, но «порубить» азиатам удалось только пехоту гаминов. Кавалерия, оторвавшись от довольно вялого преследования, ушла в Китай.

Унгерн сам вел преследователей по следу бежавших остатков китайской экспедиционной, вернее — оккупационной армии в Халхе по Калганскому тракту. Спустя несколько дней он спросил полковника Ивановского, делавшего какие-то отметки на видавшей виды штабной карте:

— Далеко до китайской границы?

— Два или три перехода. Верст около пятидесяти, если верить этой карте, не больше.

— А сколько отсюда до Пекина будет?

— Верст шестьсот.

— Значит, до Пекина сегодня Азиатской дивизии ближе, чем до Урги?

— Точно так, Роман Федорович. Ближе.

— Тогда хватит пылить по тракту. Ивановский, дай команду полкам поворачивать назад и собирать по пути трофеи. Чтоб ни одного патрона китайцев не пропало.

— Будет исполнено. Я уже приказал излишние личные трофеи сдавать в обоз.

— Правильно сделал. Подкрепи свое приказание еще одним. От моего имени. Чтоб боялись сокрывать трофеи. Все ценное сдавать в дивизионную казну...

Устанавливая в Халхе власть Богдо-хана (и, разумеется, собственную диктатуру), Унгерн фон Штернберг обратил внимание на улясутайские события. В этом городке стоял совсем небольшой пекинский гарнизон си-

лой в 80 солдат. Китайский комиссар Улясутайского округа Ван Сяоцун, узнав о походе Унгерна на Ургу, решил укрепить гарнизон и вооружил проживавших в городе китайцев. Они стали по ночам патрулировать улицы Улясутая.

Это обеспокоило местного монгольского губернатора — сайта Чултан-Байлэ. И негласного главу русских колонистов колчаковского полковника Михайлова. Тот создал из офицеров и других лиц вооруженный отряд на случай ожидавшихся русских и монгольских погромов. Обстановка в маленьком степном городке сразу же накалилась.

Получив такую поддержку, сайт Чултан-Байлэ потребовал от комиссара Ван Сяоцуна чтобы китайский гарнизон покинул Улясутайский округ и ушел на родину. В переговорах посредниками были два представителя русской общины — Михайлов и Оссендовский:

— Господин комиссар. От имени монгольской власти я прошу ваших солдат оставить подвластный мне округ.

— Я не могу вывести гарнизон. У меня нет ни лошадей, ни палаток для ночевки в степи, ни продовольствия для солдат.

— Все это мы вам соберем с местного населения.

— Хорошо. Тогда гарнизон пойдет на запад, в Маньчжурию. У меня большинство солдат родом оттуда.

— Этого мы не можем позволить. Есть более кратчайший путь отсюда в Китай. В Синьцзян. Ближайший город Гучэн.

— Пусть будет так. Но я прошу оставить солдатам и офицерам их оружие.

— Нет. Мы с полковником Михайловым решили, что свои ружья и патроны вы сдадите в монгольский арсенал.

— А если я, как правительственный комиссар, откажусь отдать такой приказ улясутайскому гарнизону? Что тогда будет?

— Тогда мои цэрики и русский отряд разгромят вас. Нас больше. К тому же в Халху вошла конная дивизия генерала Унгерна. Все ваны на его стороне.

— Хорошо. Я подчиняюсь вашим требованиям. Оставляю только самое необходимое в пути оружие. Но прошу вас пропустить гарнизон по Улясутайскому округу беспрепятственно.

— Такое обещание мы с полковником Михайловым даем...

Китайский гарнизон беспрепятственно покинул Улясутай. Почти сразу же после его ухода командир местного белогвардейского отряда «разошелся» с местным сайтом. Михайлов хитростью захватил городской арсенал (если так можно было назвать подвал одного из домов). Винтовки и патроны были розданы его сторонникам. Так колчаковский полковник оказался фактическим хозяином столицы одного из округов Халхи. Понимая свое военное бессилие, Чултан-Байлэ не стал конфликтовать с Михайловым.

Тот в самом скором времени продемонстрировал свою власть. Из Иркутска в Улясутай со «спецзаданием» прибыли три командира Красной Армии. Они были посланы своим командованием «проработать» маршруты передвижения советских войск в этой части Внешней Монголии. Михайлов приказал арестовать «незваных гостей» и расстрелять. Что и было исполнено в тот же день.

После взятия Урги барон Унгерн стал планировать поход на советскую территорию. Городок Улясутай становился важной тыловой базой Азиатской конной дивизии. Цин-ван отправил туда полковника Доможирова с небольшим воинским отрядом, приказав следующее:

— Выясни обстановку в Улясутае. Узнай, почему полковник Михайлов до сих пор не подчинился мне. Где китайский гарнизон и его оружие? Есть ли среди русской колонии в городе большевики. Если есть, то арестуй их и расстреляй на месте...

Получив от генерала Унгерна такие полномочия, Доможиров прибыл в Улясутай с самыми решительными намерениями. Вскоре он встретился с сайтом Чултан-Байлэ и полковником Михайловым. Разговор сразу же принял конфликтный характер:

— Вы дали китайцам уйти с частью оружия! Приказываю немедленно догнать гарнизон и разоружить его. Пленных офицеров под конвоем отправить в Ургу. Арестовать в Улясутае каждого, кто подозревается в сочувствии большевикам.

— Но мы дали на переговорах слово беспрепятственно пропустить китайский гарнизон через земли округа.

— Тогда я прикажу вас, сайт и полковник, расстрелять за содеянное именем генерал-лейтенанта Унгерна фон Штернберга.

— Мы не можем принять решение без согласия офицеров городского отряда.

— Разрешаю узнать мнение офицеров улясутайского отряда...

Среди подчиненных Михайлова произошел раскол. Часть из них во главе с поручиком Стригиным открыто встала на сторону унгерновского посланцы Доможирова. Тот приказал поручику с конной группой догнать в степи уходящий к границе китайский гарнизон. Против этого открыто выступил один из колчаковцев, полковник Полетика. Он прямо заявил Доможирову:

— Этот ваш барон Унгерн отъявленный авантюрист. Нельзя нарушать законы войны. Ведь мы дали китайцам слово...

Поручик Стригин во главе конных унгерновцев и улясутайских белогвардейцев догнал китайский отряд. Он предъявил командовавшему им комиссару Ван Сяоцуну ультиматум: «или — или». Тот подчинился, и теперь недавний городской гарнизон был разоружен уже полностью. После этого поручик приказал сдать все казенные ценности, личные деньги и вещи. То есть китайцы были ограблены. Взятыми «трофеями» Стригин поделился с Доможировым и Михайловым.

Получив от полковника Доможирова донесение и узнав, что часть офицеров критикуют его действия, барон Унгерн отправил в Улясутай монголо-бурятский отряд под начальством бурята полковника Ванданова. Комендантом Улясутая назначался полковник Казан-

цев, прибывший недавно в Халху из Урянхайского края (нынешней Тувы). Баронский посланец, прибыв в городок, заявил:

— Я приехал сюда с намерением провести в жизнь планы моего начальника, барона Унгерна фон Штернберга.

— А если кто не согласен с ним?

— Несогласным разрешаю покинуть Улясутай на все четыре стороны...

Несогласных нашлось немало. Группа лиц решила поехать в Ургу, чтобы оттуда перебраться в Маньчжурию, в городах которой, особенно в Харбине, проживали многие тысячи белых эмигрантов. Такое решение приняли полковник Михайлов с женой, полковник Полетика, офицеры три брата Филипповы, бывший акмолинский губернатор Рыбаков, племянник председателя Государственной думы Родзянко — капитан Зубов, бывший предводитель дворянства Писсаржевский, профессор Оссендовский... Все они покинули Улясутай, держа верхом неблизкий путь на столицу Халхи.

Между тем Унгерн направил в важный для него Улясутай еще один воинский отряд. Во главе его барон поставил капитана Безродного, правую руку даурского палача и ургинского коменданта Сипайло. Тот получил предельно конкретный приказ:

— Установить порядок в Улясутае самыми жесткими мерами. Никого из большевистского элемента не миловать.

— Приказ будет письменный, господин барон?

— Не стоит на такое дело изводить бумагу. Действуй под мою личную ответственность...

Безродный, знавший о случившемся «возмущении офицеров» из донесения полковника Доможирова, повстречал ехавших в Ургу из Улясутая близ Заин-Шаби. Сипайловский палач приказал зарубить на месте полковника Михайлова с женой, а Полетику и двух братьев Филипповых повесить на ближайшем дереве. Третий из братьев был убит позже по личному распоряжению барона. Рыбакова и Зубова капитан Безродный отвез в Улясутай и там их публично расстрелял.

Такая же участь постигла и местного сайта Чултан-Байлэ. Но приказывал ли барон убить монгольского аймачного губернатора, истории не известно. Скорее всего, нет. Палач Безродный расстреливал многих людей по «собственному желанию».

Счастливо избежавший смерти Оссендовский оставил после себя воспоминания под громким названием — «И звери, и люди, и боги». Улясутайское дело описывал не только он один. Мемуаристы рассказывают о личном участии барона Унгерна в карательной акции против непризнавших его власть колчаковских офицеров из Улясутая по-разному.

Оссендовский впервые увидел генерала Унгерна-Штернберга в примонастырском поселке Ван-Хурэ, куда капитан Безродный отослал часть арестованных «михайловцев». Поселок находился на тракте Ургa — Улясутай, и туда ожидалось прибытие барона. Он должен был приехать в Ван-Хурэ на встречу с Резухиным и Казагранди. Когда барон прибыл, то в юрту, где остановился цин-ван, привели обезоруженного при аресте Оссендовского.

Профессор был немало наслышан о диктаторе с железнодорожной станции Даурия и потому приготовился к самому худшему. Оссендовский на всякий случай засунул за обшлаг рукава ампулу с цианистым калием, чтобы отравиться, если Унгерн прикажет его казнить. Причина для убийства находилась веская: третий из братьев Филипповых, только что зарубленный по приказу самого барона, полковник по званию, был товарищем Оссендовского и спутником при отступлении колчаковцев.

Предчувствие беды не покидало арестованного. У входа в юрту стоял адъютант генерала Резухина, капитан Веселовский. За поясом у него был револьвер без кобуры, в руке обнаженная шашка, которой он только что зарубил последнего из братьев Филипповых. Лужа крови еще не впиталась в землю перед юртой.

В своих мемуарах Оссендовский так описывает первую встречу с «самим» бароном Унгерном:

«Не успел я переступить порог, как навстречу мне кинулась какая-то фигура в красном монгольском халате. Человек встряхнул мне руку нервным пожатием и так же быстро отскочил обратно, растянувшись на кровати у противоположной стены.

— Кто вы такой? — истерически крикнул он, впиваясь в меня глазами. — Тут всюду шныряют большевистские шпионы и агитаторы!»

Между тем Веселовский неслышно вошел в юрту и остановился за спиной у Оссендовского. Шашку он по-прежнему держал в руке, не вкладывая ее в ножны и ожидая, видимо, что с этим посетителем приказано будет поступить так же, как с предыдущим...

Но барон неожиданно сменил гнев на милость. По-видимому, жажда крови была уже утолена. Он, пристально смотря на стоявшего перед ним штатского человека, сказал:

— А вы, уважаемый профессор, не лишены самообладания. Похвально, весьма похвально. Откуда оно у вас, гражданского лица?

— Я с восемнадцатого года воюю с красными.

— А с кем вы знакомы из вождей Белого Дела?

— Со многими. Например, с Сахатовым и Каппелем. Вместе отступали к Байкалу почти что от Табола.

— А жена моего начальника штаба дивизии полковника Ивановского вам случаем не родственница? Мне доложили, что ваша жена ее сестра.

— Не родственница. Они просто носят одну и ту же фамилию.

— Вы действительно профессор?

— Да. Я могу подтвердить это документом о присвоении мне звания ординарного университетского профессора.

— В таком случае позвольте извиниться перед вами за столь нелюбезный прием. Капитан Веселовский, вы можете идти.

Адъютант генерала Резухина, всего с полчаса тому

назад по воле барона исполнивший обязанности палача, вложил шашку в ножны и с поклоном вышел из юрты. Было слышно, как он отправил конвойных монголов Оссендовского обратно. Тот облегченно вздохнул: смерть ему теперь не угрожала.

— Профессор. Хочу быть с вами откровенен. Я очень прошу вас до поры до времени остаться при мне.

— Зачем, господин генерал?

— Не скрою причины. Я столько лет вынужден был находиться вне культурного общества. Был всегда один на один со своими мыслями.

— А ваши офицеры? Они же единомышленники?

— Что вы, профессор. Все они лихие рубаки, храбрецы. Но не из людей образованных, культурных. Вот в чем беда.

— Хорошо, я готов стать человеком, прикомандированным к вашему штабу, господин Унгерн.

— Вот и прекрасно. Тогда до встречи в Урге.

Цин-ван Унгерн оказал Оссендовскому после того, как «подарил» жизнь, еще одну милость. Для дальнейшего путешествия к монгольской столице он отдал ему своего белого верблюда, незаменимого корабля степей и пустынь Халхи.

Улясутай, пожалуй, стал единственным местом в Халхе, где «противоречили» прибалтийскому барону с генерал-лейтенантскими погонами. Унгерну не пришлось посылать свои отряды в два западных аймака — Сайнноинханский и Цзасактуханский. Местные ваны полностью одобряли войну за изгнание китайских войск из Монголии и полностью признавали над собой верховную власть Джебцзун-Дамбы-хутухты и командующего его армией в лице хана и цин-вана Унгерна.

Это было лишь еще одним подтверждением того, что демон монгольских степей Унгерн фон Штернберг, имевший титулы барона, хана-чингисида и цин-вана Богдо-гэгена, чин семеновского генерал-лейтенанта, обладал диктаторскими возможностями. Чем, как не этим, можно, к примеру, объяснить один из его приказов «по всей Халхе»:

— Ни одного русского из Урги и Монголии в Маньчжурию, Харбин или к атаману Семенову не отпускать. Пусть служат только в моей Азиатской конной дивизии...

Необъявленная война во Внешней Монголии вызвала в Пекине серьезную тревогу и озабоченность. Все крупнейшие китайские газеты писали о каком-то белом русском генерале, который дал Халхе государственную независимость, короновал Живого Будду Богдо-гэгена и стал первым по значимости монгольским цин-ваном. И этот генерал всерьез говорил о том, что он намерен восстановить еще две династии: Романовых — в России, а Цинь — в Китайской республике.

Пекинское правительство Сюй Шучхена удивило и другое: посланная в Ургу 15-тысячная армия, хорошо вооруженная и обмундированная, понесла полный разгром. С карты Китая исчезла одна из ее провинций. В газетах печатались самые нелестные отзывы о военном даровании известных в стране генералов Го Сунлина и Чу Лицзяна, которые имели хороший послужной список. Правительству многое ставилось в укор, и прежде всего неспособность справиться с мятежниками в монгольских степях.

С легкой руки вездесущих журналистов по Пекину поползли назойливые, тревожные слухи. Они были сродни тем, которые витали во время японо-китайской войны, которая закончилась полным триумфом Страны восходящего солнца:

— Этот генерал Унгерн опасен Китаю. Он уже разгромил одну из наших республиканских армий...

— Он готовится вместе с конницей монголов Халхи перейти Великую Китайскую стену...

— Эти дикие всадники готовы обрушиться на нашу столицу, как воины Чингисхана...

— Цин-ван Унгерн хочет посадить нового императора в столице Срединного царства. Кого-то из оставшихся Циней?..

— Русский белый генерал угрожает все республики превратить в монархии...

— Он говорит, что такой подвиг в истории может совершить только конница сынов степей...

Прекратив преследование, Унгерн отвел свои конные войска в Ургу. Присматривать за китайской границей на «Калганском фронте» он оставил несколько сотен монгольских цэриков под начальством князя Наинвана. Не пошел барон и на север далее реки Иро и Ибицыка. Он лишь заметил:

— Китайцы за лето соберутся с силами. Думаю, что они скоро начнут новый военный поход против Урги...

Однако Роман Федорович Унгерн-Штернберг ошибался. Больше воевать ему с китайцами не довелось. Да и те вскоре откажутся от желания вновь захватить столицу Внешней Монголии и удержать в «китайских рамках» Халху. На то у Пекина были достаточно веские причины, поскольку не только в нем задумывались над судьбой степной страны с ее бесчисленными стадами и «срединным положением» на географической карте Азиатского материка. В 1921 году Москва озадачилась судьбой Монголии.

Революционное движение из России перекинулось не только на страны Европы (Германию, Венгрию, Словакию и ряд других стран), но и на государства Азии. Не могло оно пройти и мимо Монголии. В первых числах марта 1921 года на советской территории в городе Троицкосавске состоялся съезд революционно настроенных монголов. Они образовали Монгольскую народную партию (МНП), стоявшую на большевистских позициях. Ее лидером стал Чойбалсан.13 марта было сформировано народное правительство во главе с Д. Бодо, которое распространило свою власть на ряд северных хошунов Халхи.

Монгольские революционеры с помощью советских советников, получив от России оружие и все необходимое, сформировали свои воинские части. Главнокомандующим был назначен Сухэ-Батор Дамдины. В середине марта 400 конников под его командованием подступили к Кяхтинскому Маймачену (новое название — город Алтан-Булак) и захватили его. Так у барона Ун-

герна и властей Богдо-гэгена появился в самой Монголии собственный противник.

Алтан-Булак в переводе с монгольского означает «Золотой ключик». Сухэ-Батор считал город ключом ко всей Халхе, как было сказано в его речи перед красными цэриками по случаю одержанной победы. Алтан-Булак действительно стал символом будущих побед красных монголов на своей родной земле.

Военный министр народной Монгольской республики Сухэ-Батор вероятнее всего не знал, что он в истории повторил поступок последнего русского царя и первого всероссийского императора Петра Великого. Когда русские войска в ходе Северной войны 1700—1721 годов взяли у шведов штурмом крепость Нотебург (древний новгородский Орешек), то государь приказал переименовать ее в Шлиссельбург. То есть в «ключ-город». Для России он действительно стал ключом к Ингерманландии, Эстляндии, Лифляндии и Курляндии, этих прибалтийских земель...

Унгерн сразу заинтересовался личностью Сухэ-Батора Дамдины и навел о нем справки. Его больше всего обеспокоило то, насколько решительно начал войну в степях командир красных монголов:

— Откуда у этого Сухэ-Батора офицерская выучка?

— Он в 1912 году был призван в армию хутухты. Служил примерно. За свои способности в следующем году его отправили учиться.

— Куда? В военную школу в Хужир-Булаке?

— Да, туда. После ее окончания командовал кавалерийским эскадроном и пулеметной ротой. Если так можно назвать команду пулеметчиков армии хутухты.

— Боевой опыт до Маймачена имел?

— Да. Участвовал в разгроме отрядов халхинского разбойника Бабуджаба. За это и получил почетное прозвище богатыря — батора.

— Бабуджаба, как мне известно, не был обыкновенным степным разбойником. Он служил японцам.

— Ваны Халхи его не почитали, как и пастухи. Поэтому и был разбит без их сожаления.

— Да, судьба этого Бабуджаба не побаловала. Зато какой он был лихой налетчик.

— Точно так. Много бед наделал местным князьям и китайским купцам. Столько стад угнал у ванов, не перечесть. По сей день они плачутся об утраченном добре.

— А как Сухэ-Батор стал монгольским большевиком?

— После увольнения из армии хутухты работал в ургинской типографии. Там и сошелся с известным вам Чойбалсаном.

— Значит, этот красный монгол человек грамотный?

— Да, и русский язык знает.

— Кем он сейчас у монгольских большевиков?

— Военный министр, главнокомандующий их Народной армией. И входит в красное правительство.

— Известно вам, как относится к Сухэ-Батору лично Богдо-гэген?

— Он его побаивается и, как и ламы, настроен к нему враждебно. И только. У нас в старой России таких Сухэ-Баторов давно бы предали анафеме.

— Почему в старой России? А в Советской России разве не предали нас такой же анафеме. Ждут не дождутся нашей погибели...

Великий батор Унгерн фон Штернберг сразу понял, насколько опасен для его «дела» новоявленный враг. И насколько сильны красные монголы. Китайский маймаченский гарнизон насчитывал полторы тысячи солдат и офицеров, в том числе тысячу еще не обученных новобранцев и 500 старослужащих (300 пехотинцев и 200 кавалеристов). Большого боя не получилось, и деморализованные гамины после непродолжительного и не самого упорного сопротивления бежали из Маймачена в Ибицык, который недавно унгерновцы занимать не стали.

Известие о появлении конницы красных монголов в северном приграничье обеспокоило начальников Азиатской дивизии. Унгерн собрал совещание, на которое пригласил только верного ему человека генерала Резу-

хина и начальника дивизионного штаба полковника Ивановского. Вопрос стоял один: с кем и как воевать дальше:

— Ивановский. Какие сведения есть о силах этого Сухэ-Батора?

— У него в Маймачене четыре сотни конников с пулеметами. Оружия у китайцев взял много, может вооружить еще не одну сотню.

— Что у него в тылах сегодня?

— Части Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Стоят прямо на границе. В Кяхте и Троицкосавске.

— Значит, Красная Армия.

— Выходит, так. У Сухэ-Батора Дамдины много советских военных советников. Красного бурята от монгола отличить трудно.

— Значит, пойти атакой на Алтан-Булак нам будет сложно?

— Сложность только в советских тылах, Роман Федорович. Красных монголов мы со своими монголами разобьем.

— Сухэ-Батора надо выбить обратно через границу. И постараться уничтожить большевистскую заразу в Халхе с корнем.

— Согласен. Но то, что понимаем мы, не понимает Богдо-гэген и его князья с министрами. Вы же встречались с ним недавно.

— Встречался. Богдо-хан вновь мне сказал, что он и ламы в дацанах не хотят больше крови в степях Халхи.

— Монгольский монарх странный человек. Неужели он хочет усидеть в своих ургинских дворцах, не повоевав ни с китайцами, ни с революционерами Сухэ-Батора?

— Джебцзуна-Дамбу-хутухту можно понять. Он для монголов Живой Будда, а его вера против кровопролития.

— Если он не хочет крови сегодня, то завтра красные монголы войдут в Ургу без боя и с хутухтой поступят иначе, чем китайские генералы. Монастырские ламы его не защитят от Сухэ-Батора.

— Думаю, что хутухта это понимает. Я ему уже говорил, что большевики религиозный вопрос решают просто: закрывают храмы и монастыри, отдавая их под что угодно. Священников и монахов — кого в тюрьмы, кого на трудовое перевоспитание.

— Понял ли Богдо-гэген эту истину?

— Скорее всего, нет. Он говорит, что Халха — это не Россия.

— Значит, Азиатская дивизия пойдет в поход на север, Роман Федорович?

— Пока нет. Сейчас надо нам позаботиться о собственных тылах. В степях осталось еще много бродячих китайских отрядов.

— Когда же выступать?

— Пока рано. Надо попробовать завязать отношения с этим красным монголом. Ведь для него гамины — тоже враги. Может быть, мы получим в его лице союзника...

Унгерновцы частью своих сил все еще стояли на берегах реки Иро. Переговоры с Сухэ-Баторам по приказанию барона начал командир кавалерийского полка имени атамана Анненкова Парыгин. Он направил красному монголу письмо не от себя лично, а якобы от самого Богдо-хана. Предлагалось начать совместные действия против китайцев. Но революционер Сухэ-Батор Дамдины ответа на письмо белых монголов не дал.

В то время цин-ван Унгерн еще не знал, как крепко стоит за спинами монгольских революционеров Советская Россия. В действиях красных монголов Москва и местные власти в Сибири видели надежный заслон и против унгерновцев, и против семеновцев. Еще в феврале 1921 года за подписью Б. Шумяцкого и И. Смирнова в Москву была отправлена наркому иностранных дел (НКИД) Г. Чичерину (копия — Ленину) телеграмма следующего содержания:

«В связи с движением Унгерна в Монголии, угрожающим уже нашим границам на линии Кяхта — Май-

мачен, опирающегося на Японию и ориентирующегося на часть владетельных, контрреволюционно настроенных, совершенно не популярных монгол(ьских) князей, создается возможность с помощью партизан(ских) отрядов Монгольской Нар(одно)-Рев(олюционной) партии, снабдив их оружием и воен(ными) инструкторами, занять пограничную с нами часть Монголии и провозгласить там действительную независимость Монголии, вовлекая этим часть беднейшего и среднего монгольского элемента и мелких князей, ориентирующихся на Совет(скую) Россию, на борьбу с иноземным нашествием белогвардейских банд Унгерна».

— Народный комиссар иностранных дел Чичерин запросил по телеграфу сибирское партийно-советское руководство:

— Разве советская 5-я армия не может создать на границе РСФСР заслон против банд барона Унгерна?

— На сегодня из-за слабости и распыленности сил для борьбы с остатками сибирской контрреволюции нет.

— Что доносит военная разведка из Внешней Монголии?

— Белогвардейские войска барона Унгерна усиленно готовятся к походу на РСФСР. Есть сведения, что он сносится с известным вам маньчжурским диктатором Чжан Цзолинем.

— Будет ли вторжение Унгерна сопровождаться ударом семеновцев против Дальневосточной республики?

— Не думаем. Семенов порвал с Унгерном, и связи с ним, по нашим проверенным данным не поддерживает уже почти год.

— Сила монгольских революционеров сегодня реальна или только перспективна?

— В беседах Бодо, Чойбалсан и Сухэ-Батор заявляют, что они уже сейчас готовы выставить до пятисот бойцов. Но у них почти нет оружия.

— Хорошо. Ваше предложение, посланное мне

и товарищу Ленину, одобряется. Действуйте. Обо всем прошу информировать.

— Будет исполнено...

Идея председателя Реввоенсовета Советской Республики Льва Давыдовича Троцкого (Бронштейна) о перманентной пролетарской революции воплощалась в жизнь и на Востоке. Еще в июле 1920 года в Иркутске при Сибирском бюро РКП(б) была образована секция восточных народов, а в ее составе — монголо-тибетский отдел. Задачу секция имела вполне определенную: подготовка и организация коммунистических групп и партий в Китае, Корее и Монголии. Одновременно велась подготовка профессиональных революционеров-коммунистов из национальных кадров.

Уже 16 августа того же 1920 года в Иркутск прибыла представительная делегация революционеров Халхи: Д. Бодо, С. Данзан, Д. Догсом, Д. Лосол, Х. Чойбалсан и Д. Сухэ-Батор. Их приняли уполномоченные лица Народного комиссариата иностранных дел РСФСР, руководитель секции восточных народов Ф. Гапон и представитель монголо-тибетского отдела С. Борисов. Стороны договорились о главном, то есть о поставках оружия, денежной помощи и командировке военных инструкторов Монгольской революционной партии.

Реввоенсовет и НКИД санкционировали поставки оружия и боеприпасов красным монголам Сухэ-Батора не сразу. Военспец С. Каменев, бывший полковник старой русской армии, а ныне Верховный главнокомандующий Республики, только в начале марта 1921 года приказал штабу 5-й армии выдать партии монгольских революционеров 3 тысячи винтовок, 10 тысяч гранат, два миллиона патронов, 5 пулеметов и 150 револьверов. Оружия и боеприпасов выдавалось на огромные по масштабам Халхи войска в три с лишним тысячи человек.

В Троицкосавске, столице Бурятии, было организовано обучение красных монголов военному делу. Занятие вели опытные инструктора. За самый короткий срок были обучены кавалерийскому делу 400

конников. Они и составили основу армии военного министра Сухэ-Батора, который 18 марта взял у китайцев город Маймачен, переименованный в Алтан-Булак. Так в Монголии началась народная революция, имевшая надежные и крепкие тылы в Советской России.

Маймачен и его округа стали первой «освобожденной» территорий. Сухэ-Батор начал здесь собираться с силами, понимая, что пока ему трудно тягаться на «тропе войны» с белыми войсками Унгерна и отрядами князей, которые стояли на стороне Богдо-гэгена. Да и к тому же на монгольской территории еще оставалось немало военных частей пекинского правительства.

Унгерн собирал любые сведения о красных монголах, чтобы «распознать» их действительную воинскую силу. Но при этом постоянно говорил окружавшим его:

— Красномонгольские отряды за регулярные войска я не считаю.

Роман Федорович решил удержать за собой большую часть Халхи, ее столицу и одновременно окончательно выбить китайские войска с монгольской территории. Только после этого можно было начать давно задуманный поход в советское Забайкалье. Генерал Резухин с большим отрядом отправился в Чэрэнханский аймак. Отряд Найден-гуна в 500 всадников присматривал за границей на юге, на калганском направлении. В Урге, на случай ее защиты от китайцев и красных монголов, барон теперь держал большие силы, не менее тысячи человек.

Вскоре генерал Унгерн-Штернберг нанес китайцам еще одно чувствительное поражение. С отборным тысячным отрядом (русские казаки, буряты, тибетцы и белые монголы) он совершил рейд к западу от Урги и подверг разгрому крупный китайский отряд в 5—6 тысяч человек, который, по всей вероятности, стремился уйти из Халхи и находился в районе селения Цзаин-Шаби. Поход «азиатов» состоялся в начале апреля.

Цин-вану Унгерну удалось в весенней степи окружить «пробиравшийся в Китай» неприятельский отряд и заставить большую его часть сложить оружие. Великий батор писал 10 апреля Найден-гуну:

«Я только что возвратился из похода против гамин, шедших из Кяхты, — пробирались на юг между Ургой и Цзаин-Шаби. Удалось их окружить, но часть монгольских сотен прозевала, не все (китайцы. — А.Ш.) попали в плен. Всего взято в плен 4000 во главе с генералом Джа-у. Много убитых, захвачены пулеметы и обоз. Из Дзаин-Шаби сообщают: там китайские войска сдают оружие».

Монгольские сотни действительно проглядели многих китайцев, которые сумели выскользнуть из кольца. Генерал Унгерн узнал об этом только утром следующего дня:

— Почему в Дзаин-Шаби в плен взято только часть китайцев? Где остальные отряды Джа-у?

— Разведка из бурят донесла, что ночью несколько китайских отрядов прошло мимо монгольских сотен. Определили по следам в степи.

— А те что, спали?

— Точно так. Спали, как на пастбище, забыв про войну. Даже коней расседлали.

— Пошлите вдогонку тибетскую сотню и казаков-забайкальцев. Пусть доведут дело до конца...

Полный разгром крупного отряда генерала Джа-у наделал в Пекине много шума. Там опять заговорили о цин-ване Унгерне, готовом «вот-вот» ворваться вихрем на земли собственно китайцев. Реакция на новые поражения китайских войск, еще остававшихся в Халхе, оказалась для многих политиков, знающих Дальний Восток, самой неожиданной.

Состоявшаяся в городе Тяньцзине правительственная конференция пришла к выводу, что «русский генерал Унгерн угрожает Пекину». Уж очень близко «подходили» к столице Китая конные войска монгольского цин-вана. Было принято удивительное для многих решение: генерал-инспектор Маньчжурии Чжан Цзо-

линь получал неограниченные, равные диктаторским, полномочия. И к этому еще три миллиона долларов (огромную по тому времени сумму денег) для снаряжении военной экспедиции против Унгерна и Урги. Чжан Цзолинь получил от правительства титул «высокого комиссара по умиротворению Монголии».

Когда Унгерн фон Штернберг узнал об этом (правда, с большим опозданием), он прокомментировал решение официального Пекина так:

— Там политики сровни японцам. Те строят свои планы на мне и на этом маньчжурском генерале Чжан Цзолине, стремясь подружить нас. Неужели китайские министры не знают, что Чжан Цзолинь не будет воевать с белыми ни сегодня, ни завтра. У него забот со своими революционерами хватает...

Чжан Цзолинь уже был подлинным диктатором Маньчжурии, мало зависимым от пекинского правительства, обладавшим собственной армией. Но чтобы получить все без остатка три миллиона долларов в серебре, он двинул часть маньчжурских войск к Калгану. Получив такое известие, цин-ван Унгерн сказал Богдогэгену:

— Все это пустое дело. Китайцы дальше Калгана в степь не пойдут. У генерала Чжан Цзолиня другие планы...

Действительно, военный поход в Халху в планах Чжан Цзолиня стоял, пожалуй, на самом последнем месте. Собственно говоря, на этом настаивали и японские советники маньчжурского правителя. Однако самовластному Унгерну с его диктаторскими замашками поведение японцев в той «пограничной» ситуации почему-то не понравилось. На сей счет у него состоялся разговор с полковником Ивановским:

— Сколько на сегодня человек в японской сотне?

— Человек семьдесят. Может, даже меньше.

— Я удаляю японцев из своего конвоя. Приказываю японскую сотню Азиатской дивизии сегодня же расформировать.

— Что-то случилось, господин барон?

— Я разочарован в японских воинах.

— А как быть с расформированными? Ведь они в дивизии служат по найму. Мобилизованных почти нет.

— Раскидайте их по полкам и сотням. Распылите среди азиатов...

На «экспедиции против русского генерала Унгерна» по-восточному мудрый Чжан Цзолинь заработал не только три миллиона долларов от правительства, поступивших в его, почитай, личную казну. Маньчжурский диктатор умело провел немалый сбор «добровольных» пожертвований от тех торговых фирм и крупных купцов, которые пострадали от необъявленной войны во Внешней Монголии и от погрома в Урге. Однако идти войной против Халхи Чжан Цзолинь не собирался. Лично ему она была вовсе не нужна. Он «кормился» одной Маньчжурией, не мечтая о власти в Пекине.

«Высокий комиссар по умиротворению Монголии» хотел видеть в белом генерале, ставшем фактическим хозяином Халхи, не врага, а союзника. Который мог бы прийти к нему на помощь в трудную минуту, поскольку подобных Чжан Цзолиней в Китае развелось много. Чуть ли не в каждой провинции сидел военный с генеральскими погонами, который, если хотел, мог не послушаться пекинского правительства даже в большом деле. О малых речь в республиканском Китае уже и не шла. Сепаратизм генералов в бывшей Циньской империи достиг к тому времени глобального размаха.

Чжан Цзолинь нашел способ быстро связаться с Унгерном, чтобы узнать про его «завоевательные» планы. Доверенное лицо «высокого комиссара по умиротворению Монголии» полковник Лям Пань прибыл на железнодорожную станцию Маньчжурия в стан семеновских войск. Там он разыскал есаула Погодаева, унгерновского уполномоченного при атаманском штабе.

Через несколько дней полковник Лям Пань, даже не снимавший форму китайского военного, в сопровождении есаула Погодаева уже был в Урге. Барон, много

слышавший о маньчжурском диктаторе, принял его посланца в тот же день. Беседа велась с глазу на глаз:

— Господин генерал. Я уполномочен моим господином Чжан Цзолинем провести с вами строго конфиденциальные переговоры.

— Я готов выслушать вас.

— Вы, конечно, знаете отношение к вам пекинского правительства?

— Да, мне оно известно.

— Чжан Цзолинь хотел бы получить откровенный ответ на самый главный вопрос к вам, господин цин-ван.

— Я готов ответить как солдат. Я рыцарь, а не восточный дипломат.

— Весьма признателен за такой ответ. Что бы вы ответили Чжан Цзолиню на предложение выйти со своим войском из Урги?

— Мой ответ однозначно отрицателен. Из Халхи я уходить не собираюсь.

— Так мудрый Чжан Цзолинь и ожидал. Благодарен вам за искренность.

— Но я могу сделать маньчжурскому губернатору взаимно выгодные предложения.

— Какие же?

— Я, барон Унгерн, цин-ван Богдо-хана, готов подчиниться Чжан Цзолиню. Но только при двух непременных условиях.

— Это очень интересно. Ваши условия?

— Во-первых, Богдо-гэген должен быть сохранен на монгольском престоле как монарх.

— А второе ваше условие?

— Чжан Цзолинь должен совместно со мной включиться в борьбу за восстановление Поднебесной империи.

— Вы считаете, господин генерал, что империю Цинь сегодня можно восстановить?

— Уверен в этом, полковник.

— Тогда позвольте спросить: на чем строится такая твердая убежденность?

— На том, что последний император маньчжурской династии Пу И нашел, как я думаю, надежное убежи-

ще при мукденском дворе вашего господина Чжан Цзолиня. Разве это не так?

— Так. Чжан Цзолинь старается не портить отношения с китайской знатью. В том числе и с теми людьми, в которых течет кровь маньчжурской династии.

— Наследнику маньчжурского трона всего семнадцать лет. Он сегодня совершенно безвластная и неавторитетная фигура на политическом небосклоне Китая. Не так ли?

— Совершенно согласен с вами, господин генерал.

— Но сила Пу И в том, что у него нашелся высокий покровитель в лице Чжан Цзолиня.

— Вы, господин цин-ван, прекрасно осведомлены о делах в Маньчжурии. Откуда у вас так много интересной и вполне достоверной информации, если можно о том спросить?

— Большого секрета нет. Военнопленные из пекинских офицеров.

— А как на ваши планы смотрит атаман Семенов? Ведь ваша дивизия входит в состав его армии?

— Поправлю: согласно приказу атамана Семенова моя Азиатская конная дивизия уже ему не подчиняется.

— Кому же тогда она подчиняется?

— Только лично мне, генерал-лейтенанту барону Унгерн фон Штернбергу. И больше никому.

— А вы тогда кому подчиняетесь?

— Я цин-ван Богдо-гэгена.

— Что мне можно еще передать моему почитаемому начальнику Чжан Цзолиню?

— Скажите ему, что я, к сожалению, в настоящее время без хозяина. Семенов меня бросил.

— Я вас прекрасно понял, господин цин-ван. Ваш ответ будет передан в Мукдене слово в слово...

Полковник Лям Пань в точности передал сказанное Унгерном-Штернбергом маньчжурскому диктатору. Чжан Цзолинь понял, что цин-ван русского происхождения хочет представлять в переговорах с ним независимую Халху. Чжан Цзолинь был многолетним мань-

чжурским диктатором и многоопытным политиком. Тогда как генерал Унгерн являлся новоявленным монгольским диктатором и опыта в политических «подковерных» играх не имел. В той ситуации о союзе двух этих людей не могло быть и речи: тогда бы хозяина Мукдена на весь Китай объявили бы изменником национальных интересов. Но, как два карточных игрока, оба держали про запас Циньскую карту.

Но эта карта силу, разумеется, имела разную. Чжан Цзолинь имел в «резерве» такую выигрышную фигуру, как Пу И. Он, правда, так и не даст ему императорский трон. А вот японцы сделают Пу И, последнего отпрыска маньчжурских императоров, монархом, поставив его во главе марионеточного государства Маньчжоу-Го.

Картой барона Унгерна были лишь планы восстановления монархии — Цинськой империи в Китае. Под собой «военной силы» эти планы не имели, однако тревожили и заботили многих правительственных чинов в Пекине. Не случайно же там после взятия унгерновцами Урги ожидали вторжения «чингисхановских орд» через Великую Китайскую стену.

То, что маньчжурский генерал-инспектор Чжан Цзолинь получил диктаторские права для наведения порядка в провинции Халха, то есть во Внешней Монголии, случайностью назвать было никак нельзя. Сильная личность, самовластно правившая Маньчжурией уже не один год, получила новую власть по пословице «береженого Бог бережет».

Обсудив все со своими доверенными советниками, Чжан Цзолинь решил не вести больше переговоров с цин-ваном Унгерном. Но и не отталкивать его от себя для возможных планов в будущем. «Высокий комиссар по умиротворению Монголии» приказал:

— Войска из Калгана вернуть к Мукдену. Войной на Ургу я пока не пойду. Мне сейчас не до этого...

Однако заинтригованный вниманием со стороны всесильного Чжан Цзолиня, Роман Федорович попытался найти к нему «подход». Он завязал переписку с ближайшим сподвижником маньчжурского диктатора, губернатором пограничной провинции Хейлуцзян генералом Чжан Кунью:

«Из только что полученных случайно газет я вижу, что против меня ведется сильная агитация из-за войны якобы с Китайским государством. Думаю, что, зная меня, Вы не можете предположить, чтобы я взялся за такое глупое дело...»

«Я воюю не с Китаем, а исключительно с республиканцами-гаминами. Они есть ученики русских большевиков...»

«Не могу не думать с глубоким сожалением, что многие китайцы могут винить меня в пролитии китайской крови. Но я полагаю, что честный воин обязан уничтожать революционеров, к какой бы нации они не принадлежали, ибо они есть не что иное, как нечистые духи в человеческом образе, заставляющие первым делом уничтожать царей, а потом идти брат на брата и вносящие в жизнь человеческую одно зло...»

Строя фантастические планы на восстановление монархий в Китае и России, Роман Федорович попробовал сблизиться с маньчжурским правителем. Он решил сперва объясниться с ним по поводу обвинений в свой адрес: «Генерал и цин-ван Унгерн проливал в Халхе невинную кровь китайских военных людей». Барон написал Чжан Цзолиню следующее письмо:

«Ваше сиятельство.

Ведя переговоры с вашими агентами Го Хаошаном и Лун Дицзи, давая им нужные сведения, я понял из разговоров о непонимании некоторых обстоятельств, а потому считаю своим священным долгом сообщить Вам нижеследующее: на днях Бароном Унгерном занята Урга, а злонамеренные люди распространяют слухи, что Барон поднял оружие против Китая. Зная Барона давно, служа с ним много лет, я больше чем уверен, что этого не могло быть. Опишу Вам по слухам обстоятельство, предшествовавшее этим событиям: из Троицкосавска в Ургу пробралось более 300 человек коммунистов-большевиков русских и китайских, и в течение не особенно большого времени почти весь

китайский гарнизон был развращен; началось неподчинение офицерам, грабежи и даже убийства, а вот оставшаяся верной китайским властям часть (кажется, все северяне) снеслась с Бароном, и общими усилиями были выбиты из Урги бунтующие войска...»

Письмо Чжан Цзолиню было передано с есаулом Погодаевым. В Мукдене, столице Северного Китая — Маньчжурии, оно не вызывало ни положительного впечатления, ни очередного негодования. Известный своим уравновешенным характером Чжан Цзолинь только заметил:

— Этот Унгерн странный человек. Пишет от себя о себе. Он скорее восточный мистик, чем русский сказочник.

Когда Чжан Цзолиня спросили о том, будет ли его ответ в Ургу, тот, подумав, сказал:

— Пожалуй, не стоит отвечать. Письмо сохраните в моем архиве. Думаю, что оно нам еще пригодится на переговорах с российской делегацией. Москва рано или поздно покончит с диктатором Халхи...

— Будет ли устный ответ казачьему офицеру, доставившему в Мукден письмо?

— Выдайте офицеру за службу небольшую награду серебром. Пусть едет обратно к семеновцам в Харбин.

— Те считают его агентом цин-вана Унгерна в своих кругах.

— Пусть считают. На всякий случай прикажите приглядывать за ним. Особенно когда он бывает на железнодорожной станции Маньчжурия. Для нас это граница с Россией и Халхой...

Поведение некоронованного правителя Маньчжурии имеет объяснение, тогда мало кому знакомое и в Мукдене, и в Пекине. Внешняя Монголия, долгое время являвшаяся зоной влияния царской России, осталась без сюзерена. На эту роль теперь претендовала Япония, с которой Чжан Цзолинь никоим образом не собирался ссориться. Даже из-за цин-вана Унгерна, давшего Халхе государственную независимость от Китая.

Чжан Цзолинь, человек лично богатый, мог содержать немалую агентурную сеть. Ее паутина «накрыла» и унгерновский штаб. Так хозяину Мукдена стало известно, что цин-ван Унгерн строит свои планы по восстановлению циньской монархии не на голом песке. Оказывается, барон доподлинно знал, что китайские генералы-монархисты Чжан Кунью, Ли Чжанкуй, Чжан Сюнь и Шэн Юнь готовы и сами поднять мятеж против республиканского строя и поддержать любого «первопроходца» в этом деле.

Среди этой генеральской плеяды особенно выделялся Чжан Сюнь. Именно он летом 1917 года поднял монархический мятеж с целью восстановления на троне бывшего императора Пу И. Его войска в июле захватили Пекин и удерживали его двенадцать дней. Однако в тех событиях Чжан Сюнь не получил народной поддержки. Мятежники были разгромлены премьер-министром Дуань Цижуем, бэянским генералом. Об этих событиях барон Унгерн узнал, когда находился на службе у атамана Семенова.

Чжан Цзолиню, имевшему в Пекине немало высоких по положению осведомителей, были известны многие секреты правительственного кабинета, к которому он особых симпатий, скажем прямо, не питал. Ему было известно, что еще в 1919 году богатые японские фирмы выдали пекинскому правительству большую ссуду на продолжение строительства Пекин-Калганской железной дороги до Урги. Те же фирмы с Японских островов очень интересовались угольными копями в Халхе и возможностями купить там большие участки земли для хозяйственного освоения.

Из всего этого напрашивался закономерный вывод: Токио против посылки новых китайских войск в Монголию. Ведь в случае победы над силами белого генерала Унгерна эти войска могли «задержаться» в Халхе надолго и стать помехой для японских колонистов. Что же касается денег, ссуженных правительству Пекина на железнодорожное строительство, то Чжан Цзолинь имел повод не раз пошутить:

— Хитрые японцы рассчитались с нашим правительством циньским серебром...

— Расплатились с Пекином той императорской казной, которую они так умело захватили в Пекине и увезли на свои острова...

— Хорошо платят нам за Халху, но только не своим серебром и не в маньчжурскую казну...

— Надо же, мятежники-ихэтуани не тронули императорской серебряной казны, а японцы ее увезли сразу...

«Серебряная история» была такова. В 1900 году в Китае, первоначально в провинции Шаньдун, вспыхнуло широкое народное восстание ихэтуаней, названное европейцами «боксерским». Оно было направлено прежде всего против иностранного засилья в стране, маньчжурская императорская династия Циней оказалась бессильной что-либо сделать.

Инициатором восстания явилось тайное религиозное общество «Ихэциань» («Кулак во имя справедливости и согласия»). Вступившие в общество давали клятву «не быть жадными, не развратничать, не нарушать приказаний родителей, уничтожать иностранцев, убивать чиновников-взяточников». Позже повстанческие отряды были переименованы в «Ихэтуани» («Отряды справедливости и согласия»). В связи с тем, что в название общества входило слово «циань» (кулак), европейцы назвали повстанцев «боксерами», а само восстание — «боксерским».

Повстанцы, повсюду уничтожая иностранцев и китайцев-христиан, захватили столицу страны и осадили в ней посольский квартал. Мировое сообщество поспешило на выручку дипломатическим миссиям. Во главе международной карательной экспедиции по предложению германского императора Вильгельма II был назначен немецкий генерал-фельдмаршал Вальдерзее, который прибыл в Китай уже после того, как Пекин был взят и «боксеры» из него изгнаны.

Столицу Циньской империи штурмом брал международный 20-тысячный экспедиционный корпус под командованием русского генерала Н. П. Линевича.

В его состав входили 9000 японцев, 6000 англичан, 4000 русских, американцы, французы и другие участники карательной «освободительной» акции. Посольский квартал, защитники которого успешно выдержали 54-дневную осаду, был освобожден.

Пока европейцы вели уличные бои и пробивались к осажденным, японская 5-я дивизия «делала свое дело». Они занялись захватом многочисленных императорских дворов, брошенных императрицей-регентшей Цы Си и ее двором, они бежали с наследником престола малолетним императором Дуаньчу (Гуансю) в неблизкий от Пекина город Сиань. Главной военной добычей японцев стала огромная по весу и стоимости серебряная казна Китайской империи (в Китае исторически имела хождение не золотая, а серебряная монета), которую они поспешили вывезти к себе.

...Не получив ожидаемого ответа из солдатских казарм Мукдена (именно в них под охраной солдат-маузеристов проживал правитель Маньчжурии), цин-ван Унгерн фон Штернберг обиды на самовластного Чжан Цзолиня не затаил. Барон понимал всю разницу своего и его положений. Он постарался, однако, сделать все возможное, чтобы умалить свою вину перед Пекином. Но исходя из военной необходимости.

Баяр-гун, командовавший отрядом монголов-чахар, пригнал в Ургу из западных областей Халхи, больше всего из-под Улясутая, около семи сотен пленных китайских солдат и офицеров, голодных и изнеможденных. Цин-ван приказал всем им сохранить жизнь. Из этой толпы военнопленных Унгерн отобрал четыре десятка маньчжур и корейцев, превратив их в своих личных телохранителей. Остальных «добровольцев» в числе 600 человек свели в отдельный дивизион Азиатской конной дивизии. Командовать им барон назначил приглянувшегося ему своей опытностью и исполнительностью китайского офицер Чжан Гуанди.

Такое решение вызвало немалое удивление унгерновских офицеров. Штабисты даже обратились к Роману Федоровичу за разъяснениями:

— Господин барон. Сделать вчерашних врагов личной охраной? Не опасное ли это дело?

— Совсем нет. Надо знать историю восточных правителей. Они всегда брали в телохранители людей, по национальности не связанных с общей массой войска.

— Разве тому есть примеры?

— Почему бы нет. Великий Чингисхан личную гвардию составлял из воинов самых различных степных племен. Покушались ли когда-нибудь на него?

— Но то были азиаты у ног азиатского деспота. Вы же на Востоке белый человек, европеец.

— Тогда сделаем еще один экскурс в историю монголов. Великих ханов-чингисидов в Каракоруме охраняла гвардия из военнопленных русских витязей. Разве она изменяла хоть раз сынам и внукам Чингисхана?

— Ваша воля, господин генерал. А дивизион китайской пехоты в рядах Азиатской дивизии зачем учрежден, извольте спросить?

— Этот дивизион из военнопленных в скором времени станет ядром китайской монархической армии.

— Армии Циней?

— Да, армии циньской династии. Кто знает, может быть, именно этот дивизион будет личной гвардией нового императора Китая. Вы же знаете, что я сторонник желтой расы...

Однако служить Унгерну пошли не все военнопленные: «набор» в китайский монархический дивизион проводился выборочно. Случайных людей в него не брали. Тогда барона спросили:

— Что прикажете делать с остальными пленными китайцами? Ведь их набирается несколько тысяч. Оград в Урге не хватает.

— Объявите военнопленным, что они становятся сельскохозяйственными работниками.

— Но ведь в таком случае им придется платить. Не из дивизионной же казны давать пленным на содержание?

— Казна Азиатской конной дивизии здесь ни при чем. Пленные будут работать за еду. Бесплатно.

— А если они откажутся работать без платы?

— Тогда пускай подыхают с голода по своей охоте. Кто не работает, тот не ест. Объявите об этом через толмачей...

Как известно, барон Унгерн на первых порах очень пекся о китайском дивизионе. Он его приодел, вооружил трофейным оружием. И даже не пожалел два пуда «ямбового серебра» на изготовление кокард и трафаретов на погонах. Эмблему для китайских пехотинцев Роман Федорович придумал сам: это было «фантастическое соединение дракона с двуглавым орлом». Когда его спросили, что обозначает странный символический знак, то цин-ван ответил не без гордости:

— Это символ двух великий империй-соседей. Сегодня рухнувших на наших глазах, но завтра поднявшихся из пепла истории. По воле Божией и с нашей помощью...

О том, что в белогвардейской армии, находящейся на территории Халхи, стали создаваться китайские воинские части, стало известно в Мукдене. Но многое видящий наперед Чжан Цзолинь успокоил своих советников:

— Пусть будет китайский дивизион у этого Унгерна. Пусть даже полк, и не один. В нужный час по моей воле они станут частью моей армии.

— Но каким образом? Ведь военнопленные принесли белому генералу слова воинской клятвы.

— Ну и что из этого? Они родом не из России, а в своем большинстве маньчжурские выходцы.

— У атамана Семенова тоже служат китайцы. Они ему не изменяли, когда красные успешно воевали против него у Читы.

— Атаман не создавал из восточных людей отдельные армейские части под своим собственным командованием. Генерал Унгерн уже раз столкнулся с мятежом харачинов в подчиненном только лично ему гарнизоне...

Став фактическим хозяином Урги, барон не забыл, что в западной части Монголии и в китайском Туркес-

тане расположилось несколько бежавших из советской России белогвардейских отрядов. Это были осколки армии адмирала Колчака. Роман Федорович решил объединить их для будущего похода в Забайкалье, на юг Сибири. Он разослал командирам этих белых отрядов письма. В них Унгерн писал:

«...Прошу Вас согласовать свои действия с моими действиями, исходя из непогрешимости военного закона, что только в единстве сила».

Письма были посланы есаулу Кайгароду, чей казачий отряд находился в Кобдоском округе, есаулу Казанцеву, оперировавшему в Урянхайском крае и близ Уланкома, полковнику Казагранди в недалекий от Урги поселок Ван-Хуре, вахмистру Шубину, остановившемуся на берегах озера Косогол. Все они присоединились к генерал-лейтенанту Унгерну-Штернбергу по своей воле, признав его за старшего над собой. Каждый из этих отрядов насчитывал не более трех сотен человек.

Отряд есаула Кайгородова, выходца из простых алтайских казаков, базировался в городе Кобдо, за тысячу верст от Урги. Кайгародов был единственным, кто из белых военачальников до последних дней сохранил самые добрые отношения с местным монгольским населением. Один из его приказов начинался словами:

«Мы, как песчинка в море, затеряны среди необъятной шири Монгольского государства...»

Отряд есаула Казанцева, атамана Енисейского казачьего войска, просуществовавшего как таковое меньше года (оно образовалось из енисейских и иркутских казаков), насчитывал полторы сотни людей. Барон Унгерн-Штернберг привлек на свою сторону есаула тем, что пообещал ему после победы над большевиками образовать на юге Красноярского края особой Урянхайское казачье войско, а самого Казанцева сделать войсковым атаманом. Который, как известно, по «Положению о казачьих войсках России» имел генерал-лейтенантское звание.

В Монголии есаул Казанцев прославил себя делами

в Улясутае, на который он базировался. Он помог прибывшим туда Сипайло и его помощнику капитану Безродному очистить город от «вредных элементов» в лице евреев и сочувствующих большевикам. В итоге такой чистке из русской общины Улясутая погибло 42 человека (пятая ее часть): мужей и жен связывали вместе, а потом рубили шашками.

Полковник Казагранди имел отряд сотни в две человек. Но это были не казаки, а колчаковские солдаты и офицеры, в своем большинстве сибиряки. Своей базой отряд сделал поселок Ван-Хурэ на тракте Урга — Улясутай. Казагранди в годы Гражданской войны был известен тем, что совершал массовые казни гражданского населения, примкнувшего к красным.

Вахмистр Шубин (по другим сведениям — иркутский урядник) командовал отрядом в семьдесят человек. Сам в прошлом был таежником, промышлял скупкой пушнины. Шубина унгерновцы называли «просто бандитом». Служить семеновскому генералу Унгерну он пошел с большой охотой: тот, помимо обещания произвести в первый офицерский чин прапорщика, прислал на берега озера Косогол «бидон с серебряной монетой» и достаточное число трофейных китайских винтовок с патронами.

Свое обещание наградить Шубина офицерским чином барон выполнит перед самым началом своего второго похода в Забайкалье. Он прикажет начальнику штаба дивизии полковнику Ивановскому:

— Отправь нарочного к Шубину. Пусть отвезет приказ о присвоении ему чина казачьего хорунжего. Приказ напиши сам и дай мне на подпись.

— Печатать не на чем. На пишущей машинке в штабе половина букв скособочилась

— Почему скособочилась? Не углядел, значит, за дивизионным имуществом?

— Какое там не углядел? Нельзя же такой инструмент по степям на верблюде год возить. На каждой стоянке вьюк то снимают, то вновь привязывают. Вот и поломалась машинка-то.

— Тогда возьми перо и напиши приказ чернилами.

— И настоящих чернил у меня нет. Все вышли. В китайских лавках не чернила, а печная сажа, настоянная в вине.

— Тогда пиши приказ чернильным карандашом. Шубину важен не документ, а моя подпись на нем...

Примкнули к Азиатской конной дивизии в разное время и более мелкие белогвардейские отряды Комаровского, Сухарева, Нечаева, Архипова, Очирова, Немчинова, Тапхаева и других. Ценность такого пополнения состояла в том, что это были испытанные в Гражданской войне бойцы, не желавшие ни в коей мере мириться с Советами, которые оставили их без Отечества. Да к тому же репрессии лишили многих по ту сторону границы родных, а конфискации — нажитого добра.

Из Урги барон Унгерн попытался завязать тесные связи и установить взаимодействие с колчаковскими генералами Анненковым и Бакичем, оказавшимися в Синьцзяне. Он просил и того, и другого только об одном:

«...Прошу Вас для пользы общего дела борьбы с большевиками действовать согласованно».

Унгерн, сам конный армейский партизан Первой мировой войны, был много наслышан об Анненкове. Тот командовал партизанским отрядом, Октябрьский переворот не признал и, сумев сохранить своих людей, уехал с ними в Омск. Адмирал Колчак присвоил Анненкову генеральское звание и назначил командующим Отдельной Семиреченской армии. В Гражданской войне атаман Анненков отличился особенной жестокостью при подавлении крестьянских восстаний в Семиречье, Омской и Томской губерниях. После разгрома колчаковской армии, преследуемый красными, ушел в Синьцзян. Там поступил со своими отрядами на службу в китайские войска.

Однако ужиться с китайскими властями Анненков не сумел. Он поднял мятеж, но был арестован, созданный им полк разоружили. Почти три года ему пришлось провести в местной тюрьме, а затем Анненков

волей судьбы оказался на советской территории. В августе 1927 года по приговору суда он был расстрелян за многочисленные злодеяния в ходе Гражданской войны в Сибири и Семиреченском крае.

Унгерн, отправляя доверенного человека к Анненкову, не знал о мятежных событиях. Колчаковский атаман не мог ни получить письмо, ни ответить на него. Он уже сидел в тюрьме под бдительной стражей, лишенный всякого общения с внешним миром.

Бакич был совсем иной фигурой, чем Анненков. В звании генерал-лейтенанта он командовал у Колчака корпусом в Оренбургской армии. С его остатками (семь тысяч человек, не считая членов семей колчаковцев) в 1920 году ушел в Синьцзян. Войска Бакича были интернированы китайцами под городом Чугучак. Но все оружие белые не сдали, сохранив малую часть на будущее, зарыв в укромных местах в землю.

Близ Чугучака белые изгнанники устроили лагерь из землянок, шалашей и палаток. Черные линейки получили название улиц Уральска и Оренбурга. На поселенцев вскоре обрушился сильный голод, унесший не одну сотню человеческих жизней. В поисках нового места пристанища старый генерал послал в монгольский Алтай отряд оренбургских казаков. Над штабной землянкой генерала Бакича, человека эсеровских взглядов, развевался флаг удивительного цвета. Полотнище было красное, лишь в его верхнем углу, возле древка, был нашит небольшой трехцветный прямоугольник.

Синьцзянские власти узнали обо всем, но, не имея достаточных военных сил, не смогли «справиться» с белым генералом Бакичем. Их встревожило еще то, что в лагерь белых прибыло неизвестное число русских крестьян, повстанцев против Советов из Западной Сибири: те наотрез отказались сдать китайским чиновникам свое оружие.

Вскоре, однако, местный губернатор нашел выход из положения. По его просьбе пекинское правительство обратилось за помощью к Москве. И помощь Пекин по-

лучил незамедлительно. 17 мая 1921 года командование Туркестанского фронта подписало секретный договор с властями Синьцзяна о вводе войск Красной Армии на территорию этой китайской провинции. Граница открывалась для входа и выхода армейских частей чужестранной армии. Таких примеров мировая военная история знает немного.

Однако разгромить тогда корпус Бакича сильным и внезапным ударом не удалось. В ходе боев, которые проходили на севере Синьцзяна в мае и июне 1921 года, беглецы-колчаковцы при большом неравенстве в силах потеряли около тысячи убитыми и полторы тысячи пленными. Генералу Бакичу с 5-тысячным отрядом и частью семей удалось уйти в западную часть Монголии, в Алтайский округ (в это время барон Унгерн уже находился в красном плену). При этом большая часть белогвардейцев огнестрельного оружия не имела.

Но сперва генерал Бакич взял трехдневным штурмом последний китайский город у границ с Халхой — Шарасумэ. Это спасло оренбуржцев от голодной смерти. Красные войска в погоне за ними не стали заходить столь далеко на сопредельной территории и ушли назад, предварительно предав огню полуразрушенный лагерь белых под Чугучаком. В тот военный конфликт китайские провинциальные войска благоразумно вмешиваться не стали.

Унгерновское письмо Бакич, в отличие от Анненкова, получил. Но командиру Азиатской конной дивизии он не ответил. С посланцем барона Бакич имел самую короткую беседу:

— Передайте командиру вашей дивизии, что я ему не союзник в военных планах. По двум веским причинам.

— Почему, позвольте спросить?

— Во-первых, мой корпус имеет сил больше, чем его Азиатская конная дивизия. Поэтому я могу действовать против большевиков на юге Сибири вполне самостоятельно.

— А во-вторых, господин генерал?

— Во-вторых, у меня с вашим начальником идейные разногласия.

— Какие же?

— Барон желает восстановить в России монархию Романовых. А я выступаю за созыв в освобожденном Отечестве всенародного Учредительного собрания...

Получив такой устный ответ из Шарасумэ, Унгерн-Штернберг не один день ходил мрачный. Он все же не терял надежды, что колчаковский корпусной начальник «одумается». Воевать против Советов в одиночку теперь не приходилось. Время генералов Лавра Георгиевича Корнилова и Николая Николаевича Юденича (особо почитаемых бароном) прошло. Но и в дальнейшем самоуверенный Бакич не пытался установить с ним связи. Союзника в Унгерне он упрямо не видел, а главенство его над собой признать просто не мог:

— Я получил чин генерал-лейтенанта от Верховного правителя России адмирала Колчака. А барон — всего лишь от казачьего атамана Семенова. Да к его генеральским погонам любой мой сослуживец по царской армии всерьез относиться не будет...

Нежелание колчаковского генерала с «мужицкой идеологией» объединиться имело еще одну подоплеку. Вырвавшиеся из кольца чоновских отрядов повстанцы принесли в стан Бакича обнадеживающие вести о многочисленности крестьянских восстаний в Сибири против Советской власти, об антоновском выступлении на Тамбовщине.

Но генерал Бакич не успел ворваться с остатками своего корпуса белой Оренбургской армии в Южную Сибирь. Красная Армия его опередила, нанеся упреждающий удар. Когда белые были уже почти разгромлены, Бакич повел последних своих людей на отчаянный прорыв, на ружейные залпы и пулеметные очереди. Он демонстративно отбросил револьвер с еще не всеми расстрелянными патронами и шел впереди колонны с деревянным крестом в руках в свой последний бой с красными.

Ближайшее окружение убежденного монархиста барона Унгерна фон Штернберга не раз интересовалось у него «перспективами» возвращения Романовых на всероссийский престол. В этом программном вопросе Роман Федорович высказывался так:

— Новым государем освобожденной с помощью нашего оружия России будет император Михаил Александрович Романов.

— Но он же был арестован большевиками и выслан под стражей из Петрограда в Пермь.

— Это и хорошо. Пермь ближе к Сибири и Монголии, чем Петроград.

— В газетах писали, что большевики увезли великого князя из гостиницы за город и там убили его.

— Были такие сообщения. Но по всей Сибири ходят упорные слухи, что великий князь Михаил Александрович сумел бежать. И теперь с помощью верных слуг пробирается на восток.

— Но на сегодня официальное заявление Советов о его бегстве из Перми ничем пока не подтвердилось?

— Такую версию никто, кроме моих некоторых штабных, сомнению не подвергает. В том числе и я, ваш командир Азиатской конной дивизии.

— Значит, если бежавший великий князь прибудет к нам, для красных это будет страшным сюрпризом.

— Не это. Им будет наш освободительный поход на Верхнеудинск. Великий князь и будущий всероссийский император Михаил Александрович будет нашим знаменем. Знаменем всего Белого Дела и народного восстания против большевистской и всякой революционной власти.

— Тогда почему великий князь до сих пор не объявился?

— Значит, пока пора не пришла. Он объявится, когда Белое движение на Востоке и в Сибири обретет большую воинскую силу.

— Еще один вопрос. Кем в действительности был тот, кто в Чите выдавал себя за цесаревича Алексея и был посажен атаманом Семеновым в городскую тюрьму?

— Это был самозванец. Лжецаревич. Как Лжедмитрии — Гришка Отрепьев и тушинский вор Богданка.

— Почему тогда великий князь Михаил Александрович не объявился в Омске? Ведь там адмиральские министры на банкетах поднимали за него заздравные тосты.

— Наследник трона в Верховного правителя не верил. А вот забайкальское казачество в чудодейственное спасение Михаила Александровича верит. Чем тогда можно объяснить, что верхнеудинские буряты, сибирские городские обыватели верят в официальное заявление большевиков о бегстве великого князя?

— Так все же где свидетельства о том, что наследник трона жив?

— Свидетельства? Читать Библию надо иногда, господа офицеры.

— Когда читать, когда мы весь день на службе? Да и где взять эту Библию в Урге или в Улясутае?

— Надо — найдете. Напомню вам, господа азиаты, библейское пророчество Даниила: «И восстанет в то время Михаил, князь великий, стоящий за сынов народа; и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени»...

Монархист барон Унгерн «отметал» любую информацию, которая говорила за убийство родного брата императора Николая II. Он до последних дней верил в скорое пришествие великого князя Михаила Александровича. Когда после краха адмирала Колчака в руки семеновского генерала попала одна из читинских газет с фельетоном на эту тему, Унгерн фон Штернберг пришел в неописуемую ярость. Он приказал начальнику штаба полковнику Ивановскому:

— Запомнить фамилию этого пасквильного газетчика, чей фельетон. Возьмем Читу: найти, выпороть бамбуком, а потом повесить. Газетенку — закрыть...

После освобождения Урги от китайских гаминов правительство Богдо-гэгена обязалось обеспечивать Азиатскую конную дивизию всем необходимым. При этом сроки не обговаривались. Но вряд ли кто из

окружения Живого Будды мог предположить, что «освободители» задержатся в столице и в самой Халхе надолго. Мера благодарности «таяла» с каждым месяцем. Исполнять повинность «пропитания» унгерновцев монголам становилось все труднее и труднее, о чем Джембцзун-Дамба-хутухта и его министры знали, как говорится, из первых рук.

Унгерн мог выплачивать денежное жалованье своим солдатам и офицерам, «когда у него были деньги». Мука имелась не всегда. В остальном унгерновцы обеспечивались так называемым «чингисхановским пайком». По поводу его барон говорил:

— Моих азиатов, не получающих денег, нужно кормить всегда. Иначе они воевать не будут...

«Чингисхановский паек» равнялся четырем фунтам мяса в сутки. На мясную порцию Азиатской конной дивизии в месяц требовалось около двухсот голов скота. Только в ургинское интендантство ежедневно пригоняли стадо в 60—70 голов: быков, овец, лошадей. Унгерну его тыловики подсчитали, что содержание одного всадника с конем обходится по местным ценам в один американский доллар в сутки. Дивизия численностью в три с половиной тысячи всадников требовала на свое ежемесячное содержание около ста тысяч долларов. Таких денег барон не имел. И не мог иметь.

Понимал ли Роман Федорович всю опасность своего дальнейшего сидения в Урге? Вне всякого сомнения, понимал. Известен даже «последний звонок» об опасности на сей счет. В ургинское интендантство пригнали как-то три сотни быков, но у них обнаружились все признаки чумы. Тогда стадо погнали на прививку за несколько десятков верст от столицы. С учетом времени на их возвращение Азиатская дивизия на две недели должна была остаться без «чингисхановского» пайка.

Унгерновские интенданты, в страхе перед наказанием, поспешили в министерство финансов, которое ведало довольствием войск Халхи. Они просили заменить «чумной гурт» другим, который можно было бы в тот же день отправить на скотобойню. Но интендантам министерские чиновники отказали в самой неприличной форме, а один даже в пылу ссоры выкрикнул:

— До каких пор русские будут сидеть у нас на шее!..

Цин-вану Унгерну удалось тогда быстро уладить конфликт. Но в тот день он в доверительной беседе с прибывшим в Ургу генералом Резухиным сказал значимые слова:

— Азия говорит грубо и резко только в одном-единственном случае: когда она чувствует за собой силу. Это уже опасно...

Засидевшиеся гости рано или поздно должны были почувствовать все нарастающую враждебность совсем недавно таких гостеприимных хозяев. Но Унгерна больше тревожило другое: азиатское войско, с которым связывались все его личные, далеко идущие планы, разлагалось прямо на глазах. И Роман Федорович знал тому причину: почти полное бездействие на неоконченной войне с гаминами и Советами.

Во время иркутских допросов следователь задаст семеновскому генерал-лейтенанту барону Унгерну-Штернбергу и такой вопрос:

— Почему вы потеряли авторитет в Урге?

Ответ подследственного показал, что данный вопрос уже давно являлся головной болью командира Азиатской конной дивизии перед ее походом против Советской России. Унгерн ответил по-солдатски прямо и откровенно:

— Кормиться надо было. Это трудно объяснить.

— Как трудно? Сформулируйте свой ответ. Он важен для допроса. Почему же такое случилось?

— Авторитет бы мой никогда не упал. При условии, что я сам бы смог прокормить дивизию. Или надеть на своих мародеров шапки-невидимки...

Бездействие породило для барона еще одну беду. Часть офицеров, в своем большинстве недавних колчаковцев, стали открыто требовать, чтобы он уводил дивизию из Халхи в Маньчжурию и через нее — в Приморье. В Урге было достоверно известно, что во Владивос-

токе и под ним скапливаются каппелевцы, не сложившие оружие перед красными:

— Мы пошли в ряды белой армии не для того, чтобы отсиживаться в этих степях, будь они неладны...

— Почему каппелевцы в Приморье сражаются с красными, а мы только в бинокли рассматриваем Россию...

— Надо уходить отсюда в Приморье. Не пустит Чжан Цзолинь — прорвемся с боями...

— Как прорываться через Маньчжурию во Владивосток? Как полковник Дроздовский со своим добровольческим отрядом прорвался через весь юг Малороссии в Ростов на соединение с генералом Деникиным...

— Мы хотим воевать за Россию, а не довольствоваться чингисхановским пайком...

Бунтовали против бездействия не все офицеры Азиатской конной дивизии, а ее элитная часть — Офицерская сотня. Она со дня своего образования стала любимым детищем генерала Унгерна фон Штернберга. Барон относился к ней с той же любовью, с какой относились к «цветным» офицерским полкам — Корниловским, Алексеевским, Дроздовским и Марковским полководцы Вооруженных сил Юга России и Русской армии в Крыму генерал-лейтенанты Деникин и Врангель.

Унгерн каждый раз отказывал дивизионному офицерству, вернее — части его, в праве оставить Ургу и уйти в Приморье, к каппелевцам. Но так долго продолжаться не могло. Как-то утром барона разбудил дежурный по штабу:

— Господин генерал! Офицерская сотня дезертировала этой ночью.

— Дезертировала! Это же чудовищное предательство нашего дела! Куда она ушла?

— Ушли по тракту на восток. С темнотой двинулись к Владивостоку. Все как один колчаковцы, не наши азиаты.

— А сотенные пулеметы?

— Взяли только своих коней. Без пулеметов ушли, чтоб идти без тяжестей.

— Пошли нарочного к князю Баяр-гуну. Приказываю его чахарам догнать и истребить изменников. Никого не щадить из беглецов.

— Что еще передать Баяр-гуну?

— За каждую привезенную мне голову чахары получать по десять золотых империалов. Иди...

Офицерской сотне Азиатской конной дивизии далеко уйти в степь от Урги не удалось. Сотни конников-чахар вана Баяр-гуна настигли беглецов во время привала и внезапно обрушились на них. Большинство, не ожидавших такого коварного поступка от Унгерна с его генеральскими погонами и Георгиевским крестом на груди, так и не успели взяться за оружие для защиты. Чахары в тот день доставили в Ургу тридцать восемь отрубленных голов. И за каждую из них получили обещанные золотые монеты царской чеканки. Потомок эстляндских рыцарей был непривычно щедр на награду.

Это кровавое событие не стало в годы Гражданской войны секретом за семью замками. Во Владивостоке каппелевские офицеры скажут, среди прочего, посланцу атамана Семенова:

— Если барон попадется нам в руки, то сполна расплатится за головы Офицерской сотни...

— Только сперва мы его разжалуем из хорунжих в штатского...

— Пусть только выползет из монгольских степей за Уссури или Амур...

— Святого Георгия снимем с его желтого халата, как и голову с плеч, только пусть вылезет...

Унгерн метался, не решаясь выступить в поход против Советов. Он понимал, что в таком деле ему нужны сильные союзники, а в Азиатской конной дивизии не набиралось и пяти тысяч бойцов из «всех племен и народов».

Была сделана попытка увеличить ее боевую силу. Барон формирует новый полк. Он назывался Китайско-Тибетский. Китайскими солдатами являлись военнопленные, тибетцами — местные добровольцы из числа выходцев из горного поднебесья.

Однако Китайско-Тибетский полк Азиатской конной дивизии просуществовал недолго. Будучи выведен из Урги на новые квартиры, он за несколько дней растаял. Сперва его покинули тибетцы, ненавидевшие китайцев, а затем исчезла и китайская часть. Одни бывшие военнопленные стремились вернуться к родному очагу, другие превратились в заурядных разбойников-хунхузов, третьи пошли служить в армии генералов-губернаторов. В Халхе, где пахло порохом и текла кровь, желающих остаться в войске русского генерала нашлось совсем немного...

Цин-ван внезапно в Урге оказался в изоляции от общего Белого Дела. Неожиданно дал знать о себе недавний начальник — Григорий Михайлович Семенов. Атаман всех восточных казачьих войск России прислал официального посланца с собственноручным письмом, в котором предлагал ни много ни мало как поход против Советской России. В письме сообщался «под большим секретом» следующий план военных действий против большевиков:

«...В мае сего 1921 года я начинаю при поддержке японских войск крупномасштабные действия против красных одновременно по всему фронту границы с Китаем. Генерал Сычев двинет на запад с берегов Амура. Генерал Савельев наступает из Николаевска-Уссурийского. Генерал Глебов выступит со станции Гродевово под Владивостоком. Сам я иду походом в Забайкалье, имея своей целью взятие столицы Забайкальского казачества города Читы...

Вам, господин барон, как моему генерал-лейтенанту и начальнику Азиатской конной дивизии, предлагается одновременно со всеми решительно наступать, перерезать Транссибирскую магистраль в районе Байкала и захватить Верхнеудинск...

О дальнейших наступательных операциях вам будет сообщено дополнительно. Ваше присутствие при обсуждении этих планов обязательно.

Генерал-лейтенант атаман Семенов».

Письмо Семенова было Унгерну «соломинкой для утопающего». Он послал ответ, что в назначенный ме-

сяц май выступает в поход на север, как приказывает атаман, на город Верхнеудинск, пройдя с огнем и мечом бурятские земли.

Но... Случилось в 1921 году то, о чем генерал-лейтенант и Георгиевский кавалер барон Унгерн-Штернберг не мог и догадываться. Семеновский поход оказался таковым только на бумаге. Ни сам атаман, ни японские войска в Маньчжурии, ни генералы Сычев, Савельев и Глебов наступательных операций так и не начали. В наступление против Советов перешла одна-единственная белая Азиатская конная дивизия.

Обо всем этом Унгерн узнал позже, уже находясь в красном плену. Какие чувства он испытывал после осмысления столь удручающей информации, истории не известно...

Первой выступила из Урги бригада генерала Резухина. Сам барон выехал вслед за ней на автомобиле в Ван-Хурэ, где провел совещание с Резухиным и Казагранди. Обсуждался план походных действий. Каждый участник совещания имел на этот счет собственные мнения, которые отстаивались в жарком споре.

Резухин, известный своим безропотным служением барону, выдвинул собственный план наступательной операции. Он предложил свести отряды Кайгородова, Казагранди, Казанцева и Шубина в одну бригаду (численностью до 700 человек), третью по счету в Азиатской дивизии и подчинить лично ему, генералу Резухину. Двум соединенным бригадам конницы намечалось по западному берегу реки Селенги пересечь линию российско-монгольской границы и быстрыми переходами двигаться к берегам Байкала. Резухин доказывал:

— Здесь мы не встретим сильного сопротивления красных. Именно на этом маршруте местные буряты готовы восстать против большевиков.

— Хорошо. Предположим, что твоя бригада и присоединенные к ней отряды начнут наступать вдоль берега Селенги. Какой маршрут предлагается третьей бригаде, которая пойдет под моим личным командованием?

— Эта бригада самая сильная по составу. Она может через долину Орхона быстро выйти к Троицкосавску и Кяхте, взять их с налета и дальше наступать на Верхнеудинск.

— Ладно. Теперь послушаем Казагранди. Он армейский полковник и потому мыслит по-своему.

Казагранди имел собственный план, в корне отличный от плана генерала Резухина. Он предлагал обеим бригадам и отдельным самостоятельным отрядам действовать порознь, но согласованно и на широком фронте. Есаул Кайгородов мог действовать только на единственном направлении — идти на родной Алтай, к городу Бийску. На другое кайгородовцы просто бы не согласились. Казанцеву надлежало выступить на берега Енисея, в его верховья с целью поднятия там на восстание енисейских казаков. Вахмистру Шубину — действовать на таежном юге Иркутской губернии. Во всем остальном Казагранди соглашался с Резухиным.

Принят был план колчаковского полковника Казагранди. С ним сперва согласился барон, а уж потом бригадный командир Резухин. После утверждения плана операции все три участника секретного совещания заговорили о перспективах предстоящего наступления:

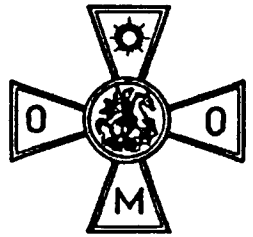
— Переход красноармейцев на нашу сторону можно считать решенным делом...

— Приток восставших сибирских и забайкальских крестьян в ряды Азиатской дивизии будет просто колоссальным...

— Адмирал Колчак в лучшее время не знал такого притока добровольцев-мужиков...

— Казачье и бурятское Забайкалье сегодня — это пороховой погреб, ждущий только искры...

— Удача будет. Все монгольское ламство с завтрашнего дня будет молиться в храмах и дацанах за наш большой успех...

Глава десятая

ПОХОД АЗИАТСКОЙ КОННОЙ ДИВИЗИИ ПРОТИВ РОССИИ

Роман Федорович Унгерн фон Штернберг рассуждал трезво. Он понял, что его рыцарский триумф не может длиться год, два или больше. Гамины, эти китайские революционеры, были им изгнаны из Халхи или уничтожены в местных степях. Союзника из маньчжурского правителя Чжан Цзолиня не получилось. И, как говорится, дай Бог, чтобы он подольше оставался в «нейтральной зоне». Хотя мысли о военном и политическом союзничестве с «высоким Чжан Цзолинем» не оставляли барона Унгерна. Во всем китайском приграничье ни один пекинский губернатор не имел такой сильной армии, как хозяин Мукдена. Унгерн не раз говорил во всеуслышанье:

— Чжан Цзолинь будет с нами. Рано или поздно он поймет, что с южно-китайскими и монгольскими большевиками надо бороться вместе...

— Только для такого понимания нужно время...

— Будем ждать. У империи Цинь есть будущее...

— Надо ждать просветления мысли Чжан Цзолиня. Его так сегодня боится Пекин и китайские республиканцы...

Цин-ван Монголии, он же хан-чингисид и генерал-лейтенант семеновских войск, сидя в Урге, начал собираться в военный поход против России большевиков. Прошло менее четырех месяцев владения монгольской столицей. Удар нацеливал на запад Забайкалья, на земли казаков-бурятов, выставивших в годы мировой войны 1-й, 2-й и 3-й Верхнеудинские полки Забайкальского казачьего войска. Барон при обсуждении деталей вторжения со своим ближайшим окружением говорил уверенно:

— Если мы одним конским махом дойдем до Байкала, то разрежем российские Советы на две части.

— Восточная часть будет наша.

— С этой части мы будем строить старую Россию-матушку. С бурятских степей и поселков казаков-забайкальцев.

— Нас ждут там люди, уставшие от большевистской власти. Мужик возьмется за вилы, а пастух сядет на коня...

21 мая (по новому стилю) 1921 года генерал-лейтенант Унгерн фон Штернберг издал свой знаменитый в истории приказ за №15 русским отрядам на территории Советской Сибири. Написанный рукой (или под диктовку) самого барона, приказ гласил:

«Я — Начальник Азиатской Конной Дивизии, Генерал-Лейтенант Барон Унгерн — сообщаю к сведению всех русских отрядов, готовых к борьбе с красными в России следующее:

1. Россия создавалась постепенно, из малых отдельных частей, спаянных единством веры, племенным родством, а впоследствии особенностью государственных начал. Пока не коснулись России в ней по ее составу и характеру неприменимые принципы революционной культуры, Россия оставалась могущественной, крепко сколоченной Империей.

Революционная буря с Запада глубоко расшатала государственный механизм, оторвав интеллигенцию от общего русла народной мысли и надежд. Народ, руководимый интеллигенцией как общественно-полити-

ческой, так и либерально-бюрократической, сохраняя в недрах своей души преданность Вере, Царю и Отечеству, начал сбиваться с прямого пути, указанного всем укладом души и жизни народной, теряя прежнее, давнее величие и мощь страны, устои, перебрасывался от бунта с царями-самозванцами к анархической революции и потерял самого себя.

Революционная мысль, льстя самолюбию народному, не научила народ созиданию и самостоятельности, но приучила его к вымогательству, разгильдяйству и грабежу. 1905 год, а затем 1916—1917 годы дали отвратительный, преступный урожай революционного посева — Россия быстро распалась. Потребовалось для разрушения многовековой работы только 3 месяца революционной свободы. Попытки задержать разрушительные инстинкты худшей части народа оказались запоздавшими. Пришли большевики, носители идеи уничтожения самобытных культур народных, и дело разрушения было доведено до конца.

Россию надо строить заново, по частям. Но в народе мы видим разочарование, недоверие к людям. Ему нужны имена, имена всем известные, дорогие и чтимые. Такое имя лишь одно — законный хозяин Земли Русской ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ, видевший шатанье народное и словами своего ВЫСОЧАЙШЕГО Манифеста мудро воздержавшийся от осуществления своих державных прав до времени опамятования и выздоровления народа русского.

2. Силами моей дивизии совместно с монгольскими войсками свергнута в Монголии незаконная власть китайских революционеров-большевиков, уничтожены их вооруженные силы, оказана посильная помощь объединению Монголии и восстановлена власть ее законного державного главы, Богдо-Хана. Монголия по завершении указанных операций явилась естественным исходным пунктом для начавшегося выступления против Красной армии в советской Сибири. Русские отряды находятся во всех городах, курэ (монастырях. — А.Ш.)

и шаби (поселки при монастырях. — А.Ш.) вдоль монгольско-русской границы. И, таким образом, наступление будет проходить по широкому фронту.

3. В начале июня в Уссурийском крае выступает атаман Семенов, при поддержке японских войск или без этой поддержки.

4. Я подчиняюсь атаману Семенову.

5. Сомнений нет в успехе, так как он основан на строго продуманном и широком политическом плане.

По праву, переданному мне как военачальнику, не покладавшему оружия в борьбе с красными и ведущему ее на широком фронте, ПРИКАЗЫВАЮ начальникам отрядов, сформированным в Сибири для борьбы с Советом Народных Комиссаров...

Наступление против красных в Сибири начать по следующим направлениям:

а) Западное — станция Маньчжурия;

б) на Монденском направлении вдоль Яблоновского хребта;

в) вдоль реки Селенги;

г) на Иркутск;

д) вниз по реке Енисею из Урянхайского края;

е) вниз по реке Иртышу.

Конечными пунктами операции являются большие города, расположенные на магистрали Сибирской железной дороге.

Командующим отдельными секторами соображаться с этими направлениями и руководствоваться: в Иркутском направлении директивами полковника Казагранди, в Урянхайском — атамана Енисейского Казачьего войска Казанцева, в Иртышском — есаула Кайгородова...

Заявить бойцам, что позорно и безумно воевать лишь за освобождение своих станиц, сел и деревень, не заботясь об освобождении больших районов и областей. Считать такое поведение сохранением преступного нейтралитета перед Родиной, что является государственной изменой. Такое преступление карать по всей строгости законов военного времени...

9. Комиссаров, коммунистов и евреев уничтожать вместе с семьями. Все имущество их конфисковывать.

10. Суд над виновными может быть или дисциплинарный, или в виде применения разнородных степеней смертной казни. В борьбе с преступными разрушителями и осквернителями России помнить, что по мере совершенного управа нравов в России и полного душевного и телесного разврата нельзя руководствоваться старой оценкой. Мера наказания может быть лишь одна — смертная казнь разных степеней. Старые основы правосудия изменились. Нет «правды и милости». Теперь должны существовать «правда и безжалостная суровость». Зло, пришедшее на землю, чтобы уничтожить Божественное начало в душе человеческой, должно быть вырвано с корнем. Ярости народной против руководителей, преданных слуг красных учений, не ставить преград. Помнить, что перед народом встал вопрос «быть или не быть»...

14. Не рассчитывать на наших союзников-иностранцев, переносящих подобную же революционную борьбу, ни на кого бы то ни было. Помнить, что война питается войной и что плох военачальник, пытающийся купить оружие и снаряжение тогда, когда перед ним находится вооруженный противник, могущий снабдить боевыми средствами.

15. Продовольствие и другое снабжение конфисковывать у тех жителей, у которых оно не было взято красными. У бежавших жителей брать продовольствие по мере надобности...»

К приказу №15 было сделано примечание, которое отвечало унгерновской «духовностью»:

«...Народами завладел социализм, лживо проповедующий мир, злейший и вечный враг мира на земле, так как смысл социализма — борьба.

Нужен мир — высший дар Неба. Ждет от нас подвига в борьбе за мир и Тот, о Ком говорит Святой Пророк Даниил (глава...), предсказавший жестокое время гибели носителей разврата и нечестия и пришествие дней мира:

«И восстанет в то время Михаил, Князь Великий, стоящий за сынов народа Твоего, и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени, но спасутся в это время из народа Твоего все, которые найдены будут записанными в книге. Многие очистятся, убелятся и переплавлены будут в искушении, нечестивые же будут поступать нечестиво, и не уразумеет сего никто из нечестивых, а мудрые уразумеют. Со времени прекращения ежедневной жертвы и поставления мерзости запустения пройдет 1290 дней. Блажен, кто ожидает и достигнет 1330 дней...»

Твердо уповаю на помощь Божию, отдаю настоящий приказ и призываю вас, офицеры и солдаты, к стойкости и подвигу».

Подпись под приказом гласила: Начальник Азиатской Конной Дивизии Генерал-Лейтенант Унгерн.

Как резюме к этому приказу, можно заметить следующее: Библию потомок воинственных лифляндских баронов, урожденный лютеранин, знал плохо. И если имел ее под рукой, то переписывал с ошибками. Однако пророчество Даниила о «Михаиле, Князе Великом», Унгерн фон Штернберг знал дословно.

Трудно сказать, все ли было понятно унгерновцам, даже тем офицерам, кто имел училищное образование, а не «фронтовое». Из всего содержания приказа было ясно, пожалуй, только одно: призыв к «стойкости и подвигу». Но приказы в Азиатской конной дивизии выполнялись с первого дня ее формирования беспрекословно. За невыполнение экзекуторы-китайцы «гладили» нарушителей по спине березовым «бамбуком». Это считалось простым наказанием, не суровым.

Знал ли барон Унгерн-Штернберг о том, что его собственная жестокость рождает в подчиненных ему людях такую же жестокость по отношению к военнопленным и мирному населению? Скорее всего, знал, но продолжал воспитывать жестокость и дальше.

Слепое послушание было заведено генералом фон Унгерном и им же поддерживалось каждодневно. В ином случае даже самого лихого и заслуженного воина ждала «смертная казнь разных степеней». Барону, возведенному монголами в ранг Бога Войны, претила сама церемонность с провинившимися:

— У меня в степи тюрем нет. И судов с прокурорами и защитниками. Расстрелять... Запороть... Зарубить... Повесить... Доклад о исполнении лично мне. Доложить сегодня...

К слову сказать, для красного командования Монгольской экспедицией унгерновский приказ №15 большим секретом не стал. В жарком, яростном бою под Троицкосавском он попал в руки красноармейцев: отступая, штабисты барона не успели приказ уничтожить вместе с другими документами, которые потом фигурировали на судебном процессе. Все они оказались во вьюке убитого белого офицера.

Просто вторгаться на юг Сибири Унгерн не хотел и стал «подводить» под задуманную наступательную операцию некую политическую платформу. Она выразилась в письме известному эсеру В. И. Анучину, который мог бы, в случае успеха, стать членом белого сибирского правительства:

«Советская власть изжила себя, разлагается и тянет за собой в пропасть все наше государство. Ее крушение будет очень болезненно для всех граждан России, ждать естественной смерти этой власти — значит принимать участие в сознательном разрушении России. Нужно с большевиками договориться о мирном уходе их от власти или сбросить их силою. Третьего не дано».

Анучин ответил «гражданину Унгерну», что не разделяет надежд на вооруженное выступление против Советской власти. И что он принципиально против «нового насилия». Участвовать же в каких-то сибирских правительствах не будет, поскольку «совершенно отошел от политической деятельности с намерением никогда к ней не возвращаться».

Письмо к Анучину говорит о том, что барон все же колебался в решении вопроса о вторжении. Он понимал, что без внутренней и внешней поддержки ему с атаманом Семеновым будет невозможно отвоевать у Советов «кусок» России от Байкала на восток. Но приходилось торопиться с принятием решения, поскольку «монголы в Халхе стали уже не те»: лавры на венке освободителей Урги заметно подувяли. В Азиатской дивизии поговаривали:

— Засиделись мы в гостях у Богдо-гэгена. Пора родной дом идти отвоевывать...

Такие слова истосковавшиеся по родным местам, по оставленным у красных семьях казаки-буряты и забайкальцы высказывали уже открыто. Зная о том, Унгерн запретил полковнику Сипайло применять телесные наказания к недовольным. Однако он понимал, что от таких разговоров воинская дисциплина крепче не становится. Роман Федорович знал немало случаев, когда подобное недовольство приводило к тому, что целые отряды семеновских и калмыковских казаков выходили из подчинения и самочинно уходили к семьям на ту сторону границы. На одном из допросов генерал даст такое объяснение подобным случаям:

— Люди устают от войны, как лошади от походной жизни. Они готовы тогда все отдать за домашнее тепло своей брошенной избы...

Унгерна фон Штернберга поход против Советской России, что любопытно, интересовал больше с мистической стороны. Это подмечали многие люди, общавшиеся с ним в последнее время пребывания на монгольской земле. Барон обращался к предсказателям судьбы, гадалкам, ученым ламам. Его интересовал не столько успех похода, сколько собственная судьба. Он словно предчувствовал, что его бренная жизнь катится к концу.

Известно, что одним из предсказателей судьбы генерала стала жена хорунжего Немчинова, которая жила верстах в двадцати от Урги, в Дзун-Модо. Гадая на картах, она ежедневно сообщала по телефону о результатах. Дежурные штабные офицеры немедленно приносили Унгерну телефонограммы госпожи Немчиновой. Тот в ответ просил ее погадать еще.

Покидая столицу Халхи, семеновский генерал пожертвовал ургинским ламам в благодарность за «добрые» предсказания успеха военного похода десять тысяч долларов. Часть этой суммы давалась за совершение молебнов в буддистских храмах с целью привлечь благосклонность богов и всевозможных духов Востока. Их Роман Федорович, к удивлению окружающих, знал всех наперечет.

В своих мемуарах Оссендовский рассказывает о том, как однажды ночью (барон часто вел ночной образ жизни) его пригласили посетить старинный монастырь Гандан, точнее, один из его наиболее почитаемых монголами-буддистами храм Мижид Жанрайсиг. Там Унгерн повел Оссендовского в «древнюю часовню пророчеств». Это было небольшое, «почерневшее от времени, похожее на башню здание с круглой гладкой крышей» и висевшей над входом медной доской, на которой были выгравированы знаки зодиака.

В «часовне пророчеств» оказались два старых монаха, заунывно певшие молитву. Они не обратили на вошедших никакого внимания. Генерал с поклоном подошел:

— Бросьте кости о числе дней моих!

Раскланявшись, монахи принесли откуда-то из темноты две чаши с множеством мелких костей. Барон наблюдал, как они покатились по столу, и вместе с монахами стал подсчитывать:

— ...Сто двадцать... Сто тридцать...

Когда подсчет костей закончился, Унгерн с дрожью в голосе воскликнул, напугав своего спутника и лам:

— Опять сто тридцать!..

Он отошел к алтарю, у которого стояла старая индийская статуя Будды, и стал истово молиться. Слова молитвы произносились тихо, так, чтобы никто из присутствующих в «часовне пророчеств» не слышал их...

Известен случай, когда верный Роману Федоровичу цин-ван бурят Джамбалон однажды ночью перед похо-

дом привел в белостенную юрту известную всей Урге старуху-гадалку — полубурятку-полуцыганку. Та поклонилась хозяину жилища, не спеша уселась у костра и принялась за дело.

Гостья медленно вынула из-за кушака мешочек и вытащила из него несколько маленьких плоских костей и горсть сухой травы. Потом, бросая время от времени траву в огонь костра, принялась шептать отрывистые непонятные слова. Юрта понемногу наполнялась дымом от сгоревшей травы. Находившиеся в юрте люди почувствовали, как «сердце стало учащенно биться, а голова окутываться туманом».

После того как вся трава сгорела, гадалка положила на жаровню кости. Это были бараньи кости, по трещинам которых и производилось гадание. Старуха долго переворачивала кости бронзовыми щипцами, каждый раз по-новому раскладывая на жаровне. Когда кости окончательно почернели, она принялась их внимательно рассматривать, нагибаясь к пламени.

Вдруг лицо гадалки сморщилось, изображая страх и страдание. Барон импульсивно подвинулся к ней, затаив дыхание. Старуха нервным движением сорвала с головы свой яркий платок и забилась на кошме, которой застилался пол юрты, в судорогах, выкрикивая время от времени отрывистые фразы:

— Я вижу его. Это может быть только он...

— Я вижу Бога Войны!..

— Его жизнь идет к концу...

— Ужасная судьба его ждет...

— Какая-то тень, черная, как ночь, ложится на его лицо...

— Опять тень, новая тень окутывает его...

— Сто тридцать шагов остается еще ему пройти в жизни...

— За ними тьма. За ними только пустота...

— Я не вижу больше ничего...

— Все. Конец. Бог Войны исчез с моих глаз...

К вышеописанным случаям следует добавить, что мистик Унгерн-Штернберг считал для себя роковым

число 130. Примерно через столько дней он будет расстрелян во дворе новониколаевской тюрьмы...

Готовился ли семеновский военачальник к походу на юг Сибири основательно? Долгое время историки «уповали» в этом вопросе на мистическую сторону личности Унгерна фон Штернберга. Но он все же не мог с налета прорвать государственную границу и ринуться к байкальским берегам, чтобы там перерезать Транссибирскую железнодорожную магистраль, о чем говорил ему в своем письменном послании атаман Семенов. Война всегда имела собственные законы для подготовки к ней. Так было и весной 1921 года: «бешеный» барон все же имел здравый смысл. Поэтому из его штаба один за другим отдавались устные, но обязательные к исполнению приказы:

— Главная походная база устраивается к востоку от Урги. Я выбираю для этой цели Цэцэнханский аймак. Его князья — верные союзники...

— Приказываю силами военнопленных-гаминов отремонтировать дорогу Урга—Хайлар...

— Цэцэнхайский аймак не будет тыловой базой сибирского похода. Она переносится в Ван-Курень....

— Немедленно провести в Ван-Курень из Урги телеграфную линию...

— Складировать там продвиант, мануфактуру и боеприпасы с ургинских складов, со складов в Цэцэнханском и Сайнноинханском аймаков...

— Пригнать на пастбища под Ван-Курень порционный скот. Пусть будут тысячи голов, травы там хватит...

— Все вопросы с правительством Халхи решать только от моего имени...

— Азиатская конная дивизия должна базироваться на Ван-Курень даже в случае неудачного начала похода против Советов...

А готовился ли в это время атаман Григорий Семенов к вторжению в Забайкалье, Приморье и Амурский край? Да. Но только как готовился. Он из кожи лез, выбивая для своих войск материальную поддержку, про-

ся у всех известных ему доброхотов оружия, боеприпасов, обмундирования, денег и еще раз денег.

Семеновские войска в Маньчжурии редели. Об этом знал даже Унгерн. Он как-то в штабе обронил несколько фраз, которые поразили собеседников — дивизионных офицеров:

— Получил письмо от Вольфовича. Пишет, что солдаты покидают нашего атамана десятками.

— С какой целью?

— Вольфович говорит, что они едут в Советскую Россию, где вступают в Красную Армию.

— Но их же там рано или поздно большевики ликвидируют как классовых врагов. Особенно офицеров.

— Не сразу. Воевать же с нами кто-то должен...

Атаман Семенов совершил несколько «официальных» поездок. Он посетил Люйшунь (бывший Порт-Артур), где в то время размещался штаб Маньчжурской группировки японских войск, прибыл на Японские острова, в Токио. Не раз бывал в мукденской штаб-квартире всесильного Чжан Цзолиня. Но все тщетно: ему никто не желал оказывать материальной помощи и давать денег на военные расходы.

Но при этом ни японцы, ни Чжан Цзолинь атамана Семенова от себя не отталкивали. Моральную поддержку «борец против большевизма» получил и в Токио, и в Мукдене. И та, и другая сторона прозорливо видели, что семеновцы еще пригодятся. В действительности оно так и случалось вплоть до 1945 года. Атаман писал в Ургу командиру безвозвратно потерянной Азиатской конной дивизии:

— Японцы стремятся поддерживать нас в Маньчжурии и Монголии...

— Сын Чжан Цзолиня с войсками, много пушек и пулеметов, прибыл в Хайлар...

— В Мукдене все настроены против русских большевиков и своих коммунистов...

— Я дал средства и директивы баргинскому Найман-вану двигаться в твое распоряжение...

— С американцами ведутся переговоры о принципах открытых дверей в Монголиии...

В одном из писем барону атаман Семенов откровенно обманывал его следующей информацией: «Ирландия, Америка и Мексика признали независимость Монголии». В действительности тогда на дипломатическом поприще этого не сделало ни одно иностранное государство.

Унгерн же ждал от Семенова совсем иное: материальной (оружия и провианта) и денежной поддержки, помощи в людях. Но об этом атаман в своих письмах дипломатично умалчивал. Не было даже обещаний реальной помощи. На одном из первых допросов барона Унгерна-Штернберга спросили:

— Имели ли вы устойчивую связь с атаманом Семеновым в Урге?

— Такой связи я не имел и не мог иметь по одной причине.

— По какой?

— Он не давал мне деньги на содержание Азиатской дивизии.

— Ну и что? Ведь вы не колчаковский генерал, а семеновский. У вас вензель на погонах «А.С.».

— Раз Семенов не давал мне денег, значит, он и не мог мной командовать...

Перед уходом из Халхи генерал Унгерн нанос прощальный визит Богдо-гэгену. Живой Будда степного народа принял его в тронном зале своего Зеленого дворца на берегу реки Толы. Самого властителя Халхи не было: его трон стоял пустой. Но смятые желтые шелковые подушки свидетельствовали о том, что хозяин дворца только-только с них поднялся. В зале почетного гостя уже ожидали «восемь благородных монголов». Это были знатнейшие князья и министры во главе с премьером Джалханцы-ламой. Он усадил барона в кресло рядом с собой. Роман Федорович произнес перед присутствующими короткую прощальную речь:

— В ближайшие дни я покидаю пределы Монголии. Поэтому призываю министров самим защищать свободу, добытую мною для потомков Чингисхана. Ибо душа великого хана продолжает жить и требует от мон-

голов, чтобы они снова стали народом могучим и самостоятельным, соединив в одно целое срединные государства, которыми некогда правил великий Чингисхан...

Речь русского генерала была выслушана собравшимися в полном молчании. Когда Унгерн закончил говорить, со своего места поднялся Джалханцы-лама. Он благословил Бога Войны, возложив на него свои руки. Тот ответил за такое традиционное для монголов напутствие кратко:

— Благодарю я. Благодарят мои воины.

После этого Унгерна проводили в рабочий кабинет Богдо-гэгена. Там его с поклонами встретили два ламы-секретаря. Но кабинет был пуст. Один из лам вежливо ответил на немой вопрос барона:

— В соседней комнате. Там сейчас происходит беседа Будды земного с Буддой небесным.

Потянулись минуты молчаливого ожидания. Наконец, появился Богдо-гэген, одетый в будничный желтый шелковый халат с черной каймой. Унгерн представился:

— Хан дзянь-дзюнь, барон Унгерн.

После этого, усевшись в стороне от всех, Роман Федорович и Богдо-гэген тихо заговорили. О чем говорили эти два знаковых в истории Монголии человека, в истории не известно. Но разговор велся в самом доверительном тоне. Затем барон встал и в низком поклоне склонился перед Живым Буддой. Тот, благословляя, возложил ему на голову обе руки, произнес молитву и затем, сняв с себя «тяжелую икону», повесил ее на шею цинвана. Последние слова Джембцзуна-Дамбы-хутухты освободителю Халхи от китайцев были такие:

— Ты не умрешь, а возродишься в высшем образе живого существа. Помни об этом, возрожденный Бог Войны, хан благодарной Монголии!

Присутствовавший на этой церемонии профессор Оссендовский описал ее так: «...Стало ясно, что Живой Будда благословляет «кровавого генерала» перед его смертью».

Когда Азиатская конная дивизия ушла из столичного Маймачена, во всех ургинских храмах сотни и сотни лам служили искренние молебны о даровании хануЧингизиду и цин-вану Унгерну несомненной и великой победы над его врагами. Искренность обращений к небесному Будде «покоилась» на двух основаниях.

Во-первых, в военной победе Унгерна над русскими большевиками монголы видели единственную возможность избавиться от него самого и 4800 его «прожорливых» и буйных азиатов. В случае победы цин-ван мог остаться в своей России.

Во-вторых, молящиеся были уверены, что поражение Унгерна Халхе ничего хорошего дать не может. Барон вернется в Ургу или сам со своим разбитым войском, или в столицу ему на смену придут красные монголы, которые с первых дней своего появления обитателей монастырей-дацанов не жаловали.

Так что ламам выбирать просто не приходилось: дай, Бог, победу цин-вану и только одну победу. Блестящую. Близкую. Крылатую. Яркую. Удивительную. Чингисхановскую. Спасительную для Халхи. Одну на всех...

Сам же Унгерн фон Штернберг оставаться в России после победы над Советами не собирался. Об этом ученые ламы Урги могли догадываться, но не знать достоверно. За день до своего выступления из монгольской столицы, то есть 20 мая, барон писал в Пекин одному из своих корреспондентов следующее:

«Я начинаю движение на север и на днях открою военные действия против большевиков. Как только мне удастся дать сильный и решительный толчок всем отрядам и лицам, мечтающим о борьбе с коммунистами, и когда я увижу планомерность поднятого в России выступления, а во главе движения — преданных и честных людей, я перенесу свои действия на Монголию и союзные с ней области для окончательного восстановления династии Цинов, которую я рассматриваю как единственное орудие в борьбе с мировой революцией...»

Из этого выходит, что Унгерн не собирался участвовать в «победной» для Белого движения Гражданской войне в России до самого конца. Он «рвался» восстановить Циньскую династию в Китае и строил планы создания великой державы, стержнем которой должно было стать Монгольское государство.

На допросах семеновский генерал отвечал относительно своих планов, как считали следователи, откровенно. А вопросов ему задавалось много:

— Вы, господин барон, хотели долго воевать в Советской России?

— Нет. Я только хотел поднять народ и общество против нее. Зажечь новую искру Белого Дела.

— Тогда что значил лично для вас поход в Забайкалье?

— Я хотел экспедицией укрепить свое положение в Урге, где последнее время чувствовал себя нетвердо.

— Вы собирались создать гражданскую власть и правительство на оккупированной территории на юге Сибири?

— Нет, не собирался. Это пустая трата времени и сил.

— Почему?

— Потому что правительство всегда найдется. Оно и устанавливало бы гражданскую власть на местах. Мне лично было не до этого.

— Каковы ваши принципы государственного строительства?

— Я мыслю так. Освобожденная Россия должна принять за образец родоплеменной строй кочевников и устроить свою внутреннюю жизнь по родам. Как, например, монголы.

— Но это же утопия, абсурд.

— Такая утопия, господин следователь, в моих руках имела бы логику реального мира.

— Это правда, что вы хотели распространить по всей Сибири буддизм?

— Сущая правда.

— Почему именно буддизм, а не ваше прибалтийское лютеранство?

— Потому что именно буддистская вера лучше всех других религий регламентирует порядок жизни и государственное устройство.

— Вы в этом совершенно убеждены?

— Это — смысл моей жизни на Востоке....

Перед началом похода генерал-лейтенант Унгерн-Штернберг объявил мобилизацию всех способных носить оружие мужчин в русской общине монгольской столицы. Отказникам грозила расправа не только над ними, но и над их семьями. Барон лично отбирал людей: в Урге «выскребались» последние остатки граждан России, годных к военной службе.

Секрета о предстоящем выступлении не делалось. Это породило волну дезертирств. Наиболее громким стал побег дивизионного адъютанта поручика Ружинского, бывшего студента Петроградского политехникума. Он сумел обманом через подложные документы получить у унгерновского казначея Бочкарева крупную сумму денег на командировку в Хайлар, в Китай. Из Урги поручик бежал вместе со своей женой, выпускницей Смольного института.

На следующий день погоня настигла беглецов. Ружинскому перебили ноги — «чтобы не бежал» и руки — «чтобы не воровал». Жена поручика была «отдана» всем желающим. Потом супругов публично казнили: его повесили на воротах дома, а ее расстреляли.

Эта казнь заставила всю Ургу затаиться в страхе. Но это была не последняя кровь. После ухода Азиатской конной дивизии из столицы Халхи в день 21 мая в ней остался на некоторое время ургинский комендант полковник Сипайло со своей командой палачей. Начались убийства офицеров, которые по разным причинам смогли отказаться от участия в походе. Эту вакханалию прекратил своим вмешательством цин-ван бурят Джамбалон. Ссориться с монголами Сипайло не решился и потому поспешил догонять ушедшую в степь дивизию.

После убытия ургинского коменданта с его командой в столице Монголии еще оставались некоторые во-

инские части. Это была казачья сотня, которая несла личную охрану Богдо-гэгена. С севера Ургу на всякий случай прикрывал отряд поручика Сухарева в 300 человек...

Проводить Азиатскую конную дивизию в поход на север вышел едва ли не весь город. Для большинства ургинцев это было зрелище, равное военному параду. Многие женщины плакали, расставаясь со своими мужьями и кавалерами. «Азиаты» уходили, как писали, без чувства обреченности. Испытывая благоговейный страх перед бароном, они, однако, верили в его звезду. Ведь не зря же монголы величали семеновского генерала Богом Войны.

Все же историки сходятся в одном: население монгольской столицы облегченно «вздохнуло» после ухода «азиатов». Кормить, содержать и терпеть такое воинство городу Урге приходилось все с большим и большим трудом.

Однако если ургинцы скромно праздновали такое событие, то на монгольской стороне границы с Советской Россией, в Алтан-Булаке по такому случаю устроили большой митинг. Первым на нем с речью выступил представитель ЦК Монгольской Народной партии:

— Белые, не имея ни дома, ни родины, выгнанные из России рабочими и крестьянами, видя безвыходность своего положения, хотят вовлечь монгольский народ в войну, якобы за освобождение Монголии. В действительности же, силою мобилизовав монголов, направляют их против нас, борющихся за восстановление демократического строя и освобождение Монголии от иностранцев...

Страстную речь перед красными цэриками и горожанами произнес военный министр Сухэ-Батор. Среди прочего он заявил на митинге:

— Я не преследую никаких корыстных целей и стремлюсь к одному: освобождению всего монгольского народа от ига китайских притеснений и банд белых и установления демократического строя. Для достижения этих целей я не пожалею головы...

Взявший слово представитель Дальневосточного комитета Коминтерна торжественно вручил Сухэ-Батору «почетную» саблю и сказал:

— Молодая монгольская армия в самом скором времени сумеет избавиться от китайских притеснителей и русских генералов...

Красные монголы Сухэ-Батора получили новую помощь от «северного соседа». Внеочередное заседание Реввоенсовета войск Сибири в городе Новониколаевске приняло решение послать 12 пулеметов с патронами, ручные гранаты, две тысячи трофейных японских винтовок, походную радиостанцию и... одно авиационное звено: аэропланы и воздухоплавателей.

...Как сами унгерновцы восприняли открытие новой страницы Гражданской войны в России? Об этом пишет, например, в своих мемуарах белогвардеец Б. Волков:

«С несколькими тысячами, из которых едва одна треть русских, остальные же — только что взятые в плен полухунхузы, полусолдаты-китайцы, необученные монгольские всадники, разрозненные шайки грабителей — чахар, харачинов, баргудов, типа шайки знаменитого Баяр-гуна, — объявить войну всей России!

Обладая жалкой артиллерией и боевым снаряжением, выступить против великолепно оборудованной в техническом отношении советской армии...

Что это? Великий подвиг или безумие?..»

В своем втором походе в Забайкалье (первый был из Даурии к Акше) генерал-лейтенант фон Унгерн-Штернберг продемонстрировал полное пренебрежение (а скорее всего — незнание) к основам тактики. Прежде всего к азам военной разведки. Азиатская конная дивизия проводила наступательную операцию, почти ничего не зная о своем противнике. Отсюда можно судить о том, что престижное Павловское военное училище мало что дало будущему командиру кавалерийской дивизии армии атамана Семенова.

Когда генерал Резухин напомнил барону о том, что надо бы выслать вперед разведку, тот только отмахнулся:

— Красные выйдут на меня и без разведки. Зачем я их буду искать по степи, пусть сами ищут азиатов.

— Все-таки надо, Роман Федорович, разведать и Алтан-Булак, и места под Троицкосавском.

— Брось ты, Резухин, наводить тень на плетень. Зачем посылать сотни в разведку, когда есть отменные проводники. Им все тропы здесь известны с детства.

— Но мы же должны иметь на той стороны своих агентов. Хотя бы одного полковника Редля в штабе красных в Иркутске.

— Чех Редль на большевистской службе съест у нас всю казну, которая, сам знаешь, почти пуста. Внешней разведкой пускай занимается атаман Семенов. Он в дипломатию играет на своей железнодорожной станции Маньчжурии.

— Но мы же должны знать о силах и замыслах большевиков? Ведь война идет, а не баранта среди монголов.

— Должны. И знаем достаточно.

— Из каких источников, господин барон?

— Надо слушать рассказы русских перебежчиков из-за кордона и читать харбинские белогвардейские газеты.

— Но там же одни сплетни о нас, красных и японцах с Чжан Цзолинем. Читать противно.

— Пусть сплетни. А ты читай между строк. Вот тебе и нужная развединформация. И больше ее нам не надо...

Противник в лице военной разведки советской 5-й армии командарма Матиясевича, штаб которой располагался в Иркутске, старался узнать о силах белых в Халхе как можно больше. Однако засылаемые в Ургу агенты из числа красных бурят и монголов приносили не только противоречивые, но — и сильно преувеличенные сведения. Как говорится, у страха глаза велики.

К тому же будущие победители белого генерала Унгерна из вполне понятных соображений сами старались в отчетах и донесениях преувеличить силы разгромленного врага. Численность унгерновцев «доводилась» до

10 с половиной тысяч человек. По телеграфу одна за другой шли «оперативки» о белых, готовых к войне по ту сторону монгольской границы:

«Японский наемник барон Унгерн в настоящее время удерживает за собой большую часть Монголии и ее столицу Ургу...»

«Войска белобандита барона Унгерна обучаются с помощью опытных японских солдат и офицеров. По агентурным данным, в его штабе много японских офицеров, которые маскируются под монгольских князей...»

«Банды генерала Унгерна представляют значительную силу. Их насчитывается более десяти тысяч хорошо вооруженных с помощью Японии белогвардейцев...»

На самом же деле барон имел войск в два с половиной раза меньше. На допросе он назвал 3300 человек, включая сюда бригаду Резухина и отряд Казагранди. Неясно, из каких соображений, но он преуменьшил свои силы на тысячу с лишним человек.

Откуда образовалась совершенно нереальная цифра численности сил барона Унгерна фон Штернберга? Прежде всего из архивных, сохранившихся источников советской стороны. Такие данные приводит, например, исследователь А. Н. Кислов в своей книге «Разгром Унгерна (о боевом содружестве советского и монгольского народов)», которая увидела свет в одном из московских издательств в 1964 году.

Кислов на основе архивных данных определял численность собственно Азиатской конной дивизии в 4800 сабель (кавалеристов), 200 штыков (пехотинцев) с 20 пулеметами и 12 легкими орудиями. Такая цифра сложилась потому, что исследователь включил в состав Азиатской дивизии могольский отряд под начальством князя Сундуй-гуна и чахаров Баяр-гуна.

Остальные «тысячи» складывались из численности отрядов союзников Унгерна. Но все они даются с заметным преувеличением: у Казагранди — 620 сабель, у Казанцева — 680, у Кайгородова — 700, у Шубина —

620 (!), в Цэцэнханском аймаке — по рекам Керулен и Онон — «бурято-русские отряды» насчитывали 3450 сабель. Всего «в подчинении Унгерну», пишет Кислов, находилось 10 550 сабель, 200 штыков, 37 пулеметов, 21 орудие. Но реально даже половины таких войск и вооружения «белый барон» не имел и в лучшие времена. Он просто не мог в силу многих условий идущей к завершению Гражданской войны иметь такую силу.

Агенты разведотдела штаба 5-й армии сообщали преувеличенные сведения о численности пулеметов и артиллерии у белых. Пулеметов же Унгерн имел десятка два, в том числе много неисправных. В отчетах красных говорилось о 21 артиллерийском орудии. В действительности же пушек было всего восемь. Это были горные орудия (полученные в свое время в Чите от атамана Семенова) и так называемые «аргентинки» из числа китайских трофеев, взятых при штурме Урги.

Снаряды же имелись только к горным пушкам. К «аргентинкам» они плохо подходили, поскольку имели несколько меньший калибр. При стрельбе из «аргентинок» снаряд имел дальность полета вместо пяти верст всего одну с небольшим. Причина крылась в том, что он не «ввинчивался» в резьбу, а скользил по стволу, как чугунное ядро в старинной гладкоствольной пушке. Но все же вылетал из ствола и при падении разрывался. Батарейцы шутили:

— Если врага из аргентинки не убить, то напугать точно можно. Лишь бы снаряды хоть какие были. Все гром...

Азиатская дивизия целиком была конной. Пехота в ней значилась только в сводках красного командования. Пулеметы возились во вьюках. Батареи тоже именовались конно-артиллерийскими. Во всей дивизии не было ни одной разведывательной сотни, ни одной саперной команды, ни одной команды связи. Под термин «спецподразделение» подходила только «карательная» группа Сипайло и Бурдуковского. Дивизионный штаб занимался большей частью интендантскими проблемами.

Унгерн, носивший на плечах погоны генерал-лейтенанта, не хотел и знать, что такое топографическая карта. К военной науке топографии он относился неприязненно еще тогда, когда носил алые погоны «павлона». Новопроизведенное белое офицерство картами в своем большинстве пользоваться просто не умело. Приказы по Азиатской конной дивизии писались не часто, а в боевой обстановке они заменялись устными приказаниями барона, отдаваемыми через ординарцев. Унгерн говорил:

— Пока писарь выводит мой приказ, посланный устно ординарец будет уже на месте.

— Если письмоношу убьют, красные узнают все из письма. А если пуля догонит ординарца, то мертвый он будет нем, как рыба. Что лучше?..

— Нельзя доверять бумаге боевые приказы. Она сгорит или размокнет так, что ничего не прочитаешь. А слово — оно как ветер...

Но самоуверенности у белого барона, вполне возможно, поубавилось бы, знай он о силах красных, противостоящих на пути похода Азиатской конной дивизии. Первым барьером перед ней вставали четыре полка (сотни) конных цэриков Сухэ-Батора, несколько красных партизанских отрядов и 2-я Сретинская кавалерийская бригада армии Дальневосточной республики в 700 сабель с 24 пулеметами. Здесь же располагался пограничный пехотный батальон силой в 500 штыков.

Вторым барьером перед унгерновцами вставали силы советской 5-й армии. Одна ее выдвинутая к границе 35-я стрелковая дивизия насчитывала 19 тысяч человек. Собственно пехоты в ней имелось около 8 тысяч бойцов. Зато имелось полторы сотни (!) пулеметов и 24 полевых орудия. Эта дивизия считалась одной из самых стойких в годы Гражданской войны: на 1921 год партийная прослойка в ней составляла тринадцать процентов от личного состава.

Не знал Унгерн и настроения местного населения на маршруте походного движения «азиатов». В казачьих

станицах и бурятских улусах к новой власти относились без всяких симпатий. Да и к тому же Гражданская война с первого года провела в забайкальских землях четкий кровавый водораздел. Но силу Красной Армии здесь, в отличие от барона, знали хорошо, и потому опять с ней воевать мало кто хотел. Скрывавшиеся в тайге разрозненные «бандформирования» в счет не шли. То есть «пороховая бочка» в 1921 году в Забайкалье никак не тлела.

В ближайшем окружении барона не раз обсуждали вопрос о том, как действовать, если советские войска войдут в Монголию для нанесения превентивного удара по белым. Такая ситуация выглядела вполне реально, если вспомнить, к примеру, судьбу отрядов Анненкова и Бакича. Роман Федорович отвечал на подобные вопросы однозначно:

— Для меня это было бы очень выгодно.

— Почему?

— Потому что такой ход большевиков сразу бы укрепил мое положение в Халхе и особенно в Урге.

— Но оно и так прочно. Вы же хан-чингисид и монгольский цин-ван.

— Этого мало, чтобы меня поддерживали все монголы и правительство Богдо-гэгена.

— Чем тогда грозит красным их вторжение на землю Халхи?

— Чем? А вы вспомните нашу Россию в 1812 году? Вспомните судьбу Великой армии императора французов Наполеона?

— Но тогда дело было в Европе. А здесь азиатские степи.

— Какая разница. История всегда имеет параллели. Пусть большевики наступают. У меня тогда не будет отбоя от пастухов-добровольцев. Ружей для них тогда не хватит. Всех китайских трофеев...

В довершение всего семеновский генерал выбрал неудачное время года для конного рейда. Начиналась посевная страда и землепашцу-казаку виделась перед собой одна-единственная задача: вспахать и засеять во-

время свой земельный участок. Ему ли в такое время брать в руки оружие и уходить с невспаханного, незасеянного поля на новую войну? Пусть даже с нелюбимыми большевиками, которые его расказачили, а теперь «душат» сверхналогами в образе безвозмездной продразверстки.

Знай он все это, прибалтийско-немецкий аристократ мог бы самокритично сказать себе, весь план народного восстания против большевиков в Забайкалье возводился на сыпучем даурском песке. Вера в победы над красными витала только в воздухе. В финальной части Гражданской войны мифическое белое унгерновское войско чем-то напоминало привидение. Но противник и сам «создал» такое привидение в своих разведсводках и оперативных донесениях по команде.

Азиатская конная дивизия шла к границе несколькими походными колоннами, чтобы тысячи лошадей могли прокормиться в весенней степи. Речушки переходились в брод не без труда: от таяния снега в горах они были полноводны, разлившись во многих местах.

Задержаться в пути Унгерн позволил себе на несколько дней только на берегах реки Хары. В ее долине жили земледельцы из числа китайцев и монголов. У них были реквизированы запасы муки, затем «азиаты» продолжили свой поход на север.

Уже с самого начала барон стал прибегать к конфискациям провианта и фуража. Деньги если и выплачивались, то частично. Причем зачастую такими бумажными банкнотами, которые уже плохо ходили. Объяснял он это просто:

— Дивизионная казна почти пуста. Я же не ввожу налогов в зоне действий Азиатской конной дивизии...

Казна за два дня до похода на юг Сибири действительно своей «тяжестью» на командира дивизии не давила. В ней тогда насчитывалось 225 тысяч советских рублей, полтора миллиона сибирских (колчаковских) рублей, 5,5 миллиона читинских бон, более десяти миллионов керенок (совершенно обесцененных), около полутора миллиона николаевских (романовских) руб-

лей, 17,6 тысячи долларов. Имелось в казне неизвестное число кускового серебра и золота.

Первыми границу перешли в крайних точках фронта действий унгерновских сил небольшие отряды Казагранди и есаула (вскоре — полковника) Тубанова. Первый оказался на территории бывшей Иркутской губернии, второй надеялся выйти к Акше. В течение нескольких дней боев оба отряда белых понесли поражения и были отброшены за линию границы. Теперь красное командование точно знало, что главный удар «бешеный барон» будет наносить не на флангах. Понимание его стратегии оказало Унгерну не самую лучшую услугу уже в самое ближайшее время. Перехитрить врага ему не удалось.

Получив известие о неудаче отряда полковника Казагранди, хотя тот и взял на несколько дней в верховьях реки Джиды поселок Модонкуль в 120 верстах от станицы Желтуринской, Унгерн пришел в ярость:

— Я никогда не верил в полковничьи погоны этого колчаковца. Он воевать не умеет. А не связан ли Казагранди с большевиками?

Последняя шальная мысль пребывавшего в ярости барона стоила полковнику Казагранди, который командовал отрядом колчаковцев — офицеров, солдат и гимназистов, жизни. Его отряд, сильно «насоливший» красным в Иркутской губернии, оказался бессилен против партизанского отряда знаменитого Щетинкина, состоявшего из 469 сабель при 12 пулеметах. Силы были в бою за поселок Модонкуль явно не равны. Но всего этого генерал Унгерн-Штернберг не знал. Он решил наказать провинившегося: посланный им карательный отряд во главе с поручиком Сухаревым совершил убийство полковника Казагранди в Куре Заин-гегене...

Затем границу по долине реки Желтуры перешла бригада генерал-майора Резухина. Он имел два конных полка «азиатов», китайский дивизион и несколько монгольских отрядов. Тут монголы поняли, что их ведут не на войну с красными цэриками Сухэ-Батора, а на

войну «со всей» Россией. Бунт подавили в самом корне: палачи капитана Безродного при первых признаках возмущения «взяли в сабли» четырех монгольских конников.

Резухинская бригада продолжила движение на север, ведя только ближнюю разведку. Было уже поздно что-то предпринять, сманеврировать, когда белым под станицей Желтуринской путь преградили превосходящие силы красной 35-й дивизии. Ею командовал один из героев Гражданской войны бывший прапорщик латыш Константин Нейман. В первый день боя он имел три стрелковых полка (310-й, 311-й и 312-й) с артиллерией, а на второй день к нему на подмогу подоспел кавалерийский полк будущего Маршала Советского Союза Константина Рокоссовского. Теперь под Желтухинской набиралось до двух тысяч красноармейцев.

Белые казаки упорно ходили в атаку лавой раз за разом. Их упорство было понятно: они желали любой ценой прорваться к родным станицам. Красная пехота оборонялась стойко. Наскоки резухинцев (их вдвое меньше числом) отбиваются винтовочными залпами, огнем пулеметов и пушек. В том бою был эпизод, когда белые едва не взяли в кольцо один из стрелковых полков противника. Положение спасли вовремя подоспевшие на выручку красные кавалеристы Рокоссовского.

Наконец Резухин понял, что здесь ему прорваться через вражеский заслон не удастся. Да и к тому же товарищ Нейман стал охватывать его пехотными цепями, которые имели не один десяток пулеметов. Командир бригады был вынужден под вечер, когда бой утих, отдать приказ:

— Ночью сняться с места. Сделать это для красных внезапно, быстро, одним махом. Отойдем за кордон, а оттуда ударим в новом месте...

Все же внезапно сняться с места не удалось даже ночью. Красные дозоры заметили уход белой конницы. Началась погоня. Однако за кавалерийским полком Рокоссовского (он получил пулевое ранение в ногу) ней-

мановская пехота, разумеется, поспеть не смогла. Так что догнать белых не удалось.

Генерал Резухин продолжал твердо выполнять план вторжения, утвержденный бароном на совещании в Ван-Хурэ. Он вновь перешел границу несколько севернее станицы Желтуринской. И не ошибся в выборе нового места прорыва: здесь его никто не ждал.

Бригада «азиатов», с которой шел сам Унгерн (это были главные силы), подошела к границе только через несколько дней после резухинцев. Но барон опасался, что со стороны Алтан-Булака, этого новоявленного «Золотого ключика», он может получить удар во фланг от Сухэ-Батора. Унгерн, правда, не считал нетыре сотни конных красных цэриков за настоящую кавалерию, поэтому действовал самонадеянно. Если бы велась разведка, то барон мог бы достоверно знать, что в Алтан-Булаке уже не один день находились не только «красномонгольские» сотни.

Силы Сухэ-Батора были «усилены большевиками» пулеметной командой и калмыцким эскадроном, отличившимся при разгроме деникинцев на Северном Кавказе. Причина переброски именно этого национального эскадрона на Восток была проста: калмыки внешне похожи на бурят и монголов. И к тому же калмыки хорошо знали буддистские традиции и обычаи, чем могли вызывать симпатии у населения Халхи.

Когда до Алтан-Булака оставалось всего несколько переходов (дивизия из-за обозов делала в сутки примерно по 25 верст), цин-ван и генерал Унгерн фон Штернберг вызвал к себе Баяр-гуна:

— Твои храбрые цэрики, наверное, уже заждались настоящего дела?

— Еще бы! Мои чахары почти всю зиму не видели настоящей военной добычи, а я славы степного вана.

— Баяр-гун, слушай внимательно. Есть сегодня случай отличиться в большом деле на войне.

— Я понял тебя, господин цин-ван. Ты хочешь поручить мне взять с налета Кяхтинский Маймачен, который красные монголы назвали Алтан-Булаком?

— Ты меня верно понял, Баяр-гун. Возьми у Сухэ-Батора город. Это будет военная добыча для твоих храбрецов-чахаров.

— А что ждет меня в награду?

— Часть той добычи и звание великого батора Халхи. И милости Богдо-гэгена. Он мне говорил в последний раз, что тебя знает.

— О! Это для любого монгола большая честь.

— Я тебя назначаю командующим всей моей монгольской конницей в этом походе. Но ты должен взять Алтан-Булак...

Атака на временную столицу народной Монголии велась по всем законам степной войны. Шестьсот всадников-чахар, с неистовым воем, который приводил китайских солдат в трепет, начали атаку на раскинувшийся перед ними город. Баяр-гун, воевавший в степях против китайцев уже лет пятнадцать, забыл про всякую осторожность. Чахары лавой пронеслись, ничего не замечая на скаку, мимо неприятельской пулеметной засады, которая не решилась заявить о себе в начале боя.

Сбив редкие заслоны, чахары уже влетели на городскую окраину и там стали придерживать коней: было хорошо видно, как на противоположную сторону входит в большом количестве пехота. Это была пешая часть Сретенской бригады войск Дальневосточной республики, подоспевшая из соседнего, близкого Троицкосавска. Запал атакущих монгольских цэриков сразу пропал.

Баяр-гун был лично храбрым человеком, и появление пеших советских солдат (для него они были всего лишь похожими на китайцев, не умеющих сидеть на лошадях) его не испугало. Он скомандовал своим воинам:

— Храбрые чахары! Пустим под копыта наших коней этих людей. Вперед! Вся добыча — ваша!..

В этот момент опытные пулеметчики противной стороны, словно по команде, открыли убийственный огонь в спину и во фланг белым монголам. Чахары, вер-

ные вековому инстинкту воинов степной конницы, когда первая атака кончалась полной неудачей, повернули назад и стали метаться под пулеметными очередями, стремясь уйти. Но пули летали над полем, поражая людей и лошадей.

Баяр-гун одиноко носился по полю, крича из последних сил:

— Чахары! Ко мне! В лаву!

Но его в те последние минуты проигранного боя слушал только один единственный человек. Это был коновод, скакавший рядом с князем с запасной лошадью на поводу. Наконец, пулеметная очередь сразила княжеского коня и коновода. Сам Баяр-гун был тяжело ранен, убитая лошадь придавила его, и всадник оказался пленником «красных монголов». Его доставили в кяхтинскую больницу, на койке которой он и умер.

Пулеметные очереди разметали чахар по всему полю боя. В этот победный миг Сухэ-Батор повел в контратаку немногочисленных красных цэриков, уже оправившихся от первого испуга. Белые монголы уходили от них на полном ходу, почти не оказывая сопротивления: потеря Баяр-гуна привела их в окончательное смятение. Лишь некоторые из чахар на ходу, не целясь, отстреливались из винтовок.

Бело-монгольский отряд совершенно рассеялся, хотя многим удалось найти спасение в окрестных лесах. Когда Унгерну доложили о гибели отряда Баяр-гуна, на его лице появилась ярость, которой так страшились все знающие его люди. Но на этот раз он сдержал свой «бешеный» гнев, лишь бросив:

— Чахарам воевать в степи надо, а не брать города на границе. Где Баяр-гун? Найдите мне его...

Несколько взятых пленных на допросе показали Сухе-Батору, что «сам» цин-ван Унгерн следовал в походной колонне, передовой отряд которой и составляла чахарская конница. Сухэ-Батор немедленно известил об этом Неймана. Тот срочно стал перебрасывать к месту событий резервные части своей дивизии, прикрывая ими Кяхту и Кяхтинский Маймачен. Барон в итоге ли-

шался своего самого главного козыря — внезапного удара через границу. Но это он, как человек военный, уже понимал. Поражение Баяр-гуна смешало все его карты.

Нейман действовал решительно и трезво. Он вызвал к себе комбрига Глазкова с двумя стрелковыми полками и несколькими эскадронами. К месту боя спешил конный партизанский отряд Щетинкина, на днях нанесший поражение белому полковнику Казагранди.

Нейман торопил помощь: Азиатская конная дивизия уже стояла напротив Кяхты и Кяхтинского Маймачена. Однако генерал Унгерн-Штернберг три дня не решался начать атаку этих степных городков на границе. Целых три дня он бездействовал, словно чего-то выжидая. Наконец, кто-то из окружения сказал барону:

— Вот бы под вечер ворваться в Кяхту. Дать по ней залп-другой из всех пушек. И запалить город со всех концов.

— Нельзя до послезавтра стрелять по городу из горных пушек и аргентинок. И брать его конной атакой.

— Почему нельзя, господин генерал?

— Мне ученые ламы Богдо-гэгена нагадали, что под Кяхтой мне три дня нельзя пускать в ход пушки.

— Да ведь несколько артиллерийских залпов — и победа будет в наших руках?

— Говорю, ламы не советовали этого делать до послезавтра. Иначе быть беде...

Бывший прапорщик Константин Нейман в пророчества монгольских лам не верил и к ним в своей жизни никогда не обращался. Когда он спустя какое-то время узнает о таком поведении белого барона под Кяхтой, то, удивляясь услышанному, скажет:

— Нельзя же быть наивным до такой дурости. Верить святошам-ламам, которые ни одного дня не были на войне?..

Азиатская конная дивизия все же вошла на территорию Дальневосточной республики восточнее Кяхты и Троицкосавска. Белые заняли поселки Киран и Усть-Киран. Но на этом их успехи в те дни и кончились. Ко-

мандир советской 35-й дивизии Нейман чутко уловил, что своей медлительностью Унгерн отдал ему в руки инициативу, которая зачастую давалась ценой большой крови. И он не упустил эту инициативу на поле брани из своих рук.

Утром 11 июня близ границы завязалась нешуточная кавалерийская схватка. Красные конники применили древний казачий прием: они начали притворно заманивать белых в сопки, на вершинах которых загодя укрылись стрелки и пулеметные расчеты. Видя такое дело, барон Унгерн возликовал:

— Смотрите! Красные бегут! Видно невооруженным глазом.

— Точно, Роман Федорович, бегут. Вон на дороге первую повозку бросили с чем-то нагруженным.

— Приказ мой по дивизии: всем преследовать красных.

— А не послать ли нам, господин барон, на разведку сотню казаков? Пусть проверят сопки у дороги?

— Зачем? Наши казаки из местных станичников говорят, что за этими сопками и находится Троицкосавск. А нам его надо взять в первую голову.

— Но мы не знаем сил красных перед нами!

— Зачем на это тратить время? Красные и так спешат от нас оторваться. Всей Азиатской дивизии идти в преследование. Мы ворвемся в Троицкосавск с ходу...

К Унгерну слишком поздно пришло чувство непонятной тревоги: он увидел, как долина, шириной версты в полторы и уходившая в поросшие лесом сопки, начала быстро сужаться. Но к тому часу вся Азиатская конная дивизия уже втянулась в узкое лесное дефиле вместе с артиллерией и обозом. Спешившие в преследовании «азиаты» растянулись по дороге, и управление полками и сотнями оказалось утраченным.

Цин-ван понял свою ошибку слишком поздно. Но барон еще мог ее исправить. Для этого следовало, прикрывшись полком или двумя с артиллерией и пулеметами, начать выводить дивизию из полосы лесистых холмов. Вполне вероятно, что для этого белым при-

шлось бы бросить часть обозов. Но «крестоносец Востока» Унгерн фон Штернберг, как и его далекие предки в рыцарском стальном одеянии, считал бегство с поля битвы позором. Поэтому он пошел на бой в откровенно не выгодных для себя обстоятельствах.

На одном из допросов генерала фон Унгерна-Штернберга спросят о тех событиях в окрестностях городов Кяхты и Троицкосавска:

— Почему вы, поняв, что вас Нейман перехитрил, не отступили назад, на степную равнину? Ведь вы же шли прямо на нашу засаду?

— Я, как командир Азиатской дивизии, не мог отдать такого приказа.

— Почему?

— Принципиально не мог. На войне надо атаковать, а не отступать.

— Но ведь есть логика боя. Наконец, законы тактики. Вы же, как нам известно, закончили Павловское военное училище.

— Законы тактики не для меня. Я их не принимаю.

— Но вы же командовали целой дивизией?

— Моя дивизия имела одну особенность. Она конная и состояла большей частью из азиатов. Степь — не позиции в Галиции или Курляндии.

— Однако тактика с ее законами на всех войнах одна.

— Генерал Унгерн не армейский тактик.

— А кто же тогда генерал Унгерн?

— Я конный партизан еще с первого года мировой войны...

Ожесточенные бои шли два дня — 11 и 12 июня. Они больше напоминали разрозненные схватки отдельных отрядов, хотя и отличались необычайной ожесточенностью. Белые в тех боях не имели козырной карты, что имели красные: многочисленной пехоты. Унгерн, поняв это, то и дело ссаживал с коней казаков, монголов, тибетцев, посылая их в пешие атаки. Но те дела пехотинцев-стрелков не знали.

Исход битвы под Троицкосавском решил, однако, не командир советской 35-й дивизии, а один из его ком-

бригов — Глазков. Не покидавший уже двое суток передовой, он воочию убедился в простой истине: белая конница окончательно лишилась возможности разворачиваться для боя. Небольшое пространство между сопками было запружено обозными повозками с упряжками и лошадьми. Конная дивизия, которой было необходимо для атак чистое поле, сгрудилась и потеряла привычный строй.

Глазков по донесениям полковых и батальонных командиров понял и другое: против красных стрелков, засевших на вершинах сопок, белые кавалеристы, даже спешенные, бессильны. К тому же сила ружейного огня говорила и о том, что у унгерновцев с патронами «не густо». Те пулеметы, что они имели, палили короткими очередями все реже и реже, а горные пушки и «аргентинки» стреляли с интервалами в час, а то и больше. Комбриг Глазков прибыл в близкий дивизионный штаб:

— Товарищ Нейман. Пора контратаковать.

— Почему вы так считаете, товарищ Глазков? Барон сам все время атакует и атакует.

— В том-то и дело. Атакует, но как? Только в пешем строю.

— Белая дивизия конная. Чтобы сотне или полку сесть вновь на коней, много времени не надо.

— Ну и пусть садятся. С сопки сам видел, что их верховые кони за эти два дня перемешались с обозными лошадьми и верблюдами.

— Значит, ты считаешь, что Унгерн конной атакой на Троицкосавск сейчас пойти не сможет?

— Уверен.

— Но и мы кавалерийский полк Рокоссовского в бой бросить не можем. Четыре сотни всадников, а развернуться им среди сопок негде.

— Атакуем стрелковыми цепями и побьем беляков. Точно побьем. У них пулеметов мало, и те почти все время молчат.

— Хорошо, тогда ударим по белякам сегодня же. Знаешь, почему барон опасается нынешнего дня?

— Из-за числа, наверное.

— Точно, Глазков. Сегодня тринадцатое. А этот белый гад суеверен до беспредела. Монгольскому ламе из придорожного дацана верит больше, чем своим полковым командирам.

— Тогда прошу послать в атаку мою бригаду первой, товарищ Нейман.

— Иди первым. Ты все равно большую часть сопок занял своими стрелками.

Тринадцатого числа неймановская дивизия нанесла по неприятелю сильный контратакующий удар. Сильный тем, что он оказался для унгерновцев в немалой степени неожиданным. Когда артиллерия красных дала несколько залпов и со склонов ближайших сопок «заговорили» несколько десятков «максимов», ряды «азиатов» в считанные минуты потеряли прежнюю стройность. Паника началась сперва в монгольских сотнях, затем она перекинулась на большую часть Азиатской конной дивизии.

Генерал-лейтенант Унгерн занимал командную позицию на невысокой сопке. Несколько низкорослых деревьев на ее вершине не мешали круговому обзору поля боя — неширокой долины, которая потеряла почти всю свою «зеленость». За трое суток трава была или съедена тысячами лошадей и верблюдов, или вытоптана их копытами. Барон только-только присел за походным столиком, чтобы скромно отобедать куском вареного мяса и болтушкой из муки, как дружный пушечный залп поднял его с раскладного стула. Он крикнул полковнику Ивановскому, примостившемуся под раскидистой сосной на помосте из поставленной «на попа» обозной телеги:

— Ивановский! Откуда так много пушек у Неймана?

Начальник дивизионного штаба, не отрывая глаз от окуляров цейсовского бинокля, личного трофея с мировой войны, ответил:

— А кто его знает, Роман Федорович. Наверно, новые батареи подоспели из Верхнеудинска. А может быть, и из Читы.

— Красные и на второй залп снарядов не пожалели.

— Наверное, атаковать нас будут. Двое суток так сильно по нам не палили.

— Атаковать решили, говоришь. А я их порублю как капусту.

— Не порубим, Роман Федорович. Развернуться негде.

— А я прикажу. Кто не развернется, того бамбуком научу в рубку ходить...

Унгерн не успел договорить своей фразы. Гулко грохнул третий артиллерийский залп. Как по команде, с ближайших сопок застрочили длинными очередями пулеметы. Сгрудившаяся на пятачке среди сопок Азиатская конная дивизия превратилась в огромную мишень.

Унгерн еще только садился на своего белого коня, а большая часть его дивизии уже повернула назад, стремясь как можно скорее выйти из-под огня, вырваться из этих огнедышащих сопок. Барон, с ташуром в руке, которым он хлестал беглецов направо и налево, пытался было навести порядок. Однако поток конников, скакавших, пригнувшись как можно ниже, вскоре увлек его за собой. Почти все его ординарцы и штабные офицеры потерялись в неразберихе, которая охватила всю Азиатскую конную дивизию, торопившуюся выйти из-под обстрела.

Пулеметные очереди подгоняли бежавших «азиатов». То там, то здесь раздавались крики раненых людей, громкое ржанье лошадей, на полном скаку падающих на землю из-за жалящих пуль. Одна из них все же нашла Унгерна в его издали приметном желтом шелковом халате: пуля ударила в плечо по касательной. Ранение оказалось легким. При этом известии многие «азиаты» вздохнули. Одни с облегчением, поскольку командир-повелитель не был потерян. Другие с огорчением, так как «бешеный барон» остался жив.

Тринадцатое число оказалось действительно несчастливым. Но в это, если не считать самого Романа Федоровича, среди его подчиненных мало кто верил.

Уж слишком много в его дивизии собралось отчаянных людей, не верящих, как говорится, ни в Бога, ни в черта.

Поражение унгерновского конного войска вблизи Троицкосавска и Кяхты (эти два города находятся почти рядом друг с другом) еще долго потом обсуждалось на все лады в маньчжурской белой эмиграции. Один из ее мемуаристов, Алешин, участвовавший в тех июньских боях, скажет с известной долей иронии (уже после расстрела Унгерна фон Штернберга):

— Магия бараньих лопаток была побеждена здравым смыслом большевиков...

Алешин под большевиками подразумевал комдива Неймана и его комбрига Глазкова. Они действительно оказались в вопросах тактики общевойскового боя на голову выше, чем генерал семеновской армии.

Стрельба на границе утихла только к часу ночи. Под утро верстах в двадцати Азиатская конная дивизия собралась воедино. Было приказано доложить о наличии людей полковнику Ивановскому. Тот в свою очередь — Унгерну:

— Докладываю, господин генерал. Все полки и отдельные сотни собраны.

— Доложите потери.

— Состав Азиатской конной дивизии уменьшился на несколько сот человек. Точная цифра еще не подсчитана.

— Убитые, сдавшиеся в плен, дезертиры?

— Это трудно установить. Перекличка велась только на число людей, стоящих в строю.

— Я понял, Ивановский. Можно не утруждать сотенных арифметикой. И так ясно, что прапорщик Нейман преподнес нам хороший урок.

— Какой урок, Роман Федорович?

— Урок ведения чингисхановской войны в сопках здешних степей. А ведь это наше Забайкалье. Ивановский, почему я не вижу дивизионной артиллерии? Где она задержалась? Наказать батарейных начальников.

— Артиллерии у Азиатской дивизии больше нет.

— Где она? Досталась большевикам?

— Точно так. Все пушки с зарядными ящиками достались прапорщику Нейману.

— Пулеметы?!

— Часть, что была во вьюках, спасли.

— А наш табун в 600 запасных лошадей, который мне подарил перед уходом из Урги Богдо-гэген?

— Табун пропал в тех сопках вместе с табунщиками-монголами.

— Прибудут — всех выпороть бамбуком. А почему так мало обозных повозок в лагере?

— Дивизионный обоз почти весь достался красным. Уйти удалось только тем повозкам, что были порожняком.

Все же тринадцатое число оказалось благосклонно к демону монгольских степей. От полного разгрома Азиатскую конную дивизию спасло не чудо, а грубейшая топографическая ошибка картографов российского Генерального штаба. Дело в том, что Нейман и Глазков вознамерились преследовать бежавших белогвардейцев, что называется, по пятам. Но они пользовались старой сорокаверстной картой, увидевшей свет еще в 1881 году. Она вся пестрела неточностями.

На этой карте российско-монгольского приграничья река Иро оказалась восточнее своего истинного положения на несколько десятков верст. Если в штабе советской 35-й дивизии об этом не знали, то проводники барона из числа местных жителей такой ошибки допустить не могли. Преследователи посчитали, что настигнут унгерновцев при переправе, и поспешили туда. В это время «азиаты» шли совсем другим маршрутом. Они подошли к переправе через Иро тогда, когда красные, несолоно хлебавши, уже ушли назад.

При форсировании этой полноводной в начале лета степной реки «бешеный барон» еще раз показал «азиатам» свой нрав. Как всегда в таких случаях, реку было приказано форсировать вплавь, держась за спины лошадей. Сотня за сотней сходили в речную воду и переправлялись на противоположный берег. Однако полная

вода Иро все же взяла «свое»: больше десятка человек, совершенно не умеющих плавать, с громкими криками утонули. Такое зрелище самым удручающим образом подействовало на китайскую сотню. «Азиаты» из китайцев проскакали по речному берегу версты две-три, к великой радости нашли спрятанные в камышах неизвестно чьи лодки-долбленки.

Их на веревках притащили к месту переправы. И тут китайцы заволновались: ведь приказ цин-вана гласил: перебираться через Иро только вплавь, вместе с лошадьми. Ослушаться приказа означало только одно — незамедлительную кару, которая мягкой быть не могла. Командир китайской сотни поручик Гущин поспешил к барону, который наблюдал за тем, как переправляется его конное войско:

— Осмелюсь просить вас дать разрешение китайской сотне переправиться через реку на лодках, господин генерал.

— Разве вам, поручик, не известен приказ по дивизии?

— Так точно, известен. Но мои китайские солдаты совершенно не умеют плавать. И воды боятся.

— Хорошо. Но каждый солдат, который в водах Иро предпочтет спину лошади лодку, получит по спине десять бамбуков. Это мой приказ.

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

— Бурдуковский! Ты слышал, что я только что сказал поручику Гущину?

— Точно так.

— Бери бамбук и поезжай вместе с Гущиным...

Поручик объявил сотне унгерновский приказ. На удивление палачу Бурдуковскому, большинство китайцев предпочло десять ударов березовой палкой по спине форсированию не столь уж и широкой реки вплавь с лошадьми. Солдаты выходили на противоположный берег из лодок-долбленок, к которым были привязаны их лошади, совершенно сухие, но с окровавленными спинами. Бурдуковский потом жаловался своему высокому начальству:

— Перепороть бамбуком почти всю сотню поручика Гущина всего за час? Умаялся с китайцами так, что руки дрожат и конские поводья еле держат...

Азиатская конная дивизия уходила все дальше и дальше от границы с Забайкальем. Через два дня она вышла к реке Орхон, которая оказалась препятствием более серьезным, чем Иро. На форсирование Орхона ушел целый световой день, хотя монголы нашли удобное место для переправы. Белые торопились оторваться от преследователей, которые искали их совсем в другом месте, не заходя далеко в Халху.

Унгерн был мрачен и задумчив. Ему часто вспоминались то старая гадалка, которую приводил к нему ночью в юрту верный Джамбалон, то ученые ламы-гадатели. Вспоминались их предсказания, которые самым странным образом накладывались на события последних дней. Суеверный с первых дней своего пребывания на Востоке, барон превращался в законченного мистика, совершенно непонятного своему окружению.

«Азиаты» не жалели коней, держа путь по степи на юго-восток. Куда они шли, можно было только догадываться. Когда барона спрашивали, куда двигаться после короткой ночевки или дневки на час, а то и полчаса, он отвечал немногословно:

— Дивизии идти за мной.

И угрюмо показывал полковым командирам своим ташуром направление походного движения. Всадник на белом коне, в желтом халате, первым гнал своего коня дальше в степь. Конные сотни торопились за ним, чтобы, упаси Боже, не потеряться среди степных курганчиков и попадавшихся на пути небольших лесочков. Потеряться — значило погибнуть или от рук преследователей, или от степных жителей, которые не очень-то стали жаловать пришлых в Халху из соседней России. Поэтому в дни бегства унгерновская дивизия и не знала дезертиров или случаев невыполнения приказов.

Когда был пройден Орхон и опасность преследования окончательно миновала, генерал Унгерн-Штернберг сам указал место походного лагеря для дивизии, отдав несколько приказаний:

— Стан устроить вон у того монастыря, у Эрдени-Дзу. Я знаком с его настоятелем, он нас встретит любезно.

— К Орхону выслать дозоры от бурятских сотен.

— Узнать, где находится сейчас генерал Резухин со своей бригадой.

— Скот на мясные порции солдатам у местных пастухов реквизировать именем Богдо-гэгена...

В лагере у Эрдени-Дзу к барону вернулась прежняя самоуверенность. Он вел себя вновь, как в Урге или в Даурии, одним своим видом нагоняя на людей благоговейный страх. Словно не было ни полного поражения под Троицкосавском, ни дней бегства по степи. Никто не решался даже обмолвиться словом о том, что победители-красные численно и не превосходили «азиатов». Но о том сказал сам барон, произнеся для истории одну из самых своих знаменитых фраз:

— За пять лет русские не научились воевать. Если бы я так окружил красных, ни один не ушел бы!

Когда эти слова дошли до атамана Семенова, то он так прокомментировал слова возведенного им в генерал-лейтенантский чин фон Унгерна-Штернберга:

— Сущий монгольский Наполеон. Даже больше. Но на Чингисхана никак не тянет. Ламы в том не помощники...

Скоро отыскался и генерал-майор Резухин со своей 2-й бригадой Азиатской конной дивизии. Совершая марш-броски по таежной, почти не заселенной части Забайкалья, он довольно далеко «забежал» на советскую территорию. Однако его там начали теснить со всех сторон, и бригаде пришлось маневрировать, чтобы не попасть в кольцо окружения. Резухин старался придерживаться плана, утвержденного Унгерном, и из-за страха перед ним не решался отдать разумный приказ отступить в монгольские степи.

В таком состоянии его и застал слух о том, что барон потерпел поражение близ Троицкосавска и Кяхты и бе-

жал обратно в Халху. Такие вести привез лазутчик, казак-бурят, побывавший у родных. Только тогда Резухин поспешил уйти из Забайкалья. Удачно лавируя между заслонами красных, он вывел свои полки в Монголию, сумев сохранить весь обоз и обе пушки с зарядными ящиками.

Унгерн и Резухин встретились на реке Селенге: первый вышел к ее правому берегу, второй — к левому. Когда бригады соединились, командир «азиатов» решил привести дивизии в «полный порядок». Своей дальнейшей цели он не скрывал: новый поход против советского Забайкалья во исполнение «общего плана наступления» атамана Семенова, который к тому времени уже усомнился в его реальности...

Вряд ли барон Унгерн фон Штернберг мог догадываться, какой внешнеполитический резонанс вызовет его неудачное вторжение в бурятскую часть Забайкалья. В Москве и столице Дальневосточной республики городе Чите поняли, что более основательного предлога для ввода сил Красной Армии во Внешнюю Монголию и быть не может. Год назад о таком вторжении в степную провинцию соседнего Китая не было и речи. Но теперь в Халхе были белые банды «бешеного барона», а китайские войска покинули страну, будучи разбиты в Урге и на Калганском тракте.

Однако вынести боевые действия Гражданской войны на территорию соседнего, только недавно получившего национальную независимость, государства можно было только с официального разрешения его правительства. А таких правительств в это время в Монголии было два: одно сидело в Урге и подчинялось воле Богдогэгена, второе находилось в советском приграничье, в Алтан-Булаке, называлось народным и придерживалось революционных идей.

Дальше все разворачивалось по сценарию, который не раз будет «воплощаться» в жизнь во время существования Советского Союза. Еще в середине марта 1921 года (повторно — в апреле) Монгольское народное правительство обратилось к правительству РСФСР с просьбой оказать ему помощь в борьбе с русскими белогвардейцами. Тогда решили поддержать красных монголов не столько войсками, сколько оружием и инструкторами. Теперь же, в середине лета того же 1921 года, ситуация выглядела совсем иной.

В первый день июня едва не было принято решение о военном походе в Монголию. Тогда на совместном заседании собрались члены Дальбюро ЦК РКП(б), представители Народного комиссариата иностранных дел РСФСР и правительства ДВР, члены Реввоенсовета советской 5-й армии. Обсуждался один вопрос: о политике Советской России и ДВР в отношении Монголии в связи с начавшимся унгерновским походом в южную Сибирь. Однако тогда идея похода Красной Армии в монгольские степи единодушной поддержки не получила.

Неожиданно для многих присутствовавших на том заседании против военного похода резко выступил заместитель главы правительства ДВР Матвеев. Он закончил свое выступление такими словами:

— В нынешних условиях красноармейский поход на Ургу есть недоброкачественная политическая авантюра.

Матвеева поддержал командующий 5-й армией Матиясевич. Он говорил пространно, заявив, в частности:

— Занятие Урги — это одно, Унгерн — другое. Белый барон в военном отношении нам не грозит. Вопрос об Унгерне надо отделить от захвата Урги — это вопрос чисто дипломатический...

После того как Матвеева и Матиясевича поддержал временный главнокомандующий Народно-революционной армии ДВР Лапин, мнение участников совещания разделилось. И потому единого решения не случилось. Тогда Москва не стала настаивать на военной экспедиции в уже потерянную Пекином окраинную китайскую провинцию.

Но теперь, когда белый барон потерпел поражение и был изгнан обратно в Халху, встал вопрос о его «совершенной» ликвидации. В Алтан-Булак прибыли со-

ветские представители для переговоров с правительством красных монголов. Обсуждался план уничтожения унгерновских «банд». Накануне начала монгольской экспедиции Реввоенсовет 5-й армии издал следующий приказ:

«Военные действия на монгольской границе начали не мы, а белогвардейский генерал и бандит барон Унгерн, который в начале июня месяца бросил свои банды на территорию Советской России и дружественной нам Дальневосточной республики. Подтянув свои резервы, мы отогнали Унгерна от границ РСФСР, ликвидировали прорыв Резухина и нанесли им чувствительное поражение.

Красные войска, уничтожая Унгерна... вступают в пределы Монголии не врагами монгольского народа, а его друзьями и освободителями. Каждый народ имеет право строить свою жизнь, как он этого хочет, как захочет большинство народа. Освобождая Монголию от баронского ига, мы не должны и не будем навязывать ей порядки и государственное устройство, угодные нам. Великое народное собрание всего монгольского народа само установит формы государственного устройства будущей свободной Монголии...

Во избежание всяких трений и нежелательных недоразумений между Красной Армией и монгольским народом при всех крупных воинских соединениях будут следовать официальные представители Народно-революционного правительства Монголии и представители Народного комиссариата иностранных дел...»

В приказе Реввоенсовета советской 5-й армии особо подчеркивалась важность установления самых добрых отношений между красноармейцами и местными жителями. От бойцов экспедиционных сил требовалось:

«...С уважением относиться ко всем обычаям и нравам монгольского народа, (они) должны бережно относиться к их религиозным убеждениям, к их храмам и реликвиям, к их национальным чувствам».

Со своей стороны ЦК Монгольской народной партии обратился с воззванием к народу Халхи. В нем объяс-

нялись причины вступления советской Красной Армии на монгольскую территорию:

«В настоящее время совместно с нашей Народной Армией выступают части Красной Армии великой Советской России, прибывшие оказать нам помощь. Монголы! Не бойтесь их, ибо они ничего общего не имеют с белогвардейцами Унгерна, ни с гаминами, которые занимаются только грабежами и убийствами. Красная Армия преследует великую цель оказания помощи угнетенным народам всего мира в деле национального освобождения без различия национальности и религии. Поэтому ее нельзя сравнивать с армиями империалистических государств, которые стремятся лишь к хищническому захвату чужих земель, имущества, людей и скота.

Красная Армия выше всего ставит интересы народных масс, она борется за то, чтобы полностью ликвидировать банды белогвардейцев, и никогда не позволит причинять страдания аратским массам Монголии.

Красная Армия вернется в Россию, как только покончит с унгерновскими и другими бандами...»

Был составлен план Монгольской экспедиции, утвержденный новым главнокомандующим армии Дальневосточной республики Блюхером, одним из первых пяти Маршалов Советского Союза. План сфокусировался в директиве за подписью помощника главнокомандующего советскими войсками по Сибири Шорина от 18 июня 1921 года. Согласно ей части 5-й армии и войск ДВР вступали в Монголию тремя оперативными группами, то есть колоннами, в «тесном взаимодействии» с силами красных монголов.

Главным направлением удара по белобандитам определялась линия Троицкосавск — Урга. На монгольскую столицу наступали главные силы: 5-я кавалерийская дивизия, 103-я стрелковая бригада и части Сухэ-Батора. Во главе стоял командир 5-й дивизии В.В. Писарев.

По левому берегу реки Селенги наступала 105-я стрелковая бригада, 35-й кавалерийский полк Рокос-

совского (раненого комполка заменил Павлов) и отряд красных монголов Чойбалсана. Колонной начальствовал бригадный военный комиссар Б.Р. Терпиловский.

На левом фланге наступающих сил действовали войска ДВР, которым в спланированной операции отводилась вспомогательная роль.

Все три колонны составили экспедиционный корпус, во главе которого был поставлен Константин Нейман, «железный красный латыш». Численность его сил в том походе равнялась десяти тысячам человек: 7,6 тысячи штыков и 2,5 тысячи сабель. Корпусную артиллерию составили 20 полевых орудий. Механизированные войска и авиацию представляли две бронемашины и четыре аэроплана.

Однако и в Иркутске, и в Чите опасались нового вторжения унгерновских «азиатов», отдыхавших после жарких и упорных боев где-то на степных берегах Селенги. Поэтому на охрану границы поставили 104-ю стрелковую бригаду и конный партизанский отряд Щетинкина. Однако такие силы встать преградой перед «бешеным бароном», вздумай он совершить новое вторжение на сибирский юг, не могли. Командующий 5-й армией Матиясевич докладывал по команде:

«Если мы бросим все на Ургу, а тыл прикроем одной пехотной бригадой и отрядом Щетинкина, то фактически оставим весь наш тыл для ударов противника, именно Резухина. Малочисленная бригада не может прикрыть нашей границы с Монголией на протяжении 250 верст. В случае нового прорыва Резухина в тыл парировать этот налет нечем, так как в тылу не останется ни одной не только конной, но и пехотной части...»

На это предостережение командующего 5-й армией и в Иркутске, и в Новониколаевске только сдержанно отмахнулись:

— Стоит ли паниковать из-за какого-то Резухина с тысячью сабель и двух пушек?..

— А бе́шеный барон сегодня смертельно раненный медведь. Не успеет зализать свои раны, как мы найдем и добьем издыхающего зверя...

Экспедиционный корпус вступил на монгольскую территорию без малых стычек на границе. К нейманов-ским войскам сразу же присоединились конные полки (численно равные сотне) Сухэ-Батора и отряд Чойбалсана. Главные силы устремились к Урге. Опасность того, что Унгерн мог раньше красных появиться в монгольской столице, была вполне реальной. Но барон с опозданием получил информацию о появлении «главного» своего противника в приграничье Халхи.

Ургу по приказу Унгерна-Штернберга на всякий случай охранял с севера отряд в 300 сабель хорунжего Немчинова. У него в подчинении были почти одни монгольские цэрики. Не имея точных данных о силе красных и посчитав, что к Урге идут монголы Сухэ-Батора, Немчинов повел свой отряд навстречу. Однако он решил поостеречься, выслав вперед на десяток верст разведку. Та вернулась назад в тот же день:

— По дороге на Ургу идут не красные монголы, господин хорунжий.

— Красные русские?

— Да. Их много. Хвоста колонны в степи не видно.

— Пехота кроме конницы есть?

— Есть, и очень много. В середине колонны едут ухырбу.

(«Ухырбу» в переводе с монгольского означает буквально «бычье ружье». Так жители Халхи в старину называли тяжелые пушки китайцев, которые перевозились по степи упряжками из десятков быков.)

— Красные спешат к Урге?

— Да. Мы наблюдали за привалом. Он был очень мал, Костров не разводили, горячей пищи не варили.

— Много всадников идет в голове колонны?

— Не больше сотни. Как разведка. Идут на полвыстрела из ружья впереди главных сил.

— Тогда мы на них ударим. Пока они развернут свои ухырбы, мы уже отойдем к Урге...

Для хорунжего Немчинова дальнейшие события развивались непонятным и неприятным образом. После того как был подан сигнал тревоги и было приказа-

но садиться на коней, к унгерновскому офицеру подлетели сотенные командиры-монголы. Они с известной простодушной хитростью степняков дружно заявили следующее:

— Нам, монголам, надо срочно идти на моление в Ургу.

— А как же красные русские? Они же вам враги. И уже близко.

— Цэрики говорят, что пока не помолятся в ургинских храмах, в бой с русскими не пойдут.

— Тогда я прикажу выпороть каждого, кто уйдет из отряда в Ургу...

Действительно, хорунжий Немчинов приказал наказать «бамбуком» нескольких строптивых цэриков. Но прока от этого не было: угрозы оказались бесполезны. Беломонгольский отряд разбежался на глазах хорунжего. Причем не все люди ушли к столице. Большинство цэриков рассеялось в степи, но только не на север, откуда подходил советский экспедиционный корпус Константина Неймана. Немчинову с несколькими казаками пришлось поспешить, чтобы уйти от Урги на восток, в Цэцэнхайский аймак, и там искать главные силы «азиатов».

Богдо-гэген о сопротивлении красным монголом и не подумал, надеясь на свой авторитет и святость в глазах населения Внешней Монголии. В новой обстановке цин-ван Унгерн ему уже не мог ничем помочь. Такого же мнения о складывающейся ситуации был и глава правительства Джалханца-хутухта:

— Нам не стоит воевать с красными русскими и с Сухэ-Батором. Пусть новые министры будут в Урге. Ламы не дадут в обиду нашего Живого Будду. Он свят для любого монгола...

Джалханца-хутухта, разумеется, хитрил. Он не мог не знать, как красные монголы относятся к Богдо-гэгену и служителям буддистского культа. Но сила была на их стороне: личная дворцовая гвардия Богдо-гэгена защитить Ургу, конечно, не могла. А хан-чингизид и цин-ван Унгерн со своей Азиатской конной дивизией

пропал где-то на севере Монголии, не подавая в столицу о себе надежных вестей.

Джебцзун-Дамба-хутухта решил все же сразу наладить «добрососедские» отношения с новыми покорителями Урги. Он выслал навстречу Сухэ-Батору и командирам красноармейских войск начальника дворцовой стражи с приветствием на расстояние десяти верст от столицы. Так, в не столь давние времена, было традиционно положено встречать прибывающих в столицу Внешней Монголии из Пекина китайских наместников:

— Богдо-гэген приветствует тебя, Сухэ-батор, решившего прибыть в Ургу из Алтан-Булака.

— Спасибо на добром слове. Что еще приказал передать Богдо-хан?

— Богдо-гэген сказал, что он готов признать революционное правительство красных монголов.

— Хорошо. А что твой хозяин для этого сделал не на словах?

— Богдо-гэген принял отставку Джалханцы-хутухты и всех его министров.

— Кто же теперь правит в Урге вместо них?

— Пока никто. Дом правительства пуст, и я приставил к нему надежных стражников.

— Есть в Урге солдаты Унгерна?

— Нет, ни одного. Все их казармы и штаб в Маймачене пусты.

— Поезжай в город. Объяви там, что русские идут с нами как друзья монгольского народа...

6 июля передовая часть колонны советского экспедиционного корпуса (2-я стрелковая бригада Народно-революционной армии ДВР) и красно-монгольский отряд вступили в Ургу без боя. Остальные войска, растянувшиеся по пути, вошли в город на следующий день. Среди них были и члены Временного народного правительства во главе с Д. Бодо.

Въезд в столицу Сухэ-Батора мало чем напоминал торжество барона Унгерна фон Штернберга. В воздухе не витал запах пороховой гари, на улицах не валялись

трупы людей и лошадей. Красные не держали винтовок на изготовку, как это было с белыми. Нейман и его командиры знали, что вооруженного сопротивления в Урге они не встретят. Последние ее защитники в лице хорунжего Немчинова и немногих оставшихся у него конников уже сутки как подгоняли своих лошадей, торопясь уйти как можно дальше.

Сухэ-Батор ехал под красным знаменем, приветствуемый ургинцами. Многочисленные столичные ламы молчаливо стояли повсюду, смиренно опустив глаза в землю. Торжественное шествие двигалось по центральной улице Урги. Русские колонисты называли ее Широкой, чтобы подчеркнуть главное достоинство. За Сухэ-Батором ехали четыре сотни красных цэриков, героев боя с Баяр-гуном под Алтан-Булаком.

Нейман старался соблюсти этикет начала пребывания советского экспедиционного корпуса в Монголии. Красноармейцы скромно шли вдоль домов по обеим сторонам улицы, ничем не демонстрируя своего «положения». Хотя военной силой в той ситуации являлись именно они, а не красные монголы.

Так в столице бывшей Халхи и бывшей Внешней Монголии опять поменялась власть.

Среди тех, кто из-за ургинских событий «оказался с носом», был маньчжурский диктатор генерал Чжан Цзолинь. Он уже стянул к пограничному Хайлару значительные силы своих войск с явным намерением вернуть Пекину его степную провинцию. Но после ввода советских войск в Ургу речь о военном походе на столицу Внешней Монголии уже не шла. Затевать большую войну на Дальнем Востоке с Советской Россией в планы хозяина Мукдена не входило. Чжан Цзолинь резюмировал события так:

— Потеря Урги не означает моего поражения. Я исполнял волю пекинского правительства, а оно не спешило в решениях. Это оно потеряло провинцию Монголию. Провинции же в моей Маньчжурии все целы...

В это время цин-ван Унгерн «отдыхал» уже третью неделю после боев под Троицкосавском и Кяхтой.

Обстановка складывалась самая благоприятная: белое войско никто не искал, не устраивал на путях-дорогах «азиатов» засад в лесах и степях монгольского севера. О семеновском военачальнике его враги словно забыли. Роман Федорович совсем было успокоился. Его не тревожило даже то, что сторожевые заставы вокруг лагеря на берегу Селенги несколько раз обстреливали небольшие отряды монгольских всадников. Их посчитали за партизанские. После первой же перестрелки они уходили прочь, не пытаясь даже издали вести наблюдение за станом белых. Фуражирам они не мешали.

На Селенге генерал-лейтенант фон Унгерн-Штернберг успешно справился с задачей переформирования Азиатской конной дивизии. Во-первых, поменялась ее монгольская часть. Часть своих цэриков, которые не отличались стойкостью в прошедших боях, барон просто прогнал, отобрав у них казенные винтовки. Другая часть разбежалась по ночам сама. Однако численность монголов в дивизии не уменьшилась, а даже, наоборот, несколько увеличилась. Из ближайших хошунов союзные князья прислали новые пополнения в конное войско цин-вана. Кроме того, на реке Иро на сторону белых перешел отряд красных монголов.

Из взятых в плен красноармейцев Унгерн приказал сформировать пехотную команду. Под бдительным «присмотром» она сражалась неплохо, но было ясно, что при первом удобном случае недавние бойцы советских войск покинут ряды «азиатов».

Но Унгерн фон Штернберг откровенно просмотрел стратегический ход противника: похода красных войск на Ургу он никак не ожидал. Весть о бескровном падении столицы Халхи принес хорунжий Немчинов, который после нескольких дней плутания по степи нашел унгерновский лагерь не к востоку от Урги, а севернее ее, на берегах Селенги:

— Сухэ-Батор и красноармейские полки, господин генерал, шестого числа заняли Ургу.

— Урга пала?! А Богдо-гэген? Арестован? Убит?

— Нет, Богдо-хан жив.

— Что с ним?

— Он остался в своем дворце. Красные его не тронули, хотя власть в Урге теперь в их руках.

— А правительство Джалханцы-хутухты?

— Министры сдали власть правительству красных монголов. Тому, что было в Алтан-Булаке.

— Почему столица не защищалась? Где твой отряд, Немчинов? Три сотни моих лучших монгольских цэриков.

— Цэрики ушли на моление в Ургу во главе со своими сотниками и не вернулись. Я со своим десятком казаков удержать их не смог.

— Порол трусов?

— Порол, господин барон. Но не помогло.

— Значит, хорунжий, порол ты их плохо, если послушания не добился.

— Виноват, господин генерал.

— Да ладно уж. Я своих цэриков сотнями выгоняю. Сдать Ургу красным! А что же этот батор Максаржав, которого я освободил из китайской тюрьмы в Урге? Его монголы называют своим великим генералом.

— Богдо-гэгеновский Максаржав Хатан-Батор теперь готов воевать с красными против нас.

— Ясно. За тобой погоня была?

— Нет, хвоста за собой на Селенгу я не привел. Можно проверить.

— Верю. Иди к начальнику штаба дивизии и передай ему мой приказ. Тебе командовать сотней монголов...

— Благодарю, господин генерал.

— Если наберешь в хошунах еще цэриков, то разрешаю сотню развернуть в дивизион...

Получив ургинские новости, Унгерн понял, что красные его должны начать искать. И скоро обнаружат селенгинский лагерь. Поэтому он стал торопиться в решениях. Из Ван-Хурэ, тыловой базы Азиатской конной дивизии, вызываются обозы. Вывозятся все запасы, пусть и небольшие, провианта и боеприпасов. Теперь

каждый всадник имеет на винтовку почти двести патронов, чего раньше не было.

Эстляндский барон, как говорили в походных палатках и юртах, начал вновь готовиться к походу. Только куда? Выбивать Сухэ-Батора из Урги? Вновь прорываться к Байкалу? Идти на соединение с атаманом Семеновым для удара по Чите? А может быть, чингисхановской тропой на Китай?

Сам Унгерн пока молчал о своих планах. Он ни с кем не советовался, никому не доверялся. Кроме лам-прорицателей, которые каждое утро с рассветом покидали его юрту с поклонами демону монгольских степей. Уж они-то точно знали, куда собирается идти войной цин-ван Богдо-гэгена.

Вновь свирепствовали экзекуторы из комендантской команды унгерновского адъютанта Бурдуковского, хотя главный экс-палач Сипайло со своими подручными затерялся где-то вблизи Урги. Дисциплина насаждалась телесными наказаниями. Сбежать могли только монголы: прочим «азиатам» податься было некуда, и барон это прекрасно знал. Пойманные дезертиры лишались жизни посредством все того же «бамбука» — гладко оструганных березовых палок.

Семеновский генерал, не в пример своему атаману, всерьез занимался боевой подготовкой дивизии. Чуть ли не каждый день, по очереди, полки форсировали Селенгу вплавь: Роман Владимирович воспитывал их в суровом чингисхановском духе. Конница переправлялась через реку у него на глазах в полной амуниции. Хуже всего в ходе таких тренировок приходилось монгольским цэрикам: они очень боялись речных глубин. В страхе монголы хватались не за седла и спины своих плывущих лошадей, а за шеи, топили их и тонули сами. Глядя на это, барон Унгерн говорил с холодной усмешкой:

— Плохие воины. В их роду давно угас чингисхановский дух...

— Не страшно, что утонуло несколько цэриков. Князья обещали мне на днях прислать новых людей и коней...

— Хорошо, что сегодня хоть один утонул. Прекрасный урок для всей его монгольской сотни...

Однако подобные занятия вскоре пришлось прекратить. И дело было даже не в утонувших людях и лошадях. Начавшийся летний паводок сделал Селенгу столь широкой и глубокой, что подобным развлечениям «бешеного барона» пришел конец.

Вскоре Азиатская конная дивизия стала жить в состоянии повышенной тревоги. Ее местонахождение противник нашел... с воздуха. Теперь почти каждый день над берегами Селенги кружили аэропланы советского экспедиционного корпуса. Пилоты что-то высматривали. Иногда аппараты опускались низко, с них велся пулеметный огонь, а на землю летело несколько связок ручных гранат. Белые потерь от воздушных налетов почти не несли. Аэропланы обычно отгонялись ружейными залпами. Летчики не испытывали судьбу и поворачивали машину в сторону далекой Урги. Свои задачи на разведку они выполняли.

В таких случаях барон неистовствовал. Он лично посылал для отражения воздушного налета казачьи сотни, инструктируя их так:

— Кто на лету собьет аэроплан, тому фунт китайского серебра в награду. Помните мировую войну, там казаки германцев и австрийцев не раз ссаживали...

Но красные летчики держались настороже. После первого ружейного залпа аэроплан набирал высоту и под облаками уходил от берега Селенги. Гоняться по степи за его тенью было бесполезно.

Командир советского экспедиционного корпуса Константин Нейман слал в Иркутск радиограмму за радиограммой:

— Дивизия белого барона пока не обнаружена. Веду поиск аэропланами и конной разведкой. Большие надежды на Сухэ-Батора.

— Разведка 5-го кавполка обнаружила сторожевое охранение белых на левом берегу Селенги, близ перевала Улан-Даба, в 40 верстах от монастыря Ахай-гун. Высылаю туда на рассвете аэропланы.

— Разведкой с воздуха установлен факт присутствия Унгерна на левом берегу Селенги в районе монастыря Барун-Джасак.

— Белые ушли с берега Селенги в окрестные леса. На месте лагеря держатся только несколько сотен конницы. Начат поиск местонахождения главных сил Унгерна. Привлечены аэропланы и конная разведка корпуса и красных монголов...

События действительно разворачивались так, как докладывалось в Иркутск, в штаб советской 5-й армии. Барон не торопился уходить с берегов Селенги. После соединения с бригадой генерал-майора Резухина почти вся Азиатская конная дивизия встала лагерем на правом берегу реки. Лагерь раскинулся прямо в степи. Когда начались налеты красных аэропланов, Унгерн приказал перенести место стоянки в близлежащий лесной массив.

Сам цин-ван, дивизионный штаб и комендантская команда Бурдуковского расположились в нескольких юртах на левом речном берегу. Командиры полков и отдельных сотен для доклада начальнику переправлялись через Селенгу на лодках. У беловойлочной унгерновской юрты им часто приходилось подолгу ждать, пока не уходили ламы-прорицатели. Барон после их ухода часто выглядел задумчивым от полученных за ночь предсказаний на свое ближайшее будущее.

Унгерн очень переживал потерю доблестного Баяргуна, монгольского князя, который отличался своей верностью. Монгольский дивизион все еще оставался без командира: Унгерн не мог найти человека, способного командовать цэриками. И не просто конниками, а личными телохранителями. Наконец, его выбор пал на хошунного князя Панцук-гуна из Бангай-Хурэ, который в войне с китайцами не раз демонстрировал способности предводителя степной конницы. Князь был срочным порядком вызван на берега Селенги к цин-вану:

— Панцук-гун, ты известен мне храбростью и авторитетом среди воинов Богдо-хана.

— Такие слова, господин цин-ван, для меня словно серебряная награда.

— Ты догадываешься, зачем я вызвал тебя в свою ставку?

— Нет, господин цин-ван.

— Ты помнишь Баяр-гуна, доблестного князя Халхи?

— Еще бы! Сам Богдо-гэген им гордился.

— Так вот, Панцук-гун. Я решил заменить в своем войске тобой погибшего со славой в бою Баяр-гуна.

— Прости, господин цин-ван. Я не совсем понял сказанное.

— Скажу проще: ты, князь, назначаешься командиром дивизиона монгольских цэриков, моих телохранителей.

— Но я не достоин такой высокой чести, господин цин-ван.

— Ты что, трусишь? Или не хочешь мне служить? Отвечай!

— Я не могу покинуть свой хошун без власти и ускакать на войну. Мои пастухи останутся без руки власти...

— Значит тебе, Панцук-гун, важнее стада баранов, чем служба и верность мне?

— Я этого не говорил и даже не думал об этом, господин великий цин-ван.

— А о чем же ты сейчас думал?

— Только о том, что новая война с Россией может погубить Халху и Богдо-гэгена...

— Что?! Ты не веришь в мою победу?! Бурдуковский! Закопать негодяя живым в землю! Прямо перед моей юртой!..

Подобные расправы служили демону монгольских степей плохую службу. Офицерство, особенно те люди, которые стремились победить в «белых перчатках», следовавшие по жизни кодексу чести старой русской армии, начали сплачиваться для выступления против «бешеного барона». Зачатки такого конспиративного союза оказались вне поля зрения контрразведчика полковника Сипайло и его людей. Врагами барона Унгерна становились бывшие колчаковские офицеры, служившие атаману Дутову и генералу Бакичу, оренбургские казаки, волей судьбы оказавшиеся в рядах Азиатской конной дивизии.

Мятеж в унгерновском войске мог возникнуть и раньше. Но боевая обстановка, походы не позволяли военным людям расслабляться, времени у них на окончательное «оформление» заговора против «белого рыцаря» из Эстляндии не было. В противном случае трагический конец цин-вана в погонах генерал-лейтенанта семеновской армии мог наступить гораздо раньше. Для людей, воевавших с лета 14-го года, грань между жизнью и смертью давно уже стерлась. Но о своей чести военного сословия государства Российского казачество и офицерство пеклось всегда.

...Унгерн, как глава белогвардейских сил в Монголии, после вступления советского экспедиционного корпуса в Ургу оказался в незавидном положении. У него имелся хороший шанс нанести фланговый удар по противнику, когда тот находился на марше, наступая на столицу Халхи. Но барон, при небрежном отношении к ведению разведки, упустил этот реальный шанс ослабить силы Неймана и Сухэ-Батора.

Была надежда на то, что монголы, почитающие Богдо-гэгена, не признают революционное правительство, перебравшееся из Алтан-Булака в Ургу. Но первые указы, расходившиеся по стране, привели Унгерна-Штернберга в немалое замешательство: он почувствовал реальную силу новой правительственной власти. И стал осознавать, что его Азиатская конная дивизия на монгольской земле превратилась в «инородное тело». Надо было что-то срочно предпринимать, говоря иначе, начинать войну. Вопрос крылся только в одном: где и против кого.

Цин-ван Унгерн уже давно демонстрировал авантюрный склад своей личности. Это было ясно и для атамана Григория Семенова, и для Чжан Цзолиня, и для начальника советских войск в Сибири бывшего полковника Генерального штаба Шорина, сидевшего в городе Омске. Все они ожидали новый ход белого «шахматис-

та», который думал свои думы, сидя по ночам в ханской юрте на берегах Селенги в окружении лам-прорицателей, собранных с самых дальних дацанов. Барон хорошо платил, кормил досыта бараниной, и потому ламы очень старались, наводя в голове цин-вана «тень на плетень». Это он понял только в самые последние дни своей жизни на Востоке:

— Лама годен только для мирных дней. Даже самый ясновидящий. На войне он не заменит и одну казачью винтовку. Даже простую плеть...

Барону было известно, что немалая часть его офицеров и русские колонисты волнуются. У многих в Урге остались семьи, судьба которых была неизвестной. На одном из полковых смотров ему задали вопрос:

— Можно ли, господин генерал, забрать из Урги семьи с помощью верных монголов и привезти их в лагерь?

На такой вопрос встревоженных судьбой близких людей Унгерн фон Штернберг ответил:

— Настоящий воин не должен иметь никаких близких.

— Позвольте спросить, почему?

— Тревога за близких уменьшала храбрость воинов во все времена.

— Но красные могут учинить над нашими семьями расправу.

— Мой приказ за номером пятнадцать запрещает брать жен в походы...

Ища выход из создавшейся ситуации, цин-ван Унгерн, вспоминая последний штурм Урги, решил повторить «шахматный ход», то есть вторично устроить побег Богдо-гэгену. Он написал ему доверительное письмо, переправленное в столицу с одним из ученых лам, который был вхож в ближайшее окружение Джебцзуна-Дамбы-хутухты:

«Мой повелитель Богдо-хан. Я выражаю вашей светлости искреннее соболезнование по поводу занятия столичной Урги красными монголами и советскими войсками...

С приходом красных для Монголии и «желтой» религии наступают черные дни. Наши враги не пощадят ни храмы, ни монастыри, как это происходит в России уже четвертый год. Буддистских лам ждет участь православных христианских священников...

Я предлагаю вам бежать из Урги в Улясутай. Тамошний белый гарнизон станет вам надежной защитой на первые дни. Затем туда подойдет моя Азиатская конная дивизия. Князья придут со своими воинскими отрядами сами, чтобы спасти вас от красных...

То, что вы сейчас находитесь в руках красных, как когда-то под китайским арестом, даст нам возможность поднять монгольский народ на священную войну...

Я готов пойти войной в Забайкалье. Мои победы там заставят советские войска уйти из Урги назад, для борьбы со мной. Тогда князьям будет легко справиться с Сухэ-Батором и его красными цэриками...

Решайтесь на побег, мой повелитель. Я, ваш цинван, хочу спасти Живого Будду и желтую религию от красной напасти...»

Но это письмо в Зеленый дворец Богдо-гэгена не попало. Красные цэрики несли караульную службу далеко не так, как китайские солдаты. Лама, хранивший унгерновское послание в выдолбленном посохе, отверстие в котором залепили воском, не смог выполнить порученное ему архиважное дело.

Впрочем, историки по сей день не уверены в том, что, получи Богдо-гэген это письмо, он бы согласился бежать в Улясутай из столицы. Времена для Монголии были теперь совсем иные. Простой арат не видел в красном Сухэ-Баторе врага типа пекинского наместника, готового ограбить, лишить стад, поселить на родовых пастбищах китайских колонистов.

Приятной неожиданностью для барона стали просочившиеся в Халху за многие сотни верст слухи из далекого Приморья, из Владивостока. Там промышленники братья Меркуловы при помощи каппелевцев и японцев совершили переворот, взяв власть в свои руки.

Слухи приходили к Унгерну в искаженном виде, далекие от реальной действительности:

— Меркуловых поддерживает Токио...

— Японские войска начали наступление от берегов Тихого океана через Сибирь на Советскую Россию. Наступление идет успешно...

— Атаман Семенов перешел границу со своими отрядами...

— Японцы вступили в Забайкалье. Они в Хабаровске и Амурской области...

Роман Федорович с жадностью вслушивался в рассказы случайных людей, отловленных его заставами по дороге из Маньчжурии в Ургу. В его сознании вновь «реанимировалась» надежда на осуществление большого похода атамана Семенова, о котором тот писал ему в последнем, пусть и давнем письме. Унгерн делился услышанным с Резухиным и Ивановским:

— Японцы и Семенов вновь вместе! Вот это будет сила!..

— Теперь Советы зашатаются по всей Сибири...

— Каппелевцы выбили красных из Владивостока...

— Мы обязательно встретим атамана где-нибудь на полпути между Читой и Верхнеудинском...

— Пора выступать. Иначе наше войско начнет разлагаться...

То, что Унгерн приказал своей дивизии сняться с лагеря на берегах Селенги и укрыться в окрестных лесах от воздушного «глаза» противника, сыграло хорошую службу. Красные пилоты почему-то решили, что азиаты разбегаются от «бешеного барона». В Иркутск на имя командарма 5-й армии Матиясевича и в Читу на имя будущего советского маршала Блюхера, командующего Народно-революционной армией ДВР, пошли радиограммы следующего содержания:

— Силы Унгерна продолжают таять. От него ушли все монголы...

— Состав Азиатской конной дивизии по данным воздушной разведки не превышает на сегодняшнее число нескольких сот человек...

— В Селенгинском лагере белых осталось всего около полусотни юрт и палаток...

— Сведениями о подготовке к переходу границы Унгерном разведка экспедиционного корпуса не располагает...

На основе такой оперативной информации в Иркутске и Чите решили, что в стане белых поняли всю безвыходность своего нынешнего положения после утраты Урги и поражения под Троицкосавском и Кяхтой. Только этим можно было объяснить «видимое с воздуха численное сокращение» вражеской дивизии. Оставалось только гадать о том, куда бегут от «бешеного барона» его «азиаты» не монгольского происхождения. К атаману Семенову в Маньчжурию, в Синьцзян или в портовый Шанхай, где уже сложилась большая колония белых эмигрантов.

Было еще одно обстоятельство, которое играло белым на руку. В Иркутске, в штабе советской 5-й армии начались серьезные распри. Они шли между Матиясевичем и членом армейского реввоенсовета Грюнштейном: обвиняли друг друга во всяческих грехах, словно забыв о том, что Гражданская война близка к завершению. Председатель Революционного комитета Сибири Смирнов по прямому проводу телеграфировал в Москву, в Кремль Троцкому:

«Острые разногласия внутри Реввоенсовета между Матиясевичем и Грюнштейном разваливают работу, подрывают дисциплину в штабе. Матиясевич опустился, высиживает в штабе часы, работы нет...

Предлагаю освободить Матиясевича и Грюнштейна от занимаемых должностей и заменить более энергичными и ответственными военными работниками...»

Унгерн фон Штернберг, естественно, обо всем этом и не подозревал. Он находился в информационном вакууме, пользовался только слухами да случайно попадавшими к нему в стан ургинскими газетами. Поскольку конные разъезды красных по неизвестной причине перестали искать его к северо-востоку от монгольской столицы, то пленных унгерновцы не имели.

И вот в дни, когда угрозы от белых на границе не ждали, Азиатская конная дивизия пришла в движение. Она двинулась в заведомо безнадежное, повторное вторжение в советское Забайкалье, вновь нацеливаясь на город Верхнеудинск и Транссибирскую магистраль, чтобы перерезать ее у восточного берега Байкальского озера.

Унгерновцы выступили в поход в ночь на 17 июля. Сперва они шли по маршруту движения бригады генерала Резухина, которая достаточно удачно действовала в первом вторжении. На пути встало только несколько малочисленных красных заслонов, которые разгонялись первой же атакой. Барон теперь для боя часто спешивал «азиатов». Хотя дивизия была конная, но сабель и шашек имели меньше половины всадников. Остальные, вооруженные винтовками и кавалерийскими карабинами, представляли из себя ездящую пехоту и для конных баталий не годились.

Дивизия в четыре тысячи всадников двигалась быстрыми конными переходами, отводя на ночевки и дневки минимум времени. Пушек имелось всего две — резухинских, обоз был небольшой. Немалая часть грузов везлась во вьюках. По пути часто приходилось вырубать заросли по сторонам троп, чтобы могли проехать повозки и артиллерийские упряжки. Эта работа выполнялась быстро, сменными командами. Поэтому задержек по тропам среди лесистых гор севера Монголии почти не случалось. Такой скорости передвижения противник белых не ожидал и не прогнозировал. Суточные переходы составляли от 30 до 60, порой даже 80 километров.

За несколько стремительных бросков «азиаты» вышли в долину реки Джиды. Историки отмечают то, что в своем последнем походе Азиатская конная дивизия двигалась на север очень быстро. 24 июля она уже шла по Джидинской долине. Через три дня оказалась у Селенгинской Думы.

Поразительно было и другое: почти весь этот путь Унгерн не пользовался услугами проводников. Свое

войско он вел по приречью Селенги сам. Во время допросов его спросят:

— Вы знали район предстоящих боевых действий?

— Знал. И достаточно хорошо.

— А когда вы здесь могли быть?

— В 1913 году я совершил свое первое путешествие в Халху. От Верхнеудинска до Усть-Кяхты добирался купеческим пароходом-тихоходом. На здешние берега насмотрелся вдоволь.

— Но это же было восемь лет назад?

— Ну и что? У меня отличная память на любую местность. Сродни звериной...

Белых на территории Забайкалья начали преследовать. Однако теперь бывший Рокоссовского кавалерийский полк и конный партизанский отряд полного Георгиевского кавалера Щетинкина никак не могли догнать «азиатов». Преследователи находили только остывшие угли потухших сутки, а то и двое назад кострищ.

Немногочисленную пехоту барон приказал везти на телегах. Пушки переправлялись через водные преграды известным с древности способом. Забивали несколько быков и ждали, когда их туши под жарким летним солнцем вздуются. Затем связывали вместе, и получался своеобразный зловонный понтон, который выдерживал тяжесть артиллерийского орудия. Щетинкин, руководивший преследованием унгерновцев, только удивлялся при виде таких чудовищных по виду понтонов, ставших плодом воображения и «чингисхановских» знаний белого барона:

— Этому Унгерну сидеть бы где-нибудь в университете и читать историю. Додуматься до того, что помнят только ученые ламы...

В Джидинской и Селенгинской долинах барона ожидало полное фиаско. Разом разрушились все его надежды на пополнение из местных казаков и бурят. Многие села и деревни встречали белых полным безлюдьем. Люди прятались в леса. В других селениях в тайгу уходила мужская половина, способная носить ору-

жие и подлежащая мобилизации в ряды белогвардейского войска. Добровольцев почти не оказалось. Барон неистовал:

— Кто мне говорил, что в селенгинских станицах живут самые верные нам казаки?! Где они?

— В Селенгинской Думе мобилизовано всего несколько десятков бурят?! А куда делись остальные конники-буряты?

— Где крестьяне? Ведь им не по пути с большевиками. Те их за последние два года до нитки обобрали продразверсткой...

Семеновский генерал, ставший у Богдо-гэгена монгольским цин-ваном, откровенно не понимал происходящего в забайкальской глубинке. А суть дела была проста: простому люду уже осточертела трехлетняя Гражданская война, которая раз за разом прокатывалась по области расселения Забайкальского казачьего войска, по земле Бурятии. Всем давно хотелось мира, и даже та часть местного населения, которая неприязненно относилась к Советской власти, не желала больше воевать.

31 июля белые вышли к Гусиному озеру. На его берегах располагался самый большой буддистский монастырь Бурятии — Гусиноозерский дацан. Он являлся официальной резиденцией главы буддистской церкви в России Хамбо-ламы. Здесь «азиаты» встретили в первый раз за этот поход сильное сопротивление: в дацане укрепились два стрелковых батальона красных, имевших артиллерийскую батарею из четырех орудий.

В данном случае Унгерн все же не пренебрег разведкой. На основе ее данных он и построил план штурма Гусиноозерского дацана, пойдя на военную хитрость. Чтоб отвлечь внимание противника, обозу и санитарным повозкам с ранеными было приказано двигаться по дороге на виду из монастыря. Красные, заметив выходившую из ближайшего леса голову неприятельской колонны, стали устанавливать пушки на этой стороне дацана, стянув сюда и большую часть пехотинцев.

Тем временем конные сотни белых обошли монастырь путем, хорошо скрытым поросшими густым лесом сопками. Конница появилась перед защитниками дацана совершенно неожиданно, и те не успели перетащить орудия на новое место и изготовить их для стрельбы. Белые ворвались на территорию Гусиноозерского дацана с налета. Почти час среди юрт лам и храмов шли ожесточенные рукопашные схватки: раненых и убитых оказалось у обеих сторон много.

Видя безвыходность своего положения, оставшиеся в живых стрелки и артиллеристы сложили оружие и сдались в плен. Командиры батальонов покончили жизнь самоубийством. В плену их ничего хорошего не ожидало. Один перед тем, как послать себе пулю в висок, зашел в озеро по горло, чтобы враг не надругался над его трупом. Все это происходило на глазах барона:

— Красиво. Стреляют до последнего, а потом себя. Совсем как юнкера белой гвардии. Словно люди рыцарской чести...

Итогом победы стало взятие в плен четырехсот стрелков-красноармейцев. Трофеи оказались весомы: четыре полевых орудия и почти не израсходованный запас снарядов к ним. Пленных барон приказал построить на площади перед главным храмом:

— Я посмотрю сам лично в глаза каждому. И определю, кто красный доброволец и большевик. Их расстрелять. Остальных можно считать надежными для вступления в наши ряды...

Унгерн так и поступил, лично посмотрев в глаза каждому военнопленному. В итоге около сотни попало в руки комендантской команды палача Бурдуковского для «немедленного уничтожения». Остальные «вступили» в ряды Азиатской конной дивизии. Теперь в ее рядах было свыше полутысячи пехотинцев. Правда, почти все из числа пленных.

На следующий день унгерновцы сделали привал на северном берегу Гусиного озера. Здесь стало известно, что со стороны Верхнеудинска на Убукун движутся значительные силы красных. Они перекрывали самый

удобный путь к Транссибирской железнодорожной магистрали. Два дня барон думал, что ему предпринять, куда идти дальше. Бывшие при нем безотлучно ламы-прорицатели советовали пробиваться к Байкалу и указывали на городок Мысовск, который, по их гаданиям, следовало взять незамедлительно.

Унгерн-Штернберг два дня провел в полной нерешительности. До заветного Верхнеудинска оставалось всего два суточных конных перехода, верст семьдесят. Но барон не знал, что в городе началась страшная паника. Для отпора белым там под ружье ставили всех, способных его носить. Верхнеудинск был объявлен на осадном положении, там начались превентивные аресты «буржуазных элементов» и их пособников.

На стоянке Роман Федорович получил «потрясшее его» сообщение из оставшегося в ближнем тылу Гусиноозерского дацана, где разместилась часть дивизионного обоза:

— Господин генерал. В дивизии началось воровство.

— Кто? Где?

— В Гусиноозерском дацане местные ламы ночью обчистили несколько обозных телег.

— Что украли?

— Неизвестно сколько мешков муки и мануфактуры несколько штук. Пропали и некоторые ваши личные вещи.

— Приказываю лам собрать, раздеть и хорошенько отлупить бамбуком. Не трогать только гусиноозерских настоятелей.

— Что еще делать, господин генерал?

— Пополнить возимый запас муки за счет монастырских запасов. В наказание местным ламам...

Наконец, после тяжелых раздумий, Унгерн вновь начинает действовать. Один полк отправляется к Новоселенгинску. Красные этот городок защищать не стали, и белые заняли его, по сути дела, без боя. Унгерновцы продвинулись почти до самого поселка Убукун. Дальше они не пошли, поскольку стало известно,

что крупные силы противника будут у Убукуна в течение светового дня.

Барон все же отваживается прорваться к ближайшей железнодорожной станции Мысовой. Туда ведет узкая долина с плохой колесной дорогой. Но когда белая конни́ца своим авангардом втягивается в дефиле, то оказывается, что вражеская пехота уже заняла сопки по сторонам долины. Это установила казачья разведка. Двигаться вперед означало одно: попасть под перекрестный ружейный и пулеметный огонь. Унгерн приказывает отойти назад:

— Надо переждать у Новоселенгинска день-два. Где-то здесь должны находиться наступающие японские войска. И атаман Семенов с ними. Надо выждать, а потом пойти на соединение.

«Азиаты» со слов своего военачальника в это верят. И когда в небе неожиданно появляются аэропланы, не один десяток голосов надрывно восклицает:

— Смотрите! Японцы идут к нам на выручку!..

Поэтому с земли по аэропланам не стреляли. Те беспрепятственно появились над лагерем белых и совершенно неожиданно обрушили на их головы и головы их лошадей свой смертоносный груз: маленькие авиационные бомбочки, которые не столько разили осколками, сколько нагоняли страх оглушительными взрывами.

Но это было еще не все. С неба на землю полетели до сих пор не известные в Гражданской войне свинцовые стрелы. Это было изобретение союзников России по Антанте французов. Когда в 1914 году германцы рвались к Парижу, то в ходе воздушных атак на них высыпали из ящиков металлические стрелы длиной сантиметров в двадцать. Падая с большой высоты с огромной скоростью, стрелы, в случае прямого попадания, буквально прошивали людей и лошадей, нанося им если не смертельные, то страшные рваные раны.

Таким оружием, последним словом военной техники, Франция вооружила своего союзника. Но пока необычный груз везли из Владивостока, мировая вой-

на закончилась, и он застрял под Иркутском. Белая армия адмирала Колчака воевать стрелами с Красной Армией не стала. А вот на финише Гражданской войны в Сибири французское изобретение применение все же нашло.

4 августа Азиатская конная дивизия начала с боями отступать к монгольской границе. Красные стали обкладывать белых буквально со всех четырех сторон. С юга, из Урги, подходил Нейман со своими стрелковыми полками и конно-партизанский отряд Щетинкина. Со стороны Верхнеудинска, с севера, подходили сразу шесть стрелковых полков с артиллерией, отряд особого назначения. Особую угрозу представляла маневренная Кубанская кавалерийская дивизия силой тысячу сабель. За ними подтягивались другие войска советской 5-й армии. Они перебрасывались к месту событий из Иркутска по железной дороге.

По самым скромным подсчетам, против «бешеного барона» выдвигалось тысяч пятнадцать красных бойцов, не считая резервов. То есть превосходство было почти четырехкратное, а в артиллерии и пулеметах просто подавляющее. Семеновский военачальник достоверно знал об этом из допросов пленных. И он понял, что путь на север, к Байкалу, ему наглухо закрыт.

Понял белый генерал и другое: красное командование плохо работало на штабных картах. Его конную дивизию почему-то спешили взять в кольцо больше пехотой, чем кавалерией. Да еще отяжеленной артиллерией и большими полковыми обозами.

Унгерн осознал, что единственный путь отхода лежит в Монголию. И только туда. Однако сопровождавшие его ламы-прорицатели «при помощи расписаний счастливых и несчастливых чисел, созвездий на ночном небосклоне, астрологических таблиц и трещин на бараньих лопатках» настойчиво рекомендовали ему наступать в направлении железнодорожной станции Мысовая:

— Звезды показывают направление твоему войску прямо на север, господин цин-ван. Благословенный

путь лежит прямо по той долине, что открыта небом твоему взору.

— Но там главные силы красных. Их больше в несколько раз, чем я имею воинов. Проверьте еще раз ваше прорицание.

— Мы его уже проверили, господин цин-ван.

— И что говорят новые гадания?

— Трещины на бараньих лопатках говорят, ты должен наступать на не известное для нашего глаза селение под русским названием Мысовск. Он стоит на берегу большого озера Байкал. Там по дороге бегают железные кони.

— А что говорят ваши астрологические таблицы?

— Они полностью подтверждают результат гадания твоих верных лам. Доверься их мыслям, цин-ван.

— И что, ваше прорицание подтверждается таблицами счастливых и несчастливых чисел?

— Да, господин. И они указывают тебе только одну тропу войны. На север, через горы Хамар-Дабана.

— Но два месяца назад под Кяхтой вы говорили мне, что надо выждать и не бросаться сломя голову в сражение.

— Тогда звездный небосклон показывал нам совсем иное веление неба. Ты мог сам убедиться в этом, когда мы гадали на костях у костра в твоей ханской юрте.

— Значит, небо велит идти войной только северным путем?

— Да, цин-ван. Тебе надо идти только на север. Вон по той долине среди горного леса. В Монголию возвращаться не надо. Звезды нам об этом пути ничего не сказали.

— Хорошо, я буду думать...

Однако времени на обдумывание не оставалось. Надо было что-то решать, пока не поздно. Промедление грозило кольцом окружения. К тому же ученые ламы на следующую ночь сами помогли барону Унгерну фон Штернбергу принять решение на отступление к границе. Большая часть их дружно сбежала из походного лагеря неизвестно куда. В дивизионном штабе заговорили:

— Уж не чекисты ли из штаба пятой армии заслали нам этих прорицателей...

— Под Троицкосавском наступать не советовали. А здесь — только вперед на пехоту и пушки красных...

— Зря наш барон так безоглядно доверяет этим ламам-прорицателям...

Унгерн стал осознавать всю опасность западни, которую уготовила ему противная сторона. Перебежчики, пленные и местные жители в один голос заверяли, в Забайкалье сегодня нет ни японских войск, ни отрядов атамана Семенова. Унгерн один сражается здесь против Советов. Позднее, на одном из допросов, «бешеный барон» скажет:

— Пал духом я только на Гусином озере.

— Почему именно там, а не в другом месте? Например, на Джиде?

— Потому что именно там от меня сбежали мои ламы-прорицатели. Уж не к вам ли?

— Нет, не к нам. В наших штатах служителей культа Будды нет...

Азиатская конная дивизия отступала столь же быстро, как и наступала. Недавний казачий сотник-забайкалец демонстрировал вождение конницы с большим знанием дела. Но теперь всецело доверялся разведке, а не ламам. Впрочем, их подле него осталось всего несколько человек. Все они были монголами из степных дацанов. Бежали только ургинские и бурятские ламы-прорицатели.

Унгерн уходил к границе по западному берегу Гусиного озера, который из-за своих лесов позволял совершать марш-броски с большой скрытностью. Здесь на него и стала наседать красная кавалерия в лице Кубанской дивизии и партизан Щетинкина, имевших дюжину пулеметов. Бывший сибирский плотник и штабс-капитан старой русской армии тоже знал тактику действий конницы. Он правильно угадал ход белого барона и раньше его повернул от Гусиного озера, торопясь закрыть врагу выход из долины реки Джиды.

Такой же маневр совершила и Кубанская кавалерийская дивизия. Но при этом ее командование в известность командира красно-партизанского отряда почему-то не поставило. Скорее всего, оно не собиралось ни с кем делить лавры победителя Унгерна. Но в результате такой несогласованности дело для преследователей кончилось плохо.

Преградить путь белым и взять их смертельной хваткой в кольцо красные не смогли. Накал погони по горным и лесным дорогам, накопившаяся ненависть к «бешеному барону» сделали свое дело. Столкнувшись по пути преследования друг с другом, щетинкинцы и кубанцы приняли друг друга за унгерновскизх казаков. Завязался жаркий бой: перестрелка из винтовок и пулеметов велась в течении трех с лишним часов. Без человеческих жертв, разумеется, в том бою не обошлось. А тем временем Азиатская конная дивизия оторвалась от преследователей еще на десяток верст, все больше уходя в таежную глушь забайкальского приграничья.

Все же под селом Новая Дмитриевка, расположенным у отрогов хребта Хамар-Дабан, красным наконец-то удалось прихватить белых. Этот бой произошел 5 августа. О его накале говорит хотя бы то, что там семеновский военачальник потерял двести с лишним «азиатов». Барон лично возглавил конную атаку на стрелковые цепи, которые удалось прорвать. Артиллеристы противника уже рубили постромки пушек, чтобы бежать из села. Но в эти минуты внезапно появились бронемашины красных. Атакующей коннице белых пришлось отступить от Новой Дмитриевки на исходные позиции.

Поняв, что победы ему здесь не видать (к красным подходили подкрепления), Унгерн вечером того же дня продолжил отступление по таежной пади, где текла река Ира. Белые без задержки проскочили село Покровку. 7 августа они заняли поселок Капчеранский. Теперь до границы было, как говорится, рукой подать. Через сотню верст начинались степи. Роман Федорович воспрял духом:

— В степях Халхи красные нам не страшны. Только прикажу — все степные князья придут ко мне со своими отрядами...

Преследователи старались не упустить быстро отступавшего врага. Пылающее жаркими солнечными лучами небо стало заволакивать густой облачностью. Теперь аэропланы не могли летать на разведку, которая давала основные данные местоположения Азиатской конной дивизии. Белые получили хорошие шансы, чтобы беспрепятственно пересечь линию государственной границы.

Нейман и красные командиры, ведя свои полки по карте, понимали, что войско «бешеного барона» надо взять в кольце именно на своей территории, а не на сопредельной. Там Унгерн-Штернберг мог получить поддержку. И преследователи торопились. Но пока все их настойчивые усилия оказались тщетными.

В ночь на 11 августа Азиатская дивизия переправилась на правый, южный берег реки Джида близ казачьей станицы Цицикарской. Заскочивший туда конный разъезд донес Константину Нейману в самом срочном порядке:

— Отход Унгерна через Джиду носит спешный характер. Белые населенных пунктов теперь избегают.

Белый барон не зря тренировал своих «азиатов» на Селенге. Они форсировали Джиду, реку с крутым нравом, что говорится, с ходу, со всем обозом и артиллерией. Нейман предполагал, что именно на левобережье этой водной преграды неприятель, по крайней мере его главные силы, будет обязательно настигнут во время переправы. Но этого не случилось.

Все же красным удалось загнать «азиатов» в болотистую пойму реки Айнек. Случилось это возле самой границы, у поселка Модонкуль. Здесь обоз и пушки белых едва не застряли. Но все обошлось удачно. Болото удалось пройти без заметной задержки, не оставив в нем ни одной обозной повозки, не говоря уже об артиллерии.

В последующие дни, оторвавшись от преследования

и запутав в тайге свои следы, барон наконец-то дал своим вконец измученным людям и лошадям небольшой отдых. Такими же уставшими выглядели, впрочем, и преследователи, пехота которых давно отстала от кавалерии. Красные опять потеряли врага, толком не зная, где он находится и что предпринимает. Нельзя было даже установить, в каком месте он собирается уйти за кордон.

14 августа Азиатская конная дивизия, двигаясь с большой осторожностью по таежным падям, вышла к монгольской границе. Пограничной стражи как таковой тогда еще здесь не было. О том, что дальше начинаются земли Халхи, молчаливо говорил лишь покосившийся от времени полосатый пограничный столб, на котором когда-то красовался двуглавый российский орел. Но этот символ царского самодержавия был еще несколько лет назад сбит «рукой трудового народа» и поломанным, почерневшим от дождей валялся у столба, вкопанного в небольшой пригорок.

Унгерн, не торопя уставшего коня, подъехал к пограничному столбу и остановился. Сзади держались Резухин, Ивановский, Бурдуковский, телохранители из состава Монгольского дивизиона. Все смотрели, как мимо проходили в молчании на ту сторону границы полки и сотни «азиатов». Барон глазами старался пересчитать людей. Поняв это, к нему подъехал полковник Ивановский:

— Дозвольте доложить, Роман Федорович.

— Докладывай, Ивановский.

— Основные силы дивизии нами сохранены. Все шесть орудий, обоз с нами. Снаряды к пушкам не потеряны. Трофеи, взятые в Гусиноозерском дацане, тоже целы. Казна не утрачена.

— Потери большие за последние дни?

— Точно не подсчитано, но не больше сотни. Перебежчики больше из пленных красноармейцев. Из нашего четвертого, дисциплинарного полка.

— Не все ушли по пути к своим?

— Не все. Многие остались из-за страха перед революционным трибуналом. Он может быть почище семеновской контрразведки.

— Да, большевики таких людей точно не помилуют. Пусть служат у нас. А раненых много? Тех, кто сейчас находится у доктора Рибо?

— Тоже мало. Это не то что было после первых штурмов Урги. Тогда мы в санитарные повозки уложили треть дивизии.

— Сколько все же у нас раненых в госпитальном обозе?

— Четыре или пять десятков санитарных подвод. Легкораненые, как вам известно, у нас всегда находятся в строю.

— Возчики на госпитальных фурах из мобилизованных на той стороне мужиков? Или из монголов?

— Да, из забайкальских крестьян. По пути отхода их брали.

— Придем на место, прикажи их отпустить домой. В степи они нам больше не понадобятся. Только лишняя обуза будет.

— Слушаюсь, Роман Федорович.

К барону один за другим подъезжали командиры полков, дивизионов, сотен, батарей, обозные начальники. Офицеры отдавали честь своему начальнику, одетому все в тот же приметный желтый халат цин-вана с крестом Святого Георгия на груди. После этого следовал короткий доклад: Унгерн не любил многословия.

Когда почти вся Азиатская конная дивизия, за исключением нескольких арьергардных казачьих сотен, перешла границу, Унгерн сказал окружающим его начальникам:

— Походный маршрут держать на реку Эгин-гол. Впереди монгольские сотни с азиатами, знающими эту местность. Резухин, ты где?

— Я здесь, господин барон.

— Я с первой бригадой уйду вперед. Ты со своей бригадой следуешь за мной на расстоянии верст в двадцать. Держи связь.

— Приказ понял. Где будет назначено место встречи?

— Сойдемся у монастыря Ахай-гун. Там хорошие пастбища для отдыха. И провиант местные князья дадут в достатке.

...От покосившегося пограничного столба на пригорке генерал армии атамана Семенова отъезжал последним. В сторону покинутой в который уже раз российской земли барон старался не смотреть. Ему было горько и обидно за второй провалившийся поход против Советов. Взгляд всадника остановился на обломках двуглавого орла, валявшихся в траве под столбом.

— Ничего. Придет время и императорский герб вновь украсит тысячи точно таких же пограничных столбов. Начиная от берега Японского моря...

Тронув поводья, Унгерн поспешил догонять походную колонну первой бригады. За ним понеслась по долине, не блюдя строй, сотня монголов-телохранителей. Цэрики не скрывали своей радости: они возвращались домой, в родные степи. И уходили от войны в соседней России.

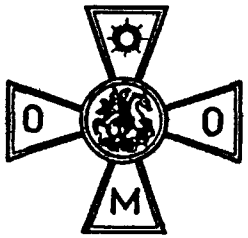
Когда преследователи убедились в том, что «остатки» белой Азиатской конной дивизии скрылись на монгольской стороне, в Читу и Иркутск, а из него в Омск пошло короткое, победное донесение:

«Белый барон Унгерн разгромлен в приграничье, на реке Джиде. Границу перешли только остатки Азиатской конной дивизии. Они в полном разложении и боевой силы из себя не представляют. Много перебежчиков. Взяты значительные трофеи».

Однако все это не соответствовало действительности. Свои основные силы демон монгольских степей сохранил. С первых послепоходных дней он начал строить новые планы: кончать воевать в самом центре великой Азии он не собирался. Его мозг обуревали новые замыслы, которыми он пока ни с кем не делился. Только на этот раз Бог Войны приказал прогнать прочь от себя последних лам-прорицателей. В них он больше не

нуждался. И было похоже, что они в цин-ване Унгерне тоже не нуждались.

Почему? Об этом исследователи спорят по сей день. Но на этот вопрос мог дать исчерпывающий ответ только сам лично Роман Федорович Унгерн фон Штернберг. Он бы ответил, но, когда он оказался в красном плену, в ходе допросов дотошные следователи ему такой вопрос не задавали. По всей видимости, эта страница жизни «бешеного барона» их не заинтересовала.

Глава одиннадцатая

МЯТЕЖ. КРАХ МОНГОЛЬСКОГО ЦИН-ВАНА

Азиатская конная дивизия отступила в Монголию боеспособной, мобильной силой. Но барон Унгерн-Штернберг еще не знал многих новостей, которые случились здесь за время второго вторжения в Забайкалье. Тех новостей, которые решили его судьбу. Они приходили с беглецами из числа русских колонистов, проживавших в Урге, местными ламами, посланцами местных князей:

— Богдо-гэген признал власть революционного правительства красных монголов и смирился перед ними...

— Красные захватили склады дивизионного интендантства в Ван-Хурэ. Запасов провианта и патронов у азиатов больше нет...

— Военачальник Богдо-хана Максаржав изменил своему правителю. Теперь он сражается со своим отрядом на стороне красных монголов...

— Белый гарнизон с боем сдал Улясутай...

— Степные князья за последние две недели из белого цвета перекрасились в красный. Они теперь за монгольских большевиков...

— Ламы в дацанах и монастырях Халхи больше не молятся за русского генерала, объявленного ими же Богом Войны...

— Красному экспедиционному корпусу приказано начать поиски Азиатской конной дивизии для ее истребления...

— Атаман Семенов и его казачьи генералы войной на Советскую Россию не пойдут...

— Японцы держат вооруженный нейтралитет. Семеновцев они поддерживают сейчас только морально...

— Чжан Цзолинь сказал в Мукдене, что гражданская война в России его не интересует. Но появления на подвластной ему территории новых вооруженных сил русских белогвардейцев он не желает...

— В харбинских газетах стали называть цин-вана вождем разбойничьей армии, неудачливым степным полководцем...

Все это, как огромный снежный ком, обрушилось на плечи монгольского хана и цин-вана с титулом «возродивший государство великий батор». Встал риторический вопрос: что делать? Куда опять направить в поход четыре тысячи «азиатов»? Как жить войной? За кого стоять? И, наконец, самый главный вопрос: кому сегодня нужна Азиатская конная дивизия? И сам генерал-лейтенант?

О каком-то сотрудничестве и союзе с Богдо-гэгеном уже не шло и речи. А ведь совсем недавно Живой Будда, который почти всем был обязан лично Унгерну фон Штернбергу, восторженно писал ему следующее:

«...Ваша слава, хан-чингисид и цин-ван Халхи... возвысилась наравне со священной горой Сумеру-Улы...»

Таким сравнением демону монгольских степей можно было только гордиться. Еще бы, ведь в ламаизме гора Сумеру была местом обитанием богов. Унгерн среди них числился для жителей и лам Халхи своим человеком. Ведь он тоже являлся одним из богов — Богом Войны. Теперь же об этом обитатели дацанов и монастырей старались не вспоминать. Даже прорицатели,

получившие от семеновского генерала немало серебра в китайских монетах и слитках.

В Ургу Унгерн идти не мог. Сил на третье вторжение в советское Забайкалье не имел. Оставалось два пути. Первый — в Маньчжурию, где предстояло разоружиться или поступить на службу к Чан Цзолиню. Но в Пекине не могли хорошо относиться к человеку, изгнавшему из утраченной Китаем провинции правительственные войска. Самовластный хозяин Маньчжурии из-за Унгерна не стал бы конфликтовать с центральной властью. Второй путь лежал в обход Урги на запад Монголии, в Кобдо. Там были отряд Кайгородова и оренбургские казаки генерала Бакича, который не хотел знаться с эстляндским бароном-монархистом, сам воюя с Советами.

Барон не мог не знать, что в его дивизии с первых же дней после перехода границы в обратную сторону пошли жаркие споры. Азиаты судили и рядили о своей дальнейшей судьбе:

— Надо идти в Маньчжурию. Там атаман Семенов и японцы. Они дадут нам кров и не отберут оружие...

— В Хайларе нас уже давно поджидают китайские войска Чжан Цзолиня. Разоружат, а потом напомнят о штурме Урги...

— В Маньчжурию можно идти только для того, чтобы сесть в китайские тюрьмы и познать законы чиновников-мандаринов...

— Надо идти в Кобдский округ, не покидая землю Халхи. Там многих белых, что ушли с юга Сибири...

— Надо пробиваться к своим, в Синьцзян. Там анненковцы и оренбургский корпус генерала Бакича.

— В Синьцзян идти нельзя. Тамошние китайские губернаторы уже не раз приглашали Красную Армию для уничтожения белых...

— Пускай синьцзянские губернаторы поспорят с нашей дивизией. Оружия сдавать им мы не будем...

— В Синьцзян никак нельзя идти. Наш барон говорит, что этот Бакич нам в друзья не годится...

Был еще один вариант из разряда чисто авантюрных. Прорваться сквозь заслоны войск Чжан Цзолиня

в Приморье, к каппелевцам, которые там еще держались. Но Унгерн, поразмыслив, отказался от него. Ему было известно, что эти каппелевцы-колчаковцы не позволили атаману Семенову, прибывшему во Владивосток на японском военном корабле, сойти на городские причалы. А барон носил на своем халате погоны генерал-лейтенанта с вензелем «С», что означало принадлежность к семеновской армии.

В том конфликте атаману при его настойчивости все же удалось ступить на приморскую землю. Каппелевцы тогда не решились обострять отношения с японцами. А вот с генералом фон Унгерном-Штернбергом, помня его даурские «заслуги», церемониться они бы не стали.

Для Унгерна отпадал и вариант бегства в среду белой эмиграции. Будь то Харбин и Мукден с местными китайскими властями или колонии белоэмигрантов в далекой Европе, например во Франции или Германии. На одном из допросов следователь спросил:

— Какими вы лично обладаете средствами? Фамильным наследством, награбленными в Монголии ценностями, деньгами от атамана Семенова и японцев?

— Могу ответить откровенно. Я беднее самого последнего российского мужика из забайкальской деревни...

— Значит, вы отрицаете тот факт, что обладаете значительными денежными суммами?

— Совершенно отрицаю. Денег у меня лично нет, кроме тех, что были найдены при аресте щетинкинцами.

— Но в описи вещей, при вас найденных, о каких-либо ценностях ничего не говорится?

— Правильно. Это значит, что их у меня нет...

Унгерн не лгал на допросе. Он действительно никогда не стремился к личному обогащению. И никогда не путал «тощую» дивизионную казну со своим собственным карманом. Уж в этом-то его не могли упрекнуть ни свои, ни враги. Понятие о «белой» офицерской чести он имел поразительное для времен Гражданской войны. Поэтому, окажись Роман Федорович, не имевший ни-

какой профессии, кроме диплома об окончании Павловского военного училища, в белой эмиграции, там его бы ждали только нищета и борьба за выживание. Стать «частным лицом» на чужбине прибалтийскому аристократу хотелось меньше всего.

«Метание» в мыслях сослужило «бешеному барону» плохую службу, подведя его жизнь под трагический конец. Хотя, между прочим, он был вполне логичным. Знавшие его люди говорили, что барон, после отступления обратно в Монголию, впал в «совершенное отчаяние». Это привычно выражалось в сильной ярости, которую он вымещал на людях. В эти дни Унгерн лютовал, как никогда раньше. Есаул Макеев, один из самых доверенных людей барона, сказал однажды:

— Нашего цин-вана азиаты теперь боятся как сатаны, как чумы, как черной оспы...

Участились расстрелы как рядовых солдат, так и офицеров. Причем людей, которых даже в симпатиях к Советской власти заподозрить было нельзя. Унгерн фон Штернберг требовал от генерала Резухина, командиров полков и дивизионов только одного:

— Дивизию надо сохранить любой ценой. Ценой любой крови...

— Не только пойманного дезертира, но каждого азиата, заподозренного в дезертирстве, — наказывать расстрелом перед строем...

Теперь люди даже не просились на фуражировку, чтобы не быть заподозренными в желании куда-нибудь бежать для «спасения собственной шкуры». Обстановка в дивизии становилась все более «нервной». Палачи из команд Сипайло и Бурдуковского отдыха не знали. Унгерновские солдаты шептались между собой:

— Что это наш барон так зверствует после Забайкалья?..

— Казнит только своих? Тех, кто за него воюет?..

— Может, он хочет заработать так прощение у красных?

Всего полгода назад монголы с восторгом встречали цин-вана Унгерна, побеждавшего гаминов и освобож-

давшего от них Ургу и самого Богдо-гэгена. Теперь все стало иным. Местное население по пути движения Азиатской конной дивизии разбегалось и пряталось, где только могло. Так вели себя не только простые араты, но даже степные князья, искавшие убежища в лесах. Угонялись стада. Страна виделась безжизненной, словно испепеленной войной.

В довершение всех бед в степи стояла страшная жара. Она изнуряла и людей, и лошадей. Барон то и дело отправлял в поиск отдельные сотни, приказывая:

— Ищите стойбища пастухов. Без лишних разговоров реквизируйте скот. Если сопротивляться кто вздумает — стреляйте, рубите, юрты сжигайте...

Унгерн после бегства из Забайкалья лично сам вел Азиатскую дивизию по степи. Поэтому трудно было угадать, куда он следующим утром направит своего белого коня. Один из очевидцев тех событий писал в мемуарах:

«Степь казалась словно вымершей... Барон, свесив голову на грудь, молча скакал впереди своих войск...

На его голой груди, на ярком желтом шнуре висели бесчисленные монгольские амулеты и талисманы. Он был похож на древнего обезьяноподобного человека; люди боялись даже смотреть на него...»

В Азиатской дивизии никто не знал, куда так торопливо ведет Унгерн своих конников. Барон ни с кем пока не делился своими планами.

Он торопил войско. По пути дивизия вытягивалась в длинную колонну. Цин-ван скакал вдоль нее туда и обратно, и его генеральский ташур то и дело обрушивался на головы тех подчиненных, которые вызывали недовольство. Он безжалостно избивал даже старших начальников. С перевязанными головами ходили командиры полков Хоботов и Марков, начальник дивизионной артиллерии полковник Дмитриев. Однажды крепко досталось даже верному генералу Резухину, которого барон застал спящим у костра в неположенный час.

У реки Эгин-Гол Унгерн решил реорганизовать походное движение «азиатов». Он вновь разделил дивизию на две бригады. В бригаду Резухина вошли два полка и монгольский дивизион. Два других полка, артиллерию и госпиталь барон подчинил себе. Резухинцы должны были следовать за главными силами на расстоянии одного-двух переходов, прикрывая тылы от возможного преследования.

Во время одной из стоянок неожиданно исчезла тибетская сотня, к которой цин-ван относился со времени бегства из китайского плена Богдо-гэгена откровенно благосклонно. «Тубуты» ни в чем не ограничивались, во время боев с красными береглись, находясь в личном резерве Унгерна. Он часто бывал среди них без посторонних лиц, о чем-то беседуя.

Разговоров по поводу исчезновения тибетской сотни, по сути дела отдельной воинской части, велось у костров и на походе много. «Азиаты» всех званий и национальностей строили многочисленные догадки, иные были близки к истине:

— Может, наш барон отослал тубутов на их родину?

— Если отослал, то почему тайком от дивизии?

— Может, он хочет попросить у Далай-Ламы войско для нового похода на Верхнеудинск?

— Если бы это Далай-Лама хотел сделать, то он давно бы прислал нашему барону хотя бы сотню своих воинов. А ведь не шлет.

— Генерал не атаман Семенов. Верит в Желтую религию больше, чем мы в свою. А зачем, спрашивается?

— Как зачем? Если не прижился в Халхе у Богдо-гэгена, может быть, приживется в Тибете у Далай-Ламы?

— А как же тогда мы?

— Поди спроси у барона. Он тебя так отделает своим ташуром, что будешь выглядеть покрасивее нашего полкового начальника. У фельдшера едва бинтов хватило на его голову.

— Или прикажет Сипайло к первому попавшемуся дереву поставить.

— Тише, вы, черти. Вон барон вдоль колонны снова скачет. Смотри, как хлещет на скаку ташуром. Гляди прибьет...

Но секрета из своих дальнейших планов Унгерну фон Штернбергу сделать не удалось. По той простой причине, что ему надо было поделиться с кем-то, поговорить о замышляемом. Самым близким человеком с первых дней появления в степях Халхи Азиатской конной дивизии для барона являлся генерал Резухин, человек «абсолютной» верности.

На одной из ночевок Унгерн пришел в резухинскую палатку, зная, что любой «азиат» побоится приблизиться к ней даже ночью. Но здесь Роман Федорович смертельно ошибся. В его походном штабе с недавних пор оказался оренбургский казачий офицер Иван Маштаков, который умело скрывал свою ненависть к недавнему кровавому диктатору со станции Даурия. На то у колчаковца были веские причины: уже не один его войсковой товарищ поплатился жизнью по волеизъявлению семеновского генерала.

В тот вечер он сопровождал дивизионного начальника, обходившего лагерь. Но его приказа идти спать Маштаков не исполнил. Зная, что он играет со смертью, офицер все же отважился подслушать разговор двух ненавистных ему дивизионных генералов:

— В Маньчжурию, Резухин, нам идти нельзя. Там Чжан Цзолинь поджидает на границе. Китайская тюрьма нас уже ждет.

— Значит, Роман Федорович, в Кобдо, к Кайгородову?

— Нет, не туда. В Халхе нам делать больше нечего. Скоро здесь нас будут гонять как последних волков.

— Значит, в третий раз пойдем на Верхнеудинск? Я готов.

— Нет, и туда тоже не пойдем.

— Тогда куда же?

— В Тибет.

— К Далай-Ламе? Но проскочить в жару через каменистую, безводную степь? Без запасов провианта, без воды перейти через Гоби? Да в тех местах летом даже верблюжьи караваны гибнут.

— Ну и что из того, что купеческие караваны гибнут. Мы не торговцы, а конные воины. Да еще к тому же проверенные войной.

— А людские потери? Ведь они, вне всякого сомнения, будут значительными.

— Потери людей меня лично никогда не пугали. Война есть война, в ней выживает сильнейший.

— Может быть, нам лучше все же остаться в Монголии. Совершим налет на Ургу и увезем с собой Богдо-гэгена. И вся Халха встанет на нашу сторону.

— Не встанет, Резухин. Считай, что Монголия уже пала под натиском революционного безумия.

— А если податься в Приморье?

— Нам с тобой за ургинские дела ни в Маньчжурии у Чжан Цзолиня, ни в Приморье у каппелевцев показываться нельзя. Судить даже не будут, сразу пристрелят.

— Роман Федорович. Если в Тибет, то что мы там будем делать?

— Как что? Наймемся на военную службу к Далай-Ламе. В его тибетскую армию.

— А примет он нас?

— Еще как примет! Я для него борец за буддистскую веру. Это ему любой монгольский или бурятский лама подтвердит.

— И это все? Думаю, что маловато для теплого приема целой конной дивизии в тибетских горах.

— Есть еще одна веская причина. После падения династии Циней китайские республиканцы все чаще заявляют о своих правах на Тибет. По всему югу Китая сегодня расползается краснота.

— Значит, Далай-Ламе сегодня нужно настоящее войско?

— Конечно. Хозяин дворца Поталы, что в столичной Лхасе, человек энергичный, свою власть над горами будет отстаивать до предела возможного.

— Хорошо если так. Вот тут-то мы ему и пригодимся. Целая конная дивизия. Да еще какая.

— Еще как пригодимся. Знаешь, на кого хочет сегодня походить ныне живущий в Потале Далай-Лама?

— На кого? Не на Богдо-гэгена, конечно?

— На самого Сронцзангамбо Тибетского.

— Это еще кто такой?

— Это правитель первого тибетского царства. Сронцзангамбо создал его в 634 году. Тогда военные отряды тибетцев с гор не раз ходили походами на китайскую провинцию Сычуань, разорили ее всю. Воевал с Сронцзангамбо долго и безуспешно сам император Тайцзун.

— И чем закончилась та война для тибетцев?

— Китайцы не победили. Императору Тайцзуну, чтобы заключить с Сронцзангамбо почетный для себя мир, пришлось отдать ему в жены свою племянницу принцессу Вэнь Чэн.

— И откуда ты все это знаешь, Роман Федорович. Просто удивляюсь я тебе.

— Знать надо языки здешних степняков. И читать у ученых лам в монастырях их древние книги.

— Значит, правду говорят, что тибетская сотня по твоему приказу ушла в Тибетские горы через Гоби?

— Да. Тубуты из верных людей. Они мне поклоняются, потому и стали моими посланцами к Далай-Ламе, в Лхасу.

— Хорошие воины. Через пустыню пройдут обязательно.

— У них мое письмо к Далай-Ламе. Только ты, Резухин, о нашем разговоре помалкивай. Не каждый казак или колчаковец мечтает полезть от красных в Тибетские горы.

— Понял...

Все, что казачий офицер Маштаков услышал, в ту же ночь стало известно его сослуживцам по оренбургской армии атамана Дутова. Унгерн даже не подозревал, что хранимые им от всех, кроме верного Резухина, планы на будущее и маршрут движения Азиатской конной дивизии перестали быть секретными. И виной тому стал его новый адъютант из оренбургского офицерства, который не раз сумел отличиться в последних боях.

Маштаков волей случая стал душой заговора против барона. К нему примкнули почти все дивизионные на-

чальники, не считая разве что генерала Резухина и старых «даурцев». Для мобилизованных русских колонистов, княжеских цэриков, уже не говоря о колчаковских офицерах, оренбургских казаках и казаках-забайкальцах, горная страна Тибет была огромной каменной пустыней. Знающие Центральную Азию люди убежденно говорили, что в знойное лето пустыня Гоби совершенно непроходима. И что те небольшие источники воды, которые могут попасться на пути, несколько тысяч людей и лошадей никак не напоят.

Унгерновских военачальников охватил откровенный ужас. Не подчиниться «бешеному барону» открыто означало погибнуть от рук палачей Сипайло и Бурдуковского. Поход через безводную Гоби в Тибет виделся полнейшим безумием и означал тоже смерть.

Скорее всего Маштаков и его ближайшие единомышленники полковники Костромин, Хоботов, Очиров, Островский не удивились тому, насколько единодушно дивизионные офицеры примкнули к заговору. Многие были уже давно недовольны тем, что под знаменами Унгерна фон Штернберга они терпят от красных почти одни поражения. Что уже два вторжения в советское Забайкалье закончились отступлением. Большинство хотели уйти в Маньчжурию к семеновцам или в Приморье к каппелевцам. Оружия складывать в еще идущей на Дальнем Востоке Гражданской войне собирались немногие.

Однако унгерновское офицерство открыто высказать барону свои требования не могло. За отказ воевать под своим командованием «белый рыцарь из Эстляндии» тут же приказал бы расстрелять или забить «бамбуком» любого из своих подчиненных. Наглядных уроков за последние два года было вполне достаточно.

Поэтому дивизионные казачьи и колчаковские офицеры могли избрать один-единственный способ борьбы со своим командиром. Устранить его физически. То есть застрелить, зарубить шашкой или взорвать в походной палатке ручной гранатой. Второго способа просто не виделось.

О том заговоре наиболее достоверные воспоминания у начальника дивизионного госпиталя Н. М. Рибо (Рябухин), служившего ранее в Оренбургской армии атамана Дутова. Он оставил после себя мемуары «История барона Унгерна-Штернберга, рассказанная его штатным врачом», известные российскому читателю благодаря книге Л. Юзефовича «Самодержец пустыни». Маштаков был сослуживцем и земляком Рибо и потому ввел его в круг заговорщиков, ознакомив с планом ликвидации генерала Унгерна-Штернберга.

Согласно этому плану, несколько надежных офицеров постараются убить барона. После этого командование Азиатской конной дивизией передается старшему по званию — генералу Резухину. Но при условии, что тот согласится повести «азиатов» на восток, в Маньчжурию. Если отказывается, то разделяет участь Унгерна. В таком случае командование берет на себя один из старых полковников, человек с авторитетом, но на тех же условиях: или веди туда, куда велено, или смерть.

Маштаков говорил, что жребий, кому стрелять «бешеного барона», пал на него. Ему следовало привести приговор в исполнение в эту же ночь. После обычного гадания с ламами Унгерн должен был лечь спать в своей палатке. Вот тогда-то казачьему офицеру и следовало совершить покушение. Маштаков просил своего сослуживца позаботиться, чтобы, когда начнется «ликвидация» палачей Сипайло и Бурдуковского, среди госпитальных раненых не возникла паника, чреватая излишними жертвами.

Заговорщики были уверены в успехе. В случае открытого боя генерал Унгерн мог рассчитывать в своей бригаде только на монгольских цэриков князя Бишрли-тушегана и ненавистную всем комендантскую команду Бурдуковского. Оренбургские казаки были давно готовы покончить с дивизионными палачами. Рибо пишет:

«Там же и тогда же, в моей палатке, при свете умирающего лагерного костра Маштаков тщательно

проверил свой «маузер», пожал мне руку и скользнул во тьму так же бесшумно, как вошел. Разумеется, спать я больше не мог и начал ходить вдоль палаток и подвод, на которых раненые проводили ночь, напряженно вслушиваясь и стараясь различить звуки выстрелов сквозь шум и плеск быстрого Эгин-Гола, бегущего по своему каменистому ложу. Примерно треть мили отделяла меня от палатки барона...»

Однако в ту ночь судьба хранила демона монгольских степей. Когда Маштаков на правах генеральского адъютанта вошел в палатку, она оказалась пуста. Унгерн общался с ламами в другом месте. На этот раз гадание затянулось надолго, чуть ли не до самого рассвета. Казачий офицер еще какое-то время побродил около унгерновской палатки и, поняв, что может вызвать подозрение у охраны, ушел к себе. Когда цин-ван укладывался спать, начальник его ночной стражи из монгольских телохранителей доложил о подозрительном поведении казачьего офицера:

— Господин цин-ван. Во время вашего разговора с ламами-прорицателями к вам в палатку заходил один из адъютантов.

— Кто это?

— Маштаков, офицер из оренбургских казаков.

— Для чего он хотел меня видеть, говорил охране? Или тебе?

— Нет. Но цэрики и я знали, что он адъютант цин-вана. Близкий к вам человек.

— Что он делал после того, когда увидел, что палатка пуста?

— Он еще долго ходил вокруг.

— Хорошо. Передай начальнику штаба дивизии, чтобы сегодня же отправил этого Маштакова в его полк. Я ему уже не доверяю.

— Будет исполнено, господин цин-ван.

— Если он без моего личного разрешения еще хоть раз появится у моей палатки, оружие применяйте без предупреждения.

— Я понял, господин...

Так сорвалась первая попытка покушения на Унгерна со стороны офицеров-заговорщиков. Теперь ни Маштаков, ни кто-то другой из них не могли запросто появиться ночью у баронской палатки. Ее всю ночь напролет бдительно охраняли унгерновские телохранители из монгольских цэриков конвойного дивизиона, которым командовал князь Сундуй-гун.

На следующее утро, как было приказано ранее, дивизия разделилась на две бригады. Им в походном строю предстояло следовать по маршруту, Унгерном еще не объявленному. Резухинские полки пока оставались на месте стоянки, чтобы, когда солнце будет в зените, двинуться в дивизионном арьергарде.

О событиях того дня рассказывают в своих воспоминаниях и начальник госпиталя Рибо, и есаул Макеев, которые оказались непосредственными участниками мятежа против цин-вана и генерал-лейтенанта барона Унгерна фон Штернберга. События развивались следующим образом.

Мятеж начался в резухинской бригаде, когда походный лагерь был уже свернут, а люди готовились по первому приказу сесть в седла. Несколько офицеров-заговорщиков явились к генералу с самыми решительными намерениями, хотя разговор резким не был:

— Господин генерал. Офицеры бригады предлагают вам сместить барона, принять командование Азиатской дивизией на себя и вести ее на восток, в Маньчжурию.

— Это же мятеж, господа офицеры. Одумайтесь!

— Мы уже давно все обдумали. Мы не желаем видеть над собой бешеного барона с его ташуром.

— Тогда я вас всех объявляю изменниками. Вы за это ответите по законам военного времени.

— Господин генерал. Мы ваших угроз не боимся.

— Не боитесь. Почему? Извольте объясниться.

— Потому что за нами стоят оба полка вашей бригады.

— Капитан Безродный! Я приказываю арестовать этих мятежников. Немедленно!

Безродный при генерале Резухине исполнял роль палача, каким был Бурдуковский при самом Унгерне. Но главный экзекутор медлил, понимая, случилось что-то совсем непонятное. Приказ об аресте был отдан уже перед строем бригады, когда полки по сотням сидели в седле, а обоз был готов к движению.

Резухин, который в последний раз в своей жизни продемонстрировал личную преданность барону, хотел повторить отданный срывающимся голосом приказ. Но в это время из рядов оренбургских и забайкальских казаков раздалось несколько выстрелов. Стреляющие торопились, и поэтому Резухин получил только одну пулю, которая ранила его в ногу. От неожиданности генерал упал на траву, но тут же вскочил с криком:

— Ко мне, четвертая сотня!

Четвертая сотня была татарской. Резухин почему-то посчитал ее самой надежной в начавшемся мятеже. Но всадники-татары не спешили на помощь унгерновскому генералу, «расстрелянному» у них на глазах. Поняв, что и они против барона, Резухин, прихрамывая, побежал к китайскому дивизиону. Вся бригада в конном строю молчаливо наблюдала за происходящим.

Китайцы, как по команде, отшатнулись от подбежавшего к их строю бригадного начальника. Подъехала часть татарской сотни. Всадники соскочили с лошадей и окружили раненого Резухина. Капитан Безродный, оценивая происходящее, посматривал на группу казачьих офицеров, руки которых лежали на расстегнутых кобурах. Он успел вовремя тихо шепнуть своему помощнику:

— Скажи нашим людям, чтоб садились на коней. Моего держи лично. Надо уходить или нас казаки сейчас всех перебьют вместе с генералом.

За безродновской комендантской командой никто не погнался, когда резухинские экзекуторы, нахлестывая лошадей, помчались в сторону ближайшего леса. Они счастливо избежали неминуемой расправы за ранее содеянное зло и над «азиатами», и над мирными людьми.

Вокруг лежащего на земле раненого Резухина собралась большая толпа. К растерянности бригадных офицеров, она состояла не из тех людей, которые участвовали или поддерживали заговорщиков. Наступил критический миг мятежа. Все решил своим поступком один из рядовых оренбургских казаков. Он, спрыгнув с коня, решительно стал пробираться сквозь толпу со словами:

— Ох! Что сделали с голубчиком! Что сделали с нашим генералом-батюшкой!..

Казаку удалось быстро и самое главное — беспрепятственно протиснуться сквозь толпу откровенно лояльно настроенных к Резухину «азиатов». Когда оренбуржец оказался рядом с говорившим что-то генералом, тон его слов резко изменился:

— Будет тебе пить нашу кровь! Пей теперь свою!..

Казак быстро выхватил наган и в упор выстрелил в голову Резухину. Толпа с криками в панике бросилась к своим лошадям с явным намерением ускакать от этого места. Но один из заговорщиков, полковник Костерин, принял быстрое решение:

— Бригада! Стройся по сотням! Стройся!..

Слова команды привычно привели военных людей в себя. Паника в считанную минуту улеглась, и полки по сотням вновь застыли на своих местах. Полковник Костерин отдал новые команды. Резухину быстро вырыли могилу и безо всяких почестей закаполи, не забыв, однако, установить на свежей могиле наспех сколоченный крест из срубленного тут же деревца.

Костерин, окончательно взяв командование резухинской бригадой на себя, отдает окружившим его полковым и сотенным офицерам приказ за приказом:

— Немедленно послать в первую бригаду гонца с моей запиской. К полковнику Эвфаритскому, нашему товарищу.

— Кого послать?

— Лучше надежного солдата из татарской сотни. Пусть скажет, если его задержат люди Бурдуковского,

что сильно заболел и я его послал в госпиталь к доктору Рибо.

— Куда пойдем сами, господин полковник?

— Бригаде принять походный порядок. Выступаем немедленно к бродам через Селенгу. Оттуда пойдем на восток, в Маньчжурию.

— А как же наши из первой бригады?

— Мы их будем ждать на селенгинских бродах два дня. После этого походным порядком в Маньчжурию, севернее Урги.

— Но там нам путь могут преградить красные монголы.

— Они нам не помеха. Смахнем с пути...

Костеринский гонец нагнал унгерновскую бригаду на привале вечером 21 августа. Но «проскочить» в расположение дивизионной пулеметной команды, которой командовал полковник Эвфаритский, казак-татарин не сумел. Его задержал часовые из Бурятского полка. Поскольку они и задержанный говорили по-русски плохо, последний не смог им объяснить, что прибыл в дивизионный госпиталь.

Буряты, следуя приказу приводить к барону всех задержанных, обезоружили мнимого больного и повели его к палатке Унгерна. Казаку-татарину удалось незаметно проглотить записку — маленький клочок бумаги с карандашной записью. При виде свирепого цинвана посланец заговорщиков окончательно потерялся:

— Ты кто таков?

— Солдат четвертой татарской сотни из бригады генерала Резухина, ваше превосходительство.

— Как здесь оказался?

— У нас ночью был бой, и я потерялся в степи.

— Значит, убежал! С кем был бой?

— Не знаю, господин генерал. Может, с красными, а может, и с монголами. В темноте не видно было, с кем стрелялись.

— Кажется мне, что ты врешь. Бурдуковский, посади татарина под арест. А утром выбей из него палками всю правду...

Случайным свидетелем этой сцены оказался командир четвертого полка дивизии полковник Марков, один из главных заговорщиков. Он сразу известил о случившемся Эвфаритского, который находился в это время в расположении своей пулеметной команды:

— Это точно гонец от резухинцев. Значит, бригада уже в наших руках.

— Там все ясно. А вот у нас плохо. Арестованный утром «бамбука» Бурдуковского точно не выдержит. И выложит все, как есть, барону.

— Согласен. А тот бросит свою бригаду на резухинцев и подчинит их себе.

— Значит, надо действовать немедля. Завтра будет поздно...

Эвфаритский послал по полкам нескольких верных пулеметчиков с предложением офицерам-заговорщикам собраться в палатке начальника дивизионного госпиталя. Он по своему положению был вне всяких подозрений. Сбор был произведен быстро. Только начался разговор, как прибыл второй гонец из резухинской бригады, тоже казак-татарин. Его на всякий случай послал полковник Костерин, который решил подстраховаться. Теперь в первой бригаде узнали о происшедших сутки назад событиях:

— Там все получилось удачно. Нам надо выступить немедленно.

— Правильно. Обстановка сегодня самая благоприятная.

— Благоприятная? Почему?

— Барон обычно ставит свою палатку среди майханов монгольского дивизиона и людей Бурдуковского. А сегодня вечером цэрики почему-то разбили свою стоянку южнее лагеря, отдельно от наших полков.

— Может быть, барон что-то заподозрил?

— Вряд ли. Тогда бы монголы-телохранители стерегли его, а не бурдуковские экзекуторы. Которые «бамбук» держат в руках лучше, чем винтовку.

— Нам везет. Прикончим барона без лишнего шума и крови.

— И сразу поведем бригаду на соединение с Костериным. Он пишет в записке, что будет нас ждать двое суток у бродов через Селенгу. На ее правом берегу.

— Прикончим барона или нет, все равно повернем на восток. Казаки в Тибет не пойдут.

— А что будем делать с командой Бурдуковского?

— Как только убьем Унгерна, так сразу обстреляем из пушек их бивак. Первый орудийный выстрел считать за сигнал к общему восстанию.

— Все ясно. По местам, господа офицеры...

Исполнять приговор к генеральской палатке пошли полковник Эвфаритский, четыре офицера-колчаковца и около десятка оренбургских казаков. Остальные заговорщики разошлись и начали поднимать своих людей, которые ситуацию понимали с полуслова. Рибо писал:

«В чернильной темноте мы стали быстро седлать и запрягать лошадей. Люди работали без огней, настороженно прислушиваясь, чтобы не пропустить звука судьбоносных выстрелов. Не менее часа прошло в ожидании. Я и лечившиеся у меня в госпитале раненые офицеры обсуждали, что мы будем делать, если наши планы провалятся, когда до нас донеслись приглушенные звуки револьверной стрельбы, а потом раздались четыре орудийных выстрела. Их огонь прерывистым светом озарил темную лесную долину...»

Разрывы снарядов появились на ночном небосклоне там, где расположилась команда Бурдуковского. Стрельбой руководил подпоручик Виноградов: пушки били с расстояния в полверсты, по сути дела, прямой наводкой. Снаряды кучно накрыли пригорок у дороги с несколькими палатками на его склоне. Забегали в панике полуодетые люди:

— Красные! Красные! На коней!..

Нестройный пушечный залп поднял всю унгерновскую бригаду на ноги. Лишь малая часть «азиатов» знала, что означали эти орудийные выстрелы с кромки походного стана. Остальные подумали, что к лагерю подошли красноармейские части с артиллерией и скоро завяжется бой. Минут через пять бригада сгрудилась

на дороге: конные сотни, госпитальные повозки с ранеными, артиллерийские упряжки. В воздухе стоял гул разноязычных голосов:

— Куда барон-то запропастился?..

— Почему не выступаем?...

— Айда сами, без барона. Красные наседают...

В этой внезапной суматохе офицеры-заговорщики потерялись в ничего не понимающей огромной толпе. Никто не знал, убит Унгерн или нет. Эвфаритский со своей группой покушения словно в воду канул. Наконец, от генеральской палатки пришли колчаковские офицеры. С первых их слов стало ясно, что барон жив, невредим и скрылся где-то в ночи.

Когда заговорщики беспрепятственно подошли к унгерновской палатке, то попросили барона выйти к ним. Но вместо хозяина из палатки выглянул полковник Островский, тоже один из участников заговора. Стало ясно, что цин-вана там нет. Как потом выяснилось, он по какой-то причине на ту ночь поменялся палатками со своими штабными чинами. Скорее всего, Унгерн заподозрил что-то неладное и решил ночью поостеречься. Тем самым он спас свою жизнь от пуль заговорщиков.

Островского, выглянувшего из палатки, офицеры в темноте приняли за барона. Один из них выстрелил, но револьверная пуля счастливо не задела полковника, который инстинктивно отшатнулся от входа назад. Второй раз стрелять не дали: заговорщики узнали Островского.

Вот тут-то демон монгольских степей и появился. Он вместе с ламами занимался гаданием в соседней палатке и, услышав выстрел совсем рядом, выглянул наружу. Его появление заговорщики не проморгали. Нестройный залп из пяти-шести револьверных стволов дал понять барону, что против него начался самый настоящий мятеж. Хотя стреляли с дистанции всего с полдюжины шагов, ни одна пуля не задела генерала. Случайно попали в кого-то из лам-прорицателей. Те подняли страшный крик: в Халхе лам не трогали даже пальцем.

Унгерн среагировал на револьверный залп мгновенно. Он упал на четвереньки и юркнул в кусты, около которых стояла палатка. Заговорщики бросились за ним, стреляя в темноте наугад, возбужденно крича:

— Он там! Стреляйте!..

Искать бежавшего было совершенно бессмысленно еще и потому, что вся бригада уже поспешно выступила по дороге на восход солнца. Группа полковника Эвфаритского поторопилась догонять ее. Унгерн оказался предоставленным самому себе и какое-то время мог не опасаться за свою жизнь. Ночная темень и густой кустарник у подножия холма оказались для него спасительными.

На походе офицеры сумели навести порядок в полках и сотнях, успокоить людей. Теперь все знали о случившемся, но за «бешеного барона» никто не заступился. Бригада вытянулась по ночной дороге, двигаясь походным порядком к Джаргалантуйскому дацану. Хорошей дороги оказалось верст на восемь. Дальше двигаться среди поросших лесом и кустарником сопок по дороге, которая теперь больше напоминала лесную тропу, в ночи стало невозможно. Посовещавшись с офицерами, полковник Островский, оказавшийся за старшего, приказал устраиваться до утра на привал:

— Располагаться по сотням. Людям сказать, чтобы были в полной готовности выступить. Мало ли что может быть...

Офицеры-заговорщики, собравшись, решали один животрепещущий вопрос: как встретить барона, если тот вздумает объявиться среди изменившего ему мятежного войска.

— До рассвета от барона нам бежать не стоит.

— Надо выставить с тыла оцепление из сотни надежных казаков с офицером от нас.

— Сотни мало. Надо оцепление усилить пулеметной командой.

— Зачем пулеметы в оцепление? Одного барона бояться нам, что ли?

— Почему одного? Монгольского дивизиона среди нас нет. Скорее всего он у Унгерна. Вот с цэриками он и прибудет под утро наводить порядок в дивизии.

— Пускай приходит. Мы его пулеметами встретим.

— Верно. Нам терять уже нечего...

Страшное возбуждение владело не только офицерами-заговорщиками. Оно передалось и их подчиненным. Всех волновал один- единственный вопрос: где барон? В лесном распадке, где до утра расположилась мятежная бригада, постепенно установилась тишина. Почти никто не спал. Люди вслушивались в ночные звуки. Неожиданно послышался стук копыт одинокой лошади по каменистой дороге, хорошо различимый для человеческого уха. Повсюду зашептали:

— Барон! Это может быть только барон...

Это действительно был барон Унгерн фон Штернберг в заметном даже при лунном свете желтом халате, ехавший на любимой белой кобыле. Он сумел беспрепятственно объехать лесными прогалинами казачье оцепление и теперь совершенно неожиданно для тысячи с лишним людей оказался перед ними. Уже светало. Всадник спускался с вершины холма к мятежному войску, расположившемуся по дороге полками и сотнями.

Барон медленно объезжал севших в седла «азиатов». В предутренних сумерках он не мог определить, что за части находятся перед ним, и потому то и дело грозно спрашивал:

— Кто здесь? Какая сотня? Где командир?

Но в ответ было только молчание. Будь посветлее, то Унгерн мог бы заметить, что все встречавшиеся ему всадники сжимают в руках оружие. Поведение мятежников было ясным: больше подчиняться цин-вану никто не помышлял. А идти с ним в неведомый Тибетский край тем более.

Неожиданно барон узнал в одном из всадников казачьего есаула Макеева, одно время служившего в экзекуторской команде полковника Сипайло. Он подъехал к нему почти вплотную:

— А, это ты Макеев?

Казачий офицер ответил нехотя:

— Я, господин генерал. Уезжал бы от нас подальше, советую тебе. От греха подальше.

— И ты, Макарка-душегуб, против меня! Изменник! Я сейчас тебя проучу, как мятежи устраивать...

Барон привычным жестом замахнулся ташуром на своего теперь уже бывшего подчиненного офицера. Есаул положил руку на открытую кобуру нагана и сдавленным голосом произнес:

— Ваше превосходительство, если вы сейчас меня ударите, то я за себя не отвечаю.

Среди толпившихся за спиной есаула казаков в темноте клацнуло несколько передергиваемых винтовочных затворов. Унгерн молча опустил ташур и поехал дальше вдоль дороги. Проехав с полсотни шагов, он узнал в одном из конников полковника Очирова, командира Бурятского полка. Барон гневно крикнул:

— Очиров! Куда ты ведешь моих бурят?

Полковник дернул поводья коня и выехал на несколько шагов перед строем полка. Цин-вану он ответил твердым и спокойным голосом:

— Я и мои люди не пойдем в Тибет. Мы хотим идти на восток Халхи и защищать там наши кочевья.

— Полковник Очиров! Я приказываю подчиниться мне! Или...

— Нам нечего делать в Тибете! Иди к Далай-Ламе сам со своим Бурдуковским. Мы тебе больше не служим.

— Азиаты! Солдаты! Если вы пойдете в Маньчжурию, то по пути будете от голода глодать кости друг друга.

— Ну и пусть! Мы уходим в родные места!

— Родные! Да вас там без меня красные перебьют за одно лето.

Полковник Очиров на этот выкрик не ответил. Угрюмо молчали всадники Бурятского полка. Вскипевший барон, сыпя ругательствами, поскакал дальше вдоль дороги. Через минуту он оказался перед артиллеристами:

— Подпоручик Виноградов! Приказываю вам повернуть батарею обратно в лагерь!

Офицер не ответил. За его спиной казаки-артиллеристы заговорили:

— Попробуй-ка только развернуть нас обратно. Гляди, влепим в твою кобылу снаряд. И не один...

Но Унгерн не слышал этих слов. Он все ехал и ехал дальше вдоль походного строя первой бригады и то и дело отдавал приказы, которые никто и не думал выполнять:

— Рерих! Владимир Константинович! Я приказываю вам повернуть обоз назад...

— Хорунжий! Командуйте вашей сотне кругом шагом марш!..

— Доктор! Поворачивайте госпиталь и повозки с ранеными.

Развязка происходившей сцены наступила там, где вокруг доктора Рибо сгрудилась кучка офицеров-заговорщиков. Первым вытащил свой кольт начальник дивизионного госпиталя. Кто-то спросил:

— Вы что, доктор, решили лично застрелить барона?

— Нет, я на это не могу решиться. Я врач, а он человек.

— Зачем же вы тогда достали свой кольт?

— Я решил застрелиться, если Унгерн повернет дивизию назад.

— А мы стреляться не будем. Лучше убить барона, чем оказаться под палками бурдуковцев.

Офицеры-колчаковцы, стоявшие вокруг Рибо, тоже вынули револьверы. Барон молча проехал мимо них дальше, презрительно улыбаясь. У нескольких заговорщиков, в том числе и у полковника Эвфаритского нервы не выдержали. Они вскочили на коней и погнали их сквозь кусты в лес.

«Белый рыцарь» из Эстляндии, совершенно один, продолжал бесстрашно объезжать молчаливые ряды конных сотен. Он то уговаривал людей, то стращал их всеми карами, то приказывал подчиниться. «Азиаты» находились словно в оцепенении: их сковал страх перед

человеком, который еще вчера был верховным вершителем их судеб.

Наконец офицеры-заговорщики опомнились. Они понимали, что еще немного, и военные люди автоматически начнут повиноваться воле барона. Но ни один из тех, кто в эти минуты судорожно сжимал оружие, не решался первым разрядить его в одинокого всадника в желтом ханском халате, с Георгиевским крестом на груди, величественно восседавшего на белой лошади.

Первым переборол свой страх перед бароном есаул Макеев. Он выпустил в Унгерна всю обойму своего маузера, но не попал, хотя стрелял, по сути дела, в упор. Первый же макеевский выстрел разорвал пелену мистического страха перед демоном степей Монголии: началась беспорядочная пальба. Стреляли десятки людей, и даже пулеметная команда.

Под градом пуль барон вздыбил свою кобылу, и она единым мигом унесла его за спасительный холм, прикрывший беглеца. Через минуту-другую она уже несла своего седока по лесной долине, покрытой серой пеленой предутренних сумерек. Вслед стреляли еще долго, но больше в страхе, чем от желания поразить удаляющийся светлый силуэт всадника.

Мятеж в Азиатской конной дивизии описан не только непосредственными его участниками, но и белоэмигрантами, которые рассказали ночные события со слов других. Сам же белый барон Унгерн-Штернберг на одном из допросов говорил о событиях мятежной ночи так:

«Я лежал в своей палатке ночью. Ничего еще не знал про Резухина. Вдруг — стрельба. Уже было темно. Я вскочил. Кто-то еще крикнул:

— Ваше превосходительство, берегитесь!

А я думал, что красный разъезд. Подбежал к монголам и сказал, чтобы они собрали человек двадцать. Они вернулись и коня привели мне. Я сел и поехал, а войска уже не было на старом месте. Это мне показалось очень подозрительным. Я встретил казака и спросил, что он делает. Он сказал:

— Я должен палатки собрать.

— А где войско?

— Дальше уходит.

Я проехал верст десять и вижу: одна сотня стоит лицом ко мне. Я все еще думал, где-нибудь красные. Я спросил:

— А много красных?

— Не знаем.

Я поехал дальше, к артиллерии. Они стояли резервом. Я подъехал к Дмитриеву, командующему артиллерией, спросил:

— Кто приказал двигаться?

Он сказал:

— Приказ из вашего штаба.

— А кто посыльный?

— Не знаю.

Я поехал дальше, к 4-му полку, сказал, что на восток идти нельзя, что там будет голод, надо идти на запад. Когда я ехал мимо пулеметной команды, мне сказали, что офицеров нет. Это мне показалось странным. А когда я проехал весь полк, где раненые были, — ночью это было, слышу, стали стрелять. Я опять думал — разъезд. Проехал мимо. Вижу, пули все около меня.

Тогда я понял, в чем дело, и поехал к монголам, но в ночной темноте я проскочил. Они огней не держали. В это время стало рассветать, я поехал к ним, а они ушли тоже, на запад. Я подъехал к князю и говорю, что войско плохое. Он говорит, что русские все вообще — плохой народ...»

Теперь у семеновского генерала и монгольского цин-вана в подчинении осталось войско силой в один монгольский дивизион князя Сундуй-гуна. Но подчинение не означало верности. Только мистических страх цэриков перед Богом Войны их степного мира не позволял им оставить барона и уйти домой. Унгерн решил рискнуть подавить мятеж в дивизии руками своих телохранителей. Он стал уговаривать Сундуй-гуна:

— Князь, ты всегда был верен мне и Богдо-гэгену. Могу я положиться на тебя и твоих цэриков?

— Да, господин цин-ван.

— Надо пойти по следу мятежников и в удобный момент напасть на них.

— Но разве может один дивизион заставить повиноваться целую дивизию из четырех полков? У нас и пулеметов нет.

— Может. Только для этого надо перебить заговорщиков из числа колчаковских офицеров. Сундуй-гун, ты должен повиноваться мне. Ты — ван, а я цин-ван.

— Слушаюсь, господин цин-ван.

— Веди монгольский дивизион по следам моего войска...

Цэрики повиновались приказу. Дивизион двинулся в ночи вслед ушедшей на восток мятежной Азиатской конной дивизии. Барон скакал впереди, за проводником. Он не видел и не слышал, как князь Сундуй-гун о чем-то разговаривал со своими воинами. Они то подъезжали к нему, то отъезжали, уступая место другим.

— Надо связать барона. Он ведет нас к беде. Духи степей за нас.

— Ван. Мы сделаем так, как ты прикажешь. Но мы боимся кары духов.

— Не бойтесь. Мы не прольем ни капли его крови...

Так в считанный час против демона монгольских степей вызрел еще один мятеж в его последнем войске. Но никто из цэриков даже и не помышлял об убийстве Цаган-Бурхана — их живого Цаган-Бурхана, Бога Войны.

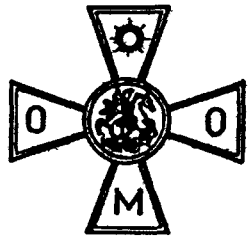
Телохранители решили «сдать» его живым и невредимым противной стороне. Им было все равно, кто это будет — или красные монголы Сухэ-Батора, или советские отряды, которые вели поиск белогвардейцев в приграничье. За белого генерала они могли получить прощенье. И безбоязненно вернуться к семьям.

Мятеж Азиатской конной дивизии, не пожелавшей идти вслед за своим командиром в призрачный Тибет, обернулся крахом всех жизненных помыслов Унгерна

фон Штернберга. Теперь у него оставался один-единственный козырь — выпестованный им Монгольский дивизион.

Барон видел в цэриках Сундуй-гуна преданнейших телохранителей восточных владык, на которых можно было положиться в самую трагическую минуту. Но ошибся. Во все времена на Востоке телохранители изменяли своим хозяевам. Даже тем, кого страшились и боготворили. Именно таким был для белых монголов последний цин-ван в многовековой истории Халхи. Бог Войны здешних степей.

После того как Унгерну изменило его войско, произошло то, чего он больше всего боялся в жизни. Он не погиб, как «белый рыцарь» в бою, как «восемнадцать поколений его предков», а живым попал во вражеский плен. Последнее он считал делом совершенно позорным. И никогда не думал, что так оборвется его жизненный путь, который пролегал по тропе войны.

Глава двенадцатая

ПРОЛОГ ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Монгольский дивизион поднял бескровный мятеж против божественного Цаган-Бурхана по приказу князя Сундуй-гуна. Он оказался предателем: ведь он давал клятву на верность, вступая в ряды белой Азиатской конной дивизии, хотя ради справедливости надо заметить, что в годы Гражданской войны воинская присяга своей «прежней» цены не имела.

Пленение барона Унгерна-Штернберга свершилось на правом берегу реки Эгин-Гол, неподалеку от монастыря Ахай-гун, у горы Урт. Было утро 22 августа 1921 года, и безоблачное небо при полном безветрии предвещало жаркий день.

Никто из непосредственных участников «второго мятежа» против барона — монголов, разумеется, — не мог оставить после себя письменных воспоминаний. Но в дивизионе князя Сундуй-гуна служило два безымянных русских офицера, рассказы которых послужили источником для бывших унгерновцев, которые брались за перо с целью увековечить себя и демона монгольских степей для истории. С задачей они справились успешно, хотя эти мемуары в российском Отечестве почти не известны.

Наиболее достоверной считается книга Н.М. Рибо (Рябухина) «История барона Унгерна-Штернберга, рассказанная его штабным врачом». Он пишет о втором мятеже кратко:

«После напрасной попытки заставить нас вернуться, барон поскакал обратно к монгольскому дивизиону. Измученный, он прилег в княжеской палатке, чтобы немного отдохнуть. Позже, с наступлением утра, монголы навалились на него спящего, связали и умчались на юг, оставив связанного барона в палатке. Спустя несколько часов его нашли красные разведчики...»

Алешин, человек с несомненным литературным дарованием, картину последнего дня свободы барона Унгерна описывает более красочно и художественно. Его рассказ из книги «Азиатская одиссея» приведен писателем-историком Леонидом Юзефовичем:

«Монголы не посмели убить Цаган-Бурхана, своего Бога Войны. К тому же они твердо верили, что не в силах этого сделать: он не может быть убит. Разве они не получили только что верное тому доказательство? Не только русские казаки, но и целый полк бурят дал по барону несколько залпов, а каков результат? Их пули не причинили вреда Цаган-Бурхану.

Теперь несколько сотен монгольских всадников, простершись на земле, обсуждали ситуацию. Наконец, к измученному барону выслали храбрейших. Приблизившись к Богу Войны, они вежливо связали его и оставили там, где он лежал. Затем все монголы галопом помчались в разные стороны, чтобы дух Цаган-Бурхана не знал, кого преследовать...

О чем думал барон в ту одинокую ночь? Страшная боль от впивающихся в тело веревок вместе с голодом, жаждой и холодом оживили, может быть, в его воспаленном мозгу воспоминания о тех, кого он сам заставлял так страдать. Смерть таилась во тьме, ибо окрестные леса кишели волками. Может быть, он вспоминал свору собственных волков, которых держал в Даурии и на растерзание которым бросал иных из своих пленников.

Извиваясь в муках, он должен был пережить несколько смертей, пока не взошло солнце. Но вслед за утром наступил день, палящие лучи солнца безжалостно жгли его голову и извели тело невероятной жаждой. Я представляю, как вновь и вновь он впадал в бред, и тогда ему мерещилось, что его живьем сжигают в стоге сена, как он сам приказывал поступать с другими людьми...

Между тем небольшая группа красных разведчиков двигалась по долине. Вдалеке они увидели лежащего на земле человека. Он слабо стонал и ворочал головой из стороны в сторону, пытаясь избавиться от муравьев, облепивших его лицо и поедавших его заживо. Красные подъехали ближе. Один из них спросил:

— Ты кто?

Барон пришел в себя и своим обычным громоподобным голосом ответил:

— Я — барон Унгерн!

При этих словах разведчики так резко дернули поводья, что их кони поднялись на дыбы. В следующее мгновение они отчаянным галопом в ужасе бросились прочь.

Такова была слава барона...»

Один из главных заговорщиков, есаул А. С. Макеев в своих мемуарах «Бог войны — барон Унгерн. Воспоминания бывшего адъютанта начальника Азиатской конной дивизии» рассказывает так:

«Унгерн до рассвета метался по горам, наконец, совершенно измучившись, двинулся к опушке, где стояла группа монголов. Они начали стрелять, но он не обращал на это внимания, ибо пули не страшны Богу Войны. Когда он подъехал, монголы пали перед ним ниц и стали просить прощения. Унгерн выпил жбан воды, немного водки и уснул в палатке.

Убить его монголы не решались. Они бесшумно вползли в палатку, накинули ему на голову тарлык, скрутили руки и ноги и, отдавая поклоны, исчезли. Вскоре на палатку наткнулся конный разъезд красных:

— Кто ты? — спросил командир.

— Я — начальник Азиатской конной дивизии генерал-лейтенант барон Унгерн-Штернберг! — ответил связанный человек».

Мятеж «азиатов» против демона монгольских степей стал крахом не только самого барона Унгерна фон Штернберга. Он стал прелюдией поражения белых сил в новой Монголии, бегства и изгнания из нее их последних отрядов.

Начальник дивизионного госпиталя Рибо, пожалуй, достовернее всех описал последние дни биографии Азиатской конной дивизии, уникального «детища» Гражданской войны в России:

«Нам не суждено было больше встретиться с генералом бароном фон Унгерном-Штернбергом. Сразу после его исчезновения наши части выступили на северо-восток, к переправе через Селенгу. Мы не сумели соединиться с 1-й бригадой: ее полки переправились вброд много выше по течению. По дороге в Маньчжурию они были жестоко потрепаны в боях с монголами, и только небольшой их части с трудом удалось достичь зоны Китайско-Восточной железной дороги, где они и рассеялись.

К вечеру (22) августа выйдя на западный берег Селенги, мы тотчас начали переправляться на большой остров посреди реки. Несколько нагнавших нас эскадронов красной конницы попытались атаковать наши тылы и помешать переправе, но попали в западню в ведущем к реке узком ущелье и понесли тяжелые потери от огня нашей артиллерии и пулеметов, установленных на вершинах окружающих скал. Они поспешно отступили и больше не пытались нас атаковать.

Здесь бригаду нагнали двое русских офицеров из Забайкалья, Ш. и С. Они были из монгольской части князя Биширли-тушегуна и рассказали нам о бароне... Офицеры, убежавшие от монголов при появлении Унгерна, целый день провели в сопках, наблюдая за тем, что происходило внизу, а ночью по горам вышли к Селенге и присоединились к нам.

В первую же ночь после этого на острове посреди реки прошел суд над особо ненавистными палачами из числа контрразведчиков и ординарцев барона. Одиннадцать человек были приговорены к смерти и расстреляны тотчас же.

Интересна судьба наших главных заговорщиков: напуганные ночным появлением барона среди дезертирующей бригады, полковник Эвфаритский, полковники Львов, Марков, подпоручик Сементковский и некоторые другие бежали, страшась гнева барона и думая, что наш замысел не удался. Из всех из них только Марков с одним из своих офицеров позже присоединился к нам; остальные пропали, будучи или убиты монголами, или казнены по приговору красных трибуналов.

После переправы через Селенгу наш отряд под командованием полковников Островского и Костромина выступил в многодневный поход на юг, намереваясь обойти Ван-Хурэ с запада и в этом районе переправиться через Орхон. Мы обошли Ургу с юго-запада и спустились до границ Гоби, обманув бдительность красных, которые стерегли нас к северу и востоку от Урги.

В Шаин-Шаби, в верховьях Онона, Очиров со своими бурятами покинул нас и двинулся на северо-запад. Мы также позволили всем, кто хотел, уйти в Ургу, которая находилась в руках красных. Пройдя Ургу с юга, отряд повернул к северу, на Керулене был атакован красными, разгромил их и продолжал двигаться на северо-восток, к озеру Буир-Нор. Здесь мы опять встретили большой отряд красных монголов с русскими инструкторами. Враг вновь был разбит и рассеян.

На озере Долон-Нор мы встретились с представителем китайского губернатора Хайлара (провинции Хейлуцзян. — Авт.), высланным к нам для переговоров о разоружении. 6 октября наш отряд, состоявший из восьмисот человек при пяти орудиях и шестнадцати пулеметах, наконец вступил в Хайлар и сдал оружие китайцам при условии, что все желающие будут по Китайско-Восточной железной дороге отправлены

в Приморье, где у власти тогда находилось правительство братьев Меркуловых.

Таких оказалось около шестисот человек, и через несколько дней они специальным эшелоном были доставлены во Владивосток, чтобы до конца сражаться на этом последнем клочке русской земли, который еще оставался свободным от власти красных».

Но в действительности не все было так хорошо для Азиатской конной дивизии. Из резухинской бригады пробилось в Маньчжурию всего человек двести. Остальные погибли в боях с красными монголами, которые настойчиво преследовали белых. Бывшие резухинцы смогли достичь маньчжурской границы только в середине сентября. Там сдались китайским властям.

Те старались не вступать в конфликты со сплоченными частями белогвардейцев, будь то семеновцы или унгерновцы, хотя и разоружали интернированные войска. Это были люди, выброшенные вихрем Гражданской войны из Отечества, и потому им было больше нечего терять. Собственная жизнь для них зачастую ничего уже не значила.

Совсем иначе маньчжурские власти поступали с одиночками и небольшими группами белых, которые выходили к границе из степей Монголии. Их старательно вылавливали китайские пограничные стражи, убивали на месте или, в лучшем случае, сажали в подземелья печально известной средневековой тюрьмы в городе Цицикаре. Немало белогвардейцев-эмигрантов закончили там свою жизнь на положении безвестных узников. Для тюремщиков они были хуже, чем пойманные разбойники-хунхузы.

Все это творилось тогда, когда Чжан Цзолинь уже видел в белых своих прямых союзников в борьбе за Халху, которая оказалась в руках красных. Но он все же разрешил шести сотням бывших унгерновцев из Хайлара переехать во Владивосток. В их числе оказались доктор Рибо и есаул Макеев. В ноябре того же 1921 года унгерновцы участвовали в наступлении каппелевцев, которые сразу же приняли их в свои ряды, на Хабаровск.

Чжан Цзолинь считал русских белогвардейцев своими потенциальными союзниками не на словах. Он создал в собственной маньчжурской армии русскую пехотную бригаду, основой которой стали бывшие унгерновцы. Ею командовал полковник Костромин, погибший в бою с войсками У Пейфу под Шанхаем. Мукденский властелин мог положиться на русских даже больше, чем на своих телохранителей-маузеристов. Изменить они не могли: белоэмигрантам идти было просто некуда. Война для них стала жизненной профессией.

Но не только всесильный Чжан Цзолинь хотел иметь в своих войсках русских солдат и офицеров, прошедших две войны — Первую мировую и Гражданскую. И другие самовластные генералы-губернаторы заводили себе русские отряды, зная твердо, что белые предателями не будут. Но это была скорее всего «дань маньчжурской моде».

Мятеж Азиатской конной дивизией словно подписал смертный приговор всем белогвардейским отрядам, которые отступили из южной Сибири и Синьцзяна в западную часть Монголии, прежде всего в район Кобдо. Были разгромлены отряды Бакича, Кайгородова, Казанцева, Шубина, заменившего Казагранди полковника Сухарева. Последний был окружен на границе китайцами и почти полностью уничтожен в неравном бою. Сам Сухарев, поняв всю безвыходность положения, покончил самоубийством, перед тем застрелив жену и четырехлетнего сына.

Из унгерновских палачей больше всего повезло самому главному — полковнику Сипайло. Он вместе с 37 конниками был арестован китайцами на границе, опознан и за ургинские дела предан суду. Недавний комендант монгольской столицы получил десять лет каторги и после этого исчез бесследно. Белоэмигранты-унгерновцы утешали себя тем, что «китайская каторга — вещь пострашнее смерти». Очутись по воле случая Сипайло на свободе, то в среде белой маньчжурской эмиграции, вне всякого сомнения, нашелся бы не один

десяток человек, лелеявших мысль отомстить «унгерновскому зверю».

Комендантская команда Бурдуковского безо всякой пощады была расстреляна казаками-унгерновцами на острове посреди Селенги. Доктор Рибо видел, как обезоруженных баронских палачей ведут под конвоем. Рибо узнал Бурдуковский, который крикнул:

— Доктор, куда меня ведут?

— Туда, куда ты отправил столь многих...

Те из палачей демона монгольских степей, что сумели избежать казни на Селенге, кончили свою жизнь так. Капитана Безродного, который сумел сбежать в лес после убийства генерала Резухина, поймали красные партизаны-щетинкинцы. Они расстреляли белого офицера на месте, даже не допросив его как следует. Помощник Сипайло некто Панков нашел свою смерть от пули уже в Китае. Стрелял один из офицеров Азиатской конной дивизии, мстивший экзекутору за недавнее прошлое.

Всего лишь за один неполный 1921 год выпестованная бароном Унгерном фон Штернбергом Азиатская конная дивизия рассеялась и обратилась в прах. Но в истории Гражданской войны она «застолбила» свое место. Как, скажем, например, Корниловская дивизия деникинской армии или Ижевская и Воткинская рабочие дивизии армии адмирала Колчака.

Всего на три года пережил Романа Федоровича Унгерна возведенный им на престол получившей государственную независимость Внешней Монголии — Халхи Живой Будда. Джебцзун-Дамба-хутухта, восьмой по счету Богдо-гэген, до 1924 года официально считался главой страны. Три года к нему являлись с дарами члены революционного правительства. Но Богдо-хан был уже лишь символом верховной власти, которая уплыла из его рук в первый же день вступления в Ургу советского экспедиционного корпуса Константина Неймана (расстрелянного в 1937 году) и красных цэриков Сухэ-Батора. Он лишь властвовал, но не правил страной.

Когда Богдо-гэген ушел из жизни, его высушенное тело покрыли золотой краской и торжественно поместили «на вечные времена» в особо почитаемом столичном храме Мижид Жанрайсиг. Через несколько лет в народной Монголии по примеру Советской России начались гонения на религию, и мумия последнего Богдо-гэгена бесследно исчезла. Скорее всего борцы с религиозным дурманом тайно уничтожили этот символ монгольского ламаизма.

Унгерн фон Штернберг гордился своим старинным баронским родом. Но вряд ли он мог догадываться о том, что носители его родовой фамилии осенью 1939 года навсегда покинут землю предков — Эстляндию, теперь называвшуюся Эстонией.

На призыв Адольфа Гитлера к прибалтийским немцам немедленно переселиться в Германию откликнулись, как один, все последние Унгерны. 32 представителя этого аристократического рода навсегда покинули родину на германском пароходе, отплывшем из таллиннского порта. В начавшейся Второй мировой войне мужская половина семейства баронов Унгерн-Штернбергов служила Третьему рейху. Но на советской земле «следа» родня демона монгольских степей не оставила. Скорее всего по той причине, что Унгерны в гитлеровской армии в больших чинах не ходили.

У баронов Унгернов был шанс вернуться на землю предков, в бывшую императорскую Россию, в СССР. В 50-х годах правительство Западной Германии (ФРГ) хотело послать своим послом в Москву дипломата, происходившего из рода Унгернов-Штернбергов. Но на такое намерение глава Советского государства Н. С. Хрущев, знакомый с историей Гражданской войны, будто бы заявил:

— Нам его не надо. Был у нас один такой барон Унгерн, и хватит...

Чуть ли не восемь десятков лет было принято считать, что белый барон Унгерн фон Штернберг оставил на монгольской земле только кровавый след. Не говоря уже о земле Забайкальского края. И потому его имя пи-

салось едва ли не самой черной краской среди имен вождей Белого движения. Унгерновщина стало синонимом семеновщины, корниловщины, махновщины, антоновщины в истории Гражданской войны в России.

Однако пришло время для осмысления многого содеянного в отечественной истории первой четверти XX столетия. И не только в ней, но и в истории соседних с Россией государств, которые тоже изрядно опалила Гражданская война у великого соседа. Совсем иначе сейчас стали высвечиваться многие исторические личности, ранее наряженные только в ярко-светлые или совершенно темные одеяния. Одной из таких фигур и стал генерал — барон Роман Федорович Унгерн фон Штернберг.

Однако оправдывать его за многое им содеянное зло нельзя. История людей, безвинно проливавших на войне кровь других людей, прежде всего мирного населения, не жалует. Хотя и может об этом в силу каких-то веских причин, часто конъюнктурных, промолчать.

Думается, что не будь Гражданской войны именно на российской восточной окраине, вряд ли на исторический небосклон столь высоко взошла бы звезда рядового казачьего есаула, выходца из прибалтийской немецкой аристократии. Но, без раздумий встав под знамена атамана Семенова, барон Унгерн за последний год своей жизни стал воплощением настоящего демона войны. Его имя писалось вровень с именем атамана Семенова.

На заре XXI столетия об Унгерне фон Штернберге вспомнили в Монголии. В стране, где он силой белого оружия восстановил государственную независимость, победив в необъявленной войне китайцев, изгнав их из Халхи. Вспомнили с благодарностью.

Ту войну никто еще не назвал унгерновско-китайской, хотя она была именно такой в действительности. Почему унгерновской, а не, скажем, монголо-китайской или русско-китайской? По одной простой причине: в том походе за освобождение монгольской столицы командир Азиатской конной дивизии белый генерал

барон Унгерн-Штернберг мог представлять и представлял только себя самого. И больше никого.

История всегда рано или поздно отдает почести великим по их делам. Поэтому совершенно не случайно, не в угоду какой-то политической конъюнктуре, сегодня в столице Монголии городе Улан-Баторе, бывшей Урге, создан музей Унгерна. Это — выражение народной исторической памяти, обращенной к Цаган-Бурхану — Богу Войны монголов. Воздаяние почестей военному вождю. Признание заслуг человека, который «сорвал» лавровый венок победителя в длительной борьбе степного народа за свое национальное освобождение. Народная память монгольского народа сохранила об Унгерне немало легенд, многие из которых можно отнести только к мифологии. Такое не случайно: в 1921 году сами же монголы прозвали его своим Богом Войны. Они и обожествили его, приписав много чудодейственного цин-вану и хану чингисидов с таким трудно произносимым именем Унгерн.

А кем для России остался барон Унгерн фон Штернберг? Семеновским генералом? Диктатором с пограничной железнодорожной станции Даурия? Одним из рядовых героев Русско-японской и Первой мировой войн? Одним из последних белых генералов, воевавших против Советской власти?

Отбеливать «бешеного барона» в российской истории, прямо скажем, — дело неблагодарное. Но он был и будет присутствовать в отечественном летописании Гражданской войны.

Для истории же Монголии цин-ван Унгерн фон Штернберг — фигура, вне всякого сомнения, «знаковая». Потому и помнят о нем с благодарностью. Потому и создан Цаган-Бурхану — Богу Войны мемориальный музей, ставший одной из столичных достопримечательностей этой огромной по территории, но маленькой по численности населения страны в самом сердце Азии.

Правда истории тем и хороша, что она всегда правда.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1885, 29 декабря — Роман Федорович Унгерн фон Штернберг родился в австрийском городе Граце в семье эстляндского барона. (По другим данным — на эстонском острове Даго, ныне Хийумаа.)

1896 — поступление в столичный Морской корпус.

1904 — 1905— участие в Русско-японской войне (вольноопределяющийся в армейском пехотном полку). Награжден солдатским Георгиевским крестом 4-й степени.

1908 — окончание столичного Павловского военного училища с чином хорунжего. Служба в 1-м Аргунском полку Забайкальского казачьего войска.

1910 — перевод в Амурский казачий полк.

1913, июль — в звании сотника уходит в отставку.

1914–1917 — участие в Первой мировой войне на Восточном (Русском) фронте.

1915 — подъесаул, командир 5-й сотни 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска.

1916 — в звании есаула избран от войск Юго-Западного фронта делегатом съезда Георгиевских кавалеров, проходившего в Петрограде.

1916, октябрь — арестован в городе Черновцы за пьяный дебош и предан военному суду.

1917, март — после Февральской революции освобожден от наказания и отчислен от службы «в резерв чинов».

1917, конец — прибыл в Забайкалье и вступил в семеновский Особый Маньчжурский отряд. Назначен комендантом железнодорожной станции Хайлар.

1917, декабрь — участие в разоружении китайского гарнизона на станции Маньчжурия.

1918, начало — военный советник при монгольском (харачинском) князе Фуршенге.

1918, январь — провел операцию по разоружению китайского гарнизона на станции Хайлар.

1918, сентябрь — начало формирования в Даурии Отдельной конной туземной бригады (будущей Азиатской конной дивизии).

1918, ноябрь — получает от Семенова звание генерал-майора.

1919 — от атамана Семенова получил звание генерал-лейтенанта.

1919, август — женитьба на китайской (маньчжурской) принцессе.

1920, начало года — разрыв с атаманом Семеновым. Азиатская конная дивизия из Даурии уходит в Монголию.

1920, октябрь—ноябрь — две безуспешные попытки захвата столицы Монголии Урги (ныне Улан-Батор), занятой китайскими войсками.

1921, январь — похищение у китайцев Богдо-гэгэна.

1921, февраль — третий, победный штурм Урги. Получил от монгольского правителя Богдо-гэгэна титул цин-вана, став фактическим военным диктатором Халхи.

1921, март — разгром китайских войск на Калганском тракте и у Чори-Сумэ.

1921, май — войска Унгерна начали вторжение на территорию Дальневосточной Республики (ДВР).

1921, июль — второе вторжение на территорию ДВР. Новое поражение и бегство в монгольские степи.

1921, 21 августа — мятеж Азиатской конной дивизии против своего командира. На следующий день он попадает в плен.

1921, 15 сентября — Роман Федорович Унгерн фон Штернберг расстрелян по приговору Сибирского революционного трибунала в городе Новониколаевске (ныне Новосибирск).

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей Шишов. ДЕМОН МОНГОЛЬСКИХ СТЕПЕЙ.
Роман 7
Хронологическая таблица 524

Литературно-художественное издание

Алексей Васильевич Шишов
ДЕМОН МОНГОЛЬСКИХ СТЕПЕЙ

Роман

Ведущий редактор *А. В. Варламов*
Художественный редактор *О. Н. Адаскина*
Технический редактор *Е. П. Кудиярова*
Корректор *И. Н. Мокина*
Компьютерная верстка *Е. Л. Бондаревой*
Компьютерный дизайн *Ю. А. Хаджи*

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, 93

ООО «Издательство Астрель»
129085, Москва, проезд Ольминского, 3а

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская обл., г. Балашиха, ш. Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.